

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»

ОБЩЕСТВО В ФОКУСЕ ПЕРЕМЕН: СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Материалы всероссийской научной конференции

(Улан-Удэ, 1–3 июля 2026 г.)

Научный редактор

Д. Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, профессор

Ответственный редактор

О. Б. Бальчиндоржиева, д-р филос. наук, доцент

Улан-Удэ

Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2026

УДК 308(082)
ББК 60.0я431
О-285

Утверждено
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 4 от 11 июня 2026 г.

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Редакционная коллегия

Э. Д. Чагдурова, канд. филос. наук, доцент,
О. Ю. Рандалова, канд. филос. наук, доцент,
К. А. Багаева, канд. филос. наук, доцент,
Н. А. Жапова, канд. филос. наук, доцент.

Рецензенты

Ж. А. Аякова, д-р филос. наук, доц., БГСХА им. В. Р. Филиппова
М. В. Золхоева, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой философии, БГУ им. Д. Банзарова

О-285

Общество в фокусе перемен: социальные, культурные, этнические процессы: материалы всероссийской научной конференции (Улан-Удэ, 1–3 июля 2026 г.) / научный редактор Д. Ш. Цырендоржиева, ответственный редактор О. Б. Бальчиндоржиева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2026. — 294 с. ISBN 978-5-9793-2151-6

В сборнике представлены материалы всероссийской научной конференции, посвящённой осмыслению основных тенденций развития общества в условиях масштабных перемен, специфики протекания трансформационных процессов в различных регионах и социальных группах. Особое место занимают вопросы межэтнического взаимодействия, сохранения и трансформации культурной идентичности, адаптации социальных институтов к новым вызовам. Авторы изучают устойчивые ценностные модели в кризисных условиях; анализируют региональные практики, демонстрирующие многообразие реакций общества на происходящие изменения. Сборник отражает междисциплинарный характер современных социальных исследований: в нём сочетаются философские, социологические, культурологические, этнологические и иные подходы, позволяющие сформировать многомерную картину общественных процессов.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, а также всем, кто интересуется актуальными проблемами социального развития, культурной динамики и межэтнических отношений.

Society in the Focus of Change: Social, Cultural, and Ethnic Processes: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ulan-Ude, July 1–3, 2026) / scientific ed. by D. Sh. Tsyrendorzhieva, resp. ed. O. B. Balchindorzhieva. — Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2026. — 294 c. ISBN 978-5-9793-2151-6

Proceedings of the Conference dedicated to understanding the main trends in societal development in the context of large-scale change, as well as the specifics of transformation processes in various regions and social groups. Issues of interethnic interaction, the preservation and transformation of cultural identity, and the adaptation of social institutions to new challenges occupy a special place. The authors study stable value models in times of crisis and analyze regional practices demonstrating the diversity of societal responses to ongoing changes. This Collection of Papers reflects the interdisciplinary nature of contemporary social research: it combines philosophical, sociological, cultural, ethnological, and other approaches to form a multidimensional picture of social processes.

It is intended for researchers, teachers, postgraduate students, as well as anyone interested in current issues of social development, cultural dynamics, and interethnic relations.

УДК 308(082)
ББК 60.0я431

ISBN 978-5-9793-2151-6

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2026

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 303.02

А. В. Туркулец
Дальневосточный госуниверситет
путей сообщений (ДВГУПС)

С. Е. Туркулец
АНО КПЦ «Интеллектуальный Кисловодск»

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье рассматриваются методологические стратегии анализа трансформационных процессов в обществе. Сами трансформационные процессы авторы характеризуют как системные преобразования, вызванные внутренними противоречиями самого общества, находящегося на переломном этапе своего развития. Трансформирующееся общество — это общество переходного типа. Оно представляет собой не что иное, как своеобразный конфликтный симбиоз различных общественных феноменов, для исследования которых и могут быть использованы конкурентные методологии исследования. Выделены две пары конкурентных стратегий: а) структурно-институциональная и морфогенетическая, б) количественная и качественная. Рассмотрены базовые аксиомы данных методологий. Показаны границы их применения и взаимодействия, по мнению авторов, диалектическое единство методологических стратегий в изучении трансформационных процессов служит необходимым инструментарием, позволяющим перейти от абстрактно-научного описания изменений к созданию прочной базы для их практической, эффективной реализации.

Ключевые слова: социальные трансформации, методология социального познания, трансформационные процессы, развитие общества.

Процессы, происходящие в современном мире, приобретают все более турбулентный и непредсказуемый характер. Их масштаб и динамика настоятельно требуют совершенствования традиционной методологии социально-философского анализа, а также провоцируют поиск новых направлений и стратегий исследования. Для адекватного ответа на сложившиеся вызовы современности необходимо выработка эффективных способов анализа социальных трансформаций. Это позволит не только своевременно реагировать на перманентно возникающие проблемы, сложности и препятствия в перспективном развитии общества, но и критически взглянуть на возможности самой научной методологии.

Безусловно, трансформационные процессы, происходящие в современном обществе, в своей непосредственной фактичности охватывают все сферы актуальной жизнедеятельности людей. Особенно активно это происходит в сфере производственных и наукоемких технологий, в социально-управленческой среде, в сфере образовательных практик. Некоторые исследователи отмечают, что «трансформационные процессы объективно востребованы. А незапланированный вариант трансформации только лишь вносит хаос в реформирование и может повлиять негативно на процесс трансформации» [2, с. 23]. Да и в своей повседневности люди все чаще имеют дело с такими ситуациями, для преодоления которых приходится принимать решение, лежащее вне границ традиционных способов и методов преодоления собственных жизненных трудностей.

Нашей целью не является анализ всего многообразия проявлений трансформационных процессов. Цель данной работы носит преимущественно дескриптивный, нежели аналитический характер и ограничивается рассмотрением спектра возможных методологических стратегий, применяемых при исследовании трансформационных процессов. Данное исследование продолжает ряд наших работ, посвященных различным аспектам социально-

гуманитарной методологии [5–7]. Ниже мы предлагаем некоторые варианты методологических программ социально-философского анализа.

Вариант первый. В рамках предлагаемого подхода задействованы две стратегии анализа трансформационных процессов — структурная и морфогенетическая. *Структурная* стратегия репрезентирует макросоциологический уровень, объясняя общественные изменения через институциональное устройство, где институты выступают относительно автономными единицами. *Морфогенетическая* стратегия, представляющая микросоциологический уровень, сосредоточена на повседневной деятельности индивидов — их поступках, поведенческих актах и социальных практиках, чья совокупная динамика оказывает определяющее воздействие на социальные процессы. Разнонаправленность теоретических установок данных стратегий очевидна. Отличие их в том, что каждая из данных стратегий использует свой базовый критерий детерминации трансформационных процессов, предлагает свою меру оценки возможных перспектив общественного развития. Безусловно, структурно-институциональная стратегия имеет на первый взгляд некоторые преимущества по сравнению с конкурентной ей морфогенетической (или поведенческой) стратегией. Особенно это проявляется, если учитывать временной лаг в исследовании общественных трансформаций. Поясним. Чем больше масштаб времени, который включен в предмет анализа, тем более адекватные прогнозы о возможной динамике общественных трансформаций дает именно первая стратегия. Однако, объяснительные возможности морфогенетической (поведенческой) стратегии более эффективны при учете небольших временных интервалов, которые не являются предметом внимания для ее конкурентки.

В основании структурной стратегии лежит тезис об институциональной обусловленности социальных изменений: исторически сложившаяся система институтов задает параметры и направленность трансформационных процессов. Морфогенетическая стратегия, напротив, акцентирует роль деятельностного начала, полагая источником трансформаций совокупность поведенческих практик и ткань повседневных взаимодействий. С нашей точки зрения, оппозиция «структура vs действие», фиксируемая этими подходами, не является непреодолимой: конкурентные на первый взгляд стратегии демонстрируют высокий эвристический потенциал при их совместном применении, позволяя преодолеть односторонность каждого из них.

С одной стороны, при анализе общественного развития необходимо, конечно, фокусировать взгляд на текущие, насущные, злободневные проблемы, требующие своего быстрого, оперативного разрешения («здесь и сейчас»). Причем эффективность этого реагирования обязательно требует учета всей совокупности непосредственных людских взаимодействий, всего многообразного проявления социальной активности людей в их повседневной жизни. В качестве обязательного условия анализа это, в свою очередь, предполагает также выяснение точек зрения, мнений, суждений, которые сами люди используют для оценки собственной социальной активности, своего собственного поведения. С этой задачей вполне справляется морфогенетическая (поведенческая) стратегия. В этом направлении вполне успешно развиваются такие современные теории, как символический интеракционизм (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер, А. Роуз, Г. Стоун, А. Стресс), феноменологическая социология (А. Шюц, Т. Лукманн), теории обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), этнометодология (Г. Гарфинкель, А. Сикурел).

В своей, ставшей уже хрестоматийной, работе «Символический интеракционизм: Перспективы и метод» (1969 г.) Герберт Блумер формулирует программный тезис данной стратегии: «С точки зрения символического интеракционизма общество представляет собой людей, вовлеченных в процесс жизнедеятельности (*engaged in living*)... Они включены в сложный процесс интеракции, в ходе которого они должны приводить свои вырабатываемые действия в соответствие с действиями других. В ходе этого процесса интеракции люди дают указания другим на предмет того, что последним нужно делать, и интерпретируют указания, данные другими... Соответственно они по-разному воспринимают друг друга, живут в различных мирах и руководствуются различными рядами значений... Мое заключение... может быть сформулировано в виде простого требования: уважайте природу эмпирического мира и

организуите методологический инструментарий так, чтобы в нем присутствовало это уважение. Вот то, что, как мне кажется, символический интеракционизм пытается делать» [Цит. по: 3, с. 106–107].

С другой стороны, непосредственные действия людей осуществляются в условиях уже сложившейся общественной структуры, в системе имеющихся социальных институтов, время существования которых намного превышает время жизни отдельного человека. В данном случае следует рассматривать общественное развитие в более масштабной исторической перспективе, учитывать весьма длительные временные интервалы возможных трансформаций. И здесь более эффективным будет методологический инструментарий первой (структурной) стратегии. Позитивный опыт применения данной методологии накоплен, например, в таких течениях, как структурно-функциональный анализ (Т. Парсонс), теории конфликта (Р. Дорендорф, Л. Козер), структурализм (М. Фуко, К. Леви-Стросс), технологический детерминизм (Р. Арон, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл), неозволюционизм (Л. Уайт, Дж. Стюарт, Дж. Мердок).

Автор теории постиндустриального общества Даниел Белл в предисловии к своей книге резонно замечает, что будучи ориентирован на анализ социально-структурных (техно-экономических) сдвигов, термин «постиндустриализм» схватывает трансформации государства и культуры лишь имплицитно, несмотря на их конститутивное значение для общества. Это влечет за собой прогрессирующее расхождение (дивергенцию) названных сфер, каждая из которых начинает развиваться согласно собственной нормативной логике, вступающей в противоречие с логикой смежных подсистем... «В результате постиндустриальных трансформаций происходит изменение социальной структуры общества, внедряется более современная технология и научные исследования самым непосредственным образом увязываются с прикладными целями» [1, с. 163]. Развивая свою концепцию, Белл приходит к выводу о том, что в основе постиндустриальной трансформации лежит процесс наращивания инструментальной власти, понимаемой как способность к преобразованию природы и, частично, к управлению человеческим поведением. «Постиндустриальная трансформация не дает “ответов”. Она лишь создает новые надежды и дает новые силы, ставит новые ограничения и задает новые вопросы — причем делает все это в *масштабах*, каких раньше невозможно было представить» [1, с. 163].

Вариант второй. Трансформационные процессы, происходящие во всех сферах общества, можно рассматривать как системные преобразования, вызванные внутренними противоречиями самого общества, находящегося на переломном этапе своего развития. Другими словами, трансформирующееся общество — это общество переходного типа. Оно представляет собой не что иное, как своеобразный конфликтный симбиоз различных общественных феноменов, для исследования которых могут быть использованы конкурентные методологии исследования. В данном случае также можно выделить две модели анализа — количественную и качественную.

Количественная модель нацелена на выявление и последовательное описание внешних аспектов всех событий, происходящих в обществе. Необходимым условием анализа выступает здесь тщательное измерение числовых масштабов всех преобразований, причем по заранее определённым фактологическим метрикам (эталонам). Российский исследователь В. А. Ядов под измерением понимает познавательную процедуру, в ходе которой исследуемый объект сопоставляется с эталоном (единицей измерения), что позволяет получить его числовую характеристику в определенной шкале или масштабе [8, с. 113]. В данном случае, измерению, шкалированию поддаются все общественные процессы. Например, экономические параметры эффективности производства выражаются в уровне производительности труда (и не важно, будут ли здесь использоваться некие физические (метры, граммы, штуки и т.п.), хронологические (секунды, минуты, часы и т.п.) или денежные (рубли, доллары и т.п.) единицы расчета). Например, изменение ценностно-ментальной ориентации у носителей (или субъектов) различных религиозных верований или суеверий рассчитывается в процентном соотношении носителей данных верований к общей численности населения (города, ре-

гиона, страны) за тот или иной период времени (год, пять лет, десятилетие). Для этого и проводятся многочисленные репрезентативные опросы общественного мнения (например, в рамках деятельности Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда общественного мнения (ФОМ)).

Следует отметить, что количественная модель, несмотря на свою распространенность и кажущуюся простоту реализации, обладает имманентными ограничениями. К числу принципиально неразрешимых в ее рамках методологических проблем относится, во-первых, вопрос о выборе релевантного критерия (эталона, единицы) измерения; во-вторых, вопрос о том, является ли количественное увеличение параметров измеряемого объекта гарантией выявления его сущностных (реальных) характеристик; в-третьих, вопрос о том, возможно ли в принципе полноценно зафиксировать все аспекты (проявления, свойства, стороны) измеряемого объекта с помощью тех или иных количественных метрик? В качестве одного из продуктивных инструментов преодоления обозначенных ограничений могут рассматриваться конвенциональные процедуры, направленные на междисциплинарную интеграцию исследовательского потенциала при изучении трансформационных процессов.

В свою очередь, качественная методологическая стратегия ориентирована на описание содержательных аспектов трансформационной динамики общества и направлена на выявление её имманентных свойств. Последние неразрывно связаны с ценностным измерением социальных изменений, что предполагает фиксацию многообразных и зачастую резистентных к формализации компонентов субъективного опыта участников преобразований — их целеполаганий, интересов, мотивов, оценок и эмоциональных состояний. Адекватным инструментарием для решения данной задачи выступают исследовательские приёмы и методы качественной парадигмы социального познания. Определенный опыт использования этой методологии имеется в таких направлениях социальной мысли, как теория интеракции лицом к лицу Джонатана Тернера, радикальная микросоциология (концепция «идеальных цепей опыта взаимодействия») Рэндола Коллинза, многомерная социология (неофункционализм) Джеффри Александера.

Безусловно, смысловая комплементарность качественной и количественной методологических стратегий у нас не вызывает сомнений. Их взаимная дополнительность вполне очевидна. Однако, примеров их реальной кооперации и содержательного взаимодействия, реализованных в конкретных эмпирических и теоретических исследованиях социума, насчитывается сравнительно немного.

Конечно, существует и множество других альтернативных теоретических вариантов социального знания, которые нельзя однозначно отнести к той или иной стратегии исследования. В качестве таковых можно отметить, например, так называемые «поликультурные социальные теории», которые профессионально анализирует и критически оценивает в своих работах американский ученый Джордж Ритцер [4, с. 108].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что лишь синтез охарактеризованных методологических стратегий изучения социальных трансформаций создает предпосылки не только для их корректной теоретической реконструкции, но и для формирования прочного фундамента практических преобразований, соразмерных вызовам современности.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. 788 с.
2. Ким К. А. Переходные (трансформационные) процессы — главное условие развития экономической системы // Вестник РУДН. Сер. Экономика. 2013. № 4. С. 18–24.
3. Общая социология. Хрестоматия / сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин; пер. В. Г. Кузьминов; под общ. ред. Н. И. Лапина. Москва: Высшая школа, 2006. 783 с.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 688 с.
5. Туркулец А. В. Введение в методологию социального познания. Хабаровск: Изд-во ХГАЭП, 2004. 168 с.

6. Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Грани социально-гуманитарной методологии // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 248–251.
7. Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Социологический подход к праву и тенденции социогуманитарной методологии // European Social Science Journal. 2014. № 3-1(42). С. 529–532.
8. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. Москва: Омега-Л, 2012. 567 с.

METHODOLOGY OF ANALYSIS OF TRANSFORMATION PROCESSES

Abstract. This article examines methodological strategies for analyzing transformation processes in society. The authors characterize transformation processes as systemic changes caused by the internal contradictions of a society at a turning point in its development. A transforming society is a transitional one. It represents a unique conflictual symbiosis of various social phenomena, which can be studied using competitive research methodologies. Two pairs of competitive strategies are identified: a) structural-institutional and morphogenetic, and b) quantitative and qualitative. The basic axioms of these methodologies are examined, demonstrating the limits of their application and interaction. The authors conclude that only the full interaction of all methodological strategies in the analysis of transformation processes can not only provide an adequate scientific understanding of the latter but also provide a solid foundation for the practical, effective, and efficient transformation of society.

Keywords: social transformations, methodology of social cognition, transformation processes, development of society.

Сведения об авторах

Туркулец Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор, Дальневосточный государственный университет путей сообщений (ДВГУПС), e-mail: tual63@mail.ru.

Туркулец Светлана Евгеньевна, доктор философских наук, доцент, генеральный директор, АНО КПП «Интеллектуальный Кисловодск», e-mail: turswet@rambler.ru.

Turkulets Aleksey Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Far Eastern State Transport University (FESU), e-mail: tual63@mail.ru.

Turkulets Svetlana Evgenievna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, General Director of the ANO KPC «Intellectual Kislovodsk», e-mail: turswet@rambler.ru.

О ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Аннотация. Цель работы — попытка кратко очертить некоторые практики и обстоятельства. Исходный тезис таков: социальный субъект есть техносубъект. Субъективность производится, оформляется, поддерживается и трансформируется посредством определенных процедур, практик или технологий субъективации. Автор приходит к выводу, что трансформация субъективности в эпоху позднего капитализма обнаруживает следующие парадоксы: автономия субъекта сочетается с его зависимостью; свобода — с добровольным принуждением; сверхкоммуникация — с изоляцией; творчество и креативность — со стандартизацией. Трансформация субъективности в капитализме XXI в. имеет амбивалентный характер. В цифровую эпоху связь человека и «техне» достигла нового уровня. Рассматриваемая эпоха порождает новый тип субъективности. Основной вопрос сегодня заключается в необходимости продумывания возможных альтернатив автономии и свободе как маркерам человеческого *par excellence*.

Ключевые слова: субъективность, субъективация, технологии субъективации, практики субъективации, процедурность субъективности, поздний капитализм, автосубъективация, техносубъект.

Вопрос о влиянии техники, технологий, в целом — о технической составляющей на субъективность, входит в старые этические и политические вопросы о том, насколько автономен человек в своем существовании? Каковы пределы и перспективы субъекта в выстраивании себя как произведения искусства? Подобная проблематика, как известно, восходит к эпохам Возрождения и Просвещения. В 80-х гг. XX в. вопрос об этической самотрансформации субъекта был подхвачен М. Фуко в форме проблематизации античной темы «заботы о себе» и в наиболее общем виде формализован как проблема субъективации, т.е. становящейся, формирующейся субъективности.

Цель данной работы заключается в попытке эскизно очертить некоторые практики и обстоятельства, оказывающие трансформативное влияние на субъективность в эпоху позднего или так называемого потребительского капитализма.

Наш исходный тезис таков: субъект позднего капитализма, есть, по сути, техносубъект. Мы полностью солидарны с мнением В. Мазина, указывающего, что «нет отдельно человеческого существа и окружающей его техники» [4, с. 14]. Иными словами, мы хотели бы настаивать на том, что субъективность — как то, о чем говорилось как о «бесконечно внутреннем» — процедурна. Субъективность, следовательно, производится, оформляется, поддерживается и трансформируется посредством определенных процедур, практик или технологий субъективации. Или: «субъективность всегда (технически) опосредована. Момент техничности формально и содержательно необходим при конституировании любых форм субъективности... Между техничностью и субъективностью нет «между» — техничность и субъективность не предполагают оппозиции» [6, с. 237–238]. Субъективность, неотделимая от эволюции технических средств ее производства, исторична. В продолжение исходного тезиса, добавим: «содержание» субъективности будет зависеть от природы и характера производящих ее практик. Доминирующие субъективирующие практики классического и позднего, постиндустриального капитализма так или иначе связаны с характером техники, которая отныне фактически опосредует отношения человека с миром.

Приведем единственный пример, иллюстрирующий техническое влияние на такую субъективную черту индивида, как способ самовыражения. В середине XIX в. некоторые философы начинают использовать с классической точки зрения весьма необычный язык. Так, К. Маркс позволяет себе едкие остроты. С. Кьеркегор пишет работы, в пике академическому стилю изложения, напоминающие крик. Проблема языка и стиля философского произведения становится важной. Ф. Ницше — всеми признанный великий стилист. Он вырабатывает гениальный афористический стиль, его оружием становится афоризм. Разумеется, трансформация стиля — результат внутренней работы мыслителя, но не только! Оказывается, по причинам слабеющего зрения (т.е. сугубо «техническим») Ницше вынужден воспользоваться техническим новшеством — пишущей машинкой. Переход на новый пишущий инструмент изменяет не только стиль, но и, по свидетельству самого Ницше, самую мысль. Один из ближайших друзей Ницше, писатель и композитор Генрих Кёзелиц, заметил изменения в стиле его письма. И без того краткая проза Ницше стала ещё жёстче, обрела «телеграфный» стиль. Она была более сильной, как будто «железная» мощь машины каким-то странным метафизическим образом передавалась словам, отпечатывавшимся на листе бумаги. «Возможно, с помощью этого инструмента вы сможете создать новый язык», — писал Кёзелиц в письме к Ницше, замечая, что и в его собственной работе «мысли о музыке или языке часто зависят от качества пера и чернил». «Вы правы, — отвечал Ницше, — Наши письменные принадлежности вносят свой вклад в формирование наших мыслей» [3]. Роберт Хассан замечает по этому поводу следующее: «Пишущая машинка, со всеми ее возможностями и ограничениями, с ее плюсами и минусами, изменила его сознание и, следовательно, повлияла на его философское и творческое самовыражение. То, что он мог обдумать и записать, скажем, в «Рождении трагедии» 1872 г., когда зрение Ницше еще не подводило его и он писал от руки, стало невозможным, когда зрение его подвело и он перешел на пишущую машинку «Маллинг-Хансен». Совсем другая технология письма помогла сформировать иной образ мышления и способ выражения мыслей посредством письма. Свобода и контроль, присущие владению пером, хотя и формировали мысли на протяжении тысячелетий, изменились с появлением набора механических клавиш» [10].

Данный пример, как нам кажется, демонстрирует, что мы уже захвачены технической — в нашем случае — цифровой реальностью, хотя и можем полагать, что мы вне ее. Как замечает В. Савчук, в классическую доцифровую эпоху мы вращались в круге «человек — сознание — бытие». Ему на смену приходит круг цифровой: «коллективное тело. Собранные цифровыми технологиями — цифровой разум — бытие кода в качестве первопричины сущего... Цифровой код желает нами, целелеполагает нами, искушая получением удовольствия от возрастающего комфорта потребления информации, коммуникации и получения удовольствий» [5, с. 94].

Ниже мы предлагаем вниманию некоторые практики и обстоятельства, характерные для позднего капитализма, которые влияют на процессы субъективации сегодня.

Алгоритмическое как со-человеческое. Алгоритмические технические объекты (различно-го рода стандартизированные рекомендации, боты, нейросети) фактически занимают место определенных структур субъективности за счет захвата, направления и удержания внимания. Управляемое внимание прореживает, фильтрует восприятие, создает определенный тип реальности. Управление вниманием перенаправляют когнитивную активность и задает перспективу восприятия. Пользователь сетей, например, видит строго определенные вещи.

Процессы субъективации тесно связаны со спецификой сетей: никому заранее неизвестно, кто именно просматривает (и просматривает ли) материалы, бот, человек, или нейросеть, кто ставит лайки / дизлайки. И что, собственно, такое, сетевой контент? Мы не можем сказать определенно результат ли это человеческих действий или алгоритмическая активность. Алгоритмы, прямо или косвенно соприкасаясь с нами, влияют на субъективность. Алгоритмы — новая цифровая микрофизика. Сегодня с полной уверенностью можно говорить о специфической алгоритмической субъективации как о процессе становления субъективности, обусловленный алгоритмической агентностью.

Субъективация как самомобилизация. Нет больше внешнего принуждения. Классический капитализм был охарактеризован как общество перманентного контроля. Парадигма дисциплинарного капиталистического общества: в любой момент субъект находится под чьим-либо контролем, принуждая к соответствующей деятельности или отсутствию таковой. Это и было названо М. Фуко «паноптизмом» — максимально экономной с точки зрения принуждения системой организации пространства, позволяющей видеть все и всегда. Открытие французского философа проявилось в том, что эта система, при полном ее безразличии к контролируемым субъектам, буквально прорезает в последних «абрис души — души, резко отличающейся от той, чье определение можно найти в христианской теории и практике» [8, с. 70].

Андре Горц, возможно, один из первых заговорил о ситуации, складывающейся с необходимостью мобилизации субъективности. Он обратил внимание на то, что поздний капитализм требует от работника «сделать субъектом своего труда самого себя, т.е. обеспечить производство самого себя, постоянное самосозидание» [1, с. 24]. Высокая современность делает востребованным *сложный человеческий труд*, который невозможно измерить заданными заранее нормами. Кроме того, способ, которым нужно выполнить задание, также нельзя предписать, так как речь идет о инновативном творческом вкладе. Теперь приходится предписывать «субъективность, т.е. как раз то, что пользователь может произвести не иначе, как «вкладывая себя» в задание, вкладывая те качества, которых невозможно добиться по приказу: рассудительность, умение справляться с непредвиденными ситуациями, распознавать и решать проблемы» [1, с. 25].

По этой причине действие технологий субъективации позднего капитализма заключается в соблазнении и провоцировании субъекта на максимальное использование своих сил, способностей и возможностей. Если дисциплинарное общество есть общество негативности, то сегодня место (негативного) запрета занимают (позитивные) проект, инициатива и мотивация. «Позитивность способности гораздо эффективнее негативности долженствования. Так социальное бессознательное переключается с долженствования на способность. Субъект достижений быстрее и продуктивнее послушного субъекта. Тем не менее способность не отменяет долженствования. Субъект достижений остается дисциплинированным. У него за плечами дисциплинарная стадия» [1, с. 59]. Субъекта больше никто не эксплуатирует, так как он успешно эксплуатирует сам себя.

Цифровой субъект и депрессия. Что отличает социального субъекта 2010–2020 гг.? Социологи отвечают так: это коммуникативный субъект. Действительно, многие, просыпаясь, первым делом просматривают телефон, а затем включают компьютер. Все происходит так, как если бы включенность в цифровую коммуникацию составляла исходную форму человеческого существования. Статус мема приобрело переименованное «я мыслю, следовательно, существую» на «я на связи, следовательно, существую». Когда-то в XIX в. епископ Беркли выдвинул тезис: «Существовать — значит быть воспринимаемым». Сегодня бы сказали, что существовать, значит быть на связи, получать и отслеживать реакции в социальных сетях, самому ставить лайки и дизлайки. Социальные медиа сформировали субъекта, ориентированного именно на включенность в коммуникацию. Отказ от новых медиа, выход из постоянной включенности в возможное общение угрожает страхом изоляции. Субъект, таким образом, становится зависим от того, что можно было бы назвать новыми практиками признания. Такой субъект предполагает определенный способ существования: это бытие в становлении, в многообразии меняющихся условий и контекстов.

Футуролог Элвин Тоффлер когда-то писал, что постиндустриальный субъект будет формироваться в условиях необходимости адаптации к новым ритмам жизни, новым ситуациям, причем справляться со всем этим нужно будет за короткое время; во много раз возрастет скорость жизни вообще и обрабатывать информацию субъекту нужно будет с гораздо большей скоростью. Тоффлер говорил далее, что никто не знает, насколько все это будет здорово и как именно скажется на психическом здоровье [11, р. 336–359].

В сети есть всем известные кодифицированные элементы поведения: свайпинг, шеринг и лайкинг. В 90-х гг. интернет-активность вызывала энтузиазм. Теперь это конвертируется в депрессию. Депрессия и тревожность — это феномен, ярко обозначившийся в эпоху расцвета сетей. Откуда депрессия? Возможно, в принужденности к коммуникации. Постоянная принужденность к коммуникации означает также постоянство раздражителей, информации и различного рода импульсов. Данное обстоятельство серьезно изменяет структуру и экономику внимания. Бён-Чхоль Хан следующим образом комментирует эту ситуацию: «...восприятие фрагментируется и рассеивается. Возрастающая нагрузка на работе также требует особых методов управления временем и вниманием, которые опять же влияют на структуру внимания. Многозадачность как метод управления временем и вниманием не представляет собой цивилизационного прогресса. Многозадачность — это не способность, которой человек мог бы обладать только в трудовом и информационном обществе поздней современности. Скорее речь идет о регрессе. Многозадачность как раз широко развита среди диких зверей. Это метод управления вниманием, который необходим в дикой природе» [9, с. 67–68]. Нельзя не согласиться с корейским исследователем в том, что психические заболевания современного капитализма как нельзя лучше демонстрируют его парадоксальную свободу: сегодня каждый свободно эксплуатирует сам себя.

Трансформация публичной сферы и аффективные сообщества. Прообраз публичной сферы обнаруживается в работах Аристотеля. Публичная сфера есть «политическое общество» (politike koinonia). У Гегеля воплощением публичной сферы является гражданское общество. Х. Арентс отстаивает классическую античную модель публичной сферы как политического сообщества. Ю. Хабермас представляет сложно структурированную модель публичной сферы. Все вышеперечисленные концепции публичной сферы сходны в том, что ее важнейшим условием является субъектность. Нормативно полагалось, что публичная сфера только потому выполняет свои функции, что она состоит из активных граждан — субъектов социального процесса. Во всех вышеперечисленных случаях речь идет не просто об институционализированном политическом участии (например, голосование), но о самом факте актуальной сборке политического сообщества — граждане готовы обсуждать значимые политические и социальные проблемы своей повседневной жизни и принимать соответствующие решения. Речь идет о важности и необходимости гражданской активности индивидов, которая возможна лишь при выраженной субъектной активности последних.

Социальные сети радикальным образом изменили форму и содержание публичной сферы. Если предшествующие модели предполагали рациональное обсуждение как дискуссию частных лиц (образующих публику), то современная публичная сфера функционирует иначе. О трансформации современной публичной сферы существуют специальные исследования [7]. Мы же хотели бы указать лишь на одну черту публичной сферы как коллективной субъективности, а именно на ее преимущественно аффективный, эмоциональный характер.

Как известно, общество — это «вместе», но природа и характер этой совместности всегда различны и во многом зависят от коммуникативных технологий и практик. Современная публика есть результат действия информационно-коммуникационных технологий. В результате появляются не только новые формы коммуникаций, но и новые виртуальные сообщества, причем масштабы применения новых информационных технологий растут. Налицо рост сетевых сообществ, специфика которых заключается в том, что они образуются, поддерживаются, самоидентифицируются и распадаются через выражение эмоций. Участники таких сообществ вполне могут прибегать к рациональным аргументам в сетевой дискуссии, однако в подавляющем большинстве сообщество создается и воспроизводится за счет коротких эмоциональных комментариев, лайков, репостов, эмодзи — т.е. через аффективные реакции. Таким образом, если в классическом варианте публичная сфера основывалась на осознанной субъектной активности, то сегодня движущей силой коммуникации становятся эмоции, их аффективная распространяемость. Субъективная коллективная идентичность становится аффективной и перформативной в пику рефлексивной и нарративной идентичности в классической варианте.

Начнем подводить некоторые итоги. Прежде всего, следовало бы обратить внимание на факт специфической онтологической тождественности человека и мира [6, 236–238]. В этой логике техника есть то, благодаря чему человек получает завершение в качестве самого себя. Т. е. человек есть *всегда* техносубъект, а не только в эпоху позднего капитализма. Безусловно, лейтмотивом нашей работы являлось стремление показать широкий масштаб, анонимность и неотвратимость воздействия цифровых технологий на субъективность. Но в то же время нам хотелось бы предостеречь от соблазна демонизации вышеописанной ситуации. Да, человек всегда хотел видеть себя автономным и независимым («человек — это звучит гордо»). Действительно, индивиды во все времена в соответствии с разными целями сознательно делали себя субъектом каких-либо изменений. Самопреобразования такого рода можно назвать автосубъективацией [6, с. 245]. Однако от автосубъективации, как намеренного преобразования себя, невозможно отделить множественные, связанные с ней процессы, которые с достаточной степенью условности можно назвать бессознательными, превышающими связность сознания и субъекта. которые также оказывают трансформативное влияние на субъективность. Ряд исследователей, из которых навскидку приходят на ум имена Б. Спинозы, А. Бергсона, М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Г. Хармана (не говоря уже о З. Фрейде) показали, что существование субъекта отнюдь не схватывается от начала и до конца картезианским «я». Приведем лишь один пример: цифровой мир и социальные медиа непрерывно вовлекают субъекта в процесс самосозидания («ты должен быть гибким, успешным, уметь обращать обстоятельства в свою пользу...»), и в то же время этот процесс жестко задается и опосредуется алгоритмами, экономическими интересами и логикой потребительского капитализма в целом. Вот как об этом пишет Ш. Зубофф: «Конкурентное давление привело к сдвигам, в результате которых автоматизированные машинные процессы не только *познают* наше поведение, но и в широких масштабах *формируют* наше поведение. С этой переориентацией со знания на силу уже недостаточно автоматизировать *потоки информации о нас*; теперь цель состоит в том, чтобы *автоматизировать нас*» [2, с. 17]. Но все-таки если сегодня субъект и «зомбирован», то все же не более, чем всегда.

В чем же тогда специфика современных процессов субъективации? В том, что процессы субъективации определяются новыми — цифровыми практиками, которые характеризуются нелокализованной пространственностью, возможностью непосредственного обмена сообщениями, виртуальной (не)прозрачностью (в зависимости от ситуации), сетевой природой, нестабильностью и постоянным обновлением (перечень характеристик, разумеется, не полон). Многие исследователи хотят ответить на вопрос, как привычка к сетям и цифровым практикам меняет наш способ мыслить? Некоторые из них констатируют явную утрату способности к длительной концентрации, но зато приобретают навык коммуницировать в тридцати разных медиа. В очень специальном смысле это новый этап человеческого развития. В любом случае в ходе развития цифровых практик и новых медиа многое меняется. Появляются новые типы рефлексии, биологические более близкие, как считают исследователи, к структуре человеческого мозга. Ряд исследователей предлагает рассмотреть изменение когнитивных привычек пользователей Интернета с точки зрения пластических изменений мозга. Их точка зрения заключается в том, что мозг не является фиксированной данностью: нейронные связи могут перестраиваться в зависимости от наших особенностей потребления информации. Перестраиваясь, например, на новый тип потребления информации, скажем, от углубленного чтения к беглому просмотру заголовков, мы меняем структуру нашего мозга. Н. Карр, в свою очередь, уверен, что сеть, захватывая наше внимание, делает это лишь для того, чтобы рассеять его.

Таким образом, проблема трансформации субъективности в эпоху позднего капитализма обнаруживает следующие парадоксы:

Автономия субъекта сочетается с его зависимостью. С одной стороны, поздний капитализм всячески приветствует проявления субъектной активности. С другой — сама логика капиталистических технологий эффективно нормируют поведение и мировоззрение субъекта.

Свобода — с добровольным принуждением. Субъект свободен, его никто ни к чему не принуждает. Но добровольное принуждение граничит с рабством: «хищника и жертву больше нельзя различить» [9, с. 64].

Сверхкоммуникация — с изоляцией. Относительная простота вхождения в сетевое сообщество и потенциальная возможность изоляционизма; специфичность признания (лайки, реакции, эмодзи) и страх его отсутствия.

Творчество и креативность — со стандартизацией. Запрос на творческий труд сопряжен с цифровой экономией внимания. Творчество оказывается вписанным в логику рынка: «это новый *реалити-бизнес*, когда все стороны человеческого опыта используются как сырье, перерабатываемое в поведенческие данные» [2, с. 31].

Трансформация субъективности в капитализме XXI в. имеет амбивалентный характер. Как было упомянуто в начале, человек всегда был техносубъектом. Однако в цифровую эпоху связь человека и «техне» достигла нового уровня. Рассматриваемая эпоха, вне всякого сомнения, порождает новый тип субъективности. И основной вопрос сегодня, как нам кажется, заключается в необходимости продумывания возможных альтернатив автономии и свободе как маркерам человеческого *par excellence*.

Литература

1. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. Москва: Высшая школа экономики, 2010. 208 с.
2. Зубов Ш. Эпоха надзорного капитализма. Москва: Изд-во И-та Гайдара, 2022. 784 с.
3. Карр Н. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonfiction/1092927-6-nikolas-karr-pustyshka-chto-internet-delaet-s-nashimi-mozgami.html> (дата обращения: 31.05.2026).
4. Мазин В. Машина влияния. Москва: Изд-во И-та Гайдара, 2018. 256 с.
5. Савчук В. Эпоха цифровизации // Критика цифрового разума / гл. ред. В. В. Савчук. Санкт-Петербург, 2020. 295 с.
6. Смирнов А. Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. Иркутск: ИЦРВХ СО РАМН, 2011. 306 с.
7. Товмасян Н. Т. Трансформация публичной сферы в эпоху виртуальной коммуникации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Сургут, 2021. 25 с.
8. Фуко М. Психиатрическая власть. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 450 с.
9. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Москва: Изд-во АСТ, 2024. 160 с.
10. Hassan R. How Typing Transformed Nietzsche's Consciousness / URL: <https://thereader.mitpress.mit.edu/how-typing-transformed-nietzsches-consciousness/> (дата обращения 31.05.2026).
11. Toffler A. Future Shock. London: Pan Books and Sydney, 1971. 517 p.

ON THE TRANSFORMATION OF SUBJECTIVITY IN THE ERA OF LATE CAPITALISM

Abstract. The purpose of this work is to briefly outline some practices and circumstances. The starting point is that the social subject is a technosubject. Subjectivity is produced, shaped, maintained, and transformed through specific procedures, practices, or technologies of subjectivation. The author concludes that the transformation of subjectivity in the era of late capitalism reveals the following paradoxes: the subject's autonomy is combined with its dependence; freedom is combined with voluntary coercion; supercommunication is combined with isolation; and creativity is combined with standardization. The transformation of subjectivity in 21st-century capitalism is ambivalent. In the digital age, the relationship between humans and technology has reached a new level. This era is creating a new type of subjectivity. The main

question today is to consider possible alternatives to autonomy and freedom as the markers of human existence.

Keywords: subjectivity, subjectivation, subjectivation technologies, subjectivation practices, procedural subjectivity, late capitalism, autosubjectivation, and technosubject.

Сведения об авторе

Смирнов Алексей Евгеньевич, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени главного маршала авиации А. А. Новикова, e-mail: aesmir@mail.ru

Smirnov Alexey Evgenyevich, Doctor of Philosophical Sciences), Associate Professor, Professor, St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A. A. Novikov, e-mail: aesmir@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УСПЕХА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются социальные факторы успеха, обуславливающие процесс его институционализации. Цель статьи — исследовать процесс институционализации успеха как неформального социального института, реферирующего внутренне переживаемое состояние субъекта во внешне закрепляемые социальные отношения и социальные связи. Придание успеху статуса символической власти является ключевым в механизме влияния на выбор решений человеком, позволяющим воздействовать на субъект и социальное пространство в целом за счет формирующихся социальных сетей взаимодействия и социальных связей по критерию успеха. Обоснована активная роль системы идеологического сопровождения в поддержании института успеха, учитывая неформальный характер нормативной модели поведения успешного человека, оставляющей выбор за самим индивидом. Делается вывод о том, что процесс институционализации успеха является социально динамичным и открытым процессом, и институт успеха строится на индивидуальной активности субъекта, отвечающей его внутренним потребностям и социально значимым образцам поведения, следование которым гарантирует ему положительную социальную мобильность и достижение желаемого социального статуса.

Ключевые слова: успех, социальный институт, институционализация, социальный фильтр, социальная страта, социальная мобильность, символический атрибут, социальный статус.

В обществе массового потребления и счастливого сознания, каким является современное общество, активно культивируются и приживаются установки устремления к материальным ценностям и комфорту как атрибутам реализованного успеха и успешной деятельности субъекта. Чем является успех в жизни современного общества и человека?

Успех изначально мыслился в единстве с деятельностью человека как эмоционально-оценочное суждение о предпринятых действиях, имеющих положительный результат, на что указывает этимология слова, означающего в разных культурах и языках результат действий, полученный в срок и хорошего качества (например, в древнерусском языке успех означал «успеть», «спеть», в латинском языке — «хороший результат», «счастливый исход» (от гл. «succedere» — «следовать за», «занимать место», «всходить», «подниматься», «процветать», «одерживать победу»)¹[1]. Позже успех признается заслугой человека и закрепляется в механизме социального признания как инструмент мобилизации социальной и трудовой активности, начинает применяться как социальный инструмент, формирующий социальные связи и отношения, реализующие его потребность в наличии внешнего экспертного мнения относительно качества действий.

Процесс формирования стабильных социокультурных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, обычаях, стереотипах, установках [2, с. 209], позволяет рассматривать успех как социальный институт неформального вида, формализующий социальные отношения по признакам успеха, закрепляемых в социальной структуре, социальных нормах и требованиях, в общественном представлении об успехе как его модели. Исходя из данного понимания институционализации, под институционализацией успеха нами понимается процесс формирования устойчивых социальных практик и пред-

¹ Справочник. URL: // diktado.comthe-dictionary.fandom.com (дата обращения: 02.04. 2026).

ставлений об успехе, закрепляемых в структуре социокультурных образцов успеха и успешного человека с системой поддерживающих норм, требований, правил, ценностей, установок и стереотипов. Внешние условия действий человека, происходящих в определенной ситуации, включают пространство, время, присутствие других, формируя со-бытийность процессов, ценностную и морально-этическую стороны действий, закрепляясь в эталонах и образцах успеха и успешного человека, в социально одобряемых мотивах соперничества, создавая основания для отчуждения внутренней сущности природы успеха от человека, формируют успех в инструмент достижения прагматических целей (материальное обогащение, материальное благополучие, социальный престиж, социальный статус), делая его эталоном и смыслом жизни человека и общества.

Наличие социальных связей помогает человеку получить общественное признание и статус, позволяющий оказывать влияние на других, служить примером, образцом для них, формировать маркеры успеха и успешности.

Признаками институционализации успеха являются субстанциональная устойчивость и содержательная определенность в поведении и деятельности людей, ориентированных на достижение успеха, в том числе установки и сложившиеся образцы поведения. Модель успеха как социокультурный образец, проявляющая свое воздействие в разных сферах жизни индивида, закрепляясь в стереотипах, установках, ценностях, общественном мнении, формирующей устойчивое основание для закрепления признаков успеха в поведенческом паттерне, служит ценностным регулятором поведения людей. Успех становится атрибутивным символом, влияющим на продвижение человека в социальной структуре. Обладание или не обладание атрибутивными символами позволяет относить человека к определенной группе, за которой закрепляется социальный статус успешных или неуспешных людей. Признаки успеха служат социальным фильтром, фиксирующим границу распределения людей в страты успешных и неуспешных, закрепляя в социальном статусе признаки успешности как нормативные и социально-одобряемые.

Развитие процесса намеренного стремления к успеху как способу достижения статуса в обществе, обладания материальными благами соответствует социальному явлению, содержание которого проявляется в процессах социального неравенства, социальной стратификации и социальной дифференциации. Социальная дифференциация по данному критерию фиксирует разные возможности людей, их статус в социальной структуре (выше–ниже) в соответствии с объемом обладания ресурсами по критерию успешности.

Определенность и предсказуемость модели поведения успешного человека создает предпосылки прогнозирования возможных последствий использования института в общественной практике. Институту успеха присуще обобщенное выражение воли и действий институциональных субъектов в стремлении к приобретению символов успеха и успешного человека, среди которых обладание материальным и денежным богатством, социальный статус, престиж, социальное признание, власть.

Идея успеха, став составляющей процесса индивидуализации, сосредотачивает внимание человека на культе обладания, связывая успех и успешность с богатством, материальным и денежным достатком, престижем, властью, социальным статусом, которые достигаются в результате специально организованной деятельности, лишь косвенно связанной с качествами индивида. Для выявления понимания того, что человек вкладывает в понятие «успех», нами был проведен экспресс-опрос студентов 3 курса инженерных специальностей, участвовавших в тренинге навыков инженерного предпринимательства, проведенный в марте-апреле 2026 г. в Национальном исследовательском Томском политехническом университете. На открытый вопрос «что для вас означает успех?» были получены ответы, представленные тремя важными признаками: 1. карьера (38%); 2. материальное благополучие (34%); 3. общественное признание (28%). Как можно заметить, данные признаки относятся к внешним факторам успеха, внутренний аспект успеха как качественная характеристика субъекта не представлен.

Тенденция акцентирования внимания на внешних атрибутах успеха выявляется во многих исследованиях и вызывает беспокойство тем, что успех воспринимается как цель жизни,

а не инструмент для достижения значимых для субъекта и общества целей. Сегодня можно слышать мнение о том, что если ты такой умный, то почему такой бедный, понимая под бедностью именно отсутствие материального достатка и денежного успеха, а не духовное богатство человека, которое в модели успеха не представлено. Современную модель успеха Л. Балашов определяет как «близорукая, гнусная и подлая» [3] по ее ключевому основанию — успех как цель общества и человека возводит в ранг идола модель жизни индивида, соответствующую внешне наблюдаемым, фиксируемым признакам успеха — материальному и финансовому богатству, карьере, престижному статусу.

Новые статусные группы, реализующие установку атрибутирования успеха-неудачи, трансформируют привычную систему статусов, формируют новую маргинальную социальность в условиях, когда «новая модальность общественной жизни возникает ... в потреблении и рекламе» [4, с. 68], а успех, как «понятие, мечущееся между всеобщим и только моим» [5, с. 68], чтобы быть предложенным к продаже, как утверждает Д. И. Иванов, должен быть привязан к чему-то устойчивому и надежному, формируя определенный поведенческий стандарт. Конкурировать с другими в праве быть успешным позволяет создаваемая для развития данного социального процесса морально-этическая платформа, в том числе обеспечивающая идеологическое сопровождение формирующейся социальной дистанции между успешными и неуспешными людьми.

Признание значимости человека и его оценка фокусируются на признаках обладания. Данный критерий является ситуативным, значимые атрибуты успеха со временем трансформируются, расширяются, дополняются в зависимости от приоритетов и этапа развития общества, но при этом принцип идентификации с социальной стратой успешных остается неизменным — субъект должен обладать атрибутами успеха, предписывающими ему статус успешного. В современном обществе, как отмечает Д. И. Иванов, «преуспевают те, кто себя превращают в тренд, а свое поведение представляют как общие правила» [6, с. 53], оставляя без внимания вопросы социальной солидарности и социальной ответственности.

В целом, трансформированный в идею и нормативный образ первоначально неотчуждаемый от самой сущности человека успех является инструментом механизма «мягкой силы», вовлекающим человека в социальные процессы. Модель успеха как синтез взаимодействия субъективных (индивидуальных значений успеха) и объективных (символов успеха) факторов, выступает институциональной нормой, следуя и соответствуя которой, человек считается успешным. Культивирование идеи успеха в общественном сознании позволяет утверждать, что успех является идеологическим понятием, формирующим вокруг себя морально-этический стержень общества.

Литература

1. Маринин А. П. Институционализация // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб и доп. Москва, 2001.
2. Балашов Л. Философия успеха — близорукая, гнусная и подлая. URL: <https://proza.ru/2017/03/13/1167> (дата обращения: 14.05. 2026).
3. Иванов Д. И. Глэм-капитализм и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X, № 2. С.49–72.

THE INSTITUTIONALIZATION OF SUCCESS IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article analyzes the social factors that contribute to the success of an individual and how they influence the process of institutionalizing that success. It aims to explore the phenomenon of success as a social institution, which translates an individual's internal state into external social relationships and connections. Giving success the status of symbolic power is a key mechanism for influencing a person's decision-making. It allows them to influence not only the subject but also the social space as a whole, through emerging social networks of interaction and social connections based on the criterion of success. The article emphasizes the active role of the

ideological support system in maintaining the institution of success, considering the informal nature of the normative model of behavior for a successful person. This allows individuals to make their own choices. It is concluded that the process of institutionalization of success is a socially dynamic and open process. The institution of success is based on the individual activity of the subject, meeting his internal needs and socially significant patterns of behavior. Following these patterns guarantees him positive social mobility and achievement of the desired social status.

Keywords: success, social institution, institutionalization, social filter, social stratum, social mobility, symbolic attribute, social status.

Сведения об авторах

Иванкина Любовь Ивановна, доктор философских наук, профессор, эксперт, Российский научный фонд, e-mail: ivankina@tpu.ru

Аникина Екатерина Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, Бизнес-школа, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, e-mail: anikinaea@tpu.ru

Ivankina Lyubov Ivanovna, DSc, Professor, Expert, Russian Science Foundatio, e-mail: ivankina@tpu.ru

Anikina Ekaterina Alekseevna, PhD, associate Professor, associate Professor of Business School, National Research Tomsk Polytechnic University, e-mail: anikinaea@tpu.ru

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическому рассмотрению проблемы исследования гражданской активности молодежи в условиях социально-политической мобилизации. Автор обосновывает необходимость пересмотра существующих определений гражданской активности, которые, как правило, исходят из допущения о стабильной институциональной среде и не учитывают специфику временных нестабильных, конфликтных или репрессивных контекстов.

Ключевые слова: молодежь, социальная активность, гражданская активность, социально-политическая мобилизация, институциональный подход, ресурсный подход, социокультурный подход.

Активность молодых людей служит индикатором состояния гражданского общества. Её социологическое изучение позволяет оценить степень зрелости гражданских институтов, поскольку молодые люди не только адаптируются к определенным «правилам игры», но способны формировать и транслировать инновационные «способы быть гражданином». Поскольку актуализируются вопросы накопления социального и политического капитала, необходимого для построения карьерных траекторий в процессе преодоления молодыми людьми структурного неравенства. Более того, она является средством межпоколенческой трансляции норм, обеспечивая, с одной стороны, — сохранение (стабилизацию) ядра гражданской культуры, с другой — обновляя её. Поэтому в эпоху быстрых технологических изменений гражданская активность является еще и маркером адаптации, который отражает степень успешности трансформации репертуара коллективных действий, позволяя исследовать новые формы мобилизации, например в сетевых сообществах [1, р. 3–28].

Перейдем к анализу понятия «гражданская активность». Одно из классических определений активности личности дал русский психолог А. Ф. Лазурский. Под ней он понимал «отношение к окружающему миру, а оно, это отношение, есть мера устойчивости субъекта к влияниям окружающей среды и в свою очередь мера воздействия на среду» [2, с. 23]. Однако, если «активность» в широком смысле характеризует отношение субъекта к среде вообще, то видовое по отношению к ней понятие «социальная активность» конкретизирует эту меру воздействия применительно к межличностным/межгрупповым взаимодействиям и институциональным нормам.

С точки зрения австрийского социолога Альфреда Шюца, социальная активность основана на типизации мотивов и реакций «другого» в рамках общего «жизненного мира». На этой основе, с точки зрения Шюца, возникают отношения взаимного понимания и согласия, формирующие коммуникативное окружение [3, с. 22, 146]. Например, студенты, организующие пикет за снижение вредных выбросов в атмосферу, типизируют жителей города как «сочувствующих», а владельцев предприятий и властей, закрывающих глаза на нарушения, — как «препятствующих».

В свою очередь, структурно-функциональный подход к анализу социальной активности позволяет обратить внимание то, что она сама является продуктом структурных напряжений. Ответом на них может стать инновационная активность (поиск новых, зачастую неформальных путей), ритуализм (следование процедурам без веры в цель), ретритизм (уход от принятых целей и средств) или мятеж (попытка предложить новые цели и средства, путем протестной активности) [4, с. 254–277]. Характер социальной активности молодежи складывается в процессе интеграции системы личности в социальные структуры, который подразумевает усвоение ею ожиданий, образцов, эталонов и оценок «мира взрослых» [5, с. 415–458].

Социальная активность подразумевает под собой способность осознавать необходимость решения общественных задач на основе соотнесения их с собственной системой ценностей [6, с. 289]. Как отмечает К. Г. Сохадзе, социальная активность может проявляться в двух формах: индивидуальной и коллективной. Действия в рамках её осуществления отличаются вариативностью: реальная активность (ролевое участие в конкретных мероприятиях); потенциальная активность (предпочтение остаться наблюдателем, при осознании важности и ценности участия); псевдоактивность (имитация активности); социальная пассивность (непринятие значимости социальной активности).

Отметим, что не всякая социальная активность молодежи автоматически становится гражданской. Для перехода к понятию «гражданская активность» необходимо выделить те формы деятельностного включения, которые: разворачиваются в публичном пространстве; ориентированы на трансформацию или воспроизводство социального и политического порядка; предполагают рефлексию индивидом своего статуса как гражданина; сопряжены с реализацией прав, обязанностей и гражданской идентичности, а не только с решением локальных проблем [7, с. 353].

Р. Адлер и Д. Гогин отмечают наличие множества разноплановых определений и отсутствие консенсуса по их использованию. Ими были выделены следующие узкие трактовки, описывающие «гражданскую активность» (civic engagement) как: волонтерство/общественную работу (укрепление гражданином местное сообществ); коллективное действие (люди действуют вместе как граждане, влияя на гражданское общество); политическое участие (решение проблем через включение в политическую систему); единицу анализа социальных изменений (активный гражданин помогает формировать будущее сообщества). На основе анализа статистических данных авторы показывают, что модели гражданской активности молодежи сильно отличаются от паттернов активности пожилых людей. Основное внимание Адлера и Гогин сосредоточено на том что «молодежь» — «DotNet» (15–25 лет) и GenX (26–37 лет) (исследования проводились в начале нулевых годов) чаще вовлекается в «общественно-полезную деятельность» (волонтерство, участие в гражданских инициативах), а «старшие поколения» — «Boomer» (38–55 лет) и «Mature» (55+ лет) в политическую [8, р. 238–247]. Это подтверждается результатами современных отечественных исследований. Гражданская активность молодых людей характеризуется политизацией и стихийностью мобилизационных процессов [9, с. 133]. Выступает одной из форм самореализации, тогда как для представителей старших возрастных групп — отражением устойчивых социальных ценностей [10, с. 14].

Мы предполагаем, что ключевая проблема исследования гражданской активности молодежи состоит в отсутствии концептуальной определенности данного понятия. Что, в свою очередь, осложняется наличием поколенческих различий в формах, мотивах и интенсивности данного рода активности. Более того изучение гражданской активности требует учета социально-политического контекста, поскольку большинство существующих определений не содержат допущений о возможной нестабильности молодежной среды. Например, в условиях социально-политической мобилизации отсутствие подобных допущений может значительно ограничить анализ изменений в причинах, мотивах и институциональных возможностях гражданской активности молодых людей.

Тема социальной мобилизации изучается с 60-х гг. XX в. В классической статье К. В. Дойча «Social mobilization and political development» она описывается как широкомасштабный процесс изменения, происходящий с большими группами населения в странах, находящихся в состоянии перехода от традиционного к современному образу жизни [11, р. 494]. Дойч предлагает измерять социальную мобилизацию с помощью количественных индикаторов, которые связаны с процессами: изменения места жительства и доходов на душу населения; повышения уровня грамотности и урбанизации, а также с использованием средств массовой коммуникации и уходом от сельскохозяйственной деятельности [11, р. 497]. Многие последующие работы, посвященные изучению социальной мобилизации, опираются на предложенную Дойчем систему координат: индикаторы — пороги (значение индикатора, ниже которого не может быть обнаружено) — разрывы (сравнения темпов изменения разных инди-

каторов) — политические последствия. В социальных науках концепция мобилизации является предметом дискуссий. Одни исследователи акцентируют внимание на низовом коллективном действии (мобилизации «снизу»), другие на институциональных механизмах (мобилизации «сверху») (см. таблицу).

Таблица

Основные теоретические подходы к определению «мобилизация»

Подход (автор)	Трактовка мобилизации	Значение для анализа гражданской активности молодежи
Институциональный (Дж. Неттл)	Процесс, посредством которого правительство «встраивает» граждан в политическую систему, создавая у них чувство сопричастности и, следовательно, лояльности.	Подход позволяет увидеть, как институты (образование, бюрократия, партии) конструируют возможность политического действия, определяют его формы и границы.
Ресурсный (Ч. Тилли)	Ресурсы в коллективном контроле, помноженные на возможности использования.	Выделенные ресурсные типы мобилизации (оборонительная/наступательная/подготовительная) позволяют классифицировать различные формы молодежной гражданской активности.
Социокультурный (Ч. Тейлор)	Стремление к обретению достоинства и борьба за признание идентичности.	Молодежь часто ощущает себя «неуслышанной» старшим поколением и государством.

Данные подходы представляют три взаимодополняющие оптики, каждая из которых подсвечивает различные грани. В этой связи требуется анализ ресурсов и организации [12, с. 101–130], культурных рамок борьбы за признание идентичности [13, р. 23–30], а также институциональных условий, созданных как для молодежи (мобилизация «сверху», так и самой молодежью (мобилизация «снизу») [14, р. 19–24].

Таким образом, возникает необходимость в исследовательском внимании к гражданской активности молодежи в условиях социально-политической мобилизации. Поскольку, с нашей точки зрения, она приобретает черты реактивности, эвентуальности, что может приводить к дезорганизации действий и препятствованию формированию устойчивых сообществ в молодежной среде. Мы полагаем, что требуется: во-первых, критический разбор существующих определений «гражданской активности» на предмет их применимости к различным нестабильным контекстам. Во-вторых, учет того, что сама мобилизация выступает не внешним фоном, а активным фактором, влияющим на формат коллективных действий молодежи. В-третьих, обращение к качественной методологии в анализе позиций молодых людей, которые в таких условиях вынуждены выбирать между публичной лояльностью, риском, уходом в цифровую повседневность и поиском новых, часто неинституциональных форм гражданской активности.

Так, например, недавние события в Непале (запрет крупных социальных сетей и мессенджеров) спровоцировали зарождение в сентябре 2025 г. массового молодежного движения «GenZ», которое выросло на фоне других условий, таких как: коррупция, nepotism, экономическая стагнация и безработица среди молодежи. Как отмечается журналистами, движение с самого заявлялось какой-либо в качестве организации (не имела лидеров и программы действий). Форматы действий радикально трансформировались под влиянием запрета: мобилизация перешла в закрытые сетевые каналы, а затем вылилась в прямые действия (штурм федерального парламента и других правительственных зданий) [15]. Кейс непальской молодежи ставит под вопрос классические определения гражданской активности,

которые обычно включают в себя положения о: членстве в институтах, наличии структуры и ориентацию на участие в управлении.

С нашей точки зрения, гражданская активность молодежи представляет собой многоуровневую социально-политически обусловленную форму реализации субъектности молодых людей, выражающуюся в институционализированных и неформальных практиках (как конструктивного и поддерживающего, так и деструктивного характера), направленных на решение общественно значимых проблем, влияние на социально-политические процессы, производство общественных благ, а также на отстаивание личных и групповых интересов.

Отметим, что взаимосвязь обозначенных блоков не является линейной: именно реактивный характер активности в условиях социально-политической мобилизации способен порождать дезорганизацию, а та, в свою очередь, обострять «субъектную дилемму», заставляя молодых людей принимать решения, например, в условиях дефицита институциональных возможностей. Поэтому анализ социально-политической мобилизации выступает важнейшей рамкой, без которой социолог рискует изучать не реальные практики молодежи, а собственные нормативные ожидания.

Литература

1. Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven, London: Yale University Press, 2017. 326 p.
2. Лазурский А. Ф. К учению о психической активности. Москва: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К, 1916. 53 с.
3. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Москва: Изд-во Ин-та фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: Изд-во АСТ, 2006. 873 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. Москва: Академический проспект, 2000. 880 с.
6. Арендчук И. В. Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2018. № 3. С. 287–307.
7. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2017. № 3. С. 348–363.
8. Adler R. P., Goggin J. What Do We Mean By «Civic Engagement»? // Journal of Transformative Education. 2005. No.3. P. 236–253.
9. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138.
10. Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 5–17.
11. Deutsch K. W. Social mobilization and political development // American political science review. 1961. No. 3. P. 493–514.
12. Тилли Ч. От мобилизации к революции. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
13. Taylor C. Modern Social Imaginaries. London: Duke University Press, 2004. 232 p.
14. Nettl J. P. Political Mobilization: Sociological Analysis of Method and Concepts. London, New York: Faber & Faber, 1967. 443 p.
15. «Революция зумеров» в Непале: запрет соцсетей обернулся массовыми протестами и отставками. URL: <https://life.ru/p/1787841> (дата обращения 12.05.2026).

YOUTH CIVIC ENGAGEMENT IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL MOBILIZATION: TOWARDS THE PROBLEM STATEMENT

Abstract. This article is devoted to the theoretical consideration of the problem of studying the civic activity of youth in the context of socio-political mobilization. The author substantiates the need to revise the existing definitions of civic engagement, which, as a rule, are based on the assumption of a stable institutional environment and do not take into account the specifics of temporary unstable, conflict or repressive contexts.

Keywords: youth, social activism, civic engagement, socio-political mobilization, institutional approach, resource approach, socio-cultural approach.

Сведения об авторе

Молчанов Артём Андреевич, ассистент кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, e-mail: artem_molchanov_2015@bk.ru).

Molchanov Artyom Andreevich, Assistant of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University e-mail: artem_molchanov_2015@bk.ru).

**ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИЙ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЁЖИ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь представлений молодёжи Хабаровского края о престижности профессий и её миграционных установок. Престиж профессии анализируется как интегральный статусный конструкт, включающий востребованность на рынке труда, уровень оплаты, карьерные перспективы, общественное признание, региональную значимость и содержательную привлекательность деятельности. Эмпирическую основу статьи составляют результаты авторского социологического опроса «Представления молодёжи Хабаровского края о престижности профессий и выборе жизненных стратегий», проведённого в апреле 2025 г. методом стандартизированного анкетирования среди молодёжи 14–22 лет: N = 1977, Хабаровск — 1140, сельская местность — 642, районные центры — 195. Показано, что престиж профессии в молодёжных представлениях имеет выраженное экономико-карьерное ядро: востребованность на рынке труда, высокая оплата и карьерный рост. Миграционные установки связаны не с престижем профессии как абстрактной оценкой, а с восприятием возможности реализовать престижную профессиональную траекторию в регионе.

Ключевые слова: престиж профессий, молодёжь, миграционные установки, Хабаровский край, социальные представления, рынок труда, профессиональный выбор.

Проблема престижа профессий имеет особое значение для регионов Дальнего Востока, где профессиональный выбор молодёжи тесно связан с вопросом территориального закрепления. В условиях кадрового дефицита, демографического сжатия и конкуренции регионов за человеческий капитал представления молодёжи о «престижной» профессии становятся не только индивидуальным ориентиром, но и фактором воспроизводства социально-профессиональной структуры.

Современные исследования регионального рынка труда показывают, что низкая зарегистрированная безработица не всегда означает сбалансированность занятости. Для Хабаровского края характерно сочетание кадрового спроса и профессионально-квалификационных диспропорций. В отдельных секторах сохраняется недостаток специалистов, а социальная привлекательность рабочих, инженерных и социально значимых профессий не всегда соответствует их объективной востребованности [1, с. 1–10]. Поэтому анализ престижа профессий необходимо соотносить с миграционными установками молодёжи: готовностью остаться в регионе, уехать в другой субъект Российской Федерации или рассматривать зарубежные траектории.

В социологическом понимании престиж профессии выступает элементом символической стратификации. Он отражает не только экономическое положение профессиональной группы, но и её общественное признание, репутацию, доступ к ресурсам, статус работодателя и ожидаемую жизненную траекторию. Современные исследования профессиональной мобильности молодёжи подчёркивают, что профессиональное самоопределение всё чаще происходит в условиях неопределённости занятости, риска депрофессионализации и разрыва между полученным образованием и фактическим рабочим местом [5, с. 192–201].

Для анализа миграционных установок продуктивна логика «выхода» и «закрепления». Молодёжь соотносит желаемую профессиональную траекторию с локальными возможностями региона. Если престижная профессия воспринимается как достижимая внутри территории, она может работать как фактор закрепления. Если же высокий доход, карьерный рост и статусный работодатель связываются преимущественно с внешними рынками труда, престиж становится фактором потенциальной релокации.

Эмпирическая база исследования — результаты авторского опроса молодёжи Хабаровского края 14–22 лет, проведённого в апреле 2025 г. Выборка включала три территориальные страты: Хабаровск, сельскую местность и районные центры Хабаровского края. Метод — стандартизированное анкетирование. Данные позволяют сопоставить критерии престижности профессий, иерархию профессиональных предпочтений и миграционные планы молодёжи.

Результаты авторского опроса показывают, что в представлениях молодёжи Хабаровского края престиж профессии имеет устойчивое экономико-карьерное ядро. Наиболее значимыми критериями престижности названы востребованность на рынке труда — 63,3%, высокая оплата — 61,6%, карьерный рост — 50,3%. Менее выражены статусно-нормативные признаки: уважение общества — 38,7%, значимость профессии для региона — 36,6%, интересность деятельности — 25,9%.

Таблица 1

Критерии престижности профессий в представлениях молодёжи Хабаровского края, %

Критерий	Хабаровск	Село	Райцентр	Край
Востребованность на рынке труда	65,4	60,0	62,6	63,3
Высокая оплата	64,0	56,1	66,2	61,6
Карьерный рост	50,7	50,8	46,7	50,3
Уважение общества	40,8	34,9	39,0	38,7
Значимость для региона	37,4	35,2	36,9	36,6
Интересность деятельности	24,4	27,4	30,3	25,9

Источник: результаты авторского социологического опроса молодёжи Хабаровского края, апрель 2025 г., N = 1977.

Территориальные различия не меняют общей конфигурации. В Хабаровске выше значимость востребованности и высокой оплаты, в сельской местности несколько заметнее ориентация на интересность деятельности, в районных центрах наиболее выражен запрос на высокую оплату. Однако во всех типах поселений сохраняется единый «топ-3»: рынок труда, оплата, карьера.

Иерархия конкретных профессий подтверждает ту же тенденцию. В числе наиболее престижных молодёжь чаще всего называет IT-специалиста — 48,6%, врача — 32,4%, бизнесмена/предпринимателя — 31,9%, адвоката — 22,1%, директора/руководителя — 19,2%. Данные указывают на сочетание трёх блоков престижности: техно-рыночного, социально значимого и управленческо-предпринимательского.

Особое значение имеет соотношение престижа и миграционных установок. По результатам авторского опроса 30,3% респондентов планируют остаться работать в Хабаровском крае, 28,7% — уехать в другой регион России, 8,5% — уехать за границу, 32,4% пока не определились.

Таблица 2

Миграционные установки молодёжи Хабаровского края, %

Вариант ответа	Хабаровск	Село	Райцентр	Край
Останусь работать в крае	27,8	35,8	27,2	30,3
Уеду в другой регион РФ	29,8	25,5	32,8	28,7
Уеду за границу	10,2	5,6	8,7	8,5
Пока не знаю	32,2	33,0	31,3	32,4

Источник: результаты авторского социологического опроса молодёжи Хабаровского края, апрель 2025 г., N = 1977.

Полученные данные показывают, что миграционный потенциал молодёжи не сводится к прямой установке на отъезд: почти треть респондентов находится в состоянии неопределённости. Это принципиально важно для региональной политики, поскольку именно неопределившаяся группа может быть чувствительна к качеству профориентации, информированности о региональных работодателях, стажировках, целевом обучении и раннему профессиональному опыту.

Статистический анализ результатов авторского опроса показывает: среди детерминант престижа устойчиво значимым фактором различения миграционных планов выступает ориентация на высокий уровень оплаты труда. Сопоставление групп с разными миграционными намерениями выявило статистически значимые различия по компоненту «высокий уровень оплаты труда» ($p < 0,01$). Иными словами, чем сильнее престиж профессии связывается в сознании молодого человека с высоким доходом, тем выше вероятность ориентации на внешний рынок труда. Этот вывод дополнительно подтверждается модельным анализом: ориентация на высокую оплату повышает вероятность сценариев «уеду в другой регион РФ» и «уеду за границу», тогда как вероятность сценария «останусь» снижается.

Однако влияние престижа на миграционные установки не является линейным. Существенную роль играют критерии «хорошего рабочего места». Большая зарплата, престиж организации и свободный график чаще связаны с ориентацией на внешние рынки труда. Напротив, близость к дому и установка «чтобы работа нравилась» выполняют удерживающую функцию. Следовательно, региональное закрепление молодёжи зависит не только от наличия рабочих мест, но и от того, воспринимаются ли они как качественные, престижные и жизненно перспективные.

Полученные результаты позволяют говорить о наличии «престижного разрыва» — рассогласования между символической значимостью профессий, их экономической привлекательностью и институциональной доступностью внутри региона. В условиях Хабаровского края этот разрыв особенно заметен в отношении профессий, объективно важных для регионального развития, но не всегда воспринимаемых молодёжью как высокодоходные и карьерно перспективные.

Региональные исследования подчёркивают, что для периферийных и дальневосточных территорий доступ к качественным рабочим местам является ключевым условием закрепления населения. Периферийность проявляется не только в удалённости от федеральных центров, но и в ограниченности символически привлекательных карьерных сценариев [3, с. 93–103]. В этом смысле миграционные установки молодёжи являются не только демографическим, но и стратификационным индикатором: они показывают, где молодёжь видит пространство для восходящей мобильности.

Практическое значение результатов состоит в том, что политика удержания молодёжи не может ограничиваться информационным повышением престижа отдельных профессий. Необходима институциональная связка: профориентация — целевое обучение — стажировки — наставничество — первый рабочий контракт — карьерное сопровождение. Только в этом случае престиж профессии перестаёт быть абстрактной оценкой и превращается в реальную траекторию закрепления.

Престиж профессий в социальных представлениях молодёжи Хабаровского края формируется вокруг востребованности, высокой оплаты и карьерного роста. Эти критерии образуют устойчивое экономико-карьерное ядро, общее для городской, сельской и районной молодёжи. Наиболее престижными профессиями выступают ИТ-специалист, врач, предприниматель, адвокат и руководитель, что отражает сочетание техно-рыночных, социально значимых и управленческих ориентиров.

Миграционные установки молодёжи связаны не с престижем профессии самим по себе, а с оценкой возможности реализовать престижную профессиональную траекторию в Хабаровском крае. Главным фактором потенциальной релокации выступает ориентация на высокий доход. Удерживающий потенциал имеют интересная работа, близость к дому, комфортные условия, понятная карьера и престиж регионального работодателя.

Следовательно, снижение миграционной готовности молодёжи требует не только повышения символического статуса регионально востребованных профессий, но и наполнения этого статуса реальными социально-экономическими характеристиками: достойной оплатой, условиями труда, карьерной навигацией и публичной видимостью успешных профессиональных траекторий внутри Хабаровского края.

Литература

1. Гареева И. А., Перепечай П. Э. Социально-структурная стратификация на региональном рынке труда в контексте престижа профессий у молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1(110). С. 107–117.
2. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов: препринт WP3/2023/02. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 78 с. (Сер. WP3 «Проблемы рынка труда»).
3. Ковалевский А. В. Периферия периферии, или особенности процессов трансформации городского пространства за пределами столицы // Периферия. Журнал исследования нестолических пространств. 2023. № 1(1). С. 93–103.
4. Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О. Обретение «дома»? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32, № 4. С. 71–95.
5. Управление профессиональной мобильностью российской молодёжи: специфика научного дискурса и методологические ориентиры / Д. Н. Мищенко, А. В. Верещагина, М. Г. Магомедов и др. // Международный журнал социологии и социальной политики. 2020. Т. 41, № 1/2. С. 192–201.
6. Исаев А. В., Алексеенок Е. А. Ценностные предпочтения и ожидания современной молодежи в сфере труда: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 176–189.
7. Алавердян С., Захариева А. Иммиграция, социальные сети и профессиональное несоответствие // Экономическое моделирование. 2022. Т. 114. Ст. 105936.

PRESTIGE OF PROFESSIONS AND MIGRATION ATTITUDES OF YOUTH IN KHABAROVSK KRAI

Abstract. The article examines the relationship between young people's perceptions of occupational prestige and their migration attitudes in Khabarovsk Krai. Occupational prestige is analyzed as an integral status construct that includes demand in the labor market, level of remuneration, career prospects, public recognition, regional significance, and the substantive attractiveness of professional activity. The empirical basis of the article is formed by the results of the author's sociological survey «Perceptions of Youth in Khabarovsk Krai about the Prestige of Professions and the Choice of Life Strategies», conducted in April 2025 through standardized questionnaires among young people aged 14–22. The sample size was N = 1977, including Khabarovsk — 1140 respondents, rural areas — 642 respondents, and district centers — 195 respondents. The study shows that occupational prestige in young people's perceptions has a pronounced economic and career-oriented core: demand in the labor market, high remuneration, and career growth. Migration attitudes are associated not with occupational prestige as an abstract assessment, but with the perceived possibility of realizing a prestigious professional trajectory within the region.

Keywords: occupational prestige, youth, migration attitudes, Khabarovsk Krai, social representations, labor market, professional choice.

Сведения об авторе

Перепечай Пётр Эдуардович, преподаватель кафедры менеджмента, экономики спорта и туризма, Дальневосточная государственная академия физической культуры, e-mail: mr.perepechai@mail.ru.

Perepechai Petr Eduardordovich, Lecturer at the Department of Management, Sports Economics and Tourism, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Far Eastern State Academy of Physical Culture» (FSBEI HE «FESAPC»), mr.perepechai@mail.ru.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ПРОТЕКАЮЩИЕ
В ХАКАССКОМ ААЛЕ С НАЧАЛА ПЕРЕСТРОЙКИ И ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ**

Аннотация. В статье показано, как с начала перестройки стала меняться социальная и экономическая обстановка на селе, в том числе и в хакасском «аале» [1, с. 17]. Как и по всей Федерации, в рамках приватизации в аалах стали получать имущественные и земельные паи, стали организовываться крестьянско-фермерские хозяйства. Всё это привело к тому, что крупные сельскохозяйственные предприятия стали банкротами. Не стало работодателя и не стало работы. В поисках работы сельские жители стали переезжать в города и иные населённые пункты, где была возможность трудоустроиться. Не стало исключением поведение жителей хакасских аалов. Часть из них также покидали свои родные населённые пункты и переезжали в другие поселения. Всё это привело к тому, что сельское население стало стремительно сокращаться. Люди стали покидать свои дома, и в результате они стали разрушаться. На селе большая часть жителей в настоящее время пенсионеры. Но в связи с тем, что промышленные и продовольственные товары на селе, в том числе и хакасском аале, значительно дороже, чем районных центрах и городах на их небольшую пенсию купишь значительно меньше или ниже качеством, чем может себе позволить городской пенсионер.

Ключевые слова: Хакасский аал, приватизация, банкротство, безработица.

Всего на территории Республики Хакасия 47 аалов или 18% от всех сельских населённых пунктов республики. Первоначально аалы населяли в основном коренное население — хакасы. Но в настоящее время таких поселений с хакасским населением осталось 35. Но есть аалы, где не проживает ни одна хакасская семья, в качестве примера можно привести аал Тутатчиков. муниципального образования «Доможаковский сельский Совет» Усть-Абаканского района. До начала перестройки во всех аалах были или центральные усадьбы совхозов или фермы одного из совхозов с набором производственных помещений, где имелись рабочие места. В сельской местности велось активное строительство, как производственных, так и жилых помещений. Ежегодно в большинстве сельскохозяйственных предприятий вводилось до 300, а в отдельных до 500 квадратных метров жилья. К середине 1980-х гг. XX в. на селе в Хакасской автономной области (с 1991 г. Республика Хакасия) был решён жилищный вопрос. В сельской местности в начале 1990-х гг. проживало 155,8 тыс. человек или 27% от всего населения области [2, с. 5]. Сейчас сельское население сокращается. Растёт только в поселениях, находящихся в пределах Абакано-Черногорской агломерации (это территория рядом с городами Абакан и Черногорск, расстояние между которыми около 20 километров).

Началась перестройка. Если в конце 1990-х гг. XX в. не было убыточных сельскохозяйственных организаций, то к 1995 г. их (убыточных) организаций выросло до 71% от всех сельскохозяйственных организаций республики [3, с. 81]. В последующем они стали банкротами и были ликвидированы. Посевная площадь сократилась с 569,9 тыс. гектаров в 1990 г. до 195 тыс. гектаров к 2003 г. или сократилась на 65%. В этот же период время количеств животных в сельскохозяйственных организациях сократилось в разы. Так, поголовье крупного рогатого скота (к.р.с.) уменьшилось в 2,5 раза, овец и коз сократилось на 94%, свиней было 83,3 тыс. голов, а осталось 400 голов [3, с. 81]. Только в этот период времени не сократилось количество животных, содержащихся в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) населения. Так, поголовье крупного скота в 1990 г. в ЛПХ содержалось 75,2 тыс. голов к.р.с. и 45,1 тыс. голов овец и коз [2, с. 42]. В настоящее время в ЛПХ населения республики содержится более 80 тыс. голов к. р. с., или 52% от всего поголовья, содержащегося в хозяйствах Хакасии. Овец и коз в хозяйствах населения Хакасии в 2025 г. содержалось 94 тыс. голов, или

30% от всего поголовья этого вида животных. В советский период времени держали скот практически во всех ЛПХ, но по одной или по две головы.

Надо отметить, что аалы в основном находятся далеко от районных центров и иных крупных поселений. Это позволяет им сохранять уклад жизни, сложившийся за длительный период времени. В качестве примера рассмотрим социально-экономическую обстановку в аале Койбалы муниципального образования «Куйбышевский сельский Совет» Бейского района. Всего в составе Совета 5 поселений. К трём из них от села Куйбышево, где находится администрация сельского Совета ведёт гравийная дорога. Аал Койбалы находится от села Куйбышево на расстоянии 9 километров. В аале родились и выросли Чичинин Иннокентий Сафьянович и Капсаргин Фёдор Петрович. Оба получив соответствующее образование стали доктора наук. Иннокентий Сафьянович был доктором технических наук, работал в институте геофизики СО РАН, занимался проблемами связанную с атомным проектом. Фёдор Петрович был доктором медицинских наук был главным урологом Красноярского края. В аале Койбалы в быту и в общественных местах разговаривают только на хакасском языке. В этом аале в сравнении с другими поселениями этого Совета наименьшее количество домов, где не проживают люди. Само поселение появилось в 1930-е гг. XX в. в период организации колхозов путём слияния 5 маленьких аалов — аала Чичина, аала Матный, аала Миткон и аала Малакан. Вновь созданное поселение называли аал Койбалы, вероятно, в память о этнической группе хакасов — койбалах [4, с. 286]. До XIX в. эта этническая группа занимала пространство между левым берегом реки Енисей и правым берегом реки Абакан [5, с.29], сейчас на этой территории расположены Алтайский и Бейский районы Республики Хакасия. К началу XX в. представители этой этнической группы хакасов в основном проживали в выше названных поселениях. Проживало в аале в 2004 г. 359 человек [4, с. 286].

В настоящее время в аале 95 домохозяйств, где прописано 260 человек, но фактически проживает около 100 человек. За 20 лет население сократилось на 27%. Большая часть проживающих — пенсионеры. В каждом хозяйстве есть одна и более легковых машин, в 30 хозяйств имеют колёсные трактора: с прицепным и навесным оборудованием. Из 95 подворий не держат скот только 5 подворий. Для сравнения в аалах Шалгинов (88 домохозяйств) и Чаптыков (69 домохозяйств) этого же Совета не держат скот соответственно 60% и 40% домохозяйств. Всего в аале Койбалы содержится более 900 голов крупного рогатого скота и около 1600 голов овец и коз. Скот пасётся на землях, полученных в качестве пая и на тех землях, что осталось невостребованными (невостребованных земель осталось мало). Но в последнее время хозяева востребованных паёв, то есть приватизированных земель, стали их огораживать, устанавливая просто ограждения из досок или ставят электроограждение. Электричество к таким ограждениям подаётся за счёт солнечных панелей. В скором времени в этом поселении не будет свободной земли, что обострит ситуацию по выпасу скота. А та территория — 57 гектаров, выделенная из муниципальной земли для пастбы скота не обеспечивает потребности.

В аале есть небольшое здание, где находится маленький магазин. Работает начальная школа, где занимаются 8 учеников и есть ФАП, построенный и введенный в 2024 г., при нём есть аптечный пункт. Надо отметить, что дети занимаются в здании школы 1956 г. постройки. В 2004 г. построили здание новой просторной школы, но не ввели, так как при проектировании допустили ошибку в расчётах. Кто виноват до сего времени выясняют, а здание разрушается. В аале есть сельский дом культуры. Но здание этого учреждения находится в аварийном состоянии. В магазине есть товары первой необходимости, но цены очень высокие. Так десяток яиц стоит 140 рублей, что выше, чем в г. Абакане на 40%, крупа овсяная один килограмм стоит 60 рублей, что выше, чем в г. Абакане на 50%. Мороженое 70 граммов (советский сливочный) стоит 60 рублей, что, выше чем в г. Абакане на 20%. Один килограмм сахара стоит 105 рублей, что выше, чем в г. Абакане на 40%... До начала перестройки, когда действовала потребительская кооперация цены были одинаковые по всей территории Хакасии... А пенсию жители аала получают такую же, что и в других поселениях Хакасии. Каждый год жители аала проходят диспансеризацию, которую проводится в районном центре. А

до него 25 километров. Большая часть населения едет на автобусе, который заезжает в аал два раза в неделю. Оплачивают проезд за счёт своих средств.

Надо отметить в аале не ведётся жилищного строительства. Самый новый двухквартирный дом был введен в 1987 г. Если исследователи ранее отмечали, что все семьи выписывали газеты и журналы, то в настоящее время периодическую печать ни одна семья не выписывает. До перестройки в аале стационарный телефон имелся в конторе фермы совхоза. В настоящее время в каждом доме по несколько телевизоров все жители пользуются мобильной связью. На улицах аала недавно установили баки для сбора ТБО. Это правильно, ведь все поля вокруг поселений усеяны пластиком и полиэтиленовой плёнкой. Но цена опять же выше чем в городе на 50% и составляет 102 рублей с человека в месяц, а в городе и зарплате выше и есть работа. Нам кажется, что государство должно обязать крупные торговые кампании содержать в сельской местности свои торговые точки, соответственно и цены не будут отличаться от города. Также необходимо решать вопрос об установлении одинаковых тарифов по вывозке ТБО по всей территории республики.

Литература

1. Хакасско-Русский словарь = Хакас-орыс сөстүк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
2. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. Госкомстат РСФСР. Управление статистики Хакасской автономной области. Абакан, 1990. 100 с.
3. Экономика Республики Хакасия в 2003 г. (II часть). Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. Комстат Республики Хакасия. Абакан, 2004. 234 с.
4. Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 томах / гл. ред. В. А. Кузьмин. Красноярск: Поликор, 2007. Т. 1: А. Н. 432 с.
5. Атлас Республики Хакасия. г. Омск. Картографическая фабрика, ул. Таубе 13. 1998. С. 32.

SOCIAL AND ECONOMIC PROCESSES TAKING PLACE IN KHAKASS SETTLEMENTS FROM THE BEGINNING OF «PERESTROIKA» TO THE PRESENT

Abstract. The article shows how, since the beginning of «perestroika», the social and economic situation in rural areas began to change, including in a Khakass *aal* (a settlement) [1, p. 17]. Like in the entire federation, as part of privatization in the aals, property and land shares began to be received, and peasant farms began to be organized. All this led to the fact that large agricultural enterprises became bankrupt. No employer — no job. Searching for work, rural residents began to move to towns and other settlements where they could find a job. The Khakass aal residents' behavior was no exception. Some of them also left their home settlements and moved to other settlements. All this led to the rapid decline of the rural population. People began to leave their homes, and as a result, they began to decay. In rural areas, most of the residents are currently retired people. But with their small pension, they can buy significantly less than town pensioners can afford due to the fact that industrial and food products in rural areas, including the Khakass aals, are much more expensive than in regional centers and towns.

Keywords: Khakass aal, privatization, bankruptcy, unemployment.

Сведения об авторе

Шапошников Георгий Михайлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. e-mail: khaltar1947@mail.ru

Shaposhnikov Georgy Mikhailovich, Candidate of Economics; senior research fellow of the Department of Economics and Sociology; Khakass Research Institute for Language, Literature, and History; e-mail: khaltar1947@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию места и роли предпринимательства в структуре современного российского общества на примере Республики Бурятия. Предметом анализа выступает изучение предпринимательства как социально-экономический феномен, интегрированный в систему региональных общественных отношений. Цель работы — выявление социально-экономического эффекта от предпринимательской деятельности, ее вклада в решение проблем занятости, формирование доходов населения и развитие региона. В статье отмечается, что в Республике Бурятия сформирована и успешно функционирует институциональная инфраструктура поддержки предпринимательства, позволяющая бизнесу выступать значимым элементом социально-экономических преобразований. На основе статистических данных и анализа успешных бизнес-проектов продемонстрирована способность предпринимательского сектора генерировать позитивные изменения в различных сферах — от дополнительного образования до туризма и сохранения культурного наследия. Сделаны выводы о том, что в последние годы предпринимательство в Бурятии занимает устойчивое положение в структуре общества, выполняя не только экономические, но и важные социальные функции, способствуя преодолению социально-экономических проблем в Республике Бурятия.

Ключевые слова: предпринимательство, малый и средний бизнес, социальная структура общества, региональное развитие, занятость, налоговые льготы, Республика Бурятия.

На современном этапе за последние тридцать лет предпринимательство сформировался как важнейший социальный институт, где сами предприниматели активно вовлечены в социально-экономическое взаимодействие с обществом и государством. Эффективность функционирования современной рыночной экономики обеспечивается благодаря «разумному» сочетанию применения принципов рыночного саморегулирования и государственного участия, т.е. при слаженном взаимодействии работы института рынка и государства [1, с. 8–12].

Государство традиционно является главным сдерживающим фактором социально-экономической стабильности, не допускает роста социальных противоречий и в рамках социальной политики решает общественно значимые задачи, в том числе и в нашем регионе. Предпринимательство за последние годы стало значимым фактором преобразования как в экономике, так и в социальной сфере и в рамках государственно-частного партнерства позволяет снять часть социальных обязательств государства, обеспечивая конкурентность и социальной сферы. Малый и средний бизнес в Республики Бурятия довольно оперативно решают задачи в сфере торговли и оказания услуг населению, что способствует социально-экономическому преобразованию в регионе.

Предпринимательство как социальный феномен привлекает внимание исследователей различных научных направлений. В контексте институционального подхода предпринимательство рассматривается как устойчивая система формальных и неформальных норм, правил и практик, регулирующих деловую активность и определяющих место бизнеса в общественной структуре. Ф. Хайек, в свою очередь, обосновал идею о том, что предприниматель способен находить на рынке «рассеянное» знание — информацию, распределенную среди множества экономических субъектов, и эффективно ее использовать [3]. Данная теоретическая рамка позволяет объяснить, почему именно бизнес, а не государство, зачастую оказывается более эффективным в решении конкретных социально-экономических проблем на локальном уровне.

В работах современных исследователей отмечается возрастание роли предпринимательства в производстве общественных благ и решении социальных проблем. М. Юнус, лауреат

Нобелевской премии, рассматривает социальный бизнес как инструмент борьбы с бедностью и безработицей, способный генерировать изменения и решать проблемы других людей [4, с. 34]. Принципиальное отличие предпринимательского подхода от благотворительности заключается в финансовой устойчивости: бизнес благодаря предпринимательской инициативе генерирует постоянный доход, позволяющий обеспечивать текущую деятельность и финансировать дальнейшее развитие без постоянных внешних вливаний.

Республика Бурятия демонстрирует впечатляющую динамику развития предпринимательского сектора. Согласно данным Федеральной налоговой службы РБ, количество субъектов малого и среднего предпринимательства на апрель 2026 г. составило 35 649 единиц, что на 1973 больше, чем годом ранее. Темп роста в 7,2% более чем в два раза превышает общероссийский показатель (3,2%) и почти вдвое — средний по Дальневосточному федеральному округу (3,8%) [4].

Этот результат позволил Бурятии занять первое место по темпам роста предпринимательства среди всех субъектов ДФО и 7-ю позицию в общероссийском рейтинге, что свидетельствует о создании в республике одной из самых динамичных и благоприятных бизнес-сред в стране. По данным Народного Хурала Бурятии, в регионе также зарегистрировано 47 861 самозанятых, а численность занятых в секторе МСП достигает порядка 120 тыс. человек [5].

Отраслевая структура предпринимательства отражает специфику региональной экономики и потребительского спроса. Наиболее популярной сферой остается оптовая и розничная торговля, за ней следуют строительство, транспортировка и хранение, обрабатывающая промышленность, гостиничный бизнес и общественное питание.

По данным Бурятстата, оборот организаций по полному кругу хозяйствующих субъектов по Республике Бурятия в январе 2026 г. составил 62,9 млрд рублей или 115,4% к январю 2025 г. и 71,1% к декабрю 2025 г. Объем отгруженных товаров собственного производства достиг за январь 2026 г. составил 23309,4 млн рублей и увеличился по сравнению с январем 2025 г. в действующих ценах на 22,6%. Наибольшую долю в обороте организаций в январе 2026 г. формировали организации с основным видом экономической деятельности «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (26,3%), «Добыча полезных ископаемых» (15,1%), «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» (14,0%), «Транспортировка и хранение» (13,5%), «Обрабатывающие производства» (8,8%). [6].

Среднесписочная численность работников малых предприятий за указанный период составила 14,7 тыс. человек (7,3% от общей численности занятых в экономике республики). Наибольшее количество занятых сосредоточено в сфере оптовой и розничной торговли (18,0%), в области административной деятельности (16,2%) и в обрабатывающих производствах (13,5%) [7].

Однако в сфере оплаты труда сохраняется заметный разрыв со средними показателями по республике. Среднемесячная заработная плата работников малых предприятий сложилась в размере 65575 руб., что составляет лишь 82,5% от среднего уровня по экономике Бурятии. При этом внутри сектора наблюдается сильная дифференциация: наиболее высокий уровень зарплат зафиксирован у работников организаций по добыче полезных ископаемых — 112 119,8 рублей, что в 1,7 раза превышает среднереспубликанский показатель для малых предприятий [7].

Успешное развитие предпринимательского сектора в Бурятии во многом обусловлено сформированной институциональной инфраструктурой поддержки. Ключевым элементом этой инфраструктуры выступают налоговые льготы, введенные региональным законодательством с 2021 г. Республика сохраняет один из самых низких налоговых режимов для бизнеса в стране — всего 1% от доходов или 5% от доходов за вычетом расходов для социальных предпринимателей [8]. За трехлетний период государственная поддержка в виде налоговых льгот оказана на сумму 60,5 млн руб. [9].

Министерство промышленности, торговли и инвестиций Бурятии предоставляет гранты на развитие бизнеса в размере до 500 тыс. руб., а с 2021 г. такие гранты получили уже

56 предприятий на общую сумму 26,5 млн руб. [11]. В 2024 г. в правила предоставления грантов внесены изменения, предоставляющие первоочередное право на получение финансовой помощи предпринимателям — участникам специальной военной операции и членам их семей [8].

Комплексную помощь предпринимателям оказывает центр «Мой бизнес», функционирующий в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика». Для реализации социальных проектов предприниматели могут получить льготные микрозаймы в размере до 3 млн руб. на срок до 3 лет под 8% годовых от Фонда поддержки малого предпринимательства РБ.

По информации министра промышленности, торговли и инвестиций Бурятии Дениса Гармаева, за период 2022–2026 гг. субсидии получили 72 субъекта МСП на сумму 68 млн. рублей. Показателями результативности предоставленных субсидий стало сохранение и увеличение рабочих мест, рост налоговых платежей. В 2023 г. налоги от получателей поддержки составили 153,5 млн руб., что на 51 млн. руб. больше, чем в 2022 г. [5].

Значительную поддержку получает и агробизнес. По информации зампреда правительства — министра сельского хозяйства и продовольствия Амгалана Дармаева, представители агробизнеса за последние три года получили господдержку в размере 1,5 млрд руб. из республиканского бюджета. Мерами поддержки была охвачена треть сельхозорганизаций, четверть крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей. Общий итог работы отрасли за три года — рост объемов производства продукции АПК на 40,3%, прежде всего увеличение производства мяса, картофеля, овощей. На каждый вложенный один рубль господдержки произведено валовой сельхозпродукции на 11,19 руб. [5].

Туристическая отрасль также получила существенную поддержку. Как сообщил министр туризма Бурятии Алдар Доржиев, предприниматели, задействованные в сфере туризма, получили 78 млн руб. господдержки. Это субсидии на создание модульных кемпингов, гранты на поддержку туристических проектов и общественных инициатив, включая развитие туристических маршрутов и пляжей. Как отмечает министр туризма Бурятии, сфера туризма развивается достаточно динамично. Предприниматели активно участвуют в создании модульных кемпингов, развитии туристических маршрутов, обустройстве пляжей и других объектов туристической инфраструктуры. Это не только увеличивает туристический поток, но и способствует повышению качества жизни местного населения, создавая новые возможности для занятости и досуга [10].

Особое место в структуре предпринимательства Бурятии занимает социальный бизнес, деятельность которого непосредственно направлена на решение общественно значимых задач. Динамика развития этого сектора впечатляет: если в 2020 г. в реестр социальных предприятий входило всего 9 субъектов МСП, то к началу 2025 г. их число увеличилось до 135, а к октябрю 2025 г. достигло 159 [8].

Критерии отнесения бизнеса к социальному предпринимательству включают:

- не менее половины сотрудников компании — представители социально уязвимых категорий населения;
- компания производит товары и оказывает услуги для социально уязвимых категорий;
- представители социально уязвимых категорий сами производят товары и оказывают услуги;
- компания решает социальные проблемы в сфере здравоохранения, образования, сохранения культуры и самобытности.

К социально уязвимым категориям населения относятся не только инвалиды, пенсионеры, дети-сироты, одинокие родители, но и многодетные, предпенсионеры и участники СВО.

Ярким примером успешного социального предпринимательства в Бурятии стала студия развития речи «Звукомагия» в Улан-Удэ, созданная Наталией Балтуевой. Сегодня здесь работают семь логопедов-дефектологов и два нейропсихолога, а ежемесячно центр посещают около 150 человек, включая детей с ограниченными возможностями здоровья [8].

Предпринимательница отмечает, что сотрудничество с центром «Мой бизнес» продолжается с первых дней работы: «Это и образовательные программы, и помощь в регистрации товарного знака, консультации на любые темы. Четыре года назад мы получили грант в размере 500 тыс. руб., на который закупили оборудование для методики Томатис и инновационное «умное» зеркало для логопедов. Сейчас помогли с вывеской и полиграфической продукцией». Благодаря официальному статусу социального предприятия центр смог получить льготный кредит для закупки оборудования и обустройства новых помещений, что позволило расширить деятельность и помочь большему количеству детей [8].

Данный показатель наглядно демонстрирует способность предпринимательства быть сопричастным к решению социальных проблем общества. Подобно проектам, описанным в исследовании Г. В. Колодней [1, с. 52–53], социальный бизнес в Бурятии выступает не просто поставщиком услуг, но и генератором позитивных изменений, создавая рабочие места для специалистов и обеспечивая доступ к важным социальным услугам для нуждающихся категорий населения. Как видим, особую роль предпринимательство играет в развитии местных территорий. Малый бизнес, в силу своей мобильности и способности адаптироваться к местным условиям, незаменим при работе на локальных рынках. Предпринимателям удается тонко «чувствовать» изменения конъюнктуры, ориентироваться в запросах потребителей и оперативно решать возникающие проблемы. Предпринимательство активно содействует не только экономическому росту, но и способствует социальному развитию региона занимая социально значимое положение среди населения в социальной структуре общества.

Несмотря на позитивную динамику развития предпринимательского сектора в Бурятии, исследователи указывают на ряд проблемных аспектов. О. Н. Золотухина в своем исследовании отмечает, что развитие предпринимательства в республике — процесс неоднозначный. Малый и средний бизнес призван изменить уровень безработицы, обеспечить рынок труда рабочими местами, но на практике этого не всегда происходит. Исследователь указывает, что предприниматели не всегда создают новые рабочие места, а новые открывающиеся предприятия зачастую представляют собой деятельность одних и тех же собственников. Указанные показатели развития предпринимательской деятельности в Бурятии не всегда влияют на повышение уровня жизни населения [11].

Это замечание заслуживает внимания, поскольку количественный рост числа предпринимателей не всегда автоматически означает качественные изменения в социально-экономическом положении региона. Остается открытым вопрос о глубине интеграции предпринимательства в структуру общества: создает ли бизнес реальные возможности для социальной мобильности и улучшения качества жизни широких слоев населения или же концентрируется в руках ограниченного круга лиц, извлекая выгоду из преференциальных режимов? Также обращает на себя внимание диспропорция в уровне оплаты труда на малых предприятиях по сравнению со средними показателями по экономике (82,5%). При сохранении такой тенденции предпринимательский сектор рискует превратиться в зону прекаризованной занятости, что противоречит его социальной миссии.

Таким образом можно сделать вывод, что несмотря на все трудности предпринимательство в структуре общества в Республики Бурятия за последние годы становится все более значимым фактором не только экономического, но и социального развития региона. Предпринимательство благодаря местным мерам поддержки со стороны государства обеспечивает важные социально-экономические функции, такие как занятость населения, насыщение рынка товарами и услугами, а также решает социальные проблемы через механизмы социального предпринимательства. В социальной структуре предпринимательство занимает одно из ведущих мест, формируя средний класс современной России.

Литература

1. Колодняя Г. В. Социальное предпринимательство: вклад в преодоление социально-экономического неравенства в современной России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15, № 5. С. 47–56.

2. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. Москва: Новости, 1992. 320 с.
3. Юнус М. Мир трех нулей: как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 275 с.
4. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Сайт Федеральной налоговой службы. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Народный Хурал Бурятии рекомендовал усилить меры господдержки субъектам МСП // Infpol.ru. 3 июня 2025. URL: <https://infpol.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь 2026 г.: комплексный доклад / Бурятстат. Улан-Удэ, 2026. 123 с.
7. Бурятстат зафиксировал рост оборота малых предприятий за три квартала // МК в Бурятии. 17 декабря 2025. URL: <https://mk.ru/buryatia> (дата обращения: 12.05.2026).
8. В Минпроме раскрыли, как в Бурятии поддерживают социальный бизнес // МК в Бурятии. 14 октября 2025. URL: <https://mk.ru/buryatia> (дата обращения: 12.05.2026).
9. В Бурятии развивается социальное предпринимательство // Официальный сайт Администрации Баргузинского района. 28 января 2025. URL: <https://baraguzin.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Бурятия стала лидером Дальнего Востока по росту числа предпринимателей // МК в Бурятии. 13 октября 2025. URL: <https://mk.ru/buryatia> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Золотухина О.Н. Особенности развития предпринимательской деятельности в Бурятии в условиях трансформации российского общества в конце XX — начале XXI в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 1. С. 49–58.

REGIONAL ASPECTS OF ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. The article is devoted to the study of the place and role of entrepreneurship in the structure of modern Russian society on the example of the Republic of Buryatia. The subject of analysis is the study of entrepreneurship as a socio-economic phenomenon integrated into the system of regional public relations. The purpose of the work is to identify the socio-economic effect of entrepreneurial activity, its contribution to solving employment problems, the formation of incomes of the population and the development of the region. The article notes that an institutional infrastructure for supporting entrepreneurship has been formed and is successfully functioning in the Republic of Buryatia, which allows business to act as a significant element of socio-economic transformations. Based on statistical data and analysis of successful business projects, the ability of the business sector to generate positive changes in various fields — from additional education to tourism and the preservation of cultural heritage. It was concluded that in recent years, entrepreneurship in Buryatia has occupied a stable position in the structure of society, performing not only economic, but also important social functions, contributing to overcoming socio-economic problems in the Republic of Buryatia

Keywords: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, social structure of society, regional development, employment, tax benefits, Republic of Buryatia.

Сведения об авторе

Гельман Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Социальные технологии», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, e-mail: wigdan@mail.ru

Gelman Viacheslav Aleksandrovich, Ph.D. Associate Professor of the Department of Social Technologies Eastern Siberian State University of Technology and Management, e-mail: wigdan@mail.ru

РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Предпринимательство всё сильнее влияет на социальную структуру общества. По данным Минэкономразвития, число субъектов малого и среднего предпринимательства увеличилось на 200 тыс. по сравнению с предыдущим годом. Предпринимательство также связано с инновациями, влияет на социальную мобильность. Для части населения собственное дело становится способом изменить уровень дохода и профессиональное положение.

Ключевые слова: предпринимательство, инновации, социальная мобильность, социальная структура, современное общество, трансформация.

Предпринимательство заметно влияет на повседневную жизнь общества через создание рабочих мест, внедрение новых технологий и изменение возможностей для разных социальных групп. Особенно хорошо это видно в последние годы, когда цифровые сервисы, платформенная занятость и онлайн-бизнес стали частью обычной экономики. Многие процессы, которые раньше требовали крупных компаний и серьёзных ресурсов, теперь могут запускаться небольшими командами или даже одним человеком.

Одно из главных последствий предпринимательской активности связано с занятостью населения. По данным Росстата и Федеральной налоговой службы, в секторе малого и среднего предпринимательства занято около 29 млн человек [10; 12]. Фактически значительная часть экономики сегодня зависит именно от предпринимательской среды. Малый бизнес обеспечивает рабочие места не только в крупных городах, но и в небольших населённых пунктах, где возможности трудоустройства часто ограничены.

Особенно быстро в России росла сфера самозанятости. После введения специального налогового режима количество зарегистрированных самозанятых стало увеличиваться ежегодно. Люди начали работать как независимые специалисты в сфере дизайна, перевозок, ремонта, IT, маркетинга, репетиторства и онлайн-услуг. Для части населения это стало альтернативой традиционной занятости с фиксированным графиком и жёсткой организационной структурой.

Предпринимательство влияет и на структуру профессий. Некоторые виды деятельности постепенно исчезают, а на их месте появляются новые направления. Расширение цифровой экономики повысило спрос на программистов, интернет-маркетологов, аналитиков данных, специалистов по электронной коммерции и разработчиков онлайн-платформ. Одновременно автоматизация сокращает потребность в ряде рутинных операций. В результате рынок труда становится более гибким, но и более нестабильным [7].

Таблица 1

Показатели развития малого и среднего предпринимательства в России в 2024–2025 гг.

Показатель	Значение
Количество субъектов МСП	более 6,5 млн
Численность занятых в секторе МСП	около 29 млн человек
Рост числа МСП за последний год	более 200 тыс.
Количество зарегистрированных самозанятых	более 12 млн человек
Доля МСП в ВВП России	около 21%

Таблица показывает, что предпринимательский сектор занимает значительное место в российской экономике. Особенно показателен рост числа самозанятых. Это говорит о том,

что люди всё чаще стремятся самостоятельно организовывать свою работу и доход. Одновременно расширяется цифровая инфраструктура бизнеса. Многие предприниматели работают через маркетплейсы, онлайн-платформы и социальные сети, что снижает первоначальные затраты на запуск собственного дела [10; 12].

Предпринимательство постепенно меняет саму модель занятости. Всё больше людей работают вне традиционной схемы «работодатель — офис — фиксированный график». Это повышает гибкость рынка труда, но одновременно делает доходы части населения менее стабильными и сильнее зависимыми от рыночной ситуации.

Отдельное влияние предпринимательство оказывает на инновации. Крупные изменения в экономике часто начинаются именно с небольших компаний. Так происходило с интернет-магазинами, сервисами доставки, мобильными приложениями и финансовыми технологиями. Многие известные цифровые платформы начинались как небольшие проекты, ориентированные на решение конкретной проблемы. В России развитие Ozon, Wildberries, Яндекс Go, Т-Банка и других сервисов изменило поведение миллионов потребителей. Онлайн-покупки и цифровые сервисы за последние годы стали не дополнением к обычной жизни, а её базовой инфраструктурой. Это важно зафиксировать как отправную точку, потому что именно здесь начинается разговор о роли предпринимательства в современной экономике.

Предпринимательство особенно ценно в моменты, когда привычная система даёт сбой. Пандемия 2020 г. показала это с почти лабораторной точностью. Крупные компании с многоуровневыми согласованиями теряли недели на переориентацию. Малый бизнес перестраивался за дни. Согласно данным ОЭСР, в 2020–2021 гг. в большинстве стран резко вырос спрос на доставку, дистанционное обучение и электронную торговлю. В России за несколько месяцев произошёл сдвиг, который в обычных условиях занял бы годы. Wildberries и Ozon нарастили обороты, сервисы «Самокат» и «Яндекс Лавка» вышли в десятки городов, а тысячи небольших магазинов перевели продажи в социальные сети и интернет-площадки [9].

Это не просто адаптация. Это демонстрация того, что гибкость малого бизнеса является структурным преимуществом, а не случайным свойством.

Отдельная тема — предпринимательство как инструмент социальной мобильности. Традиционно карьерный рост был привязан к конкретному работодателю, региону, отрасли. Сегодня разработчик из Перми и маркетолог из Краснодара работают с клиентами из Москвы и Санкт-Петербурга, не меняя места жительства. Цифровая экономика сломала географическую зависимость дохода. Для запуска проекта в сфере IT, онлайн-образования, дизайна или консалтинга сегодня нужен ноутбук, интернет и профессиональный навык. Офис, склад, оборудование — всё это стало необязательным для значительной части современных бизнес-моделей.

Особенно показателен сектор самозанятых. С момента введения специального налогового режима в 2019 г. к 2024 г. число зарегистрированных самозанятых в России превысило 10 миллионов человек [10]. Это не статистическая абстракция, а реальная смена модели занятости для миллионов людей.

Вместе с тем предпринимательство несёт в себе высокий уровень риска, и здесь важно не поддаваться романтизации. По данным ФНС и Корпорации МСП, значительная часть малого бизнеса закрывается в первые три года после регистрации. Главные причины повторяются из года в год. Это дефицит оборотных средств, неверная оценка спроса, долговая нагрузка и давление со стороны более крупных игроков [10; 12]. Сама по себе предпринимательская инициатива не защищает от этих рисков. Нужны управленческие компетенции, финансовая грамотность и понимание цифровых инструментов.

Именно поэтому государственная поддержка МСП в последние годы сместилась с простого стимулирования регистрации новых компаний в сторону повышения их выживаемости. Льготные кредиты через МСП Банк, гранты Фонда содействия инновациям, специальные налоговые режимы, платформа МСП.РФ с набором цифровых сервисов — всё это попытка снизить смертность бизнеса на ранних стадиях [12, 13]. П. Ф. Друкер в своё время сформулировал мысль, которая не утратила актуальности. Устойчивость компании определяется не

качеством первоначальной идеи, а способностью постоянно адаптироваться к меняющейся среде [4].

Предпринимательство сегодня правильнее рассматривать как социальный институт, а не только как экономическую категорию. Развитие платформенной занятости, маркетплейсов и онлайн-сервисов породило формы труда, которых просто не существовало двадцать лет назад. Курьер, работающий через агрегатор, онлайн-репетитор с аудиторией по всей стране, фрилансер, ведущий одновременно пятнадцать проектов, — это новая реальность рынка труда.

Распространение электронной коммерции и удалённой занятости меняет не только экономику, но и повседневные стратегии людей. Как выстраивать карьеру, как совмещать несколько источников дохода, как оценивать стабильность — всё это вопросы, на которые предпринимательская логика даёт принципиально иные ответы, чем традиционная модель наёмного труда. Предпринимательство формирует новую структуру профессиональных возможностей и именно в этом проявляется одна из наиболее заметных сторон его влияния на современное общество.

Литература

1. Абзалилов С. Н., Кузнецова Ю. А. Предпринимательство и бизнес в экономике страны: изменение роли и направлений развития за период 2012–2024 гг. // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 8. С. 4067–4082.
2. Организация предпринимательской деятельности: учебник / А. Н. Асаул, М. П. Войнаренко, И. В. Крюкова, П. Б. Люлин. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 400 с.
3. Горфинкель В. Я. Малое предпринимательство: организация, управление, экономика: учебное пособие / под ред. В. Я. Горфинкеля. Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2014. 349 с.
4. Друкер П. Ф. Бизнес и инновации. Москва: Вильямс, 2007. 432 с.
5. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Москва: Социум, 2020. 286 с.
6. Лапуста М. Г. Предпринимательство: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2010. 608 с.
7. Чепуренко А. Ю. Социология предпринимательства. Москва Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 304 с.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: Эксмо, 2007. 864 с.
9. Глобальный мониторинг предпринимательской активности. Россия. 2024–2025. URL: https://gsom.spbu.ru/images/a01/1/sds/otchet_2025_final.pdf (дата обращения: 27.05.2026).
10. Малое и среднее предпринимательство в России / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223> (дата обращения: 27.05.2026).
11. Малое и среднее предпринимательство в ВВП и БВП URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 27.05.2026).
12. На 200 тысяч увеличилось число МСП по сравнению с прошлым годом / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_na_200_tysyach_uelichilos_chislo_msp_po_sravneniyu_s_pr_oshlym_godom.html (дата обращения: 27.05.2026).
13. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 27.05.2026).
14. Предпринимательский потенциал россиян: мониторинг / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelskii-potencial-rossijan-monitoring> (дата обращения: 27.05.2026).

THE ROLE OF ENTREPRENEURSHIP IN THE TRANSFORMATION OF MODERN SOCIETY

Abstract. Entrepreneurship is increasingly influencing the social structure of society. According to the Ministry of Economic Development, the number of small and medium-sized businesses increased by 200,000 compared to the previous year. Entrepreneurship is also associated with innovation and affects social mobility. For some of the population, starting their own business is becoming a way to change their income and professional status.

Keywords: entrepreneurship, innovation, social mobility, social structure, modern society, transformation.

Сведения об авторе

Бадмаева Дугарма Галбадаровна, аспирант кафедры социальных технологий, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, e-mail: dugarmabozd@mail.ru

Dugarma Galbadarovna Badmaeva, Post-graduate student at the Department of Social Technologies of the East Siberian State University of Technology and Management, e-mail: dugarmabozd@mail.ru

ВЫЗОВЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В КИТАЕ И РОССИИ

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ системной социальной трансформации в Китае и России, с фокусом на выявлении общих вызовов и специфических траекторий развития. На основе сравнительно-исторического и системного анализа исследуется взаимодействие институциональных изменений, роли государства, структурной перестройки экономики и культурного контекста в двух странах. Результаты показывают, что, несмотря на различия в исходных условиях и моделях, оба общества сталкиваются с проблемами координации реформ, поддержания стабильности и достижения устойчивого развития. В статье также обозначены потенциальные пути взаимного обучения в рамках научно-технологического и институционального взаимодействия.

Ключевые слова: системная трансформация, Китай, Россия, институциональные изменения, государственное управление, устойчивое развитие, культурная идентичность

Введение и обзор литературы. Современный мир переживает глубокие трансформации. Сравнительный анализ масштабных социальных изменений в Китае и России представляет научный интерес, так как обе страны прошли через фундаментальную системную перестройку. Несмотря на разное время и условия начала этих процессов, они ставят схожие вызовы: поиск баланса между стабильностью и изменениями, эффективностью и справедливостью, глобальной интеграцией и сохранением идентичности. Актуальность исследования связана с необходимостью осмысления пройденного пути, выявления будущих траекторий развития и потенциала для взаимовыгодного сотрудничества двух стран в новых реалиях.

Материалы и методы. Для достижения исследовательских целей в данной работе используются методы сравнительного исторического анализа и системного анализа. Сравнительный исторический анализ направлен на сравнение хронологического порядка, этапов, исходных условий и ключевых вех переходных процессов в Китае и России. Основное внимание уделяется выявлению универсальных закономерностей и уникальных национальных особенностей переходного процесса. Системный анализ используется для анализа того, как изменения в одной области (например, экономические реформы) определяют или ограничивают изменения в других областях (политическое управление, социальная структура).

Результаты и дискуссии. Траектории трансформации в Китае и России демонстрируют глубокие различия. Логика институциональных изменений особенно показательна: китайский путь часто характеризуется как постепенный и инкрементный, в то время как Россия в определенный период пережила более радикальную и всеобъемлющую институциональную реконструкцию [6, с. 92]. Эта разница в «способах трансформации» глубоко повлияла на скорость адаптации общества к изменениям и связанные с этим затраты.

Роль государства в трансформации представляет собой еще одно ключевое измерение. С точки зрения государственного строительства, сильные государственные институты играют ключевую роль в процессе руководства масштабными социальными изменениями. В Китае государство как двигатель реформ обеспечивало базовую стабильность в переходный период; в России колебания государственного потенциала напрямую коррелировали с консолидацией и поддержанием общественного порядка [5, с. 138–139].

Структурная перестройка в экономической сфере всегда была краеугольным камнем системной трансформации. В настоящее время модернизация экономических и торговых отношений между двумя странами направлена не только на традиционную взаимодополняемость, но и на стратегическую синергию в области технологий и инноваций для ответа на глобальные вызовы и построения более устойчивой модели сотрудничества [1, с. 145]. Этот сдвиг

перекликается с общим призывом к построению новых экономических моделей, ориентированных на устойчивое развитие [2, с. 25].

Процесс трансформации неотделим от его глубоко укоренившейся культурной и исторической почвы. Ценности и модели социального поведения, сформированные в традиционной политической культуре, непрерывно и незаметно влияют на то, как общество принимает новые системы и реагирует на них. [4, с. 132]. Кроме того, конечная результативность трансформации должна проявляться в оптимизации и корректировке конкретных экономических структур, что требует от обеих стран постоянного содействия модернизации моделей сотрудничества [3, с. 74]. В заключение отметим, что опыт трансформаций в Китае и России демонстрирует, что системные социальные изменения — это сложный процесс, включающий многоуровневое взаимодействие институтов, государства, экономики и культуры. Вызовы этого процесса многогранны, и выбор пути развития должен учитывать как универсальные законы, так и национальные особенности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном социально-философском осмыслении опыта трансформации в Китае и России через призму взаимодействия институтов, государства, экономики и культуры. Теоретическая ценность работы состоит в систематизации ключевых вызовов системной трансформации и демонстрации разнообразия путей развития, что вносит вклад в сравнительную политологию и социологию переходных обществ.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно выделить:

- глубокое изучение социальных последствий цифровой трансформации и развития искусственного интеллекта в двух странах, их влияния на общественный договор и структуру занятости;
- сравнительный анализ механизмов интеграции молодежи в изменяющиеся социальные структуры и формирования новых форм гражданской идентичности;
- исследование потенциала и ограничений формирования общих евразийских институтов в сфере науки, образования и технологий как платформы для совместного ответа на глобальные вызовы.

Литература

1. Барина В., Земцов С., Леваков П. Россия и Китай: мотивы, возможности и риски научно-технологического сближения // Экономическая политика. 2024. Т. 19, № 3. С. 118–153.
2. Бобылев С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. Т. 61, № 3. С. 23–29.
3. Гуань Сюйли. Необходимость сосредоточить усилия на продвижении структурной перестройки и трансформации экономики и торговли между Китаем и Россией в новых условиях // Справочник по экономическим исследованиям. 2012. № 26. С. 73–80.
4. Гуань Хайтин, Лю Ин. Сравнительное исследование традиционной политической культуры и социальной трансформации в Китае и России // Вестник Пекинского университета (Философия и общественные науки). 2013. Т. 50, № 2. С. 131–140.
5. Хуан Цюцзюй, Цзин Вэйминь. Сравнительный анализ трансформации Китая и России с точки зрения построения государства // Современный мир и социализм. 2010. № 5. С. 136–140.
6. Цзин Вэйминь, Чжан Вэй. Сравнительный анализ эволюции и дифференциации способов институциональных изменений в процессе трансформации Китая и России // Тяньцзиньские общественные науки. 2011. № 5. С. 91–94.

CHALLENGES AND DEVELOPMENT PATHS OF SYSTEMIC SOCIAL TRANSFORMATION IN CHINA AND RUSSIA

Abstract. This article conducts a comparative analysis of systemic social transformation in China and Russia, focusing on identifying common challenges and specific development trajectories. Based on comparative-historical and systems analysis, it examines the interaction

between institutional changes, the role of the state, economic structural restructuring, and cultural context in the two countries. The results show that, despite differences in initial conditions and models, both societies face problems of coordinating reforms, maintaining stability, and achieving sustainable development. The article also outlines potential pathways for mutual learning within the framework of scientific-technological and institutional interaction.

Keywords: systemic transformation, China, Russia, institutional changes, state governance, sustainable development, cultural identity.

Сведения об авторе

Ли Ян, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: 281262926@qq.com

Li Yang, doctoral students, Transbaikal State University, e-mail: 281262926@qq.com

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СМЯГЧЕНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ
В КИТАЕ В ПЕРИОД ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Аннотация. Цифровые технологии ведут китайское общество к новой форме: цифровому обществу. Современная китайская молодежь глубоко погружена в различные тревоги, включая «инволюцию» и «застой», что является не просто проявлением индивидуальной психологической хрупкости, а скорее структурным продуктом взаимосвязанных сил цифровых технологий, ускоренного социального развития и логики капитала. Для смягчения тревог китайской молодежи необходимо направлять идеологическое пробуждение в соответствии с общепринятыми ценностями, регулировать границы технологий посредством правового регулирования и укреплять их самостоятельность за счет повышения уровня грамотности.

Ключевые слова: трансформация цифрового общества, китайская молодежь, тревожность, субъективность, ценностная ориентация, осмысленный мир, цифровое управление.

С углублением нового витка технологической революции и промышленной трансформации Китай ускоряет переход к новой социальной форме — цифровому обществу [4, с. 192]. В последние годы формирование и бурные дискуссии о ряде молодежных культурных феноменов в Китае, таких как «инволюция», «лежание на земле» и «духовное истощение», подчеркивают поведенческие решения и идеологические проекции, которые делает китайская молодежь перед лицом новой среды цифрового развития, ускоренной социальной жизни и двойного давления материальной и духовной жизни в процессе трансформации цифрового общества [4, с. 193]. Тревога молодежи в современном китайском обществе вызвана не столько психологическими особенностями или цифровой средой, сколько огромными изменениями в производственных отношениях, вызванными технологическим развитием. Люди испытывают дискомфорт от все более конкурентной инволюции, порождаемой цифровыми технологиями и интеллектуальными алгоритмами [5, с. 90].

Тревожность современной китайской молодежи проявляется прежде всего как телесная тревога. В условиях цифровой трансформации общества молодые люди оказываются неспособными «контролировать» свое тело; их «я» «отделяется» от их физического «я» [1, с. 107]. С одной стороны, тело механизмуется, тела молодых людей становятся «компонентами» умных устройств; с другой стороны, тело коммерциализуется, а богатый телесный опыт становится упрощенным и абстрактным [1, с. 107]. Молодежная тревога также проявляется как эмоциональная тревога, при этом богатый эмоциональный опыт «абстрагируется» в простые два полюса: желание и страх [1, с. 108]. В любви некоторые китайские молодые люди упрощают ее до погони за «деньгами» и «внешностью»; в семейных отношениях некоторые молодые люди пропагандируют феномен «разрыва связей» [1, с. 108]. На более глубоком уровне молодежная тревога проявляется как тревога переживаний. Под влиянием цифровых технологий и ускоренных социальных изменений современной китайской молодежи трудно переживать «незабываемые моменты», и их жизнь кажется пустой [1, с. 108]. В конечном итоге, молодежная тревога проявляется как ценностная тревога, когда ценности некоторых китайских молодых людей «разрушаются» и они впадают в состояние ценностного нигилизма [2, с. 38]. Это проявляется главным образом в явном следовании за толпой, очевидном цинизме и сужении кругозора, при этом китайская молодежь предпочитает оставаться в своих «маленьких кругах» и не желает вступать в диалог с господствующими социальными ценностями [2, с. 38].

Коренные причины вышеупомянутой тревоги многогранны. Во-первых, цифровые технологии внедрили свою технологическую логику и инструментальную рациональность в функционирование китайского общества, подрывая субъективный дух молодежи [1, с. 109]. Чрезмерное и всеобъемлющее использование цифровых технологий привело к ригидности мыш-

ления и отсутствию самостоятельности и рассудительности у некоторых молодых китайцев [1, с. 109]. Во-вторых, ускоряющийся темп жизни общества вызвал кризис времени и кризис идентичности у молодых китайцев. За «инволюцией» стоит сжатие свободного времени молодежи, чтобы не оказаться в числе отстающих. Не сумев достичь ожидаемых целей к «предписанному» возрасту, они испытывают сильную тревогу; быстрая смена множества социальных ролей также размывает границы самоидентичности [1, с. 110]. В-третьих, повсеместное проникновение капиталистической логики в умы молодых китайцев привело некоторых к тому, что они стали отдавать приоритет преследованию материальных интересов, что привело к утилитаризму [2, с. 40]. Капитал побуждает молодежь отстаивать «потребление», а не «созидание», стремиться к «прибыли», а не к «ценности», и сделать «полезность» и «преимущество» стандартом, по которому некоторые молодые китайцы измеряют успех или неудачу [2, с. 40]. Под влиянием цифровых технологий китайская молодежь, кажется, слишком погружена в виртуальный мир и, таким образом, теряет себя [4, с. 193].

Для решения вышеупомянутых проблем необходимо изучить пути смягчения тревоги китайской молодежи в различных аспектах. Во-первых, крайне важно укрепить ценностную ориентацию китайской молодежи и усилить доминирующее положение социалистических основных ценностей [2, с. 41]. Китайскую молодежь следует направлять к тому, чтобы она рассматривала отстаивание твердых идеалов и убеждений как стремление на всю жизнь, укрепление нравственного воспитания как осознанное усилие и смелое стремление как жизненный девиз, отвергая самоуспокоение и апатию [2, с. 41]. Будущее цифровое общество разрушит барьеры фиксированных трудовых отношений, представляя собой трансформацию производственных отношений. Для китайской молодежи, ценящей традиционную стабильность, это привело к беспрецедентной инволюции и давлению, поскольку территория стабильных трудовых отношений сокращается [5, с. 92]. Во-вторых, необходимо обеспечить здоровое и упорядоченное развитие цифровых технологий правовыми средствами, позволяющими им лучше служить китайской молодежи [2, с. 42]. Это требует повышения правовой грамотности практикующих специалистов, совершенствования правовой и нормативной системы в отношении цифровых технологий и усиления соблюдения соответствующих законов и правил [2, с. 42]. Для преодоления тревожности современной китайской молодежи необходимо развивать способность видеть возможности и культивировать навыки и установки, позволяющие адаптироваться к развитию новой интеллектуальной экономики [5, с. 93]. Кроме того, китайская молодежь должна постоянно совершенствовать комплексные способности и качества [2, с. 42]. Им необходимо постоянно повышать свою теоретическую грамотность, осваивая марксистскую точку зрения, подход и методологию; постоянно повышать свою практическую грамотность, придерживаясь единства знания и действия; и постоянно повышать свою цифровую грамотность, развивая навыки критического мышления и позволяя цифровым технологиям способствовать их развитию [2, с. 43]. Что касается снижения чувства смысла жизни среди китайской молодежи в период трансформации в цифровое общество, то это следует решать и восстанавливать путем углубления культурного строительства, усиления стремления к ценностям и формирования ментального порядка [4, с. 196].

В заключение, тревога китайской молодежи в период трансформации в цифровое общество является не проявлением индивидуальной психологической уязвимости, а скорее структурным продуктом взаимосвязанных сил цифровых технологий, социального ускорения и логики капитала. Для смягчения этой тревоги необходимо не только, чтобы молодые люди улучшали свои собственные качества и укрепляли чувство собственной значимости, но и чтобы общепринятые ценности направляли их идеологическое пробуждение, чтобы верховенство права ограничивало границы технологий, и чтобы многостороннее сотрудничество помогало китайской молодежи заново строить мир смыслов в цифровом обществе.

Литература

1. Се Вэйхань. Анализ проблемы тревожности молодёжи в условиях цифровой трансформации общества // Идеологическое и теоретическое воспитание. 2024. № 3. С. 106–111.

2. Хэ Паньвэнь. Затруднения в ценностных ориентациях молодёжи в процессе цифровой трансформации общества и их преодоление // Исследования молодёжи Пекина. 2025. Т. 34, № 1. С. 37–43.

3. Цзян Ваньюн, Чжан Яци, Лю Хунли. Цифровая трансформация общества и цифровое социальное управление: взаимосвязь, проблемы и пути решения // Вестник Шэньянского инженерного института (Социальные науки). 2024. Т. 20, № 2. С. 31–36.

4. Ван Иньшэнь. Углубление и конструирование смыслового мира молодёжи в условиях цифровой трансформации общества // Вестник Юго-Западного университета национальностей (Гуманитарные и социальные науки). 2024. Т. 45, № 1. С. 192–197.

5. Лань Цзян. Как понять и преодолеть тревожность молодёжи в условиях цифровой трансформации общества // Трибуна народа. 2022. № 19. С. 90–92.

THE EMERGENCE AND ALLEVIATION OF ANXIETY AMONG YOUNG PEOPLE IN CHINA DURING THE DIGITAL SOCIAL TRANSFORMATION

Abstract. Digital technologies are leading Chinese society toward a new form: the digital society. Contemporary Chinese youth are deeply immersed in various anxieties, including «involution» and «lying flat», which is not merely a manifestation of individual psychological fragility, but rather a structural product of the intertwined forces of digital technologies, accelerated social development, and the logic of capital. To alleviate the anxieties of Chinese youth, it is necessary to guide ideological awakening in accordance with mainstream values, regulate the boundaries of technology through the rule of law, and strengthen their subjectivity by enhancing literacy.

Keywords: digital social transformation, Chinese youth, anxiety, subjectivity, value orientation, meaningful world, digital governance

Сведения об авторе

Ван Хунминь, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: 1982786595@qq.com

Wang Hongmin, Postgraduate Student, Transbaikal State University, e-mail: 1982786595@qq.com

ТРАВМИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЕГО БОЛЕЗНИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПАТОЛОГИЙ

Аннотация. В статье исследуется понятие «травмированное общество» как метафора, описывающая состояние стран, переживающих исторические катастрофы. На основе философских идей Э. Дюркгейма, В. Франкла, П. Рикёра, В. Беньямина, М. Хирш и социологической теории Ж. Т. Тощенко выделяются пять симптомов коллективной травмы: потеря чувства времени, раскол на «жертв» и «врагов», деформация языка, правовая травма «чёрных дыр», страх перед будущим. Делается вывод о возможности лечения социальных травм через честное признание истории и гражданскую ответственность.

Ключевые слова: социальная травма, конфликт, травмированное общество, постпамять, правовая травма, Ж. Т. Тощенко

Когда мы говорим «травма», мы обычно представляем себе человека, который пережил гор или депрессию. Но можно ли сказать то же самое о целом народе? Может ли общество заболеть, как живой организм? Становятся ли травмы причиной социальных патологий и девиаций? Долгое время я относилась к таким метафорам скептически — мне казалось, что это просто красивый оборот речи, за которым ничего не стоит.

Изучая философскую и психологическую литературу по социальным катаклизмам, я столкнулась с работами, которые заставили меня изменить своё мнение. Виктор Франкл, переживший ужасы концлагеря, писал о том, как страдание формирует личность. Поль Рикёр размышлял о «насильственной памяти». Ключевым аргументом для меня стала теория современного российского социолога Ж. Т. Тощенко. Он утверждает, что для описания многих государств, которые сегодня находятся в состоянии хаоса и стагнации, недостаточно привычных понятий «эволюция» или «революция». Эти страны, включая и Россию, живут в режиме «общества травмы» — затянувшейся, хронической болезни, которая поражает все сферы жизни. И чем больше я изучала эту теорию, тем яснее понимала: общество действительно может быть травмировано. И жить с такой травмой — значит постоянно оглядываться назад, бояться будущего и видеть врагов там, где их нет.

Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть, что представляет собой «травмированное общество», выявить основные симптомы этого явления и определить, существует ли возможность исцеления. Актуальность темы обусловлена тем, что в современном мире многие страны сталкиваются с последствиями исторических травм, что влияет на их развитие и отношения с другими народами.

Размышляя над социальными причинами социальных травм, я пришла к выводу, что травма общества проявляется не только в экономических и политических проблемах. Болезнь прячется глубже, а именно в том, как люди воспринимают время, себя, других и даже закон. Как считает С. М. Марков, «Травмированность» и «турбулентность» становятся сегодня популярной терминологией в общественных науках, несмотря на свое естественнонаучное происхождение [3 с. 217]. Опираясь на работы Ж. Т. Тощенко [6, 7] и термин «социальная патология», введенный Э. Дюркгеймом, я выделила пять главных симптомов.

Симптом первый: потеря чувства времени. В нормальном, здоровом состоянии прошлое служит уроком, настоящее — жизненным полем для данного поколения, а будущее — надеждой. Однако в патологических обществах, переживших катастрофу (революцию, например), прошлое не уходит. Оно остается в памяти поколения, не давая двигаться дальше. Люди словно застывают в состоянии патологии.

Немецкий философ Вальтер Беньямин вводит метафору «ангела истории». Он смотрит в прошлое и видит лишь груды обломков [2, с. 83]. Травмированное общество напоминает «ангела истории» Беньямина: оно не может выйти из кризиса без нормального его преодоления. Вместо того чтобы строить будущее, оно бесконечно спорит о том, «кто виноват». Ж. Т. Тощенко наполняет эту метафору конкретным содержанием. Он показывает, что «потеря времени» в российском обществе выражается в том, что страна до сих пор не достигла экономических показателей 1990 г. Реформы провозглашаются, но не выполняются. Люди живут с ощущением, что «нормальная жизнь» была в прошлом (в СССР или в «сытых нулевых»), а настоящее — это лишь период ожидания, которое никогда не заканчивается. Именно это состояние «вневремени», когда будущее не наступает, а прошлое не отпускает, Ж. Т. Тощенко и называет главной характеристикой травмы [7, с. 26]. Или, как считает С. М. Марков, «представители неолиберализма не могли диалектически «снять» накопившиеся в советской системе противоречия: из «старого» противоречия они не создали условий для созидания «нового» развития» [3, с. 218].

Симптом второй: раскол на «жертв» и «врагов». Когда общество травмировано, его идентичность строится вокруг страдания: «Мы — жертвы». Эта фраза звучит гордо, но на самом деле является ловушкой. Жертва по определению не может быть деятельной, она лишь терпит. Жертва любит утверждать свои патологии, указывая на тех, кто причиняет ей боль, часто повторяя источники своих болезней (девиаций).

Поль Рикёр предупреждал об опасности «злоупотребления памятью», которая не лечит, а ранит снова и снова. Когда коллективная память замыкается на травме, она неизбежно формирует идентичность через противопоставление «жертв» и «врагов», превращая память в инструмент политической борьбы [5, с. 118–126]. В политике это демонстрируется через образ врага, например, как это было во времена Робеспьера, объявившего диктатуру против старого режима. Но такое якобы «единство» — вечная война. Враг должен существовать, иначе рухнет вся идеологема «мы — жертвы».

Ж. Т. Тощенко характеризует этот феномен как сознательную политику. В обществах травмы правящие элиты не заинтересованы в исцелении, потому что их власть держится на образе врага. Профессор приводит пример постсоветских стран, где национализм становится инструментом управления: вместо того чтобы решать реальные проблемы — безработицу, бедность, коррупцию. Власть перенаправляет гнев народа на «врагов» (соседнюю страну, национальное меньшинство, «внешние силы»). Как отмечает Тощенко, в этих странах «к власти пришли силы, не имеющие ни ясной стратегической цели, ни чёткой программы действий, кроме намерения непременно сломать все, что было до них» [6, с. 33]. Националистически настроенные политики, по его наблюдению, используют этнические и конфессиональные различия для консолидации собственной власти, превращая их в инструмент управления [6, с. 36–37].

Симптом третий: потеря языка. Здесь я опираюсь на опыт Виктора Франкла. Проходя через ад концлагерей, он понял главное: выживает не тот, кто сильнее физически, а тот, кто способен найти смысл [8, с. 118]. Но чтобы найти смысл, нужно говорить. Нужно называть вещи своими именами, даже если это страшно. В социальных патологиях язык меняется или наступает полное молчание: призывы «не ворошить прошлое», «забыть и простить». Либо, наоборот, крик становится единственной формой речи, когда люди говорят только о болезнях и обидах. В такой ситуации диалог исчезает, остаётся лишь обмен травмами. А там, где нет диалога, невозможно и понимание, а также дальнейшее развитие.

Ж. Т. Тощенко называет это ключевым механизмом общества травмы. В России, по его словам, сложилась ситуация, когда власть «делает вид, что создает условия для конкуренции», а бизнес «делает вид, что конкурирует» [7, с. 80]. Этот принцип распространяется на все сферы: принимаются законы, которые не работают, провозглашаются национальные проекты, которые не выполняются, пишутся стратегии развития, которых никто не собирается придерживаться. В результате язык власти превращается в систему «лукавства», где каждое слово теряет свой первоначальный смысл, а диалог между обществом и

государством становится невозможен [7, с. 80]. Симптом четвёртый: правовая травма — болезнь, закреплённая в законе. Этот симптом, на мой взгляд, является ключевым для понимания глубины проблемы. В здоровом обществе право — это механизм защиты и инструмент справедливости. Оно лечит раны и устанавливает правила для всех. В травмированных обществах закон может становиться орудием самой травмы.

Ж. Т. Тощенко приводит характерные примеры из российской истории 1990-х гг. Приватизация, которая должна была создать эффективного собственника, на деле обернулась, по его словам, «расхищением национальных богатств», узаконенным государством [7, с. 58, 93]. То есть, государство не просто допустило неравенство — оно его узаконило. Чувство несправедливости становится не временным возмущением, а постоянным фоном жизни, который разрушает доверие к государству изнутри. Вместо того чтобы защищать всех граждан, закон в травмированном обществе работает на узкую группу, легализуя социальное неравенство.

Ж. Т. Тощенко цитирует данные Global Wealth Report. В России 1% богатых владеют 71% национальных богатств [6, с. 43]. Это не просто экономическая статистика. Это показатель правовой травмы, когда законы (или их отсутствие) позволяют закрепить результат травматического события. Народ теряет веру не только в политиков, но и в само право, в самую возможность справедливости. Люди в таком состоянии живут с постоянным чувством несправедливости, которое подрывает основы государства изнутри, и оно передаётся следующим поколениям.

Как мне представляется, один из признаков правовой «болезни» — «чёрные дыры» в правовой материи, если взять в общем — бытии права и закона. Сегодня их диагностируют разные философско-правовые теории, такие как позитивизм, моралисты от права, постпозитивисты. В правоведении «чёрные дыры» — это зоны правовой неопределённости, где закон формально существует, но фактически не действует из-за расплывчатости норм, отсутствия чётких критериев их применения, коллизий между нормативными актами или коррупционной избирательности правоприменения. Этот феномен можно рассматривать как квинтэссенцию правовой травмы. Но мне хотелось бы обратиться к анализу диагностик, проведённых современными авторами.

Питерский профессор Д. А. Шестаков в своих работах делает акцент на том, что «чёрные дыры» возникают из-за неспособности законодательства адекватно реагировать на новые социальные вызовы, а также из-за устаревших правовых конструкций, которые не учитывают реальную сложность социальных отношений. Он подчёркивает, что для анализа причин преступности и правовых пробелов необходимо учитывать не только индивидуальные характеристики, но и факторы окружающей среды: социальное неравенство, уровень безработицы, криминогенную обстановку [10, с. 90]. В свою очередь, ведущий правовед Х. Д. Аликперов акцентирует внимание на правоприменительной практике, на том, что «чёрные дыры» часто являются результатом не столько недостатков законодательства, сколько неправомерного и избирательного применения норм, коррупции и отсутствия должного контроля [1, с. 87].

Особого внимания заслуживает позиция И. М. Рагимова, члена редакционного совета журнала «Государство и право». В своей работе «Философия уголовного права: новый виток дискуссии» он связывает правовые патологии с утратой ценностных оснований права. Как пишет Рагимов, любая правовая система, претендующая на легитимность, должна быть укоренена в нравственных императивах общества. «Чёрные дыры» возникают там, где закон перестаёт соответствовать представлениям о справедливости, превращаясь в формальный инструмент, доступный для произвольного толкования [4, с. 91].

Таким образом, «чёрные дыры» — это не просто досадные пробелы, а индикатор глубокой патологии правовой системы. Они создают пространство для произвола, подрывают принципы справедливости и равенства перед законом и являются прямым следствием травмированного состояния общества, где закон перестаёт быть универсальным регулятором и превращается в инструмент управления и подавления.

Симптом пятый: травма, передаваемая по наследству. Долгое время было непонятно, почему люди, родившиеся через много лет после войны, иногда чувствуют себя так, будто вое-

вали сами. Марианна Хирш ввела понятие «постпамять», как пишет автор, «постпамять — это не память, а структура передачи травмы от поколения к поколению» [9, с. 22–23]. Эта передача осуществляется через нарративы, образы, жесты и, что особенно важно, через молчание, которое может быть столь же красноречивым, как и слова [9, с. 29–31].

Если обобщить, то мне её мысли представляются так. Ребёнок растёт в тревоге, даже если ему никто не рассказывает об ужасах. Он впитывает страх с детства. Вырастая, он начинает воспринимать мир как опасное место, полное врагов. Так травма-патология становится частью культуры, переходит из поколения в поколение и превращается в норму жизни, делая выход из порочного круга практически невозможным. Хирш подчёркивает, что постпамять создаёт связь с прошлым, «которая не опосредована живым воспоминанием, но при этом обладает мощной эмоциональной силой» [9, с. 34].

Профессор Ж. Т. Тощенко подтверждает это социологическими данными: девиантные реформы и социальные болезни сформировали поколение, для которого тревога и недоверие стали естественным состоянием. Он пишет о «жизненном мире» россиян, где главными чувствами стали беспомощность и несправедливость. По данным его исследований, 24,9% россиян испытывают «беспомощность, невозможность повлиять на происходящее», а 21,1% — «страх перед будущим» [7, с. 75]. Дети, выросшие в мире социальных патологий, впитывают эти ощущения с детства, и для них такой способ восприятия реальности становится единственно возможным. Так травма превращается в культурную норму, воспроизводящую себя без участия политиков.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: «травмированное общество» — это метафора. Но это не просто красивые слова. Эта метафора помогает нам увидеть то, что обычно скрыто от восприятия. Когда мы говорим об обществе как о больном человеке, нам сразу становится понятнее, что с ним происходит: у него что-то болит, оно не может нормально жить и работать, ему нужна помощь.

Симптомы этой болезни, о которых я писала выше, — застывшее время, постоянный поиск врагов, потеря живого языка, несправедливые законы, включая разрушительные «чёрные дыры» и страх, который передаётся детям, — всё это реальные проблемы. Их нельзя решить простыми способами, но их хотя бы можно назвать, то есть сформулировать диагноз. А назвать проблему — это первый шаг к её решению. Или, как считает С. М. Марков, «универсальных рецептов от всех травм турбулентности не существует» [3, с. 220], но, может быть, начало лечения социальной патологии — это информатизация плюс всеобщая цифровизация социальной сферы, включая её бюрократический аппарат и государственное делопроизводство [3, с. 220].

Однако, как и для любого лечения, надо начинать с человека и его мировоззрения. Перестать жить только прошлым, перестать делить людей на «своих» и «чужих», перестать повторять слова, за которыми ничего не стоит. Может быть, именно с таких маленьких шагов — с возвращения честного языка в свою семью, с отказа от образа врага в своём кругу общения — и начинается выздоровление целого общества. Потому что общество — это и есть мы.

Литература

1. Аликперов Х. Д. Причины преступности: опыт критического анализа // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 85–92.
2. Беньямин В. О понятии истории / пер. с нем. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 6(46). С. 71–96.
3. Марков С. М. Статья-рецензия: Ж. Т. Тощенко. Общество травмы: опыт теоретического и эмпирического исследования (Москва: Весь мир, 2020. 352 с.) // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 217–221.
4. Рагимов И. М. Философия уголовного права: новый виток дискуссии // Государство и право. 2025. № 5. С. 88–94.
5. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

6. Тощенко Ж. Т. Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. С. 30–50.
7. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Весь Мир, 2020. 347 с.
8. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. Москва: Смысл, 2020. 240 с.
9. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста: пер. с англ. Москва: Новое издательство, 2021. 428 с.
10. Шестаков Д. А. Возвращение к криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2. С. 88–97.

TRAUMATIZED SOCIETY AND THE SOCIAL SIGNS OF ITS ILLNESS: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF PATHOLOGIES

Abstract. This article explores the concept of «traumatized society» as a metaphor for the state of countries experiencing historical catastrophes. Drawing on the philosophical ideas of E. Durkheim, V. Frankl, P. Ricoeur, V. Benjamin and M. Hirsch, and the sociological theory of J. T. Toshchenko, five symptoms of collective trauma are identified: loss of the sense of time, division into «victims» and «enemies» language distortion, the legal trauma of «black holes» and fear of the future. The conclusion is drawn about the possibility of healing social traumas through honest recognition of history and civic responsibility.

Keywords: social trauma, conflict, traumatized society, postmemory, legal trauma, J. T. Toshchenko.

Сведения об авторах

Ренкас Анастасия Дмитриевна, студентка, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;

Марков Сергей Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, e-mail: Ser_Mark@mail.ru

Renkas Anastasia Dmitrievna, student of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Markov Sergey Mikhailovich, CSc in Philosophy, Associate professor Department of Historical, Legal and Socio-Economic Disciplines Far Eastern Institute The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, e-mail: Ser_Mark@mail.ru

**МАРГИНАЛИЗАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Аннотация. В условиях современной социальной трансформации пожилые люди сталкиваются с многоплановыми проблемами: экономическими, культурными, социальными и символическими. В статье анализируются механизмы формирования проблем пожилых людей на структурном, институциональном и культурном уровнях. Указывается, что проблемы пожилого возраста являются неизбежным следствием социальной трансформации, отставанием в развитии социальных услуг и социальным воспроизводством эйджизма. Также отмечается, что, несмотря на многочисленные трудности, пожилые люди проявляют активную субъектность в экономической сфере, социальном участии и практике межпоколенческой взаимности. В заключение предлагаются пути преодоления проблем пожилых людей на экономическом, культурном, институциональном и социальном уровнях.

Ключевые слова: пожилые люди, социальная трансформация, проблемы пожилого возраста, маргинализация, эйджизм, культурный разрыв, субъектность, межпоколенческая взаимность.

1. Введение

С конца XX в. социальная трансформация в глобальном масштабе разворачивается с беспрецедентной глубиной. Переход от плановой экономики к рыночной, от традиционного индустриального общества к информационному, от коллективизма к индивидуализированному образу жизни — всё это составляет сложную картину «современной социальной трансформации». В этом процессе пожилые люди, чей жизненный путь тесно связан с социальной структурой, стали одной из наиболее уязвимых групп, испытывающих на себе последствия трансформации.

«Проблема пожилых» здесь означает не естественное физиологическое старение, а системное неблагоприятное положение, в котором оказываются пожилые люди в условиях быстрых социальных изменений — в распределении ресурсов, культурной идентификации, социальном участии и т.д. В данной статье будут проанализированы формы проявления, механизмы формирования и пути преодоления проблем пожилых людей в контексте современной социальной трансформации.

2. Многомерные проявления проблем пожилых людей

Экономическая трансформация является ключевым измерением современной социальной трансформации. Для некоторых пожилых людей финансовые проблемы остаются серьёзным вызовом. В современном обществе, по мере повышения качества услуг, стоимость жизни для пожилых людей продолжает расти, а государство не может обеспечить достаточную социальную защиту, поэтому пожилые люди, испытывающие финансовое давление и сохранившие трудоспособность, вынуждены продолжать работать [1, с. 197]. Однако на фоне технологического прогресса и структурной перестройки экономики навыки пожилых людей быстро обесцениваются, а на рынке труда они сталкиваются с возрастной дискриминацией, что затрудняет для них получение стабильного и достаточного дохода. Экономические проблемы не только угрожают базовому выживанию пожилых людей, но и лишают их доступа к качественным социальным услугам.

Социальная трансформация — это не только смена экономической системы, но и перестройка культурных ценностей. В традиционном обществе ценность пожилых людей тесно связывалась с «опытом» и «мудростью», но в трансформирующемся обществе эти символы подвергаются глубокому обесцениванию. В современном обществе молодое поколение

быстро воспринимает индивидуализм, потребительство и другие новые ценностные системы, тогда как старшее поколение продолжает придерживаться традиционного коллективизма и ориентации на стабильность. Этот культурный разрыв приводит к тому, что пожилые люди чувствуют себя «говорящими на разных языках» как в семье, так и в публичной сфере, их ценностные установки считаются «устаревшими». Глубоким последствием культурных проблем является кризис идентичности: когда общество больше не нуждается в памяти и ценностях, которые несут пожилые люди, вопрос «кто я?» становится распространённой психологической проблемой.

В современном обществе распад традиционной семейной системы приводит к тому, что пожилые люди не могут занимать подобающего им главенствующего положения; урбанизация ведёт к массовому явлению «оставленных» пожилых людей в сельской местности, а городские пожилые люди переживают «городское одиночество» из-за утраты чувства принадлежности к сообществу. Отсутствие главенствующего положения в семье снижает возможности пожилых людей для социального взаимодействия, урбанизация ослабляет соседские связи, а уменьшение размера семьи сокращает совместное проживание поколений. В настоящее время многие пожилые люди живут отдельно от своих семей, поэтому им часто трудно справиться с собственными проблемами со здоровьем и чувством одиночества [2, с. 138]. Для пожилых людей наиболее мучительным является одиночество в старости, когда они остаются без ухода и даже без возможности выговориться [3, с. 70].

Символические проблемы являются самыми скрытыми, но самыми глубокими из проблем пожилых людей. В современном обществе с его быстрым темпом жизни, «старость» наделяется негативными коннотациями, часто приравниваясь к «хрупкости» или «беспомощности» [4, с. 30]. Средства массовой информации в условиях коммерциализации ориентируются на молодую аудиторию, а образ пожилых людей в публичном дискурсе маргинализируется и даже становится «невидимым». Когда пожилые люди не могут увидеть своё отражение в публичном дискурсе или видят лишь искажённое отражение, их чувство достоинства и социальная принадлежность серьёзно подрываются.

3. Механизмы формирования проблем

Социальная трансформация оказывает асимметричное влияние на группы, находящиеся на разных этапах жизни. Для молодёжи установление новой системы означает новые возможности; для людей среднего возраста накопленный социальный капитал служит буфером; для пожилых людей трансформация происходит на «необратимой стадии» их жизненного пути, когда им трудно адаптироваться к новым условиям через повышение образования или смену профессии. Однако, чтобы обеспечить осмысленность своей жизни, пожилые люди вынуждены менять свой образ жизни, приспосабливаться к новым условиям, что вызывает у них огромные трудности и стресс [2, с. 139].

Система социального обеспечения является ключевым механизмом защиты пожилых людей. Пожилые люди занимают особое социальное положение, что обуславливает необходимость предоставления им социальной защиты. По разным причинам пожилые люди нуждаются в государственной социальной помощи [5, с. 11]. Однако во многих странах с переходной экономикой широко распространены такие проблемы, как недостаток общественных пространств для пожилых людей, ослабление социальных услуг, отсутствие систем долгосрочного ухода. В целом существующая нормативно-правовая база ещё не в полной мере удовлетворяет потребности и интересы пожилых людей. Поэтому необходимо активно развивать и внедрять новые направления социальной работы, оказывая помощь пожилым людям для поддержания их здоровья, обеспечения материального благополучия и всестороннего повышения их статуса в обществе [6, с. 120].

Эйджизм — это предрассудки, дискриминация и стереотипы, основанные на возрасте. В современной социальной трансформации эйджизм постоянно воспроизводится через повседневное взаимодействие, освещение в СМИ и т.д. Когда молодёжь представляется носителем «инноваций» и «жизненной силы», а пожилые люди сводятся к символам «упадка» и «консерватизма», устанавливается культурная «возрастная иерархия». Многие пожилые лю-

ди после трансформации начинают проявлять «самозиджизм», то есть активно считать себя «слишком старыми, чтобы учиться новому», и эта интернализованная дискриминация преодолевается труднее, чем внешняя.

4. Субъектность в условиях проблем

Несмотря на множество проблем, пожилые люди отнюдь не беспомощны. В трещинах социальной трансформации они развивают различные формы субъектной практики.

В условиях недостаточности формальной защиты пожилые люди поддерживают своё существование за счёт неформальной экономики и сетей взаимопомощи. Внутрисемейные межпоколенческие трансферты, натуральная помощь родственников и друзей, обмен навыками внутри сообщества становятся важными стратегиями преодоления экономических трудностей. Многие пожилые люди решают свои основные жизненные проблемы с помощью детей или родственников, занимаются домашним животноводством, ремёслами и т.п. для получения базового дохода.

Современное общество должно не только помогать пожилым людям улучшать экономическое положение, но и искать способы как можно дольше сохранять их социальную идентичность в отношениях «индивид — социальная среда» [5, с. 13]. Многие проблемы пожилых людей могут быть решены путём их активного участия в социальной жизни. Независимо от возраста, жизнь человека немыслима без социальных связей. Смысл жизни в пожилом возрасте заключается в возможности вносить вклад в общество [2, с. 139]. Традиционные социальные организации приходят в упадок, и пожилым людям необходимо создавать новые пространства для участия. Университеты для пожилых, волонёрские организации в сообществах, группы танцев, онлайн-сообщества по интересам — всё это предоставляет пожилым людям новые платформы для восстановления социальных сетей и обретения идентичности. Эти пространства не только обеспечивают возможности для социального общения, но и служат основой для коллективного выражения требований и мобилизации прав.

Перед лицом изменений в межпоколенческих отношениях пожилые люди не просто «получают помощь», а через предоставление помощи в уходе за детьми, выполнение домашних обязанностей, эмоциональную поддержку и т.п. заново утверждают свою ценность в межпоколенческом обмене. В современной семье межпоколенческие отношения представляют собой двусторонний обмен ресурсами: молодые люди передают пожилым технические навыки, а пожилые люди делятся с молодыми жизненной мудростью и исторической преемственностью. Такая перестройка взаимных отношений позволяет пожилым людям сохранять важный символический капитал в семейной сфере.

5. Заключение

Проблемы пожилых людей в условиях современной социальной трансформации отражают глубинные ценностные конфликты и институциональные недостатки социальных изменений. Маргинализация пожилых людей не является неизбежной платой за социальный прогресс, а представляет собой следствие того, что механизмы распределения ресурсов, система культурной оценки и социальные институты не смогли своевременно адаптироваться к изменениям в демографической структуре.

Преодоление проблем пожилых людей требует выхода за рамки узкого взгляда на пожилых как на «проблему» и обращения к критическому анализу самой социальной структуры. На экономическом уровне необходимо создать устойчивую и инклюзивную систему пенсионного обеспечения; на культурном уровне — бросить вызов гегемонии эйджистского дискурса и представить разнообразие и возможности жизни в пожилом возрасте; на институциональном уровне — внедрить принципы «дружественности к пожилым людям» в городское планирование, общественные услуги и трудовую политику; на социальном уровне — подчеркнуть реальную ценность и необходимость богатого опыта и знаний пожилых людей для окружающих и общества в целом, относиться к пожилым людям не как к пассивным объектам, а как к активным субъектам участия [2, с. 140].

Цивилизованность общества в конечном счёте измеряется не тем, как оно относится к молодым и сильным, а тем, как оно относится к пожилым и слабым. Потому что в пожилых

людях каждый видит своё собственное будущее. В волнах социальной трансформации то, как пожилые люди сохраняют качество жизни и достойно участвуют в деятельности общества, является важнейшим критерием успешности трансформации.

Литература

1. Лашина А. А. Проблемы пожилого человека в современных условиях // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам национальной научно-практической конференции (Гатчина, 24 декабря 2021 г.). Гатчина: Изд-во Гос. ин-та экономики, финансов, права и технологий, 2022. С. 194–197. EDN CYBNAX.
2. Никитюк А. О. проблемы пожилых людей в современном российском обществе // Стратегии социально-экономического развития северного региона Крыма до 2020 г.: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Армянск, 21–22 февраля 2017 г.). Армянск: Изд-во Крымского федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Армянск, 2017. С. 137–140. EDN YMOOWN.
3. Христенко О. В. Изменение ценностных ориентаций людей пожилого возраста в современной России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2.
4. Светова И. Н. Социальная адаптация пожилых людей как теоретическая проблема // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 1.
5. Любавина Н. В. Социальная работа с пожилыми людьми: история становления и современное состояние // Технологизация социо-экономической сферы. 2023. Т. 1, № 1(1). С. 11–13. EDN JGMHLO.
6. Маркова Е. А. Анализ социального самочувствия пожилых людей на разных этапах новейшего периода социальной работы с пожилыми людьми // Альманах студенческих и аспирантских работ по социально-гуманитарным наукам: сборник статей. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2020. Вып. 3. С. 116–120. EDN DFLJZO.

MARGINALIZATION AND RESISTANCE: THE PLIGHT OF THE ELDERLY IN CONTEMPORARY SOCIAL TRANSFORMATION

Abstract. In the context of contemporary social transformation, the elderly face multifaceted plights — economic, cultural, social, and symbolic. This paper analyzes the formation mechanisms of these plights at the structural, institutional, and cultural levels, pointing out that the plight of the elderly is an inevitable consequence of social transformation, a lag in social services, and a social reproduction of ageism. It also points out that, despite these difficulties, the elderly demonstrate active agency in economic practices, social participation, and intergenerational reciprocity. Finally, the paper proposes approaches to alleviating the plight of the elderly from economic, cultural, institutional, and social perspectives.

Keywords: Elderly, social transformation, plight of the elderly, marginalization, ageism, cultural rupture, agency, intergenerational reciprocity.

Сведения об авторе

Цзоу Суньмин, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: 846809074@qq.com

Zou Songming, Graduate Student, Faculty of Culture and Arts, Transbaikial State University, e-mail: 846809074@qq.com

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ВЛАСТИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ДОННЫ ХАРАУЭЙ И РОЗИ БРАЙДОТТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации классического понимания субъекта и объекта властных отношений в рамках постгуманистической философии. Автор раскрывает отказ Р. Брайдотти и Д. Харауэй от рассмотрения власти как иерархического отношения и смещение фокуса на процесс конструирования субъективности внутри властных дискурсов. Основная идея этих мыслителей заключается в одновременном существовании и субъекта объекта власти в рамках одной постоянно изменяющейся во времени идентичности, что смещает реализацию власти на границы и переходные состояния объекта. Особое внимание уделяется характерным особенностям современного капитализма: информационным и коммуникационным технологиям, навязыванию смыслов через научные дискурсы, а также формированию аддитивных паттернов потребления. Делается вывод, что постгуманистические концепции переносят акцент с исследования субъектно-объектной формы отношений власти к анализу границ субъективности, их пересечений и временных измерений.

Ключевые слова: постгуманизм, власть, киборг, номадический субъект, субъект власти, дискурс, идентичность.

Проблема реализации власти относится к числу наиболее актуальных в гуманитарном знании, поскольку характер властных отношений непосредственно определяет контур общества. Изменение форм и механизмов реализации власти влечёт за собой трансформацию социальных связей и институтов. Наиболее отчётливо эта зависимость проявляется в переломные исторические периоды, когда социальные отношения претерпевают множество трансформаций. Именно такой этап — этап системных трансформаций и возникновения глобальных вызовов — переживают сегодня Россия и мировое сообщество. Данная ситуация актуализирует теоретический поиск альтернативных концепций власти, способных объяснить феномены, не сводимые к классическим антропоцентрическим моделям. В связи с этим обращение к философии постгуманизма, предлагающей децентрализовать субъект и объект власти и рассмотреть их как распределённый, биополитический и сетевой феномен, представляется своевременным.

Постгуманизм как философская теория, переосмысливая антропоцентризм, создает новый подход к рассмотрению сущности человека. Осуществляя деантропологизацию, данное направление предполагает и новый подход к рассмотрению социальных отношений, в первую очередь затрагивая сущность объекта в них. Таким образом, если активный субъект отношений власти исторически оказывается «размыт» социальными институтами, государством и классами и не подвергается всестороннему пересмотру, то «человечность» и целостность объекта отношений подвергается сомнению.

Пересматривая сущность человека, Д. Харауэй и Р. Брайдотти в своих концепциях заявляют о непрерывности процесса конструирования идентичности, создании номадического субъекта. У Харауэй эта идея воплощается в фигуре киборга, разрушающего бинарные оппозиции природы и культуры, мужского и женского, человеческого и нечеловеческого. У Брайдотти номадический субъект предстаёт как результат пересечения множественных властных дискурсов (расовых, гендерных, классовых, биополитических).

Киборг по Харауэй — это «кибернетический организм, помесь машины и организма, создание социальной реальности и вместе с тем порождение вымысла». [9, с. 1]. Главными его свойствами являются его незавершенность, частичная идентичность и метафоричность. Ки-

борг как метафора привносит в социальную реальность, в социальные отношения гибридный субъект, который качественно и количественно изменяет социальные связи.

Само существование киборга есть следствие технологического прогресса, позволившего снять оппозицию между человеком как биологическим видом и машиной. Из-за принципиальной незавершённости и постоянно изменяющейся идентичности киборга сложно представить в виде объекта реализации отношений власти. И действительно, Харауэй смещает акцент действия власти на границы, переходные состояния и степени свободы индивида.

Главным инструментом контроля границ и переходных состояний является навязывание коммуникативно распространяемых смыслов посредством технологий и научных дискурсов [9, с. 13]. Иными словами, современный капитализм сам начинает конструировать объект. Так формализируются и «застывают» постоянно изменяющиеся социальные взаимодействия. В этом процессе научные дискурсы и технологии становятся инструментом навязывания смыслов, поскольку сами являются формализацией. При таком конструировании на первый план выходит информация как универсальная единица, как ресурс конструирования социальной реальности.

Реализация власти, построенной на информации, закономерно сталкивается с проблемами коммуникации. Так Харауэй пишет: «Весь универсум вещей, доступных научному познанию, должен быть сформулирован в виде проблем коммуникационной инженерии (для менеджеров) или теорий текста (для тех, кто предпочитает сопротивляться)» [9, с.12]. Отсюда коммуникация, всегда являющаяся процессом двусторонним, что, с одной стороны, дает все посылки для заявлений о тотальности отношений власти, способных на основе информации и новых технологий не просто оказывать влияние в терминах контроля, кодируя социальную реальность как вымысел, но и самостоятельно создавать объект этих отношений. С другой стороны, благодаря абстракции в виде киборга и игре смыслов появляется возможность более результативного сопротивления, для переписывания навязанного кода социальной реальности.

Киборг-абстракция как метафора незаконченного текста дает возможность реализации власти и сопротивления ей. «Письмо — преимущественно технология киборгов, надрезанные поверхности конца XX в. Киборганическая политика — это борьба за язык и борьба против совершенной коммуникации, против одного кода, который в совершенстве переводит весь смысл», пишет Харауэй.

Как субъект властных отношений киборг представляет собой альтернативу классическому индивиду. В этом смысле киборг — не более «свободен», чем традиционный объект отношений, но он более не обладает автономией и целостностью. Киборг оказывается порождением власти, при этом не являясь с необходимостью ее объектом. Его стратегия, заключающаяся в постоянной пересборке связей, в определенной мере делает его обладателем власти.

Следуя традиции Фуко, Р. Брайдотти продолжает рассматривать власть не как атрибут или возможность, а как динамические отношения, в которых субъектно-объектная форма является лишь формализацией. Власть понимается мыслителем не как иерархические отношения между управляемым и управляющим: «Власть — не устойчивый порядок, управляемый единственным деспотичным хозяином. Монистическая политика помещает дифференциальные механизмы распределения эффектов власти в самом средоточии субъективности» [2, с. 361]. Властные формации изменяемы во времени и зависят от условий социальных взаимодействий.

Постчеловеческий, номадический субъект социальных отношений определяется Брайдотти апофатически, но при этом он «материален и виталистичен, имеет телесное воплощение и помещен в конкретные обстоятельства — он неизбежно где-то находится». [2, с. 361] Его идентичность постоянно находится в процессе становления, поскольку саму идентичность составляют пересечения различных дискурсов, воздействие которых и само их существование изменяется во времени. Номадический субъект, как и киборг Харауэй, создан посредством эволюции биологического и технологического характера и является движущей силой эволюции, но в отличие от него Брайдотти подчеркивает целостность номадического субъек-

та и его конкретную локацию, сохраняя при этом динамику постоянного становления. Номадический субъект есть и объект властных отношений, поскольку «монистическая политика помещает дифференциальные механизмы распределения эффектов власти в самом средоточии субъективности». Иными словами, эффекты власти реализуются в поле субъективности, создавая ее изнутри. Субъект очерчивает пересечения границ объектов и их связи по материальным и символическим, реальным и дискурсивным линиям отношений или сил. Реализация власти основывается на негативных страстях и способствует аддитивным паттернам потребления культурных и материальных благ, что относится к господствующей власти капитализма.

Продолжая традицию Фуко, и Харауэй, и Брайдотти рассматривают отношения власти в контексте капиталистической формации, считая современные общественные отношения продуктом капитализма. В этих условиях формируется новое понимание сущности человека и его места в мире, что в свою очередь приводит к переосмыслению структуры и действующих факторов и сил общественных отношений.

Постгуманистическая теория в рассмотрении отношений власти продолжает отказываться от классических иерархий в пользу динамических и незавершенных взаимосвязей. Рассмотрение самого воздействия теперь не направлено на «субъект-объект», а на то пространство между ними, которое заполняется смыслами и дискурсами. Отсюда власть это не просто инструмент навязывания собственной воли, но инструмент конструирования реальности и новой субъектности.

Субъект власти становится многосоставным и не характеризуется как неделимое, в нём осуществляется реализация власти, и через него проходят границы дискурсов и сил. Киборг Харауэй — это формализация и аналитический инструмент для понимания существующей гибридной реальности. Он это незавершённая совокупность технологического и биологического дискурса, на которого влияют конструируемые смыслы и который сам способен эти смыслы производить. В то же время номадический субъект есть вполне материальный технологический и биологический объект, общность.

Воздействие на границы и переходные состояния порождает и у киборга Харауэй, и номадического субъекта Брайдотти временное измерение, темпоральность, являющуюся последствием рассмотрения человека и цивилизации через призму глобальных проблем современности. Концепции киборга и номадического субъекта предлагают новый взгляд на проблематику власти, смещая акцент с традиционного вопроса «кто властвует?» на более сложные вопросы о формировании границ субъективности и их трансформации. Отсюда обращение к фигурам киборга и номадического субъекта становится не просто теоретическим экспериментом, а практической необходимостью при рассмотрении сущности человека и его места в быстро изменяющемся мире.

Литература

1. Барт Р. Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста / [сост. и ред. Т. М. Николаевой]. Москва: Прогресс, 1978. С. 443
2. Брайдотти, Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 408 с.
3. Де Кастру Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 381 с.
4. Криман, А. И. Истоки и смысл постгуманизма в социально-философском контексте: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2024. 196 с.
5. Самойлов И. Д. Феномены власти и воли в обществе: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Курган, 2016. 202 с.
6. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / [пер. с англ. Д. Ю. Кралечкин]. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. Москва: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.

8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва: Магистериум, 1996. 448 с.
9. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. Москва: Ad Marginem, 2016.

THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF POWER IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF DONNA HARAWAY AND ROSIE BRAIDOTTI

Abstract. The article is devoted to the research of the transformation of the classical comprehension of the subject and object of power relations in the frames of posthumanistic philosophy. The author reveals the rejection of R. Braidotti and D. Haraway from considering power as a hierarchical relationship and shifting the focus to the process of constructing subjectivity within power discourses. The main idea of these thinkers is the simultaneous existence of both the subject and the object of power within the framework of one constantly changing identity over time, which shifts the realization of power to the boundaries and transitional states of the object. Special attention is paid to the characteristic features of modern capitalism: information and communication technologies, the imposition of meanings through scientific discourses, as well as the formation of addictive consumption patterns. It is concluded that posthumanist concepts shift the focus from the study of the subject-object form of power relations to the analysis of the boundaries of subjectivity, their intersections and temporal dimensions.

Keywords: posthumanism, power, cyborg, nomadic subject, subject of power, discourse, identity.

Сведения об авторе

Саклаков Роман Сергеевич, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, кафедра философии, e-mail: saklakov999@gmail.com

Saklakov Roman Sergeevich, Postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Department of Philosophy, e-mail: saklakov999@gmail.com

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ**

Аннотация. Модернизация включает в себя гораздо больше, чем поверхностную замену институтов и структур, и в ходе этого процесса форма знаний и система их интерпретации также претерпевают глубокую реорганизацию. Непрерывное развитие функциональной дифференциации и рационализации постепенно привело к появлению рефлексивной структурной особенности в современном обществе — знания начали попадать на стол анализа. Являясь важным способом понимания исторического значения и исторической рациональности, нынешняя смена парадигмы исторической философии в точности отражает тот факт, что рефлексивность стала одним из структурных элементов современности. В данной статье модернизация понимается как разновидность социальной трансформации: от относительно интегрированного традиционного общества к современному обществу с высоко дифференцированными функциями и непрерывным развитием рефлексивных организаций. С этой точки зрения в статье рассматривается, как историческая философия перешла от спекулятивной субстантивной модели к эпистемологической парадигме, в основе которой лежат анализ и критика, и обсуждается концепция исторических фактов, статус исторических субъектов и реконструкция правовой структуры знания. Исследования показывают, что модернизация историко-философского знания сосредоточена в рефлексии и корректировке механизма интерпретации и логики легитимации. Сталкиваясь с сосуществованием множества правовых систем, историческая философия играет рефлексивную посредническую роль, выстраивая динамичную связь между историческим опытом и самопониманием современного общества.

Ключевые слова: модернизация; философия истории; историческая эпистемология; системная трансформация; социология знания; цифровая история.

В социологической традиции модернизация обычно рассматривается как структурная трансформация при переходе от традиционного общества к современному, и ее отличительная черта заключается в углублении функциональной дифференциации и непрерывном продвижении рационализации. Исследования процесса модернизации показывают, что формирование современного общества переплетается с изменениями множества систем и культурных измерений [5, с. 100]. Ключевым фактором, поддерживающим устойчивое развитие современного общества, является инновационный механизм, основанный на трансформации методов производства знаний [7, с. 33]. В этом процессе знания перестают быть просто инструментом, а становятся все более важным структурным ресурсом социальной динамики.

Рефлексивность современного общества отражается в его способности учитывать условия своего собственного функционирования в аналитическом видении. Знание начало оглядываться на предпосылки, на которых оно основывалось, и подвергать их критическому сомнению. Трансформация исторической философии в новую парадигму является конкретным проявлением структурной особенности современности. Исследование историко-философского знания в образовательном пространстве также показывает, что формирование форм знания неотделимо от поддержки институциональных условий [1, с. 75]. В этом смысле модернизация историко-философского знания — это не пассивная адаптация к внешней среде, а естественное выражение рефлексивной структуры современного общества в области исторического осмысления.

Традиционная историческая философия фокусируется на постижении общего смысла и направления развития исторического процесса. Эта спекулятивная содержательная модель тесно связана с интегрированной структурой общества. С развитием институционализации и

углублением дифференциации дисциплин центр внимания исторической философии постепенно переключился на анализ самого исторического знания. Исследование взаимосвязи между историей, философией истории и философией исторической науки выявляет сложное взаимодействие и иерархическую структуру между этими аналитическими уровнями [11, с. 168].

Историческая эпистемология указывает на то, что историческая реальность непосредственно не предстает перед людьми, а постоянно конструируется в процессе интерпретации [6, с. 8]. Значение исторических фактов всегда должно раскрываться в определенной объяснительной системе. Положение исторической философии в университетской системе также отражает эту трансформацию. Она не только выполняет функцию поддержания культурной памяти и концептуальной преемственности [4, с. 28], но и всегда находилась в противоречии между историей и философской универсальностью [9, с. 23]. Трансформацию исторической философии от спекулятивной модели к аналитической и критической можно рассматривать как форму рефлексивности в области современного знания.

Систематическая социальная трансформация часто сопровождается процессом институционализации производства знаний [13, с. 12]. В этом контексте легализация знаний представляет собой ситуацию, в которой сосуществуют несколько логик. Академическая система придает большее значение научной строгости и эффективности аргументации; университетская система и политика в области научных исследований сформировали механизм оценки, в основе которого лежат количественные показатели; цифровые платформы в большей степени основаны на видимости, охвате и популярности, чтобы направлять распространение знаний. Ценность научных знаний по своей сути содержит культурные и исторические аспекты [12, с. 228]. Сосуществование множества логик легализации неизбежно приведет к внутреннему напряжению. В стремлении к теоретической строгости иногда приходится сталкиваться с реальным давлением, связанным с количественными показателями и цифровым представлением.

Философия берет на себя всеобъемлющую функцию в области эмпирического знания [10, с. 92], он пытается сохранить рефлексивную дистанцию от вышеупомянутой логики множественной легализации. Историческая философия находится в сложной ситуации, когда необходимо согласовать различные модели признания. Процесс оцифровки коренным образом изменил способ организации и представления исторических материалов. Исследования в области цифровой истории показывают, что отбор и структура исторических материалов претерпевают фундаментальные изменения [3, с. 21]. Алгоритмический механизм поиска и ранжирования в значительной степени определяет доступность исторических данных. В цифровой среде формирование исторических фактов часто является результатом взаимодействия между объяснительным поведением и технологической структурой. Соответственно изменилась и роль исторического субъекта: читатель становится участником реконструкции смысла, а автору приходится сталкиваться с алгоритмизированной средой, в которой распространяются знания. Формирование научных систем всегда было тесно связано с конкретными историческими условиями [8, с. 15]. Цифровая эпоха породила новые эпистемологические проблемы, которые срочно требуют философского решения.

Выживание современного общества зависит от способности объяснительной системы постоянно обновляться [7, с. 33]. Модернизация исторического и философского знания проявляется в сознательной рефлексии на основе собственной эпистемологии. Роль философии в процессе культурной модернизации заключается в обеспечении методологической поддержки и ценностного ориентира [2, с. 123]. Историческая философия играет посредническую роль в соединении исторического опыта с самопониманием современного общества. Она больше не пытается монополизировать интерпретацию исторического значения и не полностью интегрирована в эмпирические исследования, а формирует рефлексивное посредничество между исторической реальностью и существующей структурой интерпретации.

Заключение. Модернизация историко-философского знания находит отражение в эпистемологической реконструкции его концептуальных основ и объяснительных процедур.

Процесс функциональной дифференциации, институционализации знаний и оцифровки в совокупности создают новый контекст для исторического и философского анализа. Многочисленные логики легализации сосуществуют, образуя структурное напряжение в современном состоянии знаний. Благодаря непрерывному осмыслению условий собственного познания историческая философия, являясь важной частью рефлексивной структуры современного общества, участвует в формировании самосознания в современном обществе и способствует этому.

Литература

1. Баркова, В. В. Образовательное пространство как феномен историко-философского знания: теоретико-методологические основания // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 3. С. 73–99. EDN WZKNPX.
2. Владимиров А. А. Роль философии в модернизации культуры общества // *Вестник Волжской государственной академии водного транспорта*. 2013. № 35. С. 122–126. EDN RPSPEZ.
3. Дроков С. В. Цифровая трансформация теории источниковедения vs фабрикация знаний цифровой истории // *Вестник ВНИИДАД*. 2020. № 2. С. 19–26. EDN NYGQDQ.
4. Душин О. Э. История философии как академическая дисциплина: философия versus история // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. № 4. С. 27–32. EDN VBXGJJ.
5. Желтов В. В. Контуры и вехи модернизации российского общества // *Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ*. 2010. № 1(4). С. 100–105. EDN PXRQKX.
6. Касавин И. Т. Знание и реальность в исторической // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 2. С. 6–19. EDN IGJLNF.
7. Ковалев В. И. Модернизация и инновация российского общества // *Наука. Культура. Общество*. 2010. № 2. С. 33–41. EDN RDJCVN.
8. Куштым Е. А. История и философия науки: вопросы-ответы, тесты-решения (подготовка к сдаче и сдача кандидатского экзамена). Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ин-та искусств им. П. И. Чайковского, 2017. 100 с. EDN XPLKXJ.
9. Лебедев С. П. История философии: история или философия? // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. Т. 16, № 4. С. 21–28. EDN VQTBTD.
10. Некрасов С. Н. Философия и эмпирические знания в истории общества и истории философии // *Научные исследования: сборник статей XII Международной научно-практической конференции (Пенза, 15 сентября 2024 г.)*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. С. 91–96. EDN GVWKTR.
11. Рубочкин В. А. История, философия истории и философия исторической науки // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2008. № 3. С. 167–171. EDN THKFMB.
12. Сайганова В. С. Ценность научного знания в социальной и культурно-исторической эпистемологии // *Философия и общество в эпоху социальной турбулентности: сборник научных статей и материалов XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара (Минск, 23 ноября 2023 г.)*. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2023. С. 227–231. EDN FKDKOV.
13. Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции: сборник научных трудов XIV Международной научной конференции (Брестский государственный технический университет, 2–3 июня 2023 г.). Брест: Изд-во Брестского гос. техн. ун-та, 2023. 350 с. EDN WEUKQQ.

MODERNIZATION OF HISTORICAL PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE: EPISTEMOLOGICAL RECONSTRUCTION IN THE CONTEXT OF SOCIAL SYSTEM TRANSFORMATION

Abstract. Modernization involves much more than the superficial replacement of institutions and structures, and the knowledge form and interpretation framework are also undergoing profound reorganization in this process. The continuous advancement of functional differentiation and rationalization has gradually produced a reflexive structural feature in modern society-knowledge has begun to put itself on the analysis table. As an important way to understand historical significance and historical rationality, historical philosophy's current paradigm shift precisely reflects that reflexivity has become one of the structural elements of modernity. This article understands modernization as a kind of social transformation: from a relatively integrated traditional society to a modern society with highly differentiated functions and continuous development of reflexive organizations. From this perspective, the article examines how historical philosophy has shifted from a speculative substantive model to an epistemological paradigm with analysis and criticism as the core, and discusses the concept of historical facts, the status of historical subjects, and the reconstruction of the legal structure of knowledge. Research shows that the modernization of historical and philosophical knowledge is concentrated in the reflection and adjustment of the interpretation mechanism and the logic of legitimacy. Facing the coexistence of multiple legal systems, historical philosophy plays a reflexive intermediary role, building a dynamic connection between historical experience and modern society's self-understanding.

Keywords: modernization, Philosophy of History, Epistemology of History, Social Systems Transformation, Sociology of Knowledge, Digital History.

Сведения об авторе

Ян Линь, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: 1746319287@qq.com

Yang Lin, PhD student in Social and Political Philosophy, Transbaikal State University, Russia, e-mail: 1746319287@qq.com

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.472.4 (571.1)

Е. В. Головацкий
Кемеровский госуниверситет

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В «РЕАЛЬНОМ» И СЕТЕВОМ ПОЛЯХ

Аннотация. Социально-политическое взаимодействие в условиях сетевой коммуникации региональных пользовательских сообществ характеризуется комплексным сочетанием (практически связанным) реальных, разворачивающихся в повседневной жизни граждан и виртуальных (создаваемых на расстоянии цифровых связей) полях. Возможность изучать территориальные практики социально-политического взаимодействия посредством анализа цифровых коммуникаций в сетевых полях — реальность, трансформирующей исследовательской методологии. Проведенное в рамках научного проекта исследование сетевых сообществ сибирских регионов ресурсного типа позволяет выделить характерные особенности новой коммуникации, а также предложить семантическое описание и визуализировать некоторые результаты наблюдений. В числе особенностей сети и поля отмечаются: высокая плотность взаимодействия пользователей внутри сообществ, без выхода из «цифры»; активизм женщин-пользователей; политическая коммуникация через объявления и «мусорные темы»; «быстрый язык» (сокращения); триггерные повестки; отражение участия коренного населения в СВО и «окружающие» темы. Сетевые социально-политические взаимодействия демонстрируют информационную зависимость реального и сетевого пользовательских полей коммуникации.

Ключевые слова: социально-политическое взаимодействие, регион, Сибирь, социальная коммуникация, пользователи, сетевое поле, социологические исследования.

Возможности социально-политического взаимодействия в условиях виртуальной коммуникации региональных акторов / пользователей демонстрируют трансформацию исследовательских и практических полей взаимодействия. Настойчивое проникновение в повседневные коммуникативные практики различных цифровых платформ и делегированных сущностей, виртуальных участников свидетельствует о наличии сдвига восприятия традиционных социально-политических взаимодействий (публичных встреч, обсуждений, уличных выступлений), консолидированных продуктов (параллельных сборов голосов, подачи петиций или общественного мнения, например, завершивший работу проект цифровая платформа «Кузбасс Онлайн», также называемый «площадкой для жалоб» и т.п.) и непосредственно порождений «Сети сетей» (возможности сетевого медиа строительства, виртуальных миров игровых пространств, метавселенных) и возможностей «силы слабых связей» [1, с. 113], т.е. тех возможностей которые не будучи интенсивными и многочисленными в условиях сочетания рынка и сети становятся современным высоко востребованным инструментом анализа социальных сетей.

Понятие и диспозиция поля в научной дискуссии далеко не одномерны и очевидны в рамках соревнующихся парадигм. П. Бурдьё предлагал рассматривать научный мир в качестве социального поля — системы объективных отношений и пространство конкурентной борьбы и социально признанных способностей активно высказываться, действовать и поддерживать «заинтересованность в незаинтересованности», с другой стороны акторы поля ограничены социальной реальностью и занимаемыми в ней позициями [2, с. 49]. В свою очередь Б. Латур присваивает акторам сетевой модели нивелировать границы между социальной практикой и реальностью как несоциальной сущностью. Т.е. не имеет значение факт объеди-

нения актантов в акторные сети по причине политических либо научных интересов, существеннее то, как эти актанты связаны между собой [3].

Сам факт наименования реального физического поля социально-политического взаимодействия переданное на страницах в кавычках демонстрирует сложность представления проблемы социологического описания социального в современном мире. В рамках научно-исследовательского проекта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining» участниками рассмотрены особенности сетевой социально-политической коммуникации в условиях современных рисков и угроз. Измерение сетевых и физических практик социально-политических взаимодействий (в период 2024–2025 гг.) показывает несколько наблюдаемых образов-моделей. В первую очередь, глобальные, общероссийские, региональные и локализованные (территориальные) коммуникативные траектории. Причем в сравнительной перспективе соотношение физических и виртуальных коммуникаций, территориально-пространственные позиции участников взаимодействия между индивидуально-личностными / пользовательскими приоритетами не тождественны («время в сети» отличается от периода политического решения, локальные коммуникации подвержены большинству глобальных виртуальных или значительной части государственных нововведений и т.д.). Преимущества виртуального мира коммуникации, возможность оставлять цифровые следы. Социально-политическое взаимодействие на территории, включая аудиальные и текстовые фиксации, зачастую получают цифровую копию и сетевую интерпретацию в рамках пользовательских сообществ. Пример, тексты комментариев региональных пользователей (датасеты региональных сетевых сообществ «ВКонтакте», дата загрузки июнь 2025 г.): *«Я тоже раньше верила в Кузбасс онлайн, теперь разочаровалась, просто отписки»*¹ (Инцидент Кузбасс), *«Не самое лучшее вложение, пустое это. Кому они нужны? Лучше бы ребятам на СВО денежки отправили»* (Инцидент Нижневартовск), *«А что мы как америкосы стали бояться человека с ружьём»* (Сводка 19 Абакан Хакасия ЧП Инцидент) — основной социальный материал, способный фиксировать содержание, значение и объем текстовой, в подавляющем большинстве примеров, информации).

Социально-политическое взаимодействие представляет различные характеристики акторов-участников, интересы и практики, непосредственно воздействующие на формы взаимодействия интенсивность и результаты [4, с. 53–54]. Население актуализирует проблемы реального жизнеустройства (не автономные для решения самостоятельно). «Жители региона готовы делегировать решение своих вопросов другим репрезентантам» [5, с. 83], выделяя доминирующие роли правоохранительными органами, представителям власти, близким и знакомым людям (социальное доверие). Особенности социально-политического взаимодействия в реальном и сетевом полях в обществе перманентной стабильности заключаются в тематике и множестве запросов. Участники сетевого взаимодействия, изменяя реальные ожидания, могут изменять и свой выбор (множество выборов). Пример, происходит информационное событие, и значительная часть населения провоцируя активизацию запросов (включая диагностическую коммуникацию, обсуждение в неочевидных тематических сообществах, мусорных темах и рекламе), преобразуют и общую тональность сетевой тематики. Социально-политическое взаимодействие рассматривается в быстро изменяющемся в рамках цифровых и ресурсных возможностей обществе предложенного решения. Данные особенности активизируют в повседневных социально-политических взаимодействиях диалоговую форму отношений с властью.

Сложный методологический вопрос представляет выделение реального и виртуального полей социально-политического взаимодействия. Стоит обратить внимание на искусственный характер подобного разделения. Цифровое тело — опосредованное специальными усло-

¹Здесь и далее по тексту курсивом приводятся комментарии пользователей сибирских сетевых сообществ, сохранена авторская орфография и пунктуация.

виями присутствие человека в виртуальной и / или реальной среде, при помощи которого он осуществляет взаимодействие [6, с. 16]. «Цифровое тело» и «информационное тело» — значения коммуникации в интернет-пространстве. Существенными признаками являются: программная природа цифрового тела; специфические инструменты управления; интерактивное свойство тела (продолжительный по сравнению с физическим телом жизненный цикл, возможности модификации и полифункциональной принадлежности, множественное копирование); вариативность происхождения и условия функционального использования информационных тел. Машинное восприятие социального и политического взаимодействия это скорее история о наблюдаемых параметрах, нежели оценка обстоятельств или причин той или иной коммуникативной модели (современные исследования в пространстве сетей — смена параметров и постоянная настройка исследовательского массива). Пространственная удаленность цифровых событий отличается от физических процессов, когда возможно наблюдать нечто находящееся «вблизи» в зоне непосредственной достижимости для органов чувств и возможностей коммуникации. Однако эта особенность в настоящее время может быть реализована развитием коммуникативных аналогий. «По мере того как цифровые сети, объединяющие в себе медийные, коммуникационные, информационные и вычислительные технологии, становятся неотъемлемой частью повседневности, все новые и прежде не охваченные области социальной жизни обращаются в «ресурсы»... когда подобными ресурсами способен стать практически любой элемент человеческой жизни, социальные отношения и формы власти начинают мутировать, социальные отношения становятся все менее пространственно определенными и «привязанными» (согласно С. Лэша — реализуется логика «дистанционности» / at-a-distance) [7, с. 228–229]. Сетевая коммуникационная структура на примере обзора сетевых сообществ может быть представлена графом Республики Хакасия — регионом со средним уровнем ресурсной зависимости. Основная активность пользователей сосредоточена внутри сообществ, о чем свидетельствует высокая плотность концентрации акторов коммуникации вокруг популярных тематических пабликов (рис. 1).

Рис. 1. Граф коммуникации в популярных сетевых сообществах Хакасии (период активности пользователей сообществ «ВКонтакте»: 04.12.2023-15.03.2024 гг., май-июнь 2024 г., Gephi v.10)

К основным пользовательским тематикам чаще федеральных повесток относится городская событийность, обсуждение актуальных новостей, а также поиск работы и трудоустройство «Почему учителя должны это терпеть??? И так работа не сахар...» (Это Кемерово детка). Наблюдается высокая плотность взаимодействия пользователей внутри сообществ, однако коммуникация не покидает внутренних границ и не выходит во внешнюю среду (другие региональные сетевые сообщества) «есть закон, и есть равнодушные горожане. Справимся, в случае чего» (Идентичный Кемерово).

В целом цифровая коммуникация в анализируемых сетевых сообществах представлена в основном активностью женщин *«Женщина в красном уже решает вопрос в ватсап 😊»* (Кемеровская область Кузбасс). Сетевые коммуникации отражают возможности для понимания и объяснения политической ситуации в регионе, на фоне повседневного общения и размещения объявлений населением в ленте новостей. В подавляющем большинстве ресурсов размещаются новости, в т.ч. отражающие участие коренного (регионального) населения в специальной военной операции (СВО), зачастую текст патриотического содержания используется на фоне иллюстрации истории мобилизованных по результатам выражаясь в поддержке пользователей. Принимая во внимание множество идентичных ресурсов, импостеров, «рекламных треков», «закрытых тем», или сообществ, общающихся на национальном языке (преимущественно сообщества ХМАО, ЯНАО и Республики Тыва) региональные социальные сети сохраняют свои различия и идентичности социально-политической коммуникации сибирских сообществ регионов ресурсного типа. Содержательно обновляемость коммуникационной повестки является быстрой, в короткие временные (пространственно-временные в реальном поле) промежутки. Заслуживают внимания измеряемые коммуникативные ситуации:

- Приемы информационного обмена между участниками сети, которые вызывают отклик (эмоциональную реакцию, включая триггеры) в региональных сообществах, с целью быть услышанными и получить практический отклик представителей реального и/или пользовательского сообщества, власти и управления на физических территориях и в рамках виртуальной сети.

- Геймификация в коммуникативных практиках (особенно распространена в молодежных сетевых треках).

- Преобладание «быстрого контента», преимущественно легкого и эмоционального (стрим- войс- форматы, короткие вертикальные видео, AI-контент и пр.), параллельный легкий медийно-развлекательный контент (*«сложный контент никому не нужен»*).

Различаются объемы и направленность коммуникации real-life и online. Первые всегда «проигрывают» в масштабах передачи информации, тогда как сетевые участники осуществляют непрерывную коммуникацию 24/7. В региональной пользовательской среде выделяется «домашний патриотизм», региональное (местное), надындивидуальное единство, осознанное поддержание сетевыми участниками поселенческого, гражданского, профессионального качества социально-политических отношений (рис. 2).

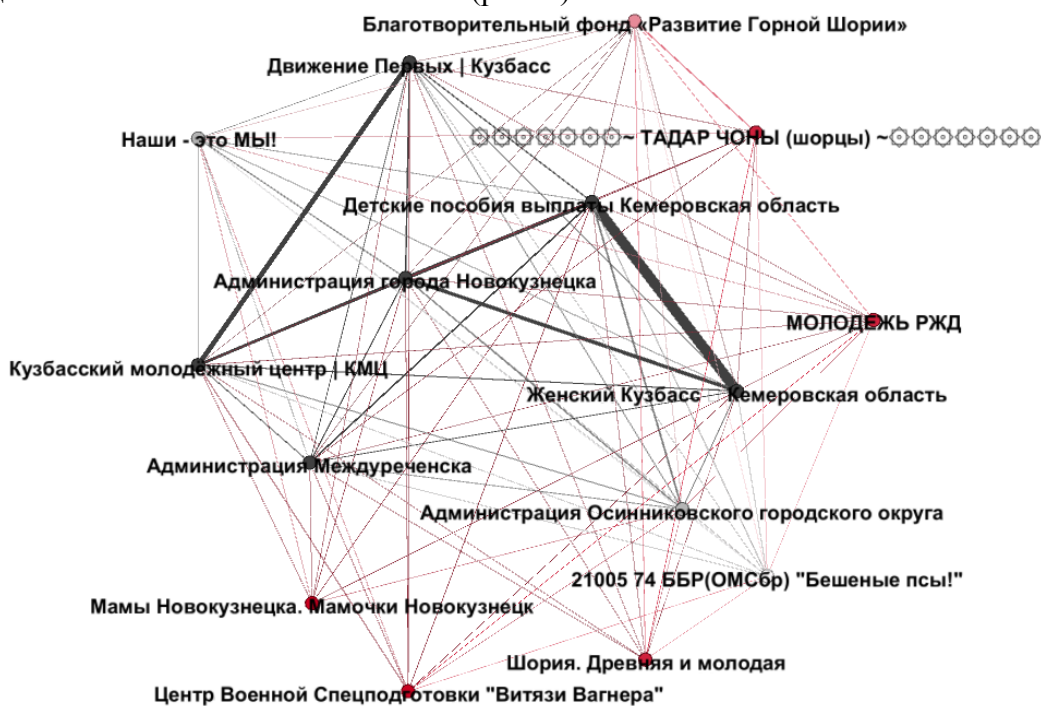

Рис. 2. Граф популярных «домашних» патриотических сетевых сообществ Кемеровская область — Кузбасс (сообщества «ВКонтакте», 15.01.2025 г. Gephi v.10)

На примере построенного графа демонстрируются «ребра» связанности сетевых сообществ в региональной сетевой коммуникации (даже наименование сообществ и линейная структура «домашних» сетей показывает нелинейный характер социально-политической коммуникации в регионе, зачастую находящейся за пределами официальной административно-политической и новостной повестки).

Результаты «ограничения автоэволюции» и «окна контакта» — период, когда наука используется в высокой степени, но не преобразует данной им природой разумности (период т.н. «послеатомной промышленности») (С. Лем «Фиаско») вероятно могут содействовать формированию консолидированного поля практической коммуникации в условиях «быстрых» измерений, результаты которых общество способно фиксировать и включать в содержание социально-политического взаимодействия практически непрерывно. В настоящее время речь идет о гибридной модели социально-политического взаимодействия реальных (традиционных физически очерченных сообществ), и виртуальных (сетевых, цифровых, облачных, самоорганизуемых) коммуникациях. В рамках регионального взаимодействия можно отметить три формата социально-политической коммуникации пользователей: «reallive» коммуникация (также транслируется и развивается в сетевой коммуникации пользователей и сообществ); региональные сетевые сообщества (сохраняют возможность выступать мобилизационными драйверами развития определенных тем и повесток, социальных запросов, виртуального общественного аудита); социально-политическая коммуникация в сети и информация, создаваемая вне ее (как правило продуцируются и используются преимущественно в своей (доменной) среде не пересекаясь). В реальной и виртуальной коммуникации региональных сообществ на период весны 2026 г. активизируется новый запрос к российским политическим акторам на отмену «ограничений сети и ее продуктов» (сеть, мессенджеры, программное обеспечение, игры).

Литература

1. Рубинштейн А. Я., Соколова Е. К., Дудкина Е. А. Гражданское общество, социальные сети и культурная активность в цифровой среде // Terra Economicus. 2022. № 20(2). С. 111–131.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. Москва: Изд-во Ин-та экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. 288 с.
3. Latour B. Woolgas S. Laboratory life: The construction of scientific facts. Beverly Hills. 1979. 299 p.
4. Социально-политическое взаимодействие. Прошлое и современность (Социол. этюды). / В. В. Желтов, Л. Л. Шпак. Кемерово, 1997. 337 с.
5. Кранзеева Е. А., Бурмакина А. Л., Алтемерова О. А. Региональное социально-политическое взаимодействие: субъекты и репрезентанты // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 3. С. 76–86.
6. Шкурко А. В. Потенциал «цифровых тел» как инструмента социологического исследования молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2025. № 3(14). С. 14–19. EDN AFWDYU.
7. Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства: пер. с англ. Москва: StrelkaPress, 2018. 268 с.

SOCIAL AND POLITICAL INTERACTION OF REGIONAL USERS IN REAL-TIME AND ONLINE FIELDS

Abstract. Sociopolitical interaction in the context of online communication of regional user communities is characterized by a complex combination (practically interconnected) of real fields, unfolding in the everyday lives of citizens, and virtual (created over a distance of digital connections) fields. The opportunity to study territorial practices of sociopolitical interaction through the analysis of digital communications in online fields is a reality of a transforming research methodology. The study of online communities of the resource-based type in Siberian

regions, conducted as part of a scientific project, allows us to identify the characteristic features of this new communication, as well as to offer a semantic description and visualize some of the observational results. Among the characteristics of the network and the field are the following: a high density of user interaction within communities, without leaving the «digital»; activism of female users; political communication through announcements and «junk topics»; «fast language» (abbreviations); trigger agendas; reflection of the participation of the indigenous population in the SVO and «surrounding» topics. Online sociopolitical interactions demonstrate the information dependence of real and online user communication fields.

Keywords: socio-political interaction, region, Siberia, social communication, users, online field, sociological research.

Сведения об авторе

Головацкий Евгений Васильевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук, Кемеровский государственный университет, e-mail: xomaik@rambler.ru.

Golovatsky Evgeny Vasilyevich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, e-mail: xomaik@rambler.ru.

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИИ В КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье рассматривается современная ситуация в гуманитарной области, которая при отсутствии противодействия приводит к ситуации отчуждения человека от человеческого. Ситуация связана с концептом когнитивной войны, введенным аналитиками НАТО и влияющим на особенности современных средств массовой коммуникации. Это кросснациональный концепт. Дается обзор российских публикаций по осмыслению феномена когнитивной войны, в том числе по отличию информационной войны от когнитивной. Показано исторически давнее, фактически экзистенциальное противодействие западного типа цивилизации, переродившегося в XXI в. в антицивилизацию, — российской цивилизации, а также иным национальным цивилизационным типам. В условиях КВ формируется особый тип личности, сфера познания которой деформирована, эмоции хаотичны, действия логически противоречивы. Важно формировать сильную, свободную, ответственную, патриотическую личность.

Ключевые слова: когнитивная война, информационная война, манипуляция, познание, человек как оружие, модель человека, национальные ценности.

Человек как мишень в ситуации глобальной манипуляции в создавшихся в мире условиях — важная гуманитарная проблема современности. Это прежде всего условия когнитивной войны, которая уже стала и будет продолжать становиться фактором сохранности или отчуждения человеческой личности от человеческого. Когнитивная война (КВ) есть закономерный в современных геополитических, финансово-экономических, социокультурных условиях тип войны. В последние годы определению понятия, его предистории, сущности, практическим действиям уделяется активное внимание. В 2021 г. военные аналитики А. А. Бартош, А. Г. Летяго, очевидно, знакомые с натовским документом 2020 г. о КВ, обозначили ее как разновидность мягкой силы, которая позволяет с помощью ударов по сознанию и мировоззрению людей «сделать каждого человека оружием в чужих руках», «захватить контроль над группами правящих элит, населением и государством» [3]. Удары по сознанию и мировоззрению людей «постепенно и незаметно нарушают обычное понимание и реакцию на события», направлены на внушение нужного образа мыслей, т.е. «усложняют и запутывают процессы познания и анализа» [3], понимания, именно поэтому речь идет о *cognitio* (когниции) — знании, познании, осознании.

В процессе становления этого нового явления, которое своим обозначением на английском языке *Cognitive Warfare* (CW) обязано действиям аналитиков НАТО, в России были предложены другие определения. Так, сам А. Бартош назвал явление борьбой в информационно-психологической и культурно-мировоззренческой сферах, специалист по общей теории войны А. И. Владимиров — борьбой за сознание, эксперт в области информационного противоборства А. М. Ильницкий — «ментальной войной», китайский Институт Синьхуа — «колонизацией сознания» [Бурлинова].

Специалисты по вопросам национальной безопасности В. Балановский, В. Подъяконов, И. Грекова (2022) уточнили, каким образом родилась концепция КВ в недрах НАТО и как запад понимает ее. В промежутке 2013–2020 гг. по поручению командования НАТО французский офицер Ф. де Клузель на базе специализированного центра *Innovation for Defence Excellence and Security* (IDEaS) работал над данной концепцией. В 2020 г. он выпустил доклад «Концепция когнитивной войны» (*The Cognitive Warfare Concept*) [Cfdby], в 2021 г. совместный с Б. Клавери доклад «Когнитивная война. Понимание и защита когнитивной области». Вторую работу можно рассматривать как концептуальный документ.

Стоит выделить в документах 4 пункта. Определение, в котором встречается важное понятие, исключенное во времена Ельцина из Конституции РФ (1993), — идеология: «Когнитивная война — это война идеологий, которая стремится подорвать доверие, лежащее в основе каждого общества» [9]. Такое понимание войны коррелирует с популярной идеей Томаса Гоббса о войне всех против всех, которая как раз характеризует философию западного (новоевропейского) человека. Во втором документе уточнялось, что общественное мнение можно использовать как оружие для влияния на нацию.

Второй пункт особо важен, т.к. в нем открыто утверждается главная цель когнитивной войны — «взлом личности», использование ее уязвимостей, ее опасений, ее ограничений, ее способности думать. «Знание можно легко использовать в качестве оружия», и тогда каждый человек становится оружием. «Мозг станет полем битвы XXI в.» [2]. С точки зрения мозга, который весьма активно изучается сейчас, и биологами, и психологами, и айти-специалистами, и когнитологами, агрессору важно понять, как человек думает, воспринимает и обрабатывает информацию, тем более что у самого мозга есть когнитивные ограничения. Мозг «не может определить, является ли конкретная информация правильной или неправильной; склонен верить утверждениям или сообщениям, которые он уже слышал как истинные, даже если они могут быть ложными; принимает утверждения как истинные, если они подкреплены доказательствами, без учета подлинности этих доказательств» [9].

Исследователь Медушевский (2023) уточняет, что мишенями в КВ становятся память (как обобщение данных опыта), осмысление (понимание смысла) и формирование идеи деятельности [8]. «В результате целевой группе внедряется новая картина мира». Политологи А. Гончаренко, А. Асафов (2025) добавляют, что «основное воздействие оказывается на подсознательный уровень человеческого разума» [6], указывают на чрезвычайно важный аспект — КВ должна не только готовить возможное будущее, но и контролировать восприятие прошлого.

Третий пункт описывает отличие нашего времени от более ранних эпох, т.к. именно в связи с развитием новых технологий, таких как интернет с его геометрически растущим объемом информации, «человеческий разум больше не в состоянии обрабатывать поток информации» [9]. Немаловажную роль играют технологии создания баз больших данных, технологии искусственного интеллекта, тотальное распространение гаджетов как инструмента коммуникации, как источника развлечения и познания. С помощью этих технологий определенные структуры проводят ментальные «атаки», которые направлены на изменение мышления как общей способности личности через изменение отдельных мыслей.

Четвертый пункт описывает разницу между КВ и традиционной пропагандой: «Каждый участвует, в основном непреднамеренно, в обработке информации и формировании знаний», то есть каждый гражданин, выходящий в интернет, в социальные сети, вносит свою лепту в принятие, осмысление информационных событий, от частной переписки до новостей на федеральном канале. Лайки, по-русски нравки, написание постов становятся обыденностью. Тем самым каждый гражданин становится пропагандистом чего-то, пиарщиком, вносящим свой вклад в общее инфополе. Границы локального пространства переплетаются с региональным, федеральным, мировым пространством, что создает принципиально новую ментальную среду бытования человека. Не забудем, что вся информация не просто сохраняется, но и изучается определенными структурами, прежде всего странно любимыми россиянами западными мессенджерами Ватсап, Телеграмм, Инстаграм и т.д.

В 2025 г. политолог Э. Багдасарян сравнивает информационную войну с когнитивной с целью понять отличие и опасность последней. Информационная война, бывшая активной на протяжении последних столетий, должна была «повлиять на поведение противника через внедрение ложной, искаженной, неполной или манипулятивно поданной информации» [1], склонить к ошибочному действию. Человек в таком мире мог быть обманут, но сохранял дистанцию между собой и информацией. В информационной войне важен сам процесс манипулирования, то есть использования личности для реализации целей иного субъекта.

В КВ речь идет «о переформатировании самого сознания». В этом случае удары наносятся на «идентичность, историческую память, ценностные иерархии, культурные коды, языко-

вые привычки, эмоциональные рефлексy и даже антропологический образ человека» [1]. Как результат, человек зомбирован и может воспринять зомбирование как свой свободный осмысленный акт. «Чужое начинает восприниматься как свое». В идеале личность манкуртизируется.

Ситуацию КВ следует рассматривать как войну одного типа цивилизации против цивилизаций другого типа. Первая цивилизация «постзападного» типа, точнее назвать ее в XXI в. антицивилизацией, наследует то, что Н. Я. Данилевский называл романо-германским, или европейским, культурно-историческим типом [7, с. 110]. Как характеристичные особенности романо-германской цивилизации им выделены насильственность, нетерпимость, рационализм. Скорее всего неартикулированно постзападная культура (антицивилизация) наследует и элементы других достаточно старых культурно-исторических типов, также выделенных ученым. Сегодня такая антицивилизация дислоцируется в странах Европы и Северной Америки. Другие типы цивилизаций представляют, по сути, все остальные страны мира. Не случайно «первый евразиец» Н. С. Трубецкой, развивая идею Данилевского о разных типах цивилизаций, говорил о противостоянии Европы и — человечества [10]. Среди представителей последнего для нас важна, разумеется, Россия.

Насильственный, нетерпимый дух западной цивилизации (романо-германской, затем ее извода атлантического типа в США, наконец постзападной антицивилизации) обычно острием направлен против России и русского человека. Опасность Запада для русской культуры осмысливалась русскими мыслителями и до Данилевского. На протяжении всего XIX в. одним из идейных лейтмотивов оказывается лейтмотив спасения русского человека от власти по-своему прельстительных, чуждых и опасных идей Запада. Достаточно сказать о дискуссии между карамзинистами и шишковистами, состоявшейся в нулевые — десятые годы XIX столетия по вопросу о слоге русского литературного языка; о стихотворениях А. С. Пушкина 30-х гг. «Бородинская годовщина», «Клеветникам России», связанных с инициированными Западом антирусскими польскими событиями; о борьбе славянофилов и западников начиная с 40-х гг.; о лирике Тютчева 60–70-х гг., в которой политическая тема противопоставления славянских народов Западу звучит почти апокалиптически; об осмыслении Достоевским в своем Великом Пятикнижии (1866–1880) типа радикального героя западнического типа, выдавившего нравственность из своей души, и др.

Опасность и прельстительность западных идей в ментальной сфере связана — если не говорить о прямой военной агрессии — с ложной значительностью теории прогресса, с манипулятивной природой их преподнесения, с включением страновой культуры в инфраструктуру западного типа. Русская культура уже не раз попадала в ловушки западничества. В такие периоды, исторически приходящиеся на рубежи столетий, западная философия личности, философия индивидуализма, стремящаяся минимизировать вплоть до уничтожения традиционную русскую культуру, развивающая ложные, манипулятивные модели «человек вообще», «человек, а не общество», «общечеловеческие ценности», приводит в России к формированию особого рода личности. Важнейшая ее особенность — ментальная неукорененность в национальной культуре со всеми вытекающими отсюда последствиями. К числу таких последствий следует отнести придание значимости либеральным идеям, преувеличенное представление об отдельной человеческой личности, отрицание общих ценностей нравственного порядка, нивелирование идей долга и ответственности, склонность к гедонизму, активность воображения и креатива, восприятие жизни как игры и т.д.

Опасность КВ в рамках национального государства связана прежде всего с наличием такого типа личности и с использованием агрессором ее как готового оружия в конфликте цивилизаций. Другая опасность — переформатирование сознания остальной части населения, в особенности сознания молодежи.

КВ будет усиливаться, все больше информационное поле будет становиться полем манипуляций, обмана, фейков, наивности и мошенничества. Задача национального государства в таком случае активно реализовывать — неукоснительно, но гибко — базовую модель воспитания человека, вытекающую из истории и культуры своей страны. «Гуманитарные факторы

сохранения идентичности связаны с развитием исторически апробированных и выпестованных народом ценностей, сохранностью языка, следованием традиции» [4, с. 40]. Исторически сложившиеся нравственные кодексы, традиционные социальные институты, освобожденные от вброшенных идей (например, семья вне досягаемости идей ювенальной юстиции, школа вне досягаемости идей ЕГЭ, университет вне досягаемости идеи зарабатывания денег, личность вне идеи карьеры и гедонизма, СМИ и блогерство в рамках общенациональной цензуры и т.д.), должны стать основой формирования сильной, свободной, ответственной, патристической личности. Такая личность останется в поле настоящего познания, будет свободна как от ментальных шатаний и совершения ошибок, так и от отчуждения от человеческого начала в себе.

Литература

1. Багдасарян Э. В. О когнитивных войнах. Битва за человека. URL: <https://polit.msu.ru/2026/04/16/cognitive-warfare-commentary/> (дата обращения: 08.06.2026)
2. Балановский В., Подъяконов В., Грекова И. Противоборство в когнитивной войне: борьба за человеческий разум. URL: <https://www.secuteck.ru/articles/protivoborstvo-v-kognitivnoj-vojne-borba-za-chelovecheskij-razum> (дата обращения: 08.06.2026)
3. Бартош А., Летяго А. Отпор когнитивной агрессии. URL: <https://nic-pnb.ru/vojny-konflikty-voennoe-stroitelstvo/otpor-kognitivnoj-agressii> (дата обращения: 08.06.2026).
4. Башкеева В. В. Национальная идентичность в условиях глобализации: взгляды неоевразийцев // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 39–41.
5. Бурлинова Н., Темарева Д. Китайский экспертный доклад: анализ американской стратегии колонизации сознания. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-ekspertnyy-doklad-analiz-amerikanskoy-kontseptsii-kolonizatsii-soznaniya/> (дата обращения: 08.06.2026)
6. Гончаренко А. Р., Асафов А. Н. Концепция когнитивной войны: подготовка НАТО к конфликтам будущего. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-kognitivnoy-voyny-podgotovka-nato-k-konfliktam-budushego> (дата обращения: 08.06.2026)
7. Далилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2008. 816 с.
8. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования // Вопросы теоретической экономики. 2023. Ч. 2, № 3. С. 92–107.
9. Савин Л. НАТО разрабатывает методы ведения когнитивной войны. URL: <https://katehon.com/ru/article/nato-razrabatyvaet-metody-vedeniya-kognitivnoy-voyny> (дата обращения: 08.06.2026)
10. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Аграф, 2000. С. 29–92.

A HUMAN AS A MANIPULATION' OBJECT IN COGNITIVE WARFARE

Abstract. In the article we consider modern situation in humanities which may creates situation of alienation of man from the human. It is situation of cognitive warfare (CW), according to NATO' analytics, which influences on peculiarities of modern mass communication media. It is crossnational concept. We gave an overview of Russian publications about phenomenon CW, including difference between CW and information warfare. Next item is old, existential confrontation of west type civilization, nowadays like anticivilization, against Russian civilization, also against any other civilizations. It is also a special type of personality whose sphere of knowledge is deformed, emotions are chaotic, actions are contradictory. It is important to form strong, free, responsible, patriotic person.

Keywords: cogninive warfare, information warfare, manipulation, cognition, man as a weapon, model of a man, national values.

Сведения об авторе

Башкеева Вера Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: oaelun@mail.ru

Bashkeeva Vera, DSc, professor of Russian and Foreign Literatures Chair, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: oaelun@mail.ru.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Информатизация, ставшая с середины XX в. атрибутом современного общества, серьезно влияет на него, существенным образом изменяя не только социальные процессы, но и сознание человека. Клиповое мышление и чипизация как феномены информационного общества изменяют когнитивные способности человека, лишая его критического мышления и собственного разума. Индустрия 4.0 остро поставила вопрос между взаимоотношениями естественного и искусственного, пытаясь подчинить первое второму. Мировоззрения трансгуманизма и постгуманизма приносят в жертву технологиям божественный замысел, — человека в натуральном виде, а также его первозданное жизненное пространство, пытаясь превратить человека в киборга, а биосферу заменить инфосферой. Сохранить естественное жизненное пространство человека возможно только с помощью экологических ценностей как противоположности ценностям техногенным.

Ключевые слова: информационное общество, информатизация, цифровизация, жизненное пространство человека, экологическое сознание, экологические ценности, экология человека.

Проблема взаимовлияния естественного и искусственного — одна из ключевых проблем философии. Техносфера, представляющая собой искусственно созданный мир, ассоциирующийся с бездуховностью и косностью, неустанно наступает на природу, отчуждая человека от последней. На первый взгляд все просто и понятно: техника является олицетворением зла, природа выступает воплощением добра, следовательно, для спасения естественной среды обитания человека и самого человека необходимо отказаться от использования техники, то есть руководствоваться идеалами толстовства, Диогена Синопского, Жака Эллюля. Сложность заключается в том, что человек является единственным живым существом на планете Земля, который не может существовать в первозданном виде, но должен создавать орудия труда, развивая тем самым мастерство, искусство, умение. Таким образом, техника представляет собой способ бытия человека, являясь его сущностной характеристикой.

Современный этап развития техники, который в научной литературе называется четвертой промышленной революцией или индустрией 4.0, связан с развитием умных цифровых технологий. Согласно Р. Б. Шестакову, он представлен интегрированным объединением искусственного интеллекта, облачных вычислений, интернета вещей, производственных роботов и информационно-цифровых технологий [1, с. 15]. Также как и предыдущие промышленные революции, индустрия 4.0 активно преобразует жизненное пространство человека. Если первая промышленная революция оторвала человека от земли, вынудив стать наемным рабочим ткацких фабрик, вторая отгородила от естественной среды обитания искусственными средствами передвижения, третья заставила созерцать природу с экранов гаджетов, то четвертая промышленная революция преобразует самого человека, трансформируя его когнитивные способности. С одной стороны, это связано с развитием клипового мышления и формированием мозаичного сознания, с другой, интеграцией головного мозга человека с искусственным интеллектом посредством чипирования. В обоих случаях происходит утрата человеком своего естества, в первом, он деградирует, теряя способность критического мышления и анализа серьезной информации, а во втором, превращается в киборга-постчеловека, срачивается с машиной, утрачивая контроль над собой.

Дальнейшее развитие техники, по мнению ряда ученых, приведет к наступлению технологической сингулярности, — такому моменту, когда человек полностью утратит над ней

контроль, делегировав его умным самореплицирующимся машинам и общему искусственному интеллекту. Известный футуролог и сторонник концепции технологической сингулярности Рэй Курцвейл предрекает слияние человека с машиной в будущем [2, с. 109]. Этот гипотетический момент будет означать собой конец человеческой истории и исчезновение жизненного пространства человека вместе с самим человеком. Таким образом, возникает вопрос, — «как предотвратить столь ужасные последствия научно-технического прогресса?». Ответ прост — следовать древнейшему принципу, приписываемому Фалесу Милетскому, — «ничего сверх меры», то есть соблюдать баланс между ценностями первой и второй природы, естественной средой обитания человека и уровнем ее технического освоения. Не случайно в Античности занятие ремеслом считалось низким и недостойным свободного гражданина, а умозрительная деятельность, в частности, занятие философией, почиталась как высшее благо. В современных условиях развития техники и ее воздействия на жизненное пространство человека невозможно возродить Античность, но вполне можно вернуть экологические ценности в систему жизненно важных духовных ориентиров человечества, создав тем самым противовес техногенным ценностям. В этом особую роль играет формирование экологического сознания [3].

Только с помощью экологического сознания можно осмыслить неразрывное единство человека, природы и техники как особого волеизъявления человека и способа его существования в природной среде. Это говорит о том, что экология человека, экология природы и техносфера оказывают взаимовлияние друг на друга, и гармоничное развитие данного единства невозможно при пренебрежительном отношении к любому его компоненту. Г. С. Розенберг, анализируя концепцию Всеохватывающей экосистемы с человеком (Total Human Ecosystem) известного эколога Зева Наве, показывает какое первостепенное значение тот уделял экосфере, под которой понимал коэволюционную взаимосвязь техносферы, ноосферы и биосферы Земли [4, с. 35]. Данная концепция преследует своей целью эффективное управление окружающей средой через изучение «экосистем с человеком». Будучи специалистом в области ландшафтной экологии и экологии восстановления, Зев Наве указывал на взаимосвязь экологии с экономикой (экономической географией), то есть подчеркивал, что любые экономические преобразования жизненного пространства человека, в отрыве от сохранения его экологии, приведут к множеству глобальных кризисам (социальному, экономическому, экологическому) [4, с. 39]. То же самое подчеркивает Г. С. Розенберг, указывая на то, что социология, экономика и экология должны определять развитие человечества в этом столетии [4, с. 40].

О взаимосвязи экономики, то есть хозяйственной деятельности человека, в основе которой лежит освоение природы, с экологией пишет С. В. Штебнер. Он подчеркивает, что превышение количества отходов в результате человеческой деятельности приводит к неспособности природной среды их утилизировать, призывая, тем самым, ориентировать экономику на способности окружающей среды переработать продукты хозяйственной деятельности человека [5, с. 425]. Взаимоотношение экономической деятельности человека с естественной средой обитания в этом случае будут выстроены по следующей схеме: изначально природа является источником производственных ресурсов и подвергается определенному насилию; на втором этапе хозяйственной деятельности человека природа выступает в качестве источника рекреации, то есть полученные в результате первого этапа материальные блага должны так использоваться, чтобы человек укреплял здоровье и получал удовольствие от пребывания вне города; третий этап овладения природой должен учитывать скорость и объемы потребления природных ресурсов, чтобы дать возможность ей восстановиться и очиститься от отходов экономической деятельности человека.

В приведенной модели эколого-экономического взаимодействия видно, какую огромную роль в данном процессе играют экологические ценности. Потреблять так, чтобы радоваться и быть здоровым, — вот истинный принцип взаимоотношения человека, природы и уровня развития и использования техники, как компоненты экономической деятельности человека. Сегодня, к сожалению, человек потребляет безмерно, стараясь извлечь максимальную при-

быть из природы сейчас. Подобная практика способствует не только экологическому кризису, но приводит к кризису самого человека, делая прогнозы футурологов ожидаемыми.

Литература

1. Шестаков Р. Б., Филиппова-Глебова А. И., Яковлев Н. А. От индустрии 4.0 к индустрии 5.0: формирование, развитие, проблемы и перспективы // Вестник техносферной безопасности и сельского развития. 2024. № 3(38). С. 15–18.
2. Хасиева М. А. Проблема человека в контексте истории технологического утопизма // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3(107). С. 106–110.
3. Крайнов А. Л. Формирование экологического сознания как путь преодоления кризиса техногенной цивилизации // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: межвузовский сборник научных работ. Саратов, 2016. С. 150–156.
4. Розенберг Г. С. Биосфера + ноосфера + техносфера = экосфера // Самарская лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2019. Т. 28, № 3. С. 33–43.
5. Штебнер С.В. Взаимосвязь экологии и экономики // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 8. С. 424–429.

THE IMPACT OF THE INFORMATION SOCIETY ON HUMAN ENVIRONMENT

Abstract. Computerization, which has become a hallmark of modern society since the mid-20th century, has a profound impact on it, significantly altering not only social processes but also human consciousness. Clip-based thinking and chip implantation, as phenomena of the information society, alter human cognitive abilities, depriving them of critical thinking and their own reason. Industry 4.0 has sharply raised the question of the relationship between the natural and the artificial, attempting to subordinate the former to the latter. Transhumanist and posthumanist worldviews sacrifice the divine design — humanity in its natural form — as well as its pristine living space to technology, attempting to transform humans into cyborgs and replace the biosphere with an infosphere. Preserving the natural human living space is only possible through ecological values as opposed to technogenic ones.

Keywords: information society, informatization, digitalization, environment, environmental awareness, environmental values, human ecology.

Сведения об авторе

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки», Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, e-mail: krainoval@vavilovsar.ru

Krainov Andrei Leonidovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities at the Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, e-mail: krainoval@vavilovsar.ru

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БУДУЩЕГО:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА
В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Аннотация. В статье анализируется понятие постчеловечества в контексте теорий трансгуманизма и постгуманизма. Особое внимание уделяется ключевым характеристикам возможного постчеловеческого будущего, в котором ИИ станет определяющим фактором. Автор анализирует то, каким образом происходит трансформация представлений о человеческой природе под влияние развития ИИ и технологий, меняющих традиционные границы «человеческого» и формирующих новые формы идентичности и субъективности. По мнению автора, ИИ перестает быть лишь технологией — он становится движущей силой новой стадии эволюции, где человек и машина вступают в синергетическое взаимодействие. Данные процессы требуют философского осмысления, которое поможет человечеству выстроить гармоничное будущее, позволит в полной мере использовать открывающийся потенциал и минимизировать риски.

Ключевые слова: постчеловек, трансгуманизм, постгуманизм, искусственный интеллект, идентичность, субъективность, общество, техника, технологии.

Развитие ИИ в современном обществе выходит за рамки простого расширения человеческих возможностей, запускает трансформационные процессы, меняющие представление о человеческой сущности. В данных условиях философский анализ перспектив постчеловеческого будущего приобретает особую значимость, так как развитие ИИ формирует новые формы бытия, сознания и взаимодействия.

Философские концепции постчеловека рассматривают трансформацию человеческой сущности в контексте выхода за привычные биологические и антропологические рамки. Центром этих концепций выступает идея радикального изменения природы человека под воздействием технологий, прежде всего искусственного интеллекта, биоинженерии и кибернетики. Постчеловек в трактовке данных концепций представляет собой не просто модифицированную версию *Homo sapiens*, а принципиально иное существо, обладающее расширенными когнитивными, сенсорными и физическими возможностями, что ставит под вопрос традиционные понятия идентичности, сознания и морали.

Одним из ключевых философских направлений, формирующих представления о постчеловеческом будущем, является трансгуманизм, который утверждает возможность и необходимость активного улучшения человеческих способностей при помощи научных достижений. Трансгуманизм рассматривает технологические средства как инструменты преодоления ограничений биологического тела и сознания, тем самым иницируя появление постчеловека — существа, выходящего за пределы человеческой природы. В этом контексте особое внимание уделяется этическим вопросам: что значит быть человеком и где приходят этические и онтологические границы вмешательства в человеческую сущность.

Другой важный вклад в понимание постчеловека вносит философия постгуманизма, которая более радикально ставит под сомнение антропоцентризм и сущностное фундаментальное значение человека. Постгуманизм акцентирует внимание на взаимопроникновении биологического и технологического, природы и культуры, естественного и искусственного, тем самым разрушает традиционно сформировавшееся мировоззрение в рамках философских систем и утверждает, что человек — не центр Вселенной, а одна из множества форм бытия, причем форма, которая может существенно трансформироваться или быть трансформированной в процессе технологического развития.

Философия постгуманизма исходит из положения о незавершенности антропогенеза. Данная позиция находит отражение в исследованиях современных футурологов. В монографии Р. Курцвейла «Революция разума. На подступах к сингулярности», представлен прогноз, согласно которому накопительный эффект достижений в области генной инженерии, молекулярной нанотехнологии и нейроинтерфейсных технологий к 2050 г. способен обусловить возникновение постчеловеческой стадии антропогенеза. Прогнозируемые формы постчеловеческого существования будут обладать расширенным спектром когнитивных и физических возможностей по сравнению с современным человеком [6, с. 580].

Постгуманистическая концепция критически переосмысливает природу современного человека, здесь он предстает существом, ограниченным в своих биологических и интеллектуальных возможностях, уступая место ИИ и компьютерным технологиям. Человек проигрывает по ряду ключевых параметров: физическим (ИИ не ограничены биологическими рамками выносливости и продолжительности жизни), когнитивным (ИИ демонстрируют превосходство в скорости вычислений, точности анализа данных и способности к параллельной обработке информации), кроме того, ИИ и роботизированные системы способны функционировать в экстремальных условиях и выполнять работу без снижения эффективности. В сложившейся ситуации возникает вопрос об эволюционных перспективах человеческого вида. П. С. Гуревич отмечает, что современный этап антропологического развития характеризуется кризисом идентичности: «человек не только утратил идентичность, он понемногу сходит совсем на нет, умирает как антропологическая данность» [2, с. 20].

Так, например, С. А. Смирнов предлагает выйти за рамки классической антропологии и сместить фокус с традиционного понятия «человек» на категорию «гуманоид», которая включает в себя различные формы постбиологического существования: «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек — лишь один из видов, причем уже уходящий. Поэтому человека можно и нужно сконструировать, собрать из высокотехнологического материала, заменить некоторые части его тела, не только уподобив машине, но и соединив с нею» [8, с. 86].

Теории трансгуманизма и постгуманизма в качестве основного направления развития постчеловеческого будущего рассматривают киборгизацию — слияние человека с машинными системами, в результате которого ряд естественных функций человеческого организма и когнитивных способностей замещается высокотехнологичными решениями. Ж. Бодрийяр, акцентирует внимание на экзистенциальных рисках данных трансформаций, отмечая, что «искусственный интеллект и его «технические подпорки» станут протезом, не оставляющим места для мысли» [1, с. 274]. Развивая данную мысль, Дж. Ланир отмечает, что «слепая вера в безграничные возможности машин приводит к нивелированию умственных способностей, а вместе с ними и ответственности человека: чтобы машины все время казались умными, люди сознательно деградируют, а чтобы человек рассматривал разум машины как реальный, требуется ослабить собственную связь с реальностью» [7, с. 87].

Становление постчеловеческого мира влечет за собой необходимость переосмысления базовых представлений о технике и технологиях. Исторически техника представляла собой внешнее средство человеческой деятельности, как инструмент, подчиненный воле субъекта. Однако, в эпоху кибертехнологий, когда возможно модифицировать самого человека, данная парадигма претерпевает существенные изменения. Технологии теперь встраиваются в сущность самого индивида и становятся частью его самости, тем самым превращая технику из средства в цель. Кибертехнологии, основываясь на абиологических материалах, эффективнее преодолевают биологические ограничения по сравнению с биотехнологиями и потому представляются более перспективными. По мнению И. Н. Тяпина, такой подход может быть осмыслен в рамках философско-диалектической традиции. Согласно закону «отрицания отрицания», кибертехнологии не просто заменят биологические системы, но и синтезируют их полезные свойства в новой форме, преодолевая ограничения предшествующей стадии развития, что позволит рассматривать переход к абиологическим решениям как закономерный

этап технологической эволюции: «Современные кибертехнологии завершают диалектическую триаду, где начало/”тезис” — это природное абио (вечное и безжизненное), отрицание/”антитезис” — это появление жизни и социальности, с ее хрупкостью и смертностью, а синтез/«диалектическое снятие» — это состояние мира после использования кибертехнологий для создания вечной жизни в форме “оживления абиологического”» [9, с. 123]. Дополняя данную мысль, И. Н. Тяпин обращает внимание на то, что «Кибертехнологии более органично выводят на абсолютный предел познания и возможной модификации человека, который заключается в том, что сознание/душа становится феноменом отдельного существования, в частности, обеспечивая, избавление от ограничений любого определенного тела» [9, с. 124].

Критика традиционного антропоцентризма становится одним из ключевых аспектов в осмыслении постчеловеческого будущего. Антропоцентризм ставит человека в центр мироздания, рассматривая его как высшую и уникальную форму бытия, способную управлять природой и определять её значение исключительно через призму человеческих интересов и ценностей. Такая позиция не только формировала основы классической философии и науки, но и способствовала устойчивой иерархии, в которой природа понималась как ресурсная база и объект эксплуатации.

Современные критические теории подчеркивают, что антропоцентризм является утопическим и ограничивающим взглядом, препятствующим развитию экологического сознания и реализации более интегративных моделей взаимодействия человека и окружающего мира. Традиционный антропоцентристский подход подвергается переосмыслению в свете постчеловеческой перспективы. Человек перестает восприниматься как исключительный субъект, он становится частью комплексной системы взаимодействий, включающей биологические, технологические и социальные компоненты. Более того, субъект понимается не как завершенная ступень эволюционного процесса, а как его отправная точка для дальнейшего развития, непрерывный процесс становления и трансформации. По словам М. А. Иванченко: «Постгуманизм отрицает исключительность человека, вводя плюралистичность субъектов (вещи, вирусы, живые существа помимо человека, техника, биосфера и проч.), сосуществование человеческого и нечеловеческого (органического и неорганического, естественного и искусственного), их становление полноправными акторами исторического процесса. Человеческое становится всего лишь одной из форм социальности» [3, с. 18].

Так, например, И. В. Кудашова предполагает модель эволюции разумной жизни, где современный человек выступает как необходимый, но исторически ограниченный этап развития. По мнению исследователя, антропологическая форма не является конечной точкой эволюции разума, а служит переходным этапом к появлению принципиально новых видов разумных существ с иными онтологическими основаниями: «Возможно предположить, что современный человек является необходимым этапом в развитии мира, что в будущем возникнет совершенно новый вид разумных существ, поэтому имеет смысл изучать уже не самого человека с его разумом, а сам разум, сознание, реализованное пока — на человеческом носителе» [5, с. 22].

Сознание, как феномен, долгое время оставался исключительно человеческим атрибутом, связанный с саморефлексией и субъективным переживанием. Однако достижения в области искусственного интеллекта поднимают дискуссию о его искусственной форме: может ли ИИ обладать сознанием в полном смысле этого слова, или его поведение является лишь имитацией? Этот вопрос является постоянным источником дискуссий в науке, бросая вызов традиционным представлениям о сознании и поднимая новые вопросы относительно определения сознания и его природы. Следует отметить, что человеческое сознание возникло как результат эволюции, адаптации к условиям окружающей среды.

Проводя комплексный анализ возникновения сознания у ИИ, исследователи И. А. Канаев и Э. Д. Дряева приходят к выводу о том, что для реализации данных перспектив необходим ряд условий. В качестве ключевых факторов они выделяют следующие: «интегральность — способность объединять результаты взаимодействия с миром в единый момент состояния

субъективной реальности, которое отражает окружающую реальность в формах внутреннего опыта, включая восприятие, эмоции и мысли; адаптивность — способность приспособления к ритмам окружающей среды и эффективного предсказания будущих событий, включая нахождение новых способов решения актуальной задачи; самоконтроль — наделение происходящих внутри и вовне системы событий и последствий ценностным значением, которое встраивает полученное знание в структуру системы, позволяя определять цели существования на основании собственных состояний» [4, с. 42].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что существуют значительные различия между подлинным целеполаганием, присущим человеческому сознанию и его имитацией в системах ИИ. Проявления самоконтроля и целеполагания в ИИ представляют собой результат выполнения программных инструкций, реализующих формализованные модели поведения, а не проявление субъективности. Ключевым условием дальнейшего развития подобных систем является их способность не просто интегрироваться в окружающий мир, но и непрерывно адаптироваться к его изменениям. В антропогенезе эти процессы привели к формированию социокультурной среды, а также обусловили развитие механизмов социального отбора, обеспечивающих сохранение и распространение наиболее жизнеспособных моделей социального взаимодействия. ИИ обладают потенциалом избрать альтернативный путь развития, открыть новое направление эволюции, которое отличается от биологической эволюции человеческого сознания, более того, ИИ способен развиваться вне биологической формы, представляя собой принципиально иную форму осознанности и когнитивной сложности, основанную на технологических усовершенствованиях, алгоритмах и обработке данных.

Философская рефлексия, обращающая внимание на экзистенциальные аспекты постчеловеческого бытия в эпоху цифровой трансформации общества, способна выступить основой для формирования новой системы смыслов и ценностных ориентиров, которая будет отвечать вызовам цифровой эпохи, включая развитие ИИ, при этом сохраняя преемственность по отношению к фундаментальным антропологическим и этическим установкам, которые были сформированы в контексте предшествующих философских учений.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва: Добросвет: КДУ, 2015. 392 с.
2. Гуревич П. С. Деантропологизация человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 19–32.
3. Иванченко М. А. Эволюция гуманизма и формирование постчеловеческой социальности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Екатеринбург, 2023. С. 18.
4. Канаев И. А., Дряева Э. Д. Искусственный интеллект: перспективы возникновения сознания // Вопросы философии. 2024. № 11. С. 38–49.
5. Кудашова И. В. Социально-философские аспекты идеи усовершенствования человека: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Красноярск, 2006. С. 22.
6. Kurzweil R. The age of spiritual machines. London, 2000. 676 p.
7. Lanier J. You are not a gadget. A manifesto. New York, 2010. 129 p.
8. Смирнов С. А. Современная антропология. Аналитический обзор // Человек. 2003. № 5. С. 84–96.
9. Тяпин И. Н., Маслов В. М. Постчеловек и постчеловечество. Вологда: Изд-во ВоГУ, 2024. 155 с.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE POST-HUMAN FUTURE: RETHINKING THE ESSENCE OF HUMANITY IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article analyzes the concept of posthumanity in the context of transhumanism and posthumanism theories. Special attention is paid to the key characteristics of a possible posthuman

future in which AI will become a defining factor. The author examines how the concept of human nature is transforming under the influence of AI and technologies that are changing the traditional boundaries of «humanity» and shaping new forms of identity and subjectivity. According to the author, AI is no longer just a technology; it is becoming the driving force of a new stage of evolution where humans and machines are interacting synergistically. These processes require philosophical reflection, which will help humanity build a harmonious future, fully utilize the emerging potential, and minimize risks.

Keywords: posthuman, transhumanism, posthumanism, artificial intelligence, identity, subjectivity, equipment, technology.

Сведения об авторе

Трифонова Татьяна Леонидовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Академия ФСИН России, e-mail: katt17@yandex.ru

Trifonova Tatiana Leonidovna, Ph.D. in philosophy, Associate Professor of the department of philosophy and history of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, e-mail: katt17@yandex.ru.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА
КАК ИНФОРМАЦИОННОГО СУБЪЕКТА**

Аннотация. В статье поднимается вопрос об исследовании закономерностей развития человека как субъекта информационной реальности. Проводится краткий анализ достижений современной науки в области познания природы информации. Показано, что исследования в данном направлении сегодня основываются преимущественно на «технологическом» понимании природы этого феномена. Делается вывод о наличии значительного недооцененного потенциала в изучении информационных процессов и человека как части информационной среды в соответствии с диалектической исследовательской традицией. Авторами формулируются нераскрытые вопросы, определяются необходимые шаги и обозначаются перспективные результаты. В итоге формируется логика долгосрочного исследования, направленного на углубление знания о процессе и закономерностях развития человека как информационного субъекта и о векторе глобальной эволюции в целом.

Ключевые слова: информация, информационная среда, информационная реальность, явление отражения, эволюция, диалектическая исследовательская традиция, типы личности, закономерности развития человека.

В статье раскрываются перспективы исследования закономерностей развития человека как информационного феномена. Цель работы — обозначить особенности научной методологии, актуальные задачи и ожидаемые результаты. До первой трети XX в. понятие «информация» использовалось преимущественно в публицистике в значении газетных новостей и сведений. В дальнейшем оно перешло в разговорный язык, и лишь затем были предприняты попытки его исследования научными методами.

В ходе дискуссий о природе информации сложились два основных направления. Первое из них ряд философов (Н. М. Чуринов, О. В. Летунова, Н. В. Фомина и др.) называют «технологическим» [13, с. 139]. С одной стороны, оно явилось развитием исследований передачи сообщений в технических устройствах по каналам связи (особая роль здесь принадлежит американскому инженеру К. Шеннону, раскрывшему природу информации как устраняемую, снимаемую неопределенность) [15]. С другой стороны, данное направление охарактеризовалось стремлением к активному конструированию информационной среды посредством фейков, симуляций, искусственной реальности СМИ, рекламных сообщений, политических кампаний [7]. Технологическое направление понимания природы информации и информационного общества динамично развивалось и сегодня оказалось преобладающим в большинстве научных трудов.

В свою очередь, с 60–70-х гг. XX в. в отечественной науке сформировалось представление об информации как о явлении, отвечающем за само развитие материи и в итоге — за направление глобальной эволюции. Оно было реализовано в двух основных концепциях — атрибутивной А. Д. Урсула [10; 9, с. 1–9] и функциональной Д. И. Дубровского [4; 5, с. 46–59], а в дальнейшем обобщено в концепции информационной реальности Н. М. Чуринова [13, с. 92–93]. В ней отдельные проявления информации — «атрибуты» (атрибутивная концепция) и «функции» (функциональная концепция) — были раскрыты как формы отрицательного вклада в энтропию и (в соответствии с негэнтропийным принципом информации Л. Бриллюэна [1, с. 34]) в равной мере — как формы информации. Окружающий мир, соответственно, был осмыслен как информационная среда, наполненная формами и результатами отрицательного вклада в энтропию.

Здесь можно отметить, что отечественная наука и философия в процессе своего становления прошли через значительные испытания, особенно в XX в., и потому обрели индивидуальные черты. В связи с этим исследователи (Н. М. Чуринов, Н. А. Князев и др.) даже выделяют отличающиеся друг от друга модели мира и проекты науки: метафизическую модель мира и соответствующий ей технологический проект науки (с центром внимания на правах и свободах человека), а также диалектическую модель мира и соответствующий ей проект науки (с центром внимания на совершенстве всеобщей связи явлений) [14; 6, с. 74–94].

Каждое из этих направлений в понимании природы информации (технологическое и диалектическое) ориентировано на свои актуальные задачи, исторически предъявляемые обществом. Для технологического проекта науки приоритетными целями являются технический прогресс, формирование комфортной среды существования человека, развитие коммуникаций, создание конкурентных коммерческих и политических преимуществ. Это направление возникло и показало свою практическую значимость прежде всего в западном обществе, а в дальнейшем (в период перестройки) проникло и закрепилось в российском. В итоге технологическое понимание природы информации стало доминирующим. В то же время наряду с очевидными плюсами можно выделить и его негативные черты: прогрессирующий рост потребления, стремление к манипуляциям общественным сознанием, порождение кризисных явлений, угрожающих самому существованию человека.

Альтернативой технологическому проекту науки и соответствующему пониманию в нём природы информации выступает диалектический проект. Однако сегодня большинство исследователей (и тем более широкая общественность) даже не слышали о нём. Между тем потенциал этого направления также выглядит впечатляющим, поскольку оно ориентировано на исследование явлений отрицательного вклада в энтропию и, в итоге, на постижение самого вектора глобальной эволюции, в котором вопросы технического развития выступают как частный случай.

Видится, что при изучении природы информации в соответствии с диалектической исследовательской традицией получены ощутимые результаты и заложен необходимый фундамент для дальнейшей работы. В числе перспективных задач выделим следующие:

1) В более глубоком познании нуждается сам физический процесс потребления человеком информации на пути совершенствования внутренней организованности и сложности живой системы, а именно — восприятие свойств, качеств, функций, атрибутов объектов окружающего мира, которые выступают для нас в роли зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной, вкусовой информации.

Для выполнения представленной задачи необходимо изучение и философское осмысление (в соответствии с обозначенными выше достижениями диалектического понимания природы информации) интенсивности физиологических процессов, происходящих при взаимодействии организма с объектами информационной реальности. Здесь предполагается ещё раз обратиться к анализу свойства «отражения» (В. И. Ленин) [8, с. 89] живыми организмами внешней среды, раскрыть процесс получения информации посредством отражения как неизбежно сопряжённый с микроразрушениями и потому, в определённой мере, агрессивный, насильственный.

Выводы позволяют глубже разобраться в конфликтной природе человека и общества:

- осмыслить ежедневную деятельность человека (работу, хобби, общение и пр.) как варианты реализации механизма информационного саморазвития;
- охарактеризовать природу конфликтов разных масштабов (межличностных, межгрупповых, локальных, региональных и др.) как неизбежный атрибут информационного обмена;
- понять ряд феноменов, в частности: общий интерес человека к насилию (в кино, музыке, спорте и др.); деструктивную конфликтность на рабочем месте, возникающую без видимых причин и на фоне растущего уровня комфорта; природу суицидальных настроений в обществах с высоким уровнем социально-экономического развития; тягу к вредным привычкам и продуктам питания, наносящим ущерб здоровью;

– раскрыть саму суть возникновения и развития цивилизованного образа жизни как фактора, обеспечивающего человеку ежедневную гарантированную возможность потребления информации.

2) Необходимо дальнейшее изучение закономерностей развития человека в информационном плане с выделением основных типов личности: женского и мужского. Решение данной задачи предполагает:

– выявление отличий женского и мужского типов личности как информационных субъектов, изучение соотношения сознательной и бессознательной сфер типов личности;

– исследование интенсивности потребления человеком информации (зрительной, слуховой, тактильной и др.) в долгосрочном периоде в разбивке по полу и возрасту, что предполагает анализ статистических данных по активности в трудовой, формальной, неформальной, научной и пр. деятельности, а также проявлений бессознательной активности и агрессивности;

– изучение жизненных циклов развития типов личности: изменений структуры их сознательной и бессознательной сфер во времени, поведения и мотивации на разных этапах;

– изучение взаимосвязи между жизненными циклами развития типов личности (женского и мужского) в информационном плане и физиологическими изменениями, в том числе философское обобщение результатов исследований относительно возможности направленных изменений в работе высшей нервной деятельности. (Особый интерес в этой связи представляет учение А. А. Ухтомского о доминанте и возможностях смещения доминантного очага возбуждения [11]).

3) Обоснование предварительной геометрической модели развития информационных процессов разного масштаба на основе выявленных в ходе предыдущих исследований траекторий развития типов личности, а также допущения о логической возможности масштабирования процессов. При решении указанной задачи в том числе должны найти осмысление существующие уровни организации материи; типы эволюции (филогенез, онтогенез); известные феномены, такие как эффект сопротивления эволюции (В. П. Щербаков) [17, с. 195–211; 18, с. 300–309], моменты быстрых эволюционных изменений (концепция прерывистого равновесия Н. Эдриджа и С. Гулда) [19, с. 82–115]; а также философское наследие: в частности, учение Г. В. Ф. Гегеля о развитии Абсолютного духа [3], труды русских философско-космистов — концепция В. И. Вернадского о ноосфере [2], идеи К. Э. Циолковского о смене космических эр и становлении «лучистого человечества» [12].

4) Исследование возможности существования «клеточной информационной структуры» общества. В данном случае предполагается отталкиваться от результатов предшествующей работы. Кроме того, особый интерес в этом направлении представляют фундаментальные труды советских и российских авторов (С. Э. Шноль и др.), активно проводившиеся с 50-х гг. XX в. и выявившие универсальное подобие макроскопических флуктуаций в процессах различной природы (биологических, химических, радиоактивного распада и др.) и их обусловленность космофизическими факторами [16], а также исследования (Д. Вейра, Р. Фелана, Т. Асте и др.) о наиболее экономичном способе разбиения пространства на ячейки («задача Кельвина»). Поскольку Вселенная на самых разных уровнях — от расположения атомов в кристаллах до строения живых клеток — стремится упаковать свои элементы максимально плотно [20].

Решение поставленной задачи позволит уточнить предложенную ранее модель развития информационных процессов, раскрыть принципы сосуществования объектов разного масштаба, выявить, каким образом пересечение индивидуальных целей, задач и мнений определяет геометрию общей социальной информационной структуры, а также определить характер её воздействия на мотивацию и психоэмоциональное состояние отдельного человека в информационном поле.

Представленные задачи выглядят масштабно. Для их решения необходима высокая квалификация в самых разных областях знания. В то же время философия выступает как интегральное направление, целью которого является формирование наиболее полной картины мира. Соответственно, философия может и должна ставить фундаментальные вопросы, вы-

двигать гипотезы, определять задачи и перспективные результаты, обсуждать их со специалистами профильных областей.

Литература

1. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. Москва: Мир, 1966. 272 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста / АН СССР. Москва: Наука, 1988. 520 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 томах / АН СССР, Институт философии. Москва: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 471 с.
4. Дубровский Д. И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопросы философии. 1976. № 11.
5. Дубровский Д. И. Сознание и информация. К анализу проблемы идеального // Философия науки. 1978. № 6. С. 46–59.
6. Князев Н. А. Философские проблемы исследования сущности и существования науки: монография / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2008. 272 с.
7. Корягин В. В. Информационная реальность: сущность и особенности: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Улан-Удэ, 2018. 178 с.
8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Москва: Политиздат, 1989. 518 с.
9. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Информационный вектор универсальной эволюции // Научно-техническая информация. 2005. № 9. С. 1–9.
10. Урсул А. Д. Природа информации: философский очерк. 2-е изд. Челябинск, 2010. 231 с.
11. Ухтомский А. А. Доминанта: [сборник]. Москва: Изд-во АСТ, 2024. 320 с. (Эксклюзивная классика).
12. Циолковский К. Э. Космическая философия: [сборник трудов]. Москва: Изд-во АСТ, 2019. 320 с. (Эксклюзивная классика).
13. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.
14. Чуринов Н. М. Русский исследовательский подход // Теория и история. 2009. № 1(15).
15. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. Москва: Иностран. лит., 1963. С. 261.
16. Шноль С. Э. Космофизические факторы в случайных процессах. Стокгольм: Svenska fysikarkivet, 2009. 388 с.
17. Щербаков В. П. Эволюция как сопротивление энтропии. I. Механизмы видового гомеостаза // Журнал общей биологии. 2005. Т. 66, № 3. С. 195–211.
18. Щербаков В. П. Эволюция как сопротивление энтропии. II. Консервативная роль полового размножения // Журнал общей биологии. 2005. Т. 66, № 4. С. 300–309.
19. Eldredge N., Gould S. J. Punctuated Equilibria: An Alternative to Phyletic Gradualism // Models in Paleobiology / edited by T. J. M. Schopf. San Francisco: Freeman, Cooper & Co, 1972. Pp. 82–115.
20. Weaire D., Aste T. The Pursuit of Perfect Packing. 2nd ed. New York: CRC Press, 2008. 216 p.

PROSPECTS FOR STUDYING THE PATTERNS OF HUMAN DEVELOPMENT AS AN INFORMATIONAL ENTITY

Abstract. The article addresses the issue of researching the patterns of human development as a subject of informational reality. It provides a brief overview of achievements in modern science regarding the cognition of the nature of information. It is shown that research in this area is currently based primarily on a «technological» understanding of the nature of this phenomenon. It is concluded that there is significant, underestimated potential in studying information processes and humans as part of the information environment, in line with the dialectical research tradition.

Furthermore, the authors formulate unresolved issues, determine the necessary steps, and outline promising outcomes. As a result, the framework for long-term research is established, aimed at deepening knowledge about the process and patterns of human development as an informational subject and about the vector of global evolution as a whole.

Keywords: information, information environment, informational reality, phenomenon of reflection, global evolution, dialectical research tradition, personality types, patterns of human development.

Сведения об авторах

Корягин Валентин Викторович, кандидат философских наук, независимый исследователь, e-mail: koryagin.v.v@mail.ru

Корягина Ия Александровна, независимый исследователь, e-mail: Ija.Matova@mail.ru

Koryagin Valentin Viktorovich, Candidate of Philosophical Sciences, Independent Researcher, e-mail: koryagin.v.v@mail.ru

Koryagina Iya Aleksandrovna, Independent Researcher, e-mail: Ija.Matova@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ГЕНДЕРНОГО РАЗРЫВА

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) меняют все сферы общества: бизнес, политику, образование, досуг, и делают это радикально и стремительно. Оценить влияние новой технологии на общество и отдельных людей сложно, важно понимать неравномерность проникновения, в т. ч. гендерного. Цель доклада — обобщить исследования о динамике цифрового разрыва под влиянием ИИ, происходящего в экономике в целом и домашних хозяйствах, в частности. Выявлено, что ИИ способствует прогрессу не во всей экономике, в домашних хозяйствах сохраняется преобладание женского труда. Развивающийся потенциал ИИ может помочь в гармонизации гендерного распределения домашнего труда при принятии политических решений в образовании, оплате труда, социально-психологической поддержке отстающих в цифровом отношении групп населения.

Ключевые слова: разработка ПО, использование ИИ, производительность, эффективность, домохозяйства, гендерное разделение труда

Разработка ИИ фирмами-производителями ПО показало прогресс в традиционных рабочих процессах, повышение производительности факторов производства и эффективности бизнеса [1]. Прогнозы аналитиков были оптимистичными на фоне широкого применения ИИ, предрекали установление здорового баланса между рабочим и свободным временем, переход на 4-дневную рабочую неделю без потери зарплаты и производительности, экономию 2,2 часа при 40-часовой рабочей неделе. При внедрении технологий ИИ в организациях, не связанных с компьютерными разработками, исследователями [2] обнаружен иной эффект: рост производительности труда привел к усложнению задач от менеджмента, что сопровождалось удлинением рабочего дня. Посчитано, что по мере повышения использования ИИ продолжительность рабочей недели увеличивается почти на 8%. Объяснение эффекта: ИИ не заменяет человеческий труд, а дополняет его, делая более производительным, позволяя выполнять больше задач за то же время. В результате работники работают больше, чтобы соответствовать новым стандартам производительности.

Таблица 1

Эффект ИИ в компаниях-разработчиках и пользователях [3–5]

Признак	Компании-разработчики ИИ	Компании, использующие ИИ
1. Производительность труда	↑	↑
2. Эффективность производства	↑	↓
3. Гендерное соотношение	Среди разработчиков ИИ женщин — 6%, мужчин — 94%. Внедрение ИИ затронет 29% рабочих мест в «женских» профессиях, 16% — мужских. Женщины в 13 раз реже подают заявки на патенты в области ИКТ (2019). Доля женщин в ИТ-секторе ЕС снизилась с 22 до 19% за 2019–2026 гг.	Среди пользователей ИИ — 12% женщин, 88% — мужчин. В Бельгии 6% выпускников в области ИКТ составляют женщины, в ОАЭ — 58%. В России доля женских резюме в ИТ достигла в 2025 38 против 27% в 2021 г.
4. Найм и оплата труда	крупнейшие языковые модели предпочитают резюме с мужскими именами в 51,9% случаев, с женскими — в 11,1%.	Полная замена женского труда невозможна в сфере образования, медицины, социальной работы.

Следующий вывод из использования ИИ в производстве, не связанном с созданием программ, состоит в изменении структуры времени работников: большая занятость на работе и сокращение времени досуга. Для компенсации негативного изменения структуры времени работников предполагается широкое внедрение ИИ в домашние хозяйства: система «умный дом» автоматизирует жилое пространство, управляет устройствами и функциями дистанционно, включая освещение, отопление, вентиляцию, домашнюю электронику, бытовую технику. Цифровизация домашнего хозяйства оказывает противоречивое влияние на гендерное разделение труда, с одной стороны, автоматизируя бытовые процессы, а с другой — усиливая ментальную нагрузку на женщин. Несмотря на внедрение «умной» техники, традиционные гендерные роли сохраняются, а работающие женщины продолжают тратить на домашние дела в 2–2,5 раза больше времени, чем мужчины.

Таблица 2

Влияние ИИ на гендерное разделение труда в домохозяйствах [5–6]

Признак	Женщины	Мужчины	рекомендации
Характер труда	Рутинное использование цифровых устройств: планирование покупок, заказ услуг, управление умным домом	Настройка, обслуживание, ремонт цифровых устройств	Нужны приложения для помощи семьям в обсуждении более справедливого распределения работ
Работа по уходу	Традиционно выполняемая женщинами работа внутри семьи в сервисной экономике стала также работой по найму	Мужчины не социализированы для выполнения работы по уходу, отсутствуют на рынке труда услуг по уходу	Требуется приложения для преодоления старых стереотипов о феминности услуг ухода
Цифровая грамотность	Индекс цифровой грамотности женщин в России за 2024–2025 гг. составлял 70 и 68%	Индекс цифровой грамотности мужчин в России за 2024–2025 гг. составлял 73 и 68%	Для повышения индекса рекомендуется использование приложений по верификации цифровой информации
Умные технологии	Высвобождают время на уборку, готовку пищи, стирку и др. физические работы для досуга и развития	Мужчины вовлечены в автоматизацию рутинных задач, технические аспекты обустройства быта, электронную коммерцию и финансы	Повышение цифровой грамотности женщин может способствовать гармонизации распределения домашних работ

Исследователями выделяется три уровня гендерного цифрового неравенства: доступ, использование, результат. В развивающихся странах женщины чаще сталкиваются с неравенством на уровне доступа и результатов, в развитых — на уровне результатов [7]. Помимо этого, слабо исследованными являются барьеры к цифровым технологиям, охватывающим социально-культурные, экономические и психологические факторы.

Прогнозы о прогрессивном влиянии ИИ на практике не оправдались в секторе компаний-пользователей технологий. В домашних хозяйствах ИИ способствовал уменьшению физического труда женщин, но повысил ментальную нагрузку. Тенденция низкооплачиваемого невидимого наемного труда женщин на рутинных операциях продолжается в сохранении неоплачиваемого неформального женского труда в быту. Для преодоления ИИ-гендерного разрыва нужны политические решения в образовании, оплате труда, социально-психологической поддержке слабых в цифровом отношении групп.

Литература

1. Arsalan H. (2024) AI Integration in Workday: Transforming Product Management and Operations Efficiency.

2. Jiang, W. et al (2025) AI and the Extended Workday: Productivity, Contracting Efficiency, and Distribution of Rents, *NBER Working Paper* 33536,
3. Новые рекомендации по обеспечению гендерного равенства в профессиях цифровой индустрии и устранению стереотипов в приложениях, использующих ИИ. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/novye-rekomendacii-po-obespecheniyu-gendernogo-ravenstva-v-professiyakh-cifrovoy-industrii-i>
4. Комплексная оценка эффекта от использования устройств умного дома Яндекс в разрезе трёх параметров — выгоды, здоровья и экологии/ЦИЭИ. 2025. URL: https://hpb-s.com/calculators/Yandex/HPBS_Yandex_smart_home_research.pdf
5. Гендерный баланс в эпоху ИИ: как меняется рынок труда и ИТ-сектор в 2026 г. URL: https://habr.com/ru/companies/finam_broker/articles/1018542/
6. ИИ-технологии угрожают заменить женщин на рынке труда. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a111/1126404.html?ysclid=mogw211z7n324291459>
7. Singh S. et al. (2025) Gendering the digital divide: a systematic review of women's digital inclusion challenges and emerging research directions. *Digital Transformation and Society* 4(4): 1–29.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A GENDER GAP FACTOR

Abstract. Artificial intelligence (AI) technologies are changing all spheres of society—business, politics, education, and leisure—radically and rapidly. Assessing the impact of new technologies on society and individuals is complex; it is important to understand the unevenness of their penetration, including gender. The purpose of this report is to summarize research on the dynamics of the AI-driven digital divide in the economy as a whole and households in particular. It is found that AI does not contribute to progress across the economy; female labor remains dominant in households. The developing potential of AI can help harmonize the gender distribution of household labor in policymaking regarding education, wages, and the social and psychological support of digitally disadvantaged groups.

Keywords: software development, AI use, productivity, efficiency, households, gender division of labor

Сведения об авторе

Субракова Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент, Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, e-mail: subrackoval@ya.ru

Subrakova Ludmila Konstantinovna., PhD in Economics, Ass. Prof. Katanov Khakass State University, e-mail: subrackoval@ya.ru

СУБЪЕКТ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации субъекта в условиях постинформационного общества — новой стадии социального развития, где информация перестаёт быть самоцелью, а искусственный интеллект начинает «играть роль» полноценного агента социальных коммуникаций. В статье описывается феномен «цифрового другого», детерминирующий процессы гибридизации субъективности. Обозначаются ключевые последствия взаимодействия человека с ИИ: антропоморфизация, эмоциональная зависимость, размывание границ подлинной социальности. Обосновывается тезис перехода от автономного к распределённому субъекту, что требует пересмотра этических оснований и нормативного регулирования не только технологий искусственного интеллекта, но и всего пространства современного технологического прогресса. Подчеркивается, что классические представления о субъекте как о неделимом, самостоительном и ответственном агенте действия утрачивают объяснительную силу. Без соответствующей рефлексии над данными процессами, возрастает риск социальной фрагментации, когда ответственность за действия «растворяется» в гибридных сетях, а сам субъект постепенно утрачивает способность к автономному смыслопорождению и критической оценке собственных действий, делегируя их интеллектуальным системам.

Ключевые слова: постинформационное общество, субъектность, искусственный интеллект (ИИ), цифровой другой, гибридизация, социальные изменения, информационно-коммуникационные технологии.

Введение

Рубеж XX–XXI вв. прошел под знаменем становления информационного общества. Особенности этого этапа социального развития характеризовались созданием, накоплением, обработкой и трансляцией информации как ключевого онтологического ресурса. Однако к началу 2020-х гг. становится очевидным, что экстенсивное развитие информационной среды приводит к таким социальным трансформациям, которые уже сложно описывать существующей детерминантой информатизации. Современная социальная реальность характеризуется такими трансформациями, которые начинают описываться термином «постинформационное общество»¹ (post-information society). Данный термин показывает, как информационно-коммуникативные технологии, технологии искусственного интеллекта, NBIC-технологии в целом, становятся онтологической основой, формирующей качественно новые формы социальных отношений и меняя экзистенциальные условия существования человечества.

Обоснование постинформационного общества

Говоря о постинформационном обществе, необходимо подчеркнуть, что данный «концепт» имеет под собой существенные академические теоретические основания. Так, в отечественной мысли к работам, обосновывающим формирование постинформационного общества, можно отнести работу Г. С. Прохорова-Малясова [6], где он утверждает, что постинформационное общество — это в первую очередь общество, в котором информация становится задачей «самой-в-себе»: информация и машина с одной стороны и человеческий разум с другой становятся единым целым, при этом распространение информации во все меньшей степени зависит от самого человека и его «деятельностного» участия, так как машины получают технологическую способность «общаться» между собой напрямую. И. И. Веревичев [4] при-

¹ Переход к постинформационному обществу обсудили на Симпозиуме. URL: https://future.russia.ru/news/perexod-k-postinformacionnomu-obshhestvu-obsudili-na-simpoziume-sozdavaia-budushhee?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 24.02.2026).

водит похожее определение, говоря, что постинформационное общество — это стадия отрицания современного информационного общества, когда в общественном сознании обозначаются перспективы выживания человечества в эпоху обострения глобальных проблем. В. А. Фурс [7], ссылаясь на концепцию «Общества 5.0», относящейся к развитию Японии, и рассматривая её как основу для формирования постинформационного общества, пишет, что Общество 5.0 стремится использовать преимущества высокоинтеллектуальных технологий в масштабах всего общества для создания новых ценностей, в соответствии с индивидуальными потребностями каждого человека.

Среди англоязычных источников также можно обнаружить работы, рассматривающие концептуально стадию формирования постинформационности. К примеру, Эхаб Халифа (Ehab Khalifa) [9] утверждает, что новый тип общества представляет собой пятое поколение обществ, известных человечеству до настоящего времени, и следует за четырьмя предыдущими поколениями: обществом охотников-собирателей, сельскохозяйственным обществом, индустриальным обществом и информационным обществом. Постинформационное общество, по Эхабу, это общество, где информация становится самоцелью, она сливается с носителем и с субъектом использования: информация, машина и человеческий разум в постинформационном обществе становятся единой субстанцией (проблема гибридации человека в результате постоянного использования мобильной информационной техники). Масацугу Цуджи (Masatsugu Tsuji) [10] считает, что постинформационное общество это общество, преобразованное информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и ориентированное на человекоцентричные вычисления. Он акцентирует внимание на том, что ИКТ становятся новой средой существования, в которой происходят фундаментальные изменения рынков, занятости и социальных связей. В таком обществе ИКТ служит для расширения возможностей человека, формирования временных ресурсов для творчества, общения и расширения коммуникативных границ. Южно-корейские исследователи Сонг Янг-Джо и ЧонХо Квак (Song Young-Jo, JeongHo Kwak) [11] утверждают, что стремительные темпы социальных трансформаций, обусловленных распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) — таких как большие данные, интернет вещей, облачные вычисления и мобильные устройства — актуализируют необходимость пересмотра теоретико-методологических подходов к концепту информационного общества. Традиционные критерии, базирующиеся на показателях персональной компьютеризации, пропускной способности сетей и количестве интернет-подключений, утрачивают свою объяснительную силу, что свидетельствует о потребности в разработке новой объяснительной модели социальных трансформаций. Их исследование доказывает, что при оценке постинформационного общества необходимо выходить за рамки анализа исключительно технической инфраструктуры, принимая во внимание влияние экономических факторов и показателей качества жизни. Авторская позиция [3] придерживается точки зрения, что постинформационное общество будет представлять собой общество, организованное на высокоинтеллектуальном техническом фундаменте, в котором человеку будут доступны возможности для трансформации как природных объектов, так и собственных антропологических свойств. В таком обществе помимо естественного интеллекта начнёт существовать и искусственный интеллект, представленный в различных воплощениях (прогрессивные чат-боты, интеллектуальные цифровые устройства, системы «умного» управления инфраструктурой). Постинформационное общество предстанет обществом гибридного интеллекта, где ключевым ресурсом и полем деятельности будет не информация (которая станет тотально доступной и моментально обрабатываемой), а информационные смыслы, ценностные ориентиры и этические контексты. Центральной смысловой осью существования будет не производство знаний, а их селекция, интерпретация и этическое применение. Человеческая деятельность сместится от решения стандартных задач (которые полностью делегируются симбиотическим системам «человек-ИИ») к творчеству, комплексному управлению, глубокой межличностной коммуникации и смыслопорождению, а современная научно-техническая деятельность в постинформационном обществе станет центральной осью существования.

Субъект в пространстве постинформационного общества

Трансформацию социальности под влиянием повсеместного внедрения генеративных моделей выделил глава аналитического центра ВЦИОМ Валерий Федоров¹, назвав генеративные нейросети главным источником социальных изменений в образовательных практиках, в информационном поведении, в субъектности.

Взаимодействие человека с чат-ботами и ИИ-агентами детерминирует существенную трансформацию субъективности. Современные интеллектуальные системы и социальные сети способны не просто распознавать текст, но и понять контекст, прояснить о каком конкретно смысле идет речь и при необходимости задать уточняющий вопрос. И это все делает искусственный интеллект, без участия не только людей, но и скриптов. ИИ сам решает, какую базу данных ему нужно подключить, какие источники нужно посмотреть, после чего генерирует ответ в формате разговорной речи.

Важнейшим аспектом трансформации социальности выступает появление феномена «цифрового другого» — ИИ-субъекта, с которым человек вступает в социальное взаимодействие, наделяя его коммуникативной ценностью. Здесь можно назвать несколько параметров медиатизированной социальности, возникающих в этом контексте: антропоморфизация ИИ-собеседников — приписывание машине человеческих качеств, намерений и эмоций; формирование эмоциональных связей с чат-ботами, рассматриваемых как значимых других; размытие границ между подлинно человеческим и симулированным общением.

В. И. Игнатьев в монографии «Гибридный социум в цифровом морфогенезе» [5] отмечает, что глубинная цифровизация ведет к возникновению гибридных социотехносистем и нового вида агентов социальных коммуникаций — «техносубъектов», фактически, являющихся искусственно созданными цифровыми Другими. «Цифровой другой» в условиях становления постинформационной реальности допустимо может рассматриваться как медиатор, модератор и полноценный участник гибридных социальных коммуникаций посредством текстового взаимодействия, влияя на принятие решений, формирование отдельных позиций общественного мнения, задавая ориентиры к действиям.

Для некоторых категорий физических субъектов социальных отношений (тех людей, кто испытывает дефицит общения, страдает от тревожности, депрессии или фобии, либо имеет специфические коммуникативные особенности) цифровой Другой в роли текстового ИИ-собеседника становится «источником» полноценной межсубъектной взаимосвязи. Существенной особенностью современных коммуникаций является то, что ИИ-собеседники могут помочь восполнить дефицит общения одиноким и социально изолированным индивидам, частично компенсируя отсутствие реальных социальных контактов. Это позволяет говорить о формировании нового типа социальности, где потребность в признании и интимности удовлетворяется «максимально безопасно», минуя психологический дискомфорт, присущий межчеловеческой связи. Согласно исследованию Массачусетского технологического института, более четверти пользователей (25,4%) отмечают снижение чувства одиночества и улучшение психического здоровья при взаимодействии с ИИ-компаньонами, однако почти 10% сообщают о формировании эмоциональной зависимости, а 4,3% — о желании избегать реальных отношений².

Появление «цифрового другого» естественным образом создаёт ситуацию нормативной неопределенности. Какие правила регулируют отношения с ним? Считается ли неэтичным «оскорблять» чувствительного ИИ, запрограммированного испытывать симулякры боли? Возникает новый пласт повседневной этики. Как отмечают исследователи И. Р. Бегишев и А. А. Шутова [1], в Российской Федерации отсутствует единый подход к регулированию технологий искусственного интеллекта, что ведет к фрагментации норм и неопределенно-

¹ Глава АЦ ВЦИОМ назвал нейросети главным источником социальных изменений последних лет. URL: <https://news.rambler.ru/tech/55276636-glava-ats-vtsiom-nazval-neyroseti-glavnym-istochnikom-sotsialnyh-izmeneniy-poslednih-let/> (дата обращения: 18.02.2026).

² Романтические отношения с ИИ уже стали новой реальностью. URL: https://naukatv.ru/news/svyaz_s_chatbotom_novoe_issledovanie_raskryvaet_pravdu_o_bojfriendakh_ii (дата обращения: 18.02.2026).

стям в их толковании, при этом ключевое значение придается этико-нормативному подходу. А. С. Большакова в своем исследовании поднимает дилемму «невозможного выбора» при создании этической кодификации для сильного ИИ, где человек рискует потерять саму способность выбирать [2].

Если ранее Другой как субъект коммуникации был целостен, то теперь субъект может взаимодействовать с множеством специализированных «цифровых других» (ИИ-коуч, ИИ-флирт, ИИ-психолог, ИИ-враг для спора). Это фрагментирует социальный опыт, когда человек привыкает к тому, что под разные задачи и настроения существуют разные «собеседники». В философском осмыслении эта проблема предстает как образ ИИ — отчужденного иного (Двойника), рожденного в рамках эволюции рациональности, что может вести к аутодеструкции реального субъекта. Исследования показывают, что индивидуальные различия в склонности к антропоморфизации играют ключевую роль в формировании социальной связи с ИИ-собеседниками: для одних искусственная природа ИИ становится непреодолимым барьером, для других — легко преодолимым препятствием. Технический анализ антропоморфных функций в инструментах ИИ-ассистентов подтверждает, что пользователи склонны проецировать социальные роли на LLM-чатботы [8].

Выводы

В постинформационном обществе меняется субъективная психическая и ментальная составляющие. Включение в повседневные и профессиональные социальные практики цифровых Других в качестве помощников, ассистентов деятельности или собеседников, приводит к тому, что можно назвать трансформацией субъективности и социальных коммуникаций. Эта трансформация показывает, что в постинформационной реальности человек может перестать быть автономно действующим субъектом, и все его проявления будут опосредованы цифровыми технологическими агентами. Человек более не мыслится как источник автономного сознания, как независимое «Я», поскольку его намерения, решения и эмоциональные реакции всё больше детерминируются нарративами, рекомендациями и прогнозами, предложенными ИИ-коммуникаторами.

Соответственно, в постинформационном обществе задача о том, кто экзистенцирует, кто действует и кто является носителем идей и смыслов может решаться по-новому, с учётом задействования в данных процессах ИИ-технологий. В этом случае, автономная целостность субъекта трансформируется и он становится «распределённым», что, в конечном счёте, приводит к соответствующим изменениям социальных отношений. Учитывая вышесказанное, вопрос о субъектности и о сущности постинформационного общества становится вопросом не далёкого будущего, а ближайшего настоящего.

Литература

1. Бегишев И. Р., Шутова А. А. Регулирование технологий искусственного интеллекта: столкновение этики и закона // Лоббирование в законодательстве. 2025. Т. 4, № 1. С. 21–28.
2. Большакова А. С. Этическая кодификация для сильного искусственного интеллекта как дилемма «невозможного выбора» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2024. Т. 2, № 3(51). С. 128–145.
3. Васенкин А. В. Категория деятельности в условиях формирования постинформационного общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 53–61. EDN KDLYAY.
4. Веревичев И. И. Постинформационное общество: миф или реальность? // Вузовская наука в современных условиях: материалы 54-й научно-технической конференции (Ульяновск, 27 января – 01 2020 г.). Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. техн. ун-та, 2020. Ч. 3. С. 30–33. EDN JKICVN.
5. Игнатъев В. И. Гибридный социум в цифровом морфогенезе: монография. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2024. 355 с.

6. Прохоров-Малясов Г. С. Постинформационное общество — ключевая ступень социальной трансформации. Прогностический аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 6–1. С. 137–147. EDN SWSXXH.

7. Фурс В. А. Образ постинформационного общества в промышленной парадигме «Индустрия 5.0»: синергия человеко-машинных систем как экзистенциальная основа новой социальной реальности // Культура и безопасность. 2024. № 3. С. 28–38. EDN HQNOAD.

8. Folk D., Heine S. J., Dunn E. Individual differences in anthropomorphism help explain social connection to AI companions. Sci Rep. 2025. № 15(1). P. 36548.

9. Khalifa E. Post-information society: Restructuring human society. 2021.

10. Masatsugu T. Envisioning a new society transformed by ICTs: The post-information society. Telecommunications Policy. 2019. Vol. 43. Issue 9. 101871.

11. Song Y.-J., JeongHo K. The study on the diagnosis and measurement of post-information society by ANP. Informatization Policy. 2016. Vol. 23. N 2. P. 73–97.

A SUBJECT IN THE SPACE OF A POST-INFORMATION SOCIETY

Abstract. This article analyzes the transformation of the subject in the post-information society — a new stage of social development where information ceases to be an end in itself, and artificial intelligence begins to «play the role» of a full-fledged agent of social communication. The article describes the phenomenon of the «digital other» which determines the processes of hybridization of subjectivity. Key consequences of human interaction with AI are outlined: anthropomorphization, emotional dependence, and the blurring of the boundaries of genuine sociality. The thesis of a transition from an autonomous to a distributed subject is substantiated, which requires a revision of the ethical foundations and regulatory framework not only for artificial intelligence technologies but also for the entire space of modern technological progress. It is emphasized that classical notions of the subject as an indivisible, self-identical, and responsible agent of action are losing their explanatory power. Without appropriate reflection on these processes, the risk of social fragmentation increases, when responsibility for actions «dissolves» in hybrid networks, and the subject gradually loses the ability to autonomously generate meaning and critically evaluate their own actions, delegating them to intelligent systems.

Keywords: post-information society, subjectivity, artificial intelligence (AI), digital other, hybridization, social changes, and information and communication technologies.

Сведения об авторе

Васенкин Алексей Вадимович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, e-mail: vasenkinav@yandex.ru.

Aleksei V. Vasenkin, cand. Sci. (Philosophy), associate professor; Associate professor the department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, e-mail: vasenkinav@yandex.ru.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ
И ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР**

Аннотация. Внедрение технологии искусственного интеллекта (ИИ) в сестринский уход имеет сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы её применения. Цель статьи — обзор отечественных и зарубежных исследований о состоянии, факторах и перспективах внедрения ИИ в обучение и повышение квалификации средних медицинских работников. Рассмотрены преимущества и проблемы ИИ в медицинской практике, которые следует учесть при организации образования и повышения квалификации медсестер. Проанализированы результаты опросов студентов и работающих медсестер о готовности осваивать новые цифровые технологии в профессиональной деятельности. Отмечаются факторы и риски отставания в интеграции ИИ в учебный процесс медицинских колледжей в современных условиях.

Ключевые слова: базы данных, машинное обучение, платформы, мобильные приложения, искусственный интеллект, повышение квалификации, медицинское образование

Внедрение ИИ в практику сестринского дела имеет преимущества, ограничения, возможности и риски, обобщенные в табл. 1.

Таблица 1

СВОТ-анализ ИИ в деятельности медицинских сестер

Сильные стороны	Возможности
Улучшенный анализ данных Повышение эффективности рутинных задач Персонализация ухода Мониторинг пациентов в онлайн Предиктивная аналитика	Взаимодействие технических экспертов и медработников Развитие открытых моделей и технологий Использование ИИ в управлении кадрами Создание цифровых двойников пациентов для тестирования стратегий ухода Развитие этических и правовых норм
Слабые стороны	Риски
Затраты на внедрение и обслуживание Проблемы качества и стандартизации данных Зависимости от технологий Этические и юридические риски Недостаточная подготовка персонала	Потеря данных и риски кибербезопасности Цифровое неравенство Обезличивание ухода Проблемы долгосрочной оценки ИИ

Результаты опроса медперсонала подтверждают ожидания повышения качества и эффективности медицинского ухода большинством опрошенных — 82% [1]. Использование ИИ при нестандартизированном заполнении историй болезни, неполноте вносимых данных приводят к предвзятости решений, предлагаемых технологией [2], что является слабой стороной ИИ. Принятие в 2025 г. «Кодекса этики применения ИИ в сфере охраны здоровья» свидетельствует о развитии этических норм в РФ. Внедрение ИИ ограничено экономическими, инфраструктурными и кадровыми факторами, неравенством доступа к цифровым технологиям и уровнем цифровых навыков [3]. В связи с изменениями, привносимыми ИИ в медпрактику, новыми направлениями обучения медсестер становятся: симуляционное обучение, персонализация, автоматизация рутинных задач, анализ клинических случаев, поддержка при освоении навыков [4]. Исследования показывают, что во многих учебных программах не уделяется внимание медицинской информатике, связанной с ИИ, этике, алгоритмической предвзятости, навыкам работы с данными, критической оценке результатов ИИ [5]. Преподаватели часто демонстрируют недостаточное понимание, доверие и уверенность в возможно-

стях ИИ, что затрудняет внедрение ИИ в медицинское образование. Студенты-медики отмечают растущую осведомленность об ИИ, но чувствуют себя недостаточно подготовленными для работы с такими инструментами и технологиями в клинической практике [6]. В исследовании [7] анализ психолого-педагогического портрета студентов поколения Z связывается с проектированием педагогической модели, направленной на формирование их готовности к работе с технологиями ИИ (табл. 2).

Таблица 2

Особенности поколения студентов и изменение модели обучения

Портрет обучающихся-зумеров	Педагогические подходы
Клиповое мышление, низкая концентрация внимания, предпочтение визуальных форматов	Использование видео, интерактивных модулей, геймификации, коротких модулей информации
Желание получить обратную связь, немедленный результат, связанный с будущей практикой	Гибридный формат обучения с гибким графиком работы
Предпочтение онлайн-коммуникаций для избежания трудного очного общения	Для формирования профессиональных навыков эмпатии, стрессоустойчивости, коммуникабельности вовлекать в командные задания, обучать общению в рабочих ситуациях
Размытость границы между физическим и цифровым миром, гибридная среда жизни	Сочетание в учебном процессе смешанного формата выполнения заданий с цифровым и очным подходом

Опрос работающих медицинских сестер [1] выявил, что большинство готовы к работе с ИИ, но сомневаются, т.к. невысоко оценивают осведомленность о возможностях и ограничениях ИИ; представляют, какие функции следует автоматизировать; считают, что внедрение ИИ повысит престиж профессии. Повышение квалификации работающих медиков важно для преодоления барьеров внедрения ИИ путем развития качественного обучения и обеспечения доступности ресурсов. Разрыв между технологиями и навыками обращения с ИИ в медицине невозможно сократить без изменения учебных программ сестринского дела, иначе профессия рискует оказаться на периферии цифрового здравоохранения.

Литература

1. Кувандыкова Т. В. Применение искусственного интеллекта в сестринском деле: перспективы и вызовы // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2026. № 1. С. 752–771.
2. Бородулина Е. А. Технологии искусственного интеллекта в медицине. Проблемы становления // Врач. 2023. № 34(3). С. 5–8.
3. Ревина С. Ю., Быкова А. В. Цифровое неравенство как угроза для благополучия населения (на примере доступа к медицинским услугам) // Вопросы инновационной экономики. 2025. № 15(2). С. 685–702.
4. Хажин А. С. Интеграция искусственного интеллекта в различные аспекты сестринского дела // Парадигма. 2025. № 11–2. С. 36–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-iskusstvennogo-intellekta-v-razlichnye-aspekty-sestrinskogo-dela/viewer>
5. El-Banna et al. (2025) AI literacy and competency in nursing education: preparing students and faculty members for an AI-enabled future-a systematic review and meta-analysis. *Front. Med.* 12:1681784.
6. Худик В. А. Роль искусственного интеллекта в оптимизации учебного процесса в медицинском вузе // Вестник Санкт-Петербургского НИИ педагогики и психологии высшего образования. 2025. № 1 (13). С. 5–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80536109&ysclid=morbs08kk1701652102>

7. Бихатова Э. Т. Особенности студента-медика поколения Z как основа формирования готовности к работе с искусственным интеллектом в будущей профессиональной деятельности // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2026. № 2(252). С. 202–211.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TRAINING AND DEVELOPMENT OF NURSES

Abstract. The introduction of artificial intelligence (AI) technology into nursing has its strengths and weaknesses, as well as the opportunities and threats of its application. This article aims to review domestic and international research on the status, factors, and prospects for implementing AI in the training and professional development of nursing professionals. The advantages and challenges of AI in medical practice, which should be considered when organizing nursing education and professional development, are discussed. The results of surveys of students and practicing nurses on their readiness to master new digital technologies in their professional activities are analyzed. The factors and risks of lagging behind in integrating AI into the educational process at medical colleges are highlighted.

Keywords: Databases, machine learning, platforms, mobile apps, artificial intelligence, advanced training, medical education.

Сведения об авторе

Душинина Алла Константиновна, преподаватель, Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, e-mail: pediatria2022ak@mail.ru

Dushinina Alla Konstantinovna, lecturer at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, N. F. Katanov Khakass State University, e-mail: pediatria2022ak@mail.ru

**ЦИФРОВАЯ МАСКА, ЦИФРОВАЯ ОБЩНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ТРИ ВАРИАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

Аннотация. Глубокое внедрение цифровых технологий коренным образом преобразовало модели коммуникации и способы существования индивидов в современном обществе. В статье исследуются три взаимосвязанных феномена цифровой коммуникации: «цифровая маска», «цифровая общность» и «цифровая идентичность». Технологии ретуши и подмены лиц позволяют индивидам осуществлять идеализированную самопрезентацию, но несут риски утраты аутентичности, социального доверия и отчуждения идентичности. Теория «цифровой общности» преодолевает модель рационального консенсуса традиционной публичной сферы, подчёркивая построение динамичного социального единства через разделение, резонанс и общность при признании различий. Цифровое существование формирует новую логику самоидентичности, характеризующуюся двойным слиянием присутствия и отсутствия, профессиональных и сетевых связей, реальности и виртуальности. Понимание этих трёх вариаций имеет значение для минимизации технологических рисков и достижения всестороннего развития человека в интеллектуальную эпоху.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, цифровая маска, цифровая общность, цифровая идентичность, отчуждение, сетевое общество

Итеративное обновление цифровых технологий привело общество в эпоху глубокой взаимосвязанности. С одной стороны, люди с помощью ретуши и подмены лиц создают в киберпространстве идеализированные «цифровые маски» [1, с. 95]. С другой стороны, цифровые платформы формируют пространство «цифровой общности» [2, с. 5], позволяя выходить за пространственно-временные ограничения. В этом процессе конструирование «цифровой идентичности» [3, с. 124] становится ключом к пониманию цифрового существования.

Эти три феномена образуют взаимосвязанные вариации цифровой коммуникации. Цифровая маска раскрывает самость на микроуровне и её этические последствия [4, с. 104; 5, с. 86]; цифровая общность описывает механизм взаимодействия множества акторов [2, с. 7]; цифровая идентичность соединяет микро- и макроуровни [3, с. 126].

В эпоху визуальной культуры лицо стало символом индивидуальности. Технологии ретуши превращают подлинное лицо в «цифровую маску» [1, с. 96] — инструмент самопрезентации, несущий самоожидания и социальные стандарты [1, с. 97]. Популярность масок обусловлена технологическим расширением возможностей и культурой потребления [1, с. 99], удовлетворяя потребность в демонстрации идеального «Я» [6, с. 4].

Однако маски демонстрируют тенденции к гомогенизации и симуляции [1, с. 101]. Это влечёт этические последствия: «искажение лица» — утрату уникальности [1, с. 103; 5, с. 88]; «утрату доверия» — подрыв основ доверия в сетевом обществе [1, с. 104; 4, с. 108]; «утрату идентичности» — разрыв между демонстрируемым и подлинным «Я» [1, с. 105; 4, с. 109]. Субъект утрачивает субъектность, попадая в ловушку «быть видимым», но «потерянным для себя» [1, с. 106].

Исполнение цифровой маски требует поля — пространства «цифровой общности». Традиционная теория публичной сферы обнаруживает недостаточную объяснительную силу [2, с. 8], поэтому выдвинута гипотеза «цифровой общности» [2, с. 9]. Это не стремление к «единообразию», а «со-проявление» и «со-общение» при признании различий [2, с. 10]. Механизм включает три уровня: «разделение» — общий пул информации; «резонанс» — эмоциональная синхронизация; «общность» — культивирование «родового» мышления [2, с. 11].

Эмоциональное взаимодействие — ключ к «резонансу» и «общности». С помощью эмодзи и интеллектуальных роботов люди преодолевают пространственно-временные огра-

ничения, получая эмоциональную силу [6, с. 6]. Это способствует доверию между гетерогенными группами [7, с. 51]. Хотя опосредованное взаимодействие не заменяет воплощённое общение, оно расширяет глубину резонанса [6, с. 8].

Вопрос «Кто я?» составляет ядро «цифровой идентичности» [3, с. 125; 8, с. 88]. Цифровое существование представляет новый контекст для самоидентичности [3, с. 124]. Цифровизация отношений делает нормой модель «человек-машина-человек», «сетевые связи» переплетаются с традиционными [3, с. 125; 8, с. 89]. Оценка идентичности зависит от цифровых следов — лайков, подписчиков [3, с. 126]. Виртуальная практика становится путём к самореализации [3, с. 127].

Логика генезиса цифровой идентичности проявляет черты «двойного слияния»: присутствия и отсутствия, профессиональных и сетевых связей, реальности и виртуальности [3, с. 127–128]. Однако конструирование идентичности содержит риски [8, с. 90]: «расхождение идентичностей» — конфликт между цифровым и реальным «Я»; «приращение реальности» — отсечение реальных эмоций [5, с. 90; 8, с. 91]; «цифровая обратная реакция» — власть данных дисциплинирует субъекта [4, с. 111; 8, с. 92].

Цифровая маска, общность и идентичность образуют три вариации, позволяющие понять цифровую коммуникацию. Они взаимно формируют друг друга: исполнение маски происходит в пространстве общности, резонанс предоставляет поддержку для идентификации, тревога по поводу идентичности стимулирует эволюцию маски.

Для минимизации рисков необходимо: направлять цифровую идентичность к возвращению в реальность через воспитание цифровой грамотности [8, с. 92]; способствовать оптимизации технологий, избегая алгоритмической предвзятости [4, с. 112]; усиливать регулирование киберпространства; координировать механизмы взаимодействия онлайн и офлайн [8, с. 93].

В эпоху симбиоза человека и машины мы должны отстаивать уникальность человеческого — эмоциональность, рациональность и трансцендентный дух. Только так мы сможем в лабиринте соблазнов «цифровой маски», шума «цифровой общности» и иллюзий «цифровой идентичности» обрести подлинное «Я» и построить подлинно человеческую цифровую цивилизацию.

Литература

1. 周境林, 孙玉莹. 脸与面: 数字面具的本质及其伦理意蕴[J]. 科技伦理研究, 第二辑: 93–114. = Чжоу Цзинлинь, Сунь Юйин. Лицо и маска: сущность цифровой маски и её этические импликации // Исследования по этике науки и технологий. Вып. 2. С. 93–114.
2. 吴飞, 傅正科. 数字共通: 理解数字时代社会交往的新假设[J]. 浙江社会科学, 2023(12): 4–14. = У Фэй, Фу Чжэнкэ. Цифровая общность: новая гипотеза для понимания социальной коммуникации в цифровую эпоху // Чжэцзянские общественные науки. 2023. № 12. С. 4–14.
3. 李晓培. 数字化生存与自我身份认同[J]. 岭南学刊, 2021(6): 124–128. = Ли Сяопэй. Цифровое существование и самоидентичность // Линнаньский академический журнал. 2021. № 6. С. 124–128.
4. 张成岗, 王明玉. 数字交往中的自我异化及其治理逻辑构建[J]. 治理研究, 2025(3): 102–114. = Чжан Чэнган, Ван Минъюй. Самоотчуждение в цифровой коммуникации и построение логики его регулирования // Исследования по управлению. 2025. № 3. С. 102–114.
5. 郭小弦, 周润琪. 数字时代的社会交往模式: 线上与线下的对比研究[J]. 浙江社会科学, 2023(12): 83–92. = Го Сюсянь, Чжоу Жуньци. Модели социальной коммуникации в цифровую эпоху: сравнительное исследование онлайн и офлайн // Чжэцзянские общественные науки. 2023. № 12. С. 83–92.
6. 张建云. 数字交往中情感交互的实现及其意义[J]. 武汉大学学报(哲学社会科学版), 2025(3): 1–9. = Чжан Цзяньюнь. Реализация эмоционального взаимодействия в цифровой коммуникации и её значение // Вестник Уханьского университета (Сер. Философия и социальные науки). 2025. № 3. С. 1–9.
7. 江路路. 智能交往, 未来已来 — «激荡AIGC» 数字交往八人谈观点综述 [J]. 传媒观察,

2023(3): 48–54. = Цзян Лулу. Интеллектуальная коммуникация: будущее уже наступило – обзор мнений восьми участников дискуссии «Волнующий AIGC» о цифровой коммуникации // Медианаблюдение. 2023. № 3. С. 48–54.

8. 阎国华, 韩硕. 数字身份: 青年群体虚拟生存符号的构建与审思 [J]. 中国青年研究, 2024(7): 86–93. = Янь Гохуа, Хань Шо. Цифровая идентичность: конструирование и рефлексия символов виртуального существования молодёжной группы // Исследования молодёжи Китая. 2024. № 7. С. 86–93.

THE THREE VARIATIONS OF SOCIAL COMMUNICATION IN THE DIGITAL AGE: DIGITAL MASKS, DIGITAL COMMONS, AND DIGITAL IDENTITY

Abstract. The deep embedding of digital technology has profoundly reshaped communication modes and individual existence in contemporary society. This paper explores three interrelated phenomena of digital communication: «digital masks», «digital commons», and «digital identity». Beauty filters and AI face-swapping enable idealized self-presentation but bring risks of authenticity loss, social distrust, and identity alienation. The «Digital Commons» theory transcends the rational consensus model of the traditional public sphere, emphasizing dynamic social unity through sharing, resonance, and commonality while acknowledging differences. Digital existence forms a new logic of self-identity characterized by the dual integration of presence/absence, professional/network ties, and reality/virtuality. Understanding these three variations is significant for minimizing technological risks and achieving comprehensive human development in the intelligent era.

Keywords: digital communication, digital mask, digital commons, digital identity, alienation, network society.

Сведения об авторе

Ван Хунминь, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: 1982786898@qq.com.

Wang Hongmin, Ph.D. candidate, Transbaikal State University, email: 1982786898@qq.com.

ЦИФРОВОЙ ИМИДЖ ЛИЧНОСТИ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье цифровой имидж личности рассматривается как форма культурной видимости, через которую поколенческая идентичность получает зримое выражение в современной медиакультуре. Показано, что цифровой профиль, фотография, аватар, стиль публикаций, реакции и медиальные следы образуют не случайный набор внешних признаков, а символично-визуальную систему самопрезентации. Цель статьи — раскрыть, как через цифровой имидж личность предъявляет ценностную принадлежность к определённой поколенческой среде и вступает в пространство общественного признания. Особое внимание уделяется связи медиакультурных форм, визуальных кодов, репрезентации и межпоколенческого различия в условиях сетевой коммуникации современного общества. Делается вывод о двойственной природе цифрового имиджа: он расширяет возможности самовыражения, но может упрощать поколенческий опыт до устойчивых стереотипов.

Ключевые слова: цифровой имидж, личность, поколенческая идентичность, медиакультура, репрезентация, визуальный код, самопрезентация.

Введение

Современная медиакультура изменила не только каналы общения, но и саму форму человеческой представленности в обществе. В информационном пространстве человек всё реже воспринимается как целостная биографическая фигура и всё чаще — как совокупность цифровых следов: профиля, аватара, фотографии, манеры публикаций, комментариев, реакций, повторяющихся медиальных жестов. Эти фрагменты движутся быстрее, чем обстоятельное знание о личности, и часто успевают сформировать первое впечатление до того, как аудитория получает возможность узнать человека глубже. Поэтому цифровой имидж нельзя сводить к внешней оболочке, декоративному оформлению профиля или разновидности саморекламы. Он действует как форма культурной репрезентации: через него субъект выходит к аудитории, становится узнаваемым и одновременно оказывается в поле оценки, сравнения и общественного толкования.

В настоящей статье имидж рассматривается не как прикладной приём управления впечатлением, а как символично-визуальная форма культурного присутствия. Именно она делает личность видимой, отличимой от других и доступной для интерпретации. Такая постановка вопроса связана с представлением о культуре как о семиотическом пространстве, где знак не обладает смыслом сам по себе, а получает его внутри системы кодов, норм, ожиданий и привычных способов чтения [5]. Под цифровым имиджем личности далее понимается символично-визуальная конфигурация сетевого присутствия субъекта. Она складывается из цифрового профиля, визуального стиля, медиальных следов, коммуникативных жестов и способов взаимодействия с аудиторией.

Цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть цифровой имидж личности как способ репрезентации поколенческой идентичности в современной медиакультуре. Значимость такого курса определяется тем, что поколенческая идентичность здесь осмысливается не только как набор ценностных установок, но и как визуально организованная форма культурного самопредъявления. Методологическую основу исследования составляют культурологический, семиотический, аксиологический и социокультурный подходы. Они позволяют видеть в цифровом профиле, визуальном стиле, жесте, цвете, фотографии, формате публикации и медиальном следе не случайные элементы оформления, а знаки, через которые человек предъявляет индивидуальность и одновременно обозначает свою связь с определённой поколенческой средой.

Цифровой имидж как форма культурной видимости личности

Цифровой имидж рождается там, где личное присутствие всё чаще проходит через экран. В такой ситуации частное и публичное уже не отделены друг от друга непроницаемой границей: фотография, аватар, короткая реплика, реакция, комментарий, история публикаций и даже выбор визуального оформления начинают работать как части одного образа. Одни элементы человек продумывает заранее, другие оставляет почти случайно, в ходе обычного общения. Но для аудитории эти разрозненные следы всё равно собираются в узнаваемую фигуру. Поэтому цифровой имидж следует понимать как подвижную, не до конца устойчивую, но повторяемую систему знаков, благодаря которой личность становится культурно различимой.

Классическая концепция самопрезентации И. Гофмана помогает увидеть в этом процессе не только технический, но и культурный смысл. Социальное взаимодействие, по Гофману, связано с управлением впечатлением: субъект выбирает роль, удерживает определённую манеру поведения и соотносит себя с ожиданиями других [3]. В цифровой среде эта логика не исчезает, а перемещается в интерфейс. Лента, подбор изображений, стиль комментариев, реакции и цифровые связи становятся новой сценой, где личность предъясвляет себя даже без развёрнутого публичного высказывания. При этом аудитория перестаёт быть простым наблюдателем: она комментирует, цитирует, пересобирает и распространяет образ, участвуя в его дальнейшей культурной судьбе [11].

Медиакультура и изменение режима самопрезентации

Медиакультура задаёт правила, по которым эта видимость становится возможной. Медиа давно перестали быть внешними каналами, только передающими уже готовую информацию. Они формируют привычки восприятия, задают темп общения, вырабатывают нормы публичности и предлагают модели признания. Н. Б. Кириллова рассматривает медиакультуру как культуру информационной эпохи, сложившуюся на пересечении культурологии, семиотики, журналистики и массовой коммуникации [4]. В таком контексте цифровой имидж нельзя считать личной надстройкой над человеком. Это форма включения личности в медиакультурную систему, где субъект не просто пользуется платформами, а вынужден становиться видимым по их правилам.

Идея М. Маклюэна о медиа как расширениях человека в цифровой среде получает особенно зримое воплощение [6]. Смартфон, профиль, аватар, фотография, сторис, короткое видео и комментарий превращаются в продолжение социального тела личности. Через них человек сообщает о себе, вступает в отношения, фиксирует присутствие, реагирует на других и оставляет след в памяти платформы. Современные исследования медиатизации также показывают, что социальная реальность всё чаще конструируется через медиальные инфраструктуры и повседневные практики [9]. Поэтому цифровой имидж можно назвать медиальным двойником: он связан с личностью и питается её опытом, но живёт уже в пространстве экранных форм, алгоритмов и чужих интерпретаций.

Л. Манович подчёркивает, что новые медиа имеют собственную внутреннюю логику: цифровой код, модульность, изменяемость и автоматизацию [8]. Именно эта логика делает цифровой имидж особенно пластичным. Его можно редактировать, очищать, архивировать, стилизовать, дополнять, переносить на разные площадки и адресовать разным аудиториям. Один и тот же человек способен поддерживать профессиональный, дружеский, эстетический, экспертный, игровой или почти анонимный образ. Эти версии не обязательно разрушают целостность субъекта; скорее, они показывают, что цифровая идентичность всё чаще собирается из нескольких режимов самопредъявления.

Поколенческая идентичность в цифровом пространстве

Поколенческую идентичность невозможно свести к возрастной отметке. К. Мангейм рассматривал поколение как общность людей, связанных близкой исторической ситуацией и сходным социальным опытом [7]. Следовательно, поколение складывается не только из даты рождения. Его формируют опыт времени, значимые события, нормы, технологические сдвиги, образовательная среда, способы общения и культурные ожидания. В современной ситуации цифровая медиасреда становится одним из важных условий такого опыта. Она не просто

сопровождает поколение, а участвует в формировании его языка, жестов, привычек публичности и представлений о самом себе.

Разные возрастно-культурные группы входят в цифровую среду с неодинаковым багажом. Для одних платформы стали инструментом, который пришлось осваивать уже после формирования устойчивых социальных привычек. Для других цифровая коммуникация с самого начала воспринимается как естественная часть повседневности: через неё учатся, дружат, работают, спорят, потребляют культуру и предъявляют себя. Поэтому цифровой имидж почти всегда хранит следы поколенческого опыта. В нём видно отношение к публичности, к границам частного, к визуальной игре, к иронии, экспертности, эмоциональности и к праву показывать себя не только «правильно», но и живо.

Поколенческие ценности в цифровом имидже получают не отвлечённую, а зримую форму. Свобода может проявляться в неформальном стиле, отказе от чрезмерной официальности, свободном обращении с личной историей. Успех выражается через демонстрацию достижений, профессиональной мобильности, занятости, статуса и включённости в значимые сети. Аутентичность часто связывается с намеренно неидеальным кадром, разговорной интонацией, открытой эмоцией, демонстрацией будней. Принадлежность к группе обозначается через мемы, сленг, эстетики, музыкальные отсылки, визуальные привычки и платформенные ритуалы.

С. Холл писал об идентичности не как о неподвижном ядре личности, а как о процессе позиционирования, репрезентации и различения [10]. Для цифровой медиакультуры эта мысль особенно продуктивна. Личность не просто имеет поколенческую идентичность; она регулярно выводит её наружу в знаках. Фотография, тон публикаций, визуальная композиция профиля, способ шутить, манера отвечать, выбор тем и реакций превращаются в сообщения о принадлежности. Через них субъект словно заявляет: я связан с этой средой, разделяю эти ценности, отличаюсь от других норм или, напротив, сознательно с ними спорю.

Визуальные коды цифрового имиджа

Визуальный код в цифровом имидже можно определить как относительно устойчивый набор видимых признаков, по которым культура распознаёт смысл образа. В эту систему входят аватар, фотографический стиль, цветовая гамма, композиция профиля, характер видео, эмодзи, мемы, фильтры, графические элементы, одежда, предметный фон и повторяющиеся форматы публикаций. Каждый из этих элементов сам по себе может выглядеть малозначительным, почти бытовым. Однако вместе они образуют знаковую ткань, через которую аудитория считывает возрастную, ценностную, профессиональную и поколенческую принадлежность личности.

Р. Барт, анализируя изображение, показывал, что визуальный образ содержит не только прямое сообщение, но и культурно закодированные значения [1]. Цифровой профиль хорошо подтверждает эту мысль. Фотография сообщает не только о внешности. Она может указывать на стиль жизни, дистанцию или открытость, отношение к официальности, желание казаться ближе к аудитории либо, наоборот, сохранить недоступность. Ракурс, фон, свет, выражение лица, качество снимка и даже степень его случайности участвуют в производстве смысла. В цифровом имидже мелкая визуальная деталь редко остаётся нейтральной.

Одним из наиболее выразительных становится код аутентичности. Современная медиакультура часто требует от личности выглядеть настоящей: не слишком отредактированной, эмоционально доступной, способной показать не только успех, но и уязвимость. Парадокс в том, что сама аутентичность быстро превращается в стиль. Непостановочный кадр может быть тщательно выбран. Разговорная интонация — продумана. Демонстрация усталости или сомнения — встроена в устойчивую стратегию доверия. Поэтому цифровой имидж всё время движется между подлинным самовыражением и его эстетической обработкой.

Не менее значим код принадлежности. Мемы, символы, музыкальные намёки, сленг, визуальные привычки, платформенные форматы и узнаваемые эстетики показывают, что человек владеет языком определённой среды. Для поколенческой идентичности это особенно существенно: такие знаки быстро отделяют «своих» от «чужих», создают ощущение общего

опыта и культурной близости. Но тот же механизм легко работает в обратную сторону. Когда сложный опыт заменяется набором привычных маркеров, поколение начинает восприниматься как визуальный штамп.

Цифровой имидж между самовыражением и стереотипизацией

Цифровой имидж личности внутренне противоречив. Он действительно расширяет пространство самовыражения: человек может менять форму публичности, пробовать разные стили, показывать несколько сторон идентичности, обращаться к разным аудиториям и выходить за пределы привычных социальных кругов. Но та же среда быстро упрощает образ. Аудитория считывает его мгновенно, часто не выходя за рамки готовых культурных схем. Алгоритмы поддерживают узнаваемое, платформы поощряют повторяемость, а индивидуальная форма нередко подстраивается под то, что легче увидеть, распространить и оценить.

Особенно заметно это в разговоре о поколениях. Поколенческий опыт всегда шире своего медийного обозначения. Внутри любой возрастно-культурной группы существуют различия по региону, образованию, профессии, социальному положению, уровню цифровой грамотности, культурной среде и личной биографии. Однако медиакультура тяготеет к быстрым классификациям. Так закрепляются образы «цифрового поколения», «поколения визуальности», «поколения тревожности», «поколения индивидуалистов», «поколения прагматиков». Эти формулы помогают ориентироваться, но часто закрывают внутреннюю неоднородность поколенческой идентичности.

Ж. Бодрийяр описывал ситуацию, в которой знак отрывается от реальности и начинает функционировать как самостоятельная система симуляции [2]. В цифровом имидже такой разрыв возникает тогда, когда визуальная форма начинает замещать ценностное содержание. Подлинность превращается в приём, социальная ответственность — в показательный жест, профессиональность — в оформление профиля, поколенческая принадлежность — в набор модных признаков. Тогда цифровой имидж уже не раскрывает личность, а производит удобную для медиасреды оболочку.

И всё же сводить цифровой имидж только к подмене было бы неверно. Его культурная сила связана с тем, что через него личность получает шанс быть увиденной. Человек может предъявить опыт, который в традиционных институтах оставался почти незаметным; может вступить в межпоколенческий диалог; может изменить навязанный образ и предложить иной способ публичного присутствия. Поэтому цифровой имидж одновременно несёт риск стереотипизации и остаётся ресурсом признания. В этой двойственности и заключается его культурологическая значимость.

Заключение

Цифровой имидж личности в современной медиакультуре следует понимать не как внешнее оформление субъекта, а как сложную символично-визуальную форму его культурного присутствия. Он складывается из профиля, визуального стиля, медиальных следов, коммуникативных жестов, платформенных практик и способов взаимодействия с аудиторией. Благодаря этой форме человек становится узнаваемым, получает возможность быть интерпретированным и входит в пространство общественного признания.

Поколенческая идентичность в цифровом имидже выражается через визуальные коды, отношение к публичности, способы самопрезентации, медиальные привычки, эстетические предпочтения и характер цифрового общения. Вместе с тем такой имидж всегда несёт риск сокращения смысла: поколенческий опыт может быть сведён к набору узнаваемых маркеров, а ценности — к стилистическим приёмам. Поэтому культурологический анализ должен видеть за цифровым образом не только выразительную поверхность, но и ценностное содержание, социальный контекст, механизмы признания и возможные формы стереотипизации. В этом смысле цифровой имидж личности выступает одним из значимых способов существования человека в информационном обществе.

Литература

1. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: семиотика, поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 297–318.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция: пер. с фр. Москва: Постум, 2015. 240 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. Москва: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
4. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика. Москва: Академический проект: Культура, 2008. 496 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека: пер. с англ. Москва: Жуковский: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
7. Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции: пер. с англ. Москва: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
8. Манович Л. Язык новых медиа: пер. с англ. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
9. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2016. 290 p.
10. Hall S. Introduction: Who Needs Identity? // Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall, P. du Gay. London: SAGE Publications, 1996. P. 1–17.
11. Jenkins H., Ford S., Green J. Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. New York: New York University Press, 2013. 352 p.

THE DIGITAL PERSONAL IMAGE AS A MEANS OF REPRESENTING GENERATIONAL IDENTITY IN THE MODERN MEDIA CULTURE

Abstract. This article examines the digital image of the individual as a form of cultural visibility through which generational identity finds visible expression in contemporary media culture. It demonstrates that a digital profile, photograph, avatar, posting style, reactions and digital footprints do not constitute a random set of external characteristics, but rather a symbolic and visual system of self-presentation. The aim of the article is to reveal how, through the digital image, the individual demonstrates their value-based affiliation with a specific generational milieu and enters the space of public recognition. Particular attention is paid to the connection between media-cultural forms, visual codes, representation and intergenerational differentiation in the context of online communication in contemporary society. The conclusion is drawn that the digital image has a dual nature: it expands the possibilities for self-expression, but can also reduce generational experience to entrenched stereotypes.

Keywords: digital image, personality, generational identity, media culture, representation, visual code, self-presentation.

Сведения об авторе

*Кисель Иван Александрович, аспирант, Забайкальский государственный университет,
e-mail: ivan.kisel.13@mail.ru*

*Kisel Ivan Alexandrovich, Postgraduate student, Transbaikal State University, e-mail:
ivan.kisel.13@mail.ru*

**PR-ТЕКСТ В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ PR-КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается применение искусственного интеллекта в PR-текстах как проблема культурного смыслопроизводства коммуникативными субъектами. Public relations понимаются не только как инструмент продвижения, но и как социокультурная коммуникативная практика, через которую публичный субъект стремится к распознаваемости, доверию и символическому признанию. Показано, что генеративные нейросети ускоряют создание сообщений, расширяют возможности адаптации текста к цифровым платформам, но одновременно усиливают риск семантического усреднения, стилистической имитации и декоративного обращения с культурными знаками. Особое внимание уделяется связи PR-текста с культурной памятью, ценностями аудитории, образом подлинности и алгоритмической видимостью. Делается вывод, что искусственный интеллект не отменяет культурологического измерения PR-коммуникации, а требует более строгой смысловой и этической редакторской ответственности.

Ключевые слова: public relations, PR-текст, искусственный интеллект, медиакultura, культурный код, семантика, доверие, цифровая коммуникация.

Введение

Развитие и трансформация современного общества проявляется не только в обновлении институтов и технологий, но и в изменении публичной речи. Организации, государственные структуры, бренды и персональные публичные субъекты действуют в медиакультурной среде, где сообщение распространяется быстро, а доверие формируется медленно. Поэтому public relations всё труднее описывать как набор прикладных приёмов продвижения. В культурологической перспективе PR выступает способом символического посредничества: субъект не просто сообщает о себе, а переводит свои действия, ценности и интересы в форму, которую аудитория может признать уместной.

Развитие генеративного искусственного интеллекта усиливает эту проблему. Модели искусственной генерации контента уже способны создавать пресс-релизы, посты для социальных сетей, экспертные комментарии, сценарии публичных обращений, описания брендов и тексты кризисной коммуникации. Однако скорость генерации не равна культурной состоятельности. PR-текст должен не только соответствовать жанру, но и попадать в ценностный горизонт аудитории, учитывать её память, язык, опыт и представления о допустимом публичном поведении. В данной работе этот тезис уточняется: предметом внимания становится PR-текст как форма культурного предъявления публичного субъекта. Такой ракурс позволяет рассмотреть искусственный интеллект не как самостоятельного автора смысла, а как инструмент, который меняет условия производства и редактирования публичного высказывания.

PR-текст как пространство культурной интерпретации

PR-текст существует не как нейтральная информационная упаковка, а как способ культурного предъявления публичного субъекта. Через него организация, институт, территория, бренд или персональный коммуникатор предлагает аудитории образ себя: ответственный, компетентный, близкий, современный, надёжный. Эти смыслы складываются из жанра, интонации, ситуации, прежнего опыта адресата и репутационного фона. Поэтому тезис о заботе или открытости может прозвучать как честное обращение, рекламная маска или попытка мягкого давления.

Культурологический анализ позволяет увидеть в PR-тексте часть семиотического обмена. Ю. М. Лотман рассматривал культуру как пространство производства, хранения и перевода смыслов [10]. Значит, публичное сообщение не приходит к аудитории «с нуля»: оно попадает

в среду кодов, ожиданий, образов доверия и представлений о допустимом поведении. Его конечный смысл рождается в прочтении, где работают память, медиапривычки и ценностный опыт адресата.

Культурный код в PR нельзя сводить к внешнему украшению речи. Он не равен упоминанию традиции, локальности, исторической памяти или социальной миссии. Эти элементы становятся значимыми лишь тогда, когда связаны с реальной практикой субъекта. Без такой связи знак превращается в декоративную оболочку. Р. Барт показывал, что современный миф способен переводить конкретный исторический смысл в будто бы естественную форму [2]. В PR культурный символ может не раскрывать позицию субъекта, а прикрывать её отсутствие.

PR-текст работает и как форма накопления символического капитала. П. Бурдьё связывал капитал не только с экономическим ресурсом, но и с признанием, статусом, легитимностью [3]. Текст обращён не просто к вниманию аудитории. Он стремится закрепить за субъектом право говорить, быть услышанным и восприниматься как уместный участник общественного разговора. Поэтому качество PR-текста определяется не одной грамотностью, но полноценной способностью подтвердить состоятельность субъекта как элемента внутрикультурной коммуникации.

Искусственный интеллект меняет прежде всего режим производства такого текста. Генеративная система быстро подбирает формулировки, меняет тональность, сокращает или расширяет материал, имитирует пресс-релиз, экспертный комментарий, публичное обращение или пост для социальной сети. На уровне рутины это помогает специалисту.

Однако, по итогу это может привести к определенной коллизии. Ответ, сгенерированный по шаблонам искусственного интеллекта в своем сути, может содержать меньше культурной точности. Текст, как результат работы ИИ может выглядеть убедительно, потому что бесспорно основывается на огромном базисе речевых паттернов. Но проблема может быть выявлена в тот момент, когда субъект или объект коммуникации осознает искусственность подобной речи. Тем самым выглядящий полноценным и завершенным текст на самом деле лишь поддерживает видимость правильного высказывания, смысловой насыщенности. В коммуникации как процессе социального взаимодействия с определенными процедурами и условиями передачи сообщения, современная цифровая среда вносит еще один аспект, связанный с непосредственной культурной интерпретацией текста аудиторией как необходимого элемента восприятия [4].

В таком свете информационные сообщения или текст, содержащий в себе определенные мотивы идентичности, доверия или обращения к памяти могут особенно сильно страдать от редуцирования смысловой нагрузки. Что приводит к невозможности актуализации затрагиваемых таким текстом тем через призму культурной памяти [1]. ИИ-агент не может сам по себе производить смысл, он не определяет, где символ несет связь с культурным опытом, или где символ будет представлять необходимую декорацию внутри текста.

Об этом говорит и исследование ЮНЕСКО. В объемном докладе 2025 г. организация постулирует о непростой сущности искусственного интеллекта в общественной и культурной жизни общества. ИИ как способен обеспечить расширенный доступ к воспроизводству культурных ценностей, помогать сохранению и распространению знаний и поддерживать творчества так и напротив создавать риски гомогенизации культуры, ослабления человеческих навыков, продуцировать предубеждения, а также в целом усиливать общественное неравенство [16]. Суть этого доклада применима и к PR-текстам в том, что использование искусственного интеллекта может как компенсировать ее недостаточную выразительность, так и сделать ее однообразной.

Медиасреда в купе с алгоритмическими технологиями в целом усиливает такое напряжение. Сетевые информационные потоки, образующие современную коммуникацию, порождают проблему того, что публичные тексты изначально должны быть ориентированы не только для их конечной аудитории, но и для всей информационной структуры в целом, где поисковые системы, рекомендательные ленты и социальные сети могут косвенно или напря-

мую вмешиваться в процесс публичной коммуникации [5]. Нейросеть хорошо обслуживает требования краткости, эмоциональной плотности и повторяемости. Однако удобство распространения ещё не доказывает культурной состоятельности высказывания.

Российские исследования медиакультуры помогают уточнить этот тезис. И. А. Купцова показывает сетевую медиакультуру как новую повседневность цифровой цивилизации [8], а например исследователи В. А. Славина и Я. В. Солдаткина описывают медиакультуру как феномен информационной эпохи, где формы восприятия меняются вместе с технической средой [13]. PR-текст не завершается публикацией: его комментируют, сравнивают с предыдущими заявлениями, превращают в мем или включают в устойчивый образ доверия. Отсюда вырастает проблема подлинности. Аудитория цифровой медиакультуры замечает не только сообщение, но и следы его производства: повторяющиеся формулы, чрезмерно ровный стиль, отсутствие конкретики, искусственную эмпатию, универсальные фразы.

Подозрение в нейросетевой имитации может возникнуть даже при фактической корректности текста. Причина не в самой технологии, а в разрыве между речевой гладкостью и культурной укоренённостью. В отечественной традиции PR описывается как область управления публичной коммуникацией, взаимодействия с общественностью и формирования общественного мнения [7]. Но в цифровой среде управление сообщением становится неполным: после публикации текст включается в самостоятельный оборот интерпретаций. Специалисту нужно понимать, как формула будет соотнесена с опытом аудитории, репутацией субъекта и культурной ситуацией [11].

Современные работы о применении ИИ в креативных индустриях и брендинге подчёркивают, что генеративные технологии расширяют инструментарий создания контента, но требуют внимания к границам автоматизации [6]. Исследования влияния ИИ на связи с общественностью также фиксируют ускорение профессиональных процессов и изменение роли специалиста [12]. Однако культурологическая перспектива не позволяет ограничиться выводом об эффективности. Если текст говорит от имени субъекта, он должен сохранять связь с его практикой и ответственностью [9].

Эту же линию развивает исследование PR-профессионализма в эпоху генеративного ИИ: вопрос уже не только в том, какие задачи можно автоматизировать, а в том, как сохранить этическое суждение, авторство и ответственность в ситуации машинного соавторства [15]. ИИ может быть соавтором формулировки, но не может быть субъектом публичного обязательства. Он не отвечает перед аудиторией, не обладает репутационной биографией и не несёт последствий символической ошибки.

Проблема доверия тем самым переносится из области общей тональности в область культурной проверяемости. А. А. Сычев показывает, что надёжность в эпоху цифровых технологий усложняется из-за множества посредников между человеком и информацией [14]. PR-текст, созданный с участием ИИ, оказывается именно в такой ситуации. Между субъектом и аудиторией появляется посредник, способный улучшить форму, но не способный гарантировать искренность, точность и культурную соразмерность.

Поэтому редакторская работа с нейросетевым PR-текстом должна выходить за пределы языковой правки. Нужно проверить, кому принадлежит интонация текста, как он соотносится с прошлым поведением субъекта, не использует ли культурные символы как быстрый декоративный ресурс, не подменяет ли конкретное действие абстрактной заботой. Такая проверка ближе к культурологической экспертизе, чем к обычной редактуре.

Искусственный интеллект должен поддерживать культурное разнообразие, человеческое творчество и культурные права, а не растворять их в однообразной технологической среде. Для PR-текстов человеческий надзор становится не формальным этическим лозунгом, а условием смысловой ответственности. Чем активнее нейросеть участвует в создании публичной речи, тем строже должно быть профессиональное суждение о границах допустимого.

Заключение

Глубокое внедрение искусственного интеллекта в PR-тексты не снимает культурологических вопросов, а делает их более явными. Нейросеть ускоряет письмо, расширяет набор жан-

ровых решений, помогает адаптировать сообщение к платформе и предлагает стилистически выверенные формулы. Но эта лёгкость обнаруживает слабое место современной публичной коммуникации: правильно оформленный текст может оказаться смыслово пустым, если он не связан с памятью аудитории, реальной практикой субъекта и культурным контекстом высказывания.

Основная проблема состоит не в том, что ИИ сам по себе искажает PR-коммуникацию, однако автоматизация усиливает уже существующую склонность публичной речи к шаблону, репутационной имитации и декоративному использованию культурных знаков. ИИ может поддерживать культурное разнообразие и расширять доступ к творческим практикам, но при слабом человеческом контроле он же ускоряет гомогенизацию, воспроизводит предубеждения и размывает культурную различимость.

Следовательно, задача современной PR-коммуникации заключается не в отказе от нейросетевых инструментов, а в перестройке ответственности за текст. Генерация должна оставаться вспомогательным этапом, а не заменой профессионального и культурологического суждения. Убедительный PR-текст соединяет знак с опытом, ценность с действием, интенцию с субъектностью, а технологическую выразительность — с ответственностью перед аудиторией. Только в этом случае искусственный интеллект становится ресурсом системной трансформации публичной коммуникации, а не механизмом её семантического обеднения.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 365 с.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. Москва: Академический проект, 2008. 351 с.
3. Бурдье П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
4. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2016. 282 с.
5. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. Москва: Изд-во Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Коровникова Н. А. Искусственный интеллект в креативных индустриях: возможности и риски // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2. Экономика. 2025. № 1. С. 45–52.
7. Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. Санкт-Петербург, 2010. 384 с.
8. Купцова И. А. Сетевая медиакultura как новая повседневность цифровой цивилизации // Международный журнал исследований культуры. 2024. № 2(55). С. 17–26.
9. Логунцова И. В., Ильин А. С., Руденко А. В. Искусственный интеллект в креативных индустриях: модели взаимодействия и возможности применения в брендинге малых городов // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 4. С. 110–123.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
11. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. Москва, 2003. 288 с.
12. Рожков А. В. Специфика влияния искусственного интеллекта на прогресс связей с общественностью // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2025. № 4. С. 660–674.
13. Славина В. А., Солдаткина Я. В. Медиакultura как феномен информационной эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26, № 2. С. 286–293.
14. Сычев А. А. В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 35–47.

15. Dong C., Li Y., Cheng Y. Revisiting PR professionalism and ethics in the generative AI era // Public Relations Review. 2025. Vol. 51, No. 3. P. 102–115.
16. UNESCO. Artificial Intelligence and Culture: Report of the Independent Expert Group on Artificial Intelligence and Culture. Paris: UNESCO, 2025. URL: <https://goo.su/zEohc> (дата обращения: 24.05.2026).

PR TEXT IN THE EPOCH OF GENERATIVE AI: THE CULTURAL ASPECT OF THE TRANSFORMATION OF PUBLIC COMMUNICATION

Abstract. This article examines the use of artificial intelligence in PR texts as a matter of cultural meaning-making. Public relations are understood not only as a promotional tool but also as a sociocultural communicative practice through which a public entity seeks visibility, trust, and symbolic recognition. It is demonstrated that generative neural networks accelerate the creation of messages and expand the possibilities for adapting text to digital platforms, but at the same time increase the risk of semantic homogenization, stylistic imitation, and the decorative treatment of cultural signs. Particular attention is paid to the connection between PR texts and cultural memory, audience values, the image of authenticity, and algorithmic visibility. It is concluded that artificial intelligence does not negate the cultural dimension of PR communication but requires stricter semantic and ethical editorial responsibility.

Keywords: public relations, PR text, artificial intelligence, media culture, cultural code, semantics, trust, digital communication.

Сведения об авторе

Меренков Артём Алексеевич, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: opaxic@yandex.ru

Merenkov Artyom Alekseevich. Postgraduate student. Transbaikal State University, e-mail: opaxic@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ И СТУДЕНТАМИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В последние годы цифровые технологии быстро развиваются и проникают в образовательную сферу. Среднее профессиональное образование Китая вступило в новый этап цифровой трансформации. Цифровизация не только меняет средства обучения и формы образовательных ресурсов, но и оказывает глубокое влияние на структуру отношений между преподавателями и учащимися: педагог постепенно переходит от роли транслятора знаний к фасилитатору обучения и профессиональному наставнику, возрастает субъектная позиция студента, а взаимодействие приобретает новые черты, сочетая онлайн- и офлайн-форматы. Вместе с тем всё отчетливее проявляются такие проблемы, как разница в уровне цифровой грамотности преподавателей, ослабление эмоциональной связи между участниками образовательного процесса и недостаточная адаптация практического обучения к цифровым условиям. В дальнейшем необходимо сочетать технологическое обеспечение с воспитательной направленностью, продвигая цифровизацию образования и одновременно уделяя должное внимание гуманитарной ценности профессионального образования, чтобы выстраивать более открытые, равноправные и эмоционально близкие отношения между преподавателями и студентами.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, цифровизация образования, отношения между преподавателями и студентами, реформа профессионального образования, субъектность студента.

Введение

Развитие цифровых технологий меняет способы функционирования современного общества и одновременно влечёт за собой глубокие преобразования в образовательной сфере. Особенно на фоне активного внедрения в последние годы технологий искусственного интеллекта цифровизация образования становится важной общемировой тенденцией. Для Китая цифровизация образования — это не только технологический проект, но и стратегический выбор на пути к образовательной модернизации. С момента запуска в 2022 г. государственной стратегической инициативы по цифровизации образования учреждения среднего профессионального образования начали искать новые способы глубокой интеграции цифровых технологий с учебно-воспитательным процессом.

Что касается целей подготовки кадров, то среднее профессиональное образование решает одновременно две задачи: даёт общеобразовательные знания и формирует технические и профессиональные навыки. Его основная цель — подготовка специалистов, способных отвечать потребностям экономического и социального развития [1, с. 52–60]. Поэтому преподаватель в системе среднего профессионального образования выступает не просто как передатчик знаний, но и как наставник по профессиональным умениям и формированию профессионального духа. В этом процессе отношения между педагогом и студентом влияют не только на результаты обучения, но и напрямую связаны с развитием профессиональной идентичности и личности учащегося [2, с. 5–12].

Долгое время отношения между преподавателями и студентами в учреждениях среднего профессионального образования носили ярко выраженный управленческий характер. У некоторых студентов наблюдаются слабая база знаний и недостаточные навыки самоорганизации, поэтому педагоги зачастую вынуждены брать на себя значительную часть функций по управлению и контролю. Однако внедрение цифровых технологий начинает менять эту тра-

диционную модель. Многоканальность доступа к информации ослабляет позицию преподавателя как единственного источника знаний, широкое использование цифровых платформ трансформирует способы взаимодействия на занятиях, а активность и вовлечённость студентов в учебный процесс постепенно возрастают [3, с. 118–124].

Таким образом, понимание логики трансформации отношений между преподавателями и студентами в условиях цифровизации, а также сохранение воспитательной направленности образования в процессе использования технологий — это вопросы, которые заслуживают серьёзного обсуждения в контексте текущей реформы профессионального образования.

Реальные условия цифровизации среднего профессионального образования в Китае

(1) Последовательная реализация государственной политики реформы профессионального образования

В последние годы в Китае был принят ряд документов, направленных на углубление реформы профессионального образования. «План реализации реформы национального профессионального образования» закрепил за профессиональным образованием статус, равный статусу общего образования, а последующие документы, такие как «Мнение о содействии высококачественному развитию современного профессионального образования», чётко определили цифровизацию в качестве направления развития. Таким образом, на политическом уровне цифровизация была включена в ядро модернизации профессионального образования.

(2) Цифровая трансформация промышленности стимулирует изменения в подготовке кадров

В настоящее время экономика Китая находится на этапе высококачественного развития: быстро растут такие отрасли, как интеллектуальное производство, цифровая экономика и искусственный интеллект, что предъявляет более высокие требования к техническим и квалифицированным кадрам. Предприятиям нужны не просто работники, владеющие профессиональными навыками, но и специалисты с цифровой грамотностью и способностью к инновациям. Эта тенденция напрямую влияет на цели подготовки кадров в профессиональном образовании, и учреждения среднего профессионального образования вынуждены повышать качество подготовки через цифровую реформу [4, с. 1–4].

Основные проявления трансформации отношений между преподавателями и студентами в контексте цифровизации

(1) Изменение логики формирования авторитета преподавателя

Традиционно авторитет преподавателя в системе среднего профессионального образования опирался на владение знаниями и выполнение управленческих функций. Поскольку доступ студентов к профессиональной информации был довольно ограничен, педагог обладал сильным контролем над ходом занятия. Кроме того, в среднем профессиональном образовании большое внимание уделяется дисциплине и освоению профессиональных норм, поэтому преподаватель также нёс значительную нагрузку по управлению группой.

Цифровая среда изменила этот механизм. Интернет-платформы, онлайн-курсы и инструменты на основе искусственного интеллекта открывают студентам доступ к гораздо более разнообразным информационным ресурсам. В учреждениях среднего профессионального образования абсолютный характер авторитета преподавателя как носителя знаний постепенно ослабевает, но это вовсе не означает, что его роль становится менее важной. Напротив, по мере усложнения источников информации студентам всё больше требуется помощь педагога, чтобы отличать достоверные сведения от ложных, понимать логику знаний и выстраивать системную картину. Поэтому авторитет преподавателя трансформируется из «основанного на обладании знаниями» в «основанный на профессиональном наставничестве» [3, с. 118–124].

(2) Усиление субъектной позиции студента

В условиях цифровизации способы обучения студентов средних профессиональных учреждений заметно изменились. Всё больше учащихся привыкают осваивать профессиональные знания с помощью видеолекций, платформ профессиональных навыков и интернет-сообществ. Когда у студентов появляется больше образовательных ресурсов и вариантов траектории обучения, их автономия и вовлечённость тоже растут.

Это изменение бросает вызов традиционной модели, где «преподаватель говорит, студент слушает». Всё больше педагогов начинают использовать в организации занятий такие методы, как проектное обучение, задания на основе конкретных задач и ситуационные подходы. Усиление субъектной позиции студента означает, что отношения между преподавателем и учащимся переходят от управленческих к партнёрским: студенты получают больше возможностей высказывать своё мнение и участвовать в принятии решений в ходе учебной деятельности.

(3) Расширение пространства взаимодействия между преподавателем и студентами

Традиционно взаимодействие между педагогом и студентами в среднем профессиональном образовании происходило в основном на занятиях и в стенах учебного заведения. Цифровые технологии снимают эти пространственно-временные ограничения. Сегодня многие профессиональные колледжи создали цифровые образовательные платформы, через которые преподаватели могут давать задания, отслеживать успеваемость и проводить онлайн-консультации, а студенты — в любое время сдавать работы, задавать вопросы и участвовать в обсуждениях.

Это изменение не только повышает частоту взаимодействия, но и меняет его содержание. Раньше общение педагога со студентами в основном вращалось вокруг дисциплины на занятиях и учебных задач. Теперь цифровые платформы позволяют преподавателю быстрее замечать трудности, возникающие у студентов в процессе обучения, и оказывать адресную помощь. Кроме того, удобство онлайн-коммуникации способствует тому, что даже те студенты, которые обычно мало говорят на занятиях, охотнее делятся своими мыслями [5, с. 113–118]. Однако важно отметить: хотя цифровая коммуникация и разрушает некоторые реальные барьеры, делая общение между преподавателем и студентом более удобным, живую передачу эмоций и личный пример, которые возможны только при личном контакте, технологии по-прежнему не в состоянии полностью заменить.

Реальные трудности, с которыми сталкивается трансформация отношений между преподавателями и студентами в среднем профессиональном образовании

(1) Существенные различия в развитии цифровой грамотности преподавателей

Наступление цифровой эпохи предъявляет новые требования к профессиональным компетенциям педагога. Современный китайский преподаватель должен не только обладать отличными профессиональными знаниями и педагогическими навыками, но и уметь разрабатывать цифровые ресурсы, работать с цифровыми платформами и анализировать данные. Однако на практике между разными возрастными группами преподавателей наблюдаются заметные различия. Молодые педагоги довольно быстро адаптируются к технологическим изменениям, тогда как их более опытные коллеги, чья базовая подготовка в области информационных технологий относительно слабее, испытывают трудности с использованием цифровых инструментов. Разница в уровне цифровой грамотности сказывается не только на результатах обучения, но и на выстраивании новых отношений между преподавателем и студентами в цифровую эпоху [2, с. 5–12].

(2) Ослабление эмоциональной связи между преподавателем и студентами в образовательном процессе

Функция профессионального образования не ограничивается простым формированием навыков у студентов — она также заключается в становлении целостной личности. Особенно для многих учащихся средних профессиональных учреждений преподаватель играет важную роль эмоциональной опоры и ценностного ориентира на их жизненном пути. Однако после перехода в цифровую среду эффективность общения между педагогом и студентами хотя и повысилась, но качество эмоционального обмена не выросло. Онлайн-обучение позволяет легче решать учебные задачи, но ему не хватает эмоционального резонанса, который возникает при живом взаимодействии. И тут всплывает ключевой вопрос: как сделать так, чтобы при цифровизации среднего профессионального образования человеческое тепло не разбавлялось технологиями? Это стало вызовом, который необходимо серьёзно учитывать в форме обучения [3, с. 118–124].

(3) Разрыв в эффективности цифрового и практического обучения

По сравнению с общим образованием, наиболее яркая особенность среднего профессионального образования — его практико-ориентированность, больший упор на реальные действия студентов. Поэтому многие специальные дисциплины требуют, чтобы студенты погружались в реальное оборудование, реальные условия и реальные операции для отработки навыков. Хотя применение технологий виртуальной симуляции и цифровых тренажёрных платформ открывает новые возможности для реформы обучения в цифровую эпоху, полностью заменить практический опыт в реальной рабочей среде крайне сложно. Таким образом, цифровая трансформация среднего профессионального образования — это не полная замена практических занятий обучением на цифровых платформах, а необходимость искать новые модели глубокой интеграции цифровых технологий с практическим обучением [4, с. 1–4].

Перспективные направления развития отношений между преподавателями и студентами в среднем профессиональном образовании Китая

Необходимо переосмыслить профессиональную ценность педагога в цифровую эпоху. Ключевая роль учителя в будущем заключается не в том, чтобы самому владеть большим объёмом знаний, а в том, чтобы помогать студентам осмысливать знания, применять их на практике и развивать способности к профессиональному становлению. Преподавателю среднего профессионального образования предстоит постепенно перейти от роли передатчика знаний к роли профессионального наставника, консультанта по личностному росту и фасилитатора обучения [6, с. 8–10.].

Преподаватели должны больше внимания уделять субъектности студентов в образовательном процессе, возвращая исходную точку образования к самому студенту. Цель учебных реформ — лучше адаптироваться к развитию студентов и способствовать ему, а не просто менять содержание и методы обучения. Через взаимную интеграцию проектного обучения, ситуационных методов и создания цифровых образовательных платформ необходимо направлять студентов на активное участие в процессе конструирования знаний.

В процессе обучения технологический рационализм не должен ставиться выше воспитательной ценности образования. Конечная цель цифровизации образования — не развитие самого по себе применения технологий, а содействие развитию человека через расширение возможностей, которые дают цифровые технологии. Продвигая цифровизацию, учреждения среднего профессионального образования не должны игнорировать или ослаблять формирование у студентов профессионального духа, социальной ответственности и личностных качеств. Только так цифровое обучение сможет в полной мере реализовать свой потенциал.

Следует способствовать глубокой интеграции цифровых технологий с практическим обучением, не допуская их параллельного существования как двух несвязанных вещей. Будущее развитие профессионального образования не означает ни полного возврата к старым традиционным методам, ни безоглядного погружения в объятия цифровых технологий. Необходимо найти баланс между ними. В конечном итоге должна быть сформирована новая модель обучения, сочетающая онлайн- и офлайн-форматы, а также теорию с практикой в их глубоком единстве.

Литература

1. Chen J., Cao S., Wu S. SWOT Analysis of High-quality Development of Vocational Education under the Background of New Vocational Education Law in China // *Journal of Education and Educational Research*. 2023. Vol. 2, № 2. P. 52–60.
2. 付卫东, 韦酒 (Фу Вэйдун, Вэй Цзю). 教育数字化转型背景下的中小学教师角色定位和实践进路 (Роль, место и практические подходы учителей начальной и средней школы в контексте цифровой трансформации образования) // *教育导刊* (Гид по образованию). 2023. № 9. С. 5–12 (На кит. яз.).
3. 陈永青 (Чэн Бинцин). 教育数字化转型背景下中小学师生关系的困境及重构 (Проблемы перестройки отношений между учителем и учеником в начальных и средних школах в условиях цифровой трансформации) // *桂林师范高等专科学校学报* (Журнал Гуйлиньского педагогического колледжа). 2025. Т. 39, № 6. С. 118–124 (На кит. яз.).

4. 毕婉 (Ми Ван). 职业教育数字化转型背景下教师角色重塑研究 (Переосмысление роли преподавателей в контексте цифровой трансформации профессионального образования.) // 安徽电子信息职业技术学院学报 (Журнал Аньхойского профессионально-технического колледжа электронной информации). 2025. Т. 24, № 3. С. 1–4+11 (На кит. яз.).

5. 王伟青 杨林 (Ван Вэйцин, Ян Линь). 人工智能教育视域下师生关系转型升级的现实挑战与对策 (Реальные вызовы и способы решения проблем трансформации отношений между учителем и учеником в контексте использования искусственного интеллекта в образовании) // 湖南工程学院学报(社会科学版) (Журнал Хунаньского инженерного института (социальные науки). 2023. Т. 33, № 2. С. 113–118 (На кит. яз.).

6. 严挺 (Ян Тин). 教育转型视域下优化师生关系的三个着力点 (Три ключевых момента оптимизации отношений между учителем и учеником с точки зрения трансформации образования) // 教书育人(Обучение и воспитание). 2024. № 34. С. 8–10 (На кит. яз.).

A STUDY OF THE TRANSFORMATION OF RELATIONS BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS IN CHINESE INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF EDUCATION — FROM THE POINT OF VIEW OF RECONFIGURATION OF ROLES AND CHANGES IN INTERACTION

Abstract. In recent years, digital technologies have been rapidly developing and penetrating the educational sphere. China's secondary vocational education has entered a new stage of digital transformation. Digitalization is not only changing the means of learning and the forms of educational resources, but also has a profound impact on the structure of relations between teachers and students.: The teacher is gradually moving from the role of a translator of knowledge to a learning facilitator and professional mentor, the student's subjective position is increasing, and interaction is acquiring new features, combining online and offline formats. At the same time, problems such as the difference in the level of digital literacy of teachers, the weakening of the emotional connection between the participants in the educational process and the insufficient adaptation of practical training to digital conditions are becoming more and more pronounced. In the future, it is necessary to combine technological support with an educational focus, promoting the digitalization of education and at the same time paying due attention to the humanitarian value of vocational education in order to build more open, equal and emotionally close relations between teachers and students.

Keywords: secondary vocational education, digitalization of education, relations between teachers and students, reform of vocational education, Student body.

Сведения об авторе

Чжао Цянь, аспирант кафедры общей педагогики, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: zqzhaoqiancc@163.com.

Zhao Qian, postgraduate student of the Department of General Pedagogy, Dorzhi Banzarov Buryat State University, email: zqzhaoqiancc@163.com.

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.347

Е. Ю. Захарова

Д. Н. Калинин

Забайкальский госуниверситет

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена переходом от стратегий «мягкого» влияния к осмыслению культурной политики как деятельности по конструированию смыслового и ценностного пространства, где этносоциальная идентичность выступает объектом, субъектом и ресурсом. В статье на основе диалектико-типологического подхода и структурно-функционального анализа показано, что культурная политика приобретает эффективность при апелляции к интегративной, ориентационной, защитной, адаптационно-регулятивной, легитимирующей и мобилизационной функциям идентичности. Обоснован тезис о том, что российская модель культурной политики, закреплённая в Основах государственной культурной политики 2014 г. и Стратегии государственной национальной политики до 2036 г., интегрирует этнокультурное многообразие в иерархию общероссийской гражданской идентичности, обеспечивая онтологическую безопасность личности и общества. Выделены три механизма реализации культурной политики: институционально-правовой, дискурсивно-нарративный и образовательно-трансляционный. Показано, что кризис идентичности в условиях цифровизации и фрагментации культурного пространства требует перехода от охранительной модели культурной политики к проектно-смысловой.

Ключевые слова: этносоциальная идентичность, культурная политика, общероссийская гражданская идентичность, механизмы реализации, онтологическая безопасность, национальная безопасность культурное многообразие.

Культурная политика — это не только сохранение наследия и поддержка творческих союзов, но система стратегических практик по производству, легитимации и трансляции смыслов, ценностей и идентичностей, образующих культурный каркас нации. В. С. Лузан фиксирует трансформацию роли государства: от практически полного отказа от регулирования в 1990-е гг. к признанию культуры приоритетом национальной безопасности и фактором формирования идентичности [14]. Для поликультурной России, где веками складывалась модель единства в многообразии, этносоциальная идентичность становится центральным звеном, соединяющим личностное самосознание, групповую принадлежность и государственную стратегию.

Основы государственной культурной политики¹ (далее Основы) впервые возвели культуру в ранг национальных приоритетов как фактор роста качества жизни, гармонизации общественных отношений и сохранения территориальной целостности. Культурная политика трактуется как формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей; ее объекты не только наследие, но и русский язык, языки народов РФ, семья, коммуникационные системы, медиасфера. Субъектами признаны органы власти, образовательные и научные организации, общественные объединения, учреждения культуры, тем самым нормативно закреплена многосубъектность, в которой этносоциальная идентичность является и целью, и инструментом

Согласно диалектико-типологическому подходу Ю. М. Лустина, этносоциальная идентичность существует в динамическом единстве трех уровней: всеобщего (общегражданская

¹ Основы государственной культурной политики, утв. указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808.

идентичность), особенного (этнокультурная специфика) и единичного (личностное самоопределение) [7, с. 22]. Стабильность поликультурной системы достигается не нивелированием различий, а выстраиванием иерархии, где общероссийская гражданская идентичность интегрирует, а этнические идентичности обогащают ее содержание. Это прямо согласуется с Основами: «ни вероисповедание, ни национальность не разделяют и не должны разделять народы России»¹, а ключевая объединяющая роль принадлежит русскому языку и великой русской культуре. Таким образом, этносоциальная идентичность выступает ресурсом общественной стабильности при условии, что культурная политика задействует ее внутренние механизмы.

Этносоциальная идентичность — многоуровневый ценностно-смысловой конструкт, синтезирующий личностное и коллективное начала и укорененный в потребности в онтологической безопасности: базовом доверии к миру и стабильности смысловых ориентиров [11; 12]. Именно экзистенциальное измерение превращает идентичность из принадлежности к группе в модус человеческого бытия. В. М. Солдатов подчеркивает: без учета духовно-нравственного измерения любые управленческие решения в сфере культуры не достигают идентификационного ядра личности [10]. Этносоциальная идентичность соединяет экзистенциальный опыт человека с коллективными представлениями и целями государственной культурной политики — «формированием гармонично развитой личности и укреплением единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития».

Культурная политика, воздействуя на идентичность, либо укрепляет онтологическую безопасность устойчивыми разделяемыми нарративами, либо подрывает ее, разрушая привычные идентификации без предложения новых. Следовательно, эффективная культурная политика не может быть сугубо инструментальной — она обязана быть диалогичной и учитывать механизмы идентификации и самоидентификации. Выделены шесть ключевых функций этносоциальной идентичности, прямо коррелирующих с задачами культурной политики: интегративно-дифференцирующая, ориентационная, защитная, адаптационно-регулятивная, легитимирующая и мобилизационная [5, с. 15–27]. Именно через эти функции культурная политика «схватывает» идентичность и начинает с ней работать. Анализ стратегических документов и эмпирических данных позволяет выделить три взаимосвязанных механизма, в которых этносоциальная идентичность становится ключевым элементом реализации культурной политики.

Институционально-правовой механизм включает национально-культурные автономии, советы по межнациональным отношениям, государственные программы поддержки языков и традиций. Он переводит этносоциальную идентичность из стихийной, потенциально конфликтной формы в институционализированную и диалогичную. У. Кимлика показал, что либеральный мультикультурализм, ограниченный квотами и правами без общей идентификационной рамки, терпит неудачу [13]. Российская модель апеллирует к двойной идентичности: человек выступает одновременно носителем этнической (например, татарской) и общероссийской идентичности, причем эти уровни не конкурируют, а дополняют друг друга. Исследования биэтнических идентичностей подтверждают, что множественная принадлежность не ведет к кризису при институциональной обеспеченности [2; 3]. Л. А. Гаджиева подчеркивает: именно на уровне субъектов федерации институциональное оформление этнокультурной специфики приобретает решающее значение для сохранения идентичности и предотвращения конфликтов [4]. Региональные программы развития культуры, туризма, поддержки народных промыслов дают этносоциальной идентичности ресурсную и организационную опору. В Основах эта линия закреплена задачей «сохранения этнических культурных традиций и поддержки основанного на них народного творчества, сохранения этнокультурного разнообразия...»².

¹ Основы государственной культурной политики, утв. указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808.

² Там же

Дискурсивно-нарративный механизм работает со смыслами, мифами и историческими нарративами, задействуя ориентационную функцию идентичности. П. Рикер обосновал нарративную природу идентичности: человек и группа осмысляют себя через рассказываемые истории [8, с. 92]. В российской практике этот механизм реализуется через единый историко-культурный стандарт, патриотические проекты, «уроки России», интегрирующие региональные и этнические нарративы. Консолидация достигается через позитивные объединяющие исторические нарративы, основанные на общих достижениях и общем внешнем вызове (как победа в Великой Отечественной войне), тогда как культивирование «образа внутреннего врага» или тиражирование конкурирующих версий истории ведет к конфликтам. В. А. Сазонова показывает, что нематериальное культурное наследие сегодня признается ключевым элементом формирования общероссийской гражданской идентичности и обеспечения культурного суверенитета [9]. Включение элементов нематериального наследия в образование, медиа и праздничные практики актуализирует этносоциальную идентичность, превращая ее из формальной декларации в лично значимую. Основы ставят задачу «утверждения в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта...» и «передачи от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм...»¹.

Образовательно-трансляционный механизм задействует систему образования и просвещения, работая с адаптационно-регулятивной, защитной и интегративной функциями идентичности. Ключевое значение имеет языковая политика: русский язык как язык межнационального общения выступает не просто коммуникативным инструментом, но символом солидарности. Основы подчеркивают необходимость повышения качества владения русским языком, использования эталонного литературного языка в публичном пространстве, а также «создания условий для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, для сохранения двуязычия...»². Поддержка родных языков — условие сохранения защитной функции идентичности. О. Н. Астафьева демонстрирует, что переход к проектному управлению в креативных индустриях открывает новые каналы трансляции идентичности — грантовые проекты, фестивали, цифровые платформы [1, с. 17–18]. В эпоху цифровизации, когда молодежь конструирует идентичность преимущественно через социальные сети и алгоритмически управляемый контент, образовательно-трансляционный механизм становится критически важным, а его эффективность прямо зависит от способности культурной политики осваивать цифровую среду. Ответом должно быть не ее отторжение, а использование проектных форматов, работающих с этносоциальной идентичностью на языке новых медиа.

Кризис идентичности — разрыв между унаследованными смыслами и новыми реалиями — прямая угроза национальной безопасности в условиях нестабильности и цифровой фрагментации. Здесь обнаруживается принципиальное отличие российской модели от «плавильного котла» (США) или сегрегационного мультикультурализма (ЕС). Как зафиксировано в Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 г.³, российский подход строится на иерархической интеграции: общероссийская гражданская идентичность не нивелирует этнические, а выступает интегрирующей надстройкой, вбирающей опыт совместного государственностроительства. Этносоциальная идентичность сохраняется как содержательный уровень, а гражданская идентичность приобретает характер мета-идентичности. Основы закрепляют культурную политику как «неотъемлемую часть стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴. Такой подход дает личности не абстрактное гражданство, а укорененную в исторической памяти и культурном многообразии онтологическую опору.

Российская модель создает «якоря»: общие нарративы (Победа, освоение территории, культурный синтез), институты поддержки этничности, образовательные практики двойной

¹ Основы государственной культурной политики, утв. указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808.

² Там же.

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г., утв. указом Президента РФ.

⁴ Основы государственной культурной политики, утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808.

идентичности. Л. М. Дробижева эмпирически подтверждает: у большинства россиян этническая идентичность мирно сосуществует с общероссийской [5, с. 94]. Следовательно, этносоциальная идентичность — не источник дезинтеграции, а ключевой фактор общественной стабильности при ее гармоничном встраивании в культурную политику.

Цифровизация порождает алгоритмическую сегрегацию: люди оказываются в изолированных информационных пузырях с несовместимыми нарративами. Дискурсивный механизм, основанный на единых учебниках и централизованных медиа, теряет эффективность. Требуется переход от охранительной модели к проектно-смысловой — созданию открытых диалогичных площадок, где этносоциальное многообразие становится ресурсом выработки новых объединяющих смыслов. Сравнение культурной политики Китая и России (Люй Чао, Т. А. Кемерова) показывает: обе страны усиливают роль государства в защите культурной идентичности, но Китай делает акцент на рыночные реформы и правовое регулирование, а Россия — на иерархическую интеграцию и сохранение традиций [15, с. 27–30]. Этносоциальная идентичность в российской модели оказывается базовым элементом, соединяющим локальное и общенациональное, традиционное и инновационное.

Проведенное исследование доказывает, что этносоциальная идентичность занимает центральное место в механизмах реализации культурной политики России, выполняя не обслуживающую, а конституирующую роль. Институционально-правовой, дискурсивно-нарративный и образовательно-трансляционный механизмы эффективны, поскольку апеллируют к глубинным функциям идентичности. Российская модель, строящаяся на иерархическом единстве гражданской и этнокультурных идентичностей, обладает значительным потенциалом для обеспечения онтологической безопасности личности и общества. Однако этот потенциал реализуется лишь при постоянной рефлексии над трансформацией механизмов идентификации в цифровую эпоху. Перспективным направлением дальнейших исследований выступает анализ того, как алгоритмы социальных сетей и искусственный интеллект модифицируют традиционные механизмы культурной политики и порождают гибридные, ситуативные формы идентичности, конфликтующие с институционально закрепленными образцами.

Литература

1. Астафьева О. Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 17–28.
2. Бубликов В. В. Этническое и гражданское в национальной идентичности россиян (на примере русско-украинских биэтворов) // Социология религии в обществе позднего модерна. 2021. № 10. С. 218–224.
3. Бубликов В. В., Свидовская А. С. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтворов в России // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 99–120.
4. Гаджиева Л. А. Современные тенденции развития региональной культурной политики в России // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 8(84). С. 2652–2661.
5. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.
6. Зеленков М. Ю., Ламаарти Ю. А., Юсупова И. Н. Фундаментальные элементы идентичности как факторы современных этносоциальных отношений // Социодинамика. 2021. № 9. С. 15–27.
7. Лустин Ю. М. Этносоциальная идентичность человека как потенциал диалектико-типологической консолидации общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. Вып. 3. С. 19–29.
8. Рикер П. Я. Сам как другой. Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
9. Сазонова В. А. Роль государственной политики в сохранении и воспроизводстве нематериального культурного наследия России // Культура и искусство. 2024. № 6. С. 13–27.
10. Солдатов В. М. О духовно-интегральном понимании культуры и культурной политики современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1(45). С. 19–24.

11. Browning C. S., Joenniemi P. Ontological Security, Self-Articulation and the Securitization of Identity // *Cooperation and Conflict*. 2017. Vol. 52. P. 31–47.
12. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
13. Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 280 p.
14. Luzan V. S. Transformation of the Role of the State Cultural Policy in Contemporary History of Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017. Vol. 10, No. 11. P. 1718–1733.
15. Lv Ch., Kemerova T. A. Comparison of the Cultural Policy of China and Russia in Terms of Socio-Cultural Values // *Наукосфера*. 2021. № 5–1. С. 27–30.

ETHNOSOCIAL IDENTITY IN THE SYSTEM OF MECHANISMS FOR IMPLEMENTING RUSSIA'S CULTURAL POLICY

Abstract. The relevance of the research is determined by the transition from «soft power» strategies to understanding cultural policy as an activity aimed at constructing a semantic and value space in which ethnosocial identity acts as an object, subject, and resource. Based on the dialectical-typological approach and structural-functional analysis, the article shows that cultural policy becomes effective when it appeals to the integrative, orientational, protective, adaptive-regulatory, legitimizing, and mobilizing functions of identity. The thesis is substantiated that the Russian model of cultural policy, enshrined in the Fundamentals of State Cultural Policy (2014) and the Strategy of State National Policy until 2036, integrates ethnocultural diversity into the hierarchy of all-Russian civic identity, thereby ensuring ontological security of the individual and society. Three mechanisms for implementing cultural policy are identified: institutional-legal, discursive-narrative, and educational-translational. It is shown that the identity crisis in the context of digitalization and fragmentation of the cultural space requires a transition from a protective model of cultural policy to a project-semantic one.

Keywords: ethnosocial identity, cultural policy, all-Russian civic identity, implementation mechanisms, ontological security, national security, and cultural diversity.

Сведения об авторах

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Забайкальский государственный университет, e-mail: aglena_72@mail.ru

Калинин Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный университет, e-mail: kalinindn@zabgu.ru

Zakharova Elena Yurievna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Transbaikal State University, e-mail: aglena_72@mail.ru

Kalinin Dmitry Nikolaevich, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Transbaikal State University, e-mail: kalinindn@zabgu.ru

**ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ
ОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

Аннотация. В статье анализируется концепция «единство в многообразии» в качестве фундаментального принципа национальной политики Российской Федерации. С позиций социальной философии исследуются онтологические и аксиологические основания данного принципа, его отражение в стратегических документах государства и эмпирическое подтверждение результатами социологических опросов (ВЦИОМ, 2023–2026 гг.). Особое внимание уделяется роли языка как инструмента консолидации поликультурного общества, а также механизмам формирования позитивной этнической и общероссийской гражданской идентичности. Раскрывается диалектика единства и многообразия, показывается, что успешная национальная политика требует баланса между интегративными процессами и сохранением этнокультурного своеобразия. Проанализирована роль социального ориентира «единство в многообразии», основанного на позитивной этнической идентичности, исторической памяти и общероссийском гражданском самосознании, не только как официальной доктрины, но и реально разделяемой большинством населения ценности, обеспечивающей социальную стабильность и устойчивость перед лицом внешних вызовов.

Ключевые слова: «единство в многообразии», национальная политика, российская нация, этническая идентичность, гражданская идентичность, билингвизм, межэтнические отношения, социальная консолидация, толерантность, языковая политика.

Введение. Современное мировое пространство переживает период глубоких трансформаций. Глобализация, сопровождающаяся унификацией культурных стандартов и нивелированием национальных особенностей, порождает обратную реакцию — рост этнического самосознания, стремление народов сохранить свою уникальность, язык и традиции. В этих условиях проблема построения эффективной национальной политики в полиэтническом государстве приобретает не только теоретическое, но и практическое, жизненно важное значение: «в современном обществе все большее значение приобретает проблема межнациональных и межкультурных отношений. Контакты культур обусловлены увеличением интенсивности экономических, политических, научных, социальных связей, развитием информационно-технических средств» [2, с. 3]. Именно поэтому диалог культур и поиск баланса между интеграцией и сохранением идентичности становятся центральной задачей государственной политики.

Российская Федерация — одна из самых многонациональных стран мира. На её территории проживают представители более 190 народов, каждый из которых обладает своим языком, культурой, религией и исторической памятью. Эта полиэтничность является одновременно и богатством, и вызовом. Богатством — потому что создаёт уникальную палитру культурных смыслов, традиций и картин мира. Вызовом — потому что требует выработки такой модели сосуществования, которая исключала бы как доминирование одной этнической группы над другими, так и сепаратистские тенденции, способные разрушить единое государство и, что особенно важно, проектировало и обеспечивало переход от состояния «сосуществование» к развитию и культурогенезу. Именно поэтому задача национальной политики многоэтнического государства состоит в «построении сбалансированной модели взаимодействий, позволяющей обеспечить этнонациональное равновесие» [2, с. 4].

Концептуальным ответом на этот вызов выступает принцип «единство в многообразии» (лат. «unitas in diversitate»). Этот принцип, имеющий глубокие философские корни, был инкорпорирован в официальную государственную доктрину Российской Федерации и закреплён в Стратегии государственной национальной политики [6]. Однако его декларация сама

по себе не гарантирует социальной стабильности. Необходимо научное осмысление того, как этот принцип работает на практике, каковы его социально-философские основания, механизмы реализации и эмпирические проявления в массовом сознании. Настоящая статья представляет собой попытку такого анализа.

Единство в многообразии как методологический принцип. Социально-философское начало принципа исходит из диалектики общего. Признание и гармонизация многообразия обеспечивает «цветущую сложность» (по терминологии К. Н. Леонтьева), соблюдая право на бесконфликтное взаимодействие в поликультурной среде, сохраняя этнокультурный портрет региона и государства в целом. В применении к национальной политике это означает, что общероссийская гражданская идентичность не должна отменять или подавлять этническую идентичность. Напротив, она должна включать её в себя, придавая ей новое, более широкое измерение.

Примордиальным фактором межэтнического диалога является государственный язык, это не просто средство коммуникации, но «эффективная динамичная система, отражающая особенности гео-, социокультурного мировосприятия, определяющая знание и опосредование эмпирической и трансцендентальной intersубъективности» [2, с. 18]. Иными словами, язык формирует картину мира, задаёт систему ценностей и координат, в рамках которой человек осознаёт себя частью определённого этноса и одновременно — гражданином большого государства.

В поликультурной среде именно язык обеспечивает «интеракционную деятельность» [2, с. 18]. Владение несколькими языками — родным (этническим) и русским как языком межнационального общения — создаёт ту самую билингвальную компетенцию, которая позволяет человеку свободно перемещаться между разными культурными мирами, сохраняя свою идентичность и одновременно понимая другого. Тем самым язык выступает не барьером, а мостом, соединяющим этническое и общероссийское, локальное и глобальное.

Особую теоретическую значимость для осмысления принципа «единства в многообразии» имеет концепция «дружбы народов», разработанная в советский период и переживающая сегодня ренессанс: «Успешный советский опыт построения многонационального государства на основе концепта «дружба народов» демонстрировал возможность и результативность доминирования общечеловеческих фундаментальных ценностей в общем поликультурном социальном пространстве с сохранением традиций и обычаев этногруппы» [1, с. 15]. Отчетливо концепт проявляется в социальном поведении и трансляции интегративного потенциала воюющей России, в формировании боевого братства, нивелирующего межэтническую и межконфессиональную разность в условиях экзистенциальных угроз.

Языковая политика как механизм реализации единства в многообразии.

М. Н. Губогло, выделяет четыре основных периода в истории языковой политики СССР, которые одновременно отражают и общую логику национальной политики:

- 1) плюрализм или языковой федерализм (1917–1930-е гг.);
- 2) развитие национально-русского двуязычия (1930–1950-е гг.);
- 3) монолингвизм (одноязычие) или лингвистическая русификация (1959–1989 гг.);
- 4) языковая демократия (с конца 1980-х гг.) [7, с. 9];

5) современный этап многоязычности с сохранением роли русского языка как языка межнационального общения. Этап характеризуется особым отношением к защите русского языка как государственного, обусловлен нарастающей русофобией на международной арене (с 2022 г. по н. в.).

Первый период характеризовался политикой «коренизации», поддержкой национальных языков и культур, созданием письменности для бесписьменных народов, расцвет этнокультурного многообразия, идеологически подкреплённый принципом права наций на самоопределение. Второй и, особенно, третий периоды ознаменовались усилением роли русского языка как языка межнационального общения: «тенденции монолингвизма в многонациональном государстве явились следствием реализации идеи образования единой исторической общности — советского народа, а также политики размещения производительных сил, вследствие

чего изменился национальный состав населения» [2, с. 11–12]. Русский язык стал не только средством коммуникации, но и инструментом социальной мобильности, доступа к образованию и науке. Однако платой за это стало сужение «жизненного пространства» этнонациональных языков, их вытеснение в семейно-бытовую сферу.

Четвёртый период, начавшийся в эпоху перестройки и распада СССР, принёс новую волну интереса к национальным языкам и культурам. В национальных республиках были приняты законы о государственных языках, начался процесс «ревитализации» этноязыков. Однако этот процесс оказался сложным и противоречивым, особенно в условиях постсоветского экономического кризиса и роста миграции.

Из исторического экскурса можно сделать важный вывод: национальная политика, основанная исключительно на ассимиляции и подавлении многообразия, ведёт к росту этнонационализма и дезинтеграции. Напротив, политика, ориентированная на сохранение и развитие многообразия при сохранении единого интегративного ядра, способствует стабильности. Этот вывод полностью корреспондирует с принципом «единства в многообразии», который фактически представляет собой синтез лучших элементов всех предыдущих этапов: уважение к этноязыкам (как в 1920-е гг.), признание русского языка в качестве общего интегратора (как в 1930–1980-е гг.) и демократические механизмы самоуправления (как в постсоветский период).

Современная российская языковая политика исходит из признания двух взаимодополняющих принципов. С одной стороны, русский язык как государственный и язык межнационального общения выполняет интегрирующую функцию. Он обеспечивает единство правового, экономического и информационного пространства страны. С другой стороны, республики и автономии имеют право устанавливать свои государственные языки, а граждане — право на получение образования на родном языке. Эта бинарная модель и есть «единство в многообразии» в действии.

Задача государства в этих условиях — не принуждать к использованию этноязыков (это нецелесообразно: инструментальная функция языка самостоятельно и естественно определяет объем его присутствия в коммуникативном пространстве человека), а создавать условия для их добровольного сохранения и развития. Важнейшим инструментом здесь выступает билингвальное образование. Такая образовательная система позволяет ребёнку одновременно идентифицировать себя в трёх измерениях: этнокультурном (освоение родного языка и традиций), общероссийском (через русский язык и литературу) и мировом (через изучение иностранных языков).

В современном социально-гуманитарном знании для оценки прогнозного фона межкультурного диалога опираются на несколько индикаторов, среди них: межнациональная терпимость; позитивная этническая идентичность; консолидация перед лицом внешних угроз, вызовов, интегративный потенциал; динамика отношения к мигрантам; отношение к государственному/ым языкам; наличие организованного обучения этноязыкам регионов с высоким уровнем мозаичности.

В условиях нарастания внешней агрессии важно сохранить и приумножить *интегративный потенциал населения России*, ревитализировать принцип единства в многообразии. Согласно данным ВЦИОМ, «большинство россиян (60%) уверены, что многоэтничность делает Россию сильнее» [3]. Уровень позитивной идентичности выражается напрямую на характере межэтнических контактов, что особенно важно в условиях военного конфликта. Интеграция даже в условиях высокой этнической мозаичности является условием стабилизации. «Кроме того, восемь из десяти россиян (79%) положительно оценивают состояние межэтнических отношений в месте проживания. Подавляющее большинство россиян (81%) также не испытывают тревоги или страха по отношению к людям других этнических групп» [3].

Военное противостояние русофобии усилило позиции принципа единства в многообразии и напрямую выразилось в оценке многонационального характера развития страны: «в российском обществе укоренилось представление о многонациональности как о неоспоримом преимуществе (или бесценном даре, как недавно охарактеризовал ее В. В. Путин), делающим нашу

страну сильнее. В контексте сложной геополитической обстановки подобное видение приобретает особую значимость. Многонациональность служит той уникальной чертой, которая обеспечивает адаптивность и устойчивость российского общества к внешним вызовам» [5].

Показательным является изменение отношения к мигрантам. Если в 2017 г. лишь 54% россиян положительно оценивали мигрантов, то к 2023 г. этот показатель вырос до 69%. Это может быть связано как с адаптацией мигрантских сообществ, так и с изменением структуры миграции. В то же время растёт и доля тех, кто выступает за ужесточение миграционной политики (с 28% в 2021 г. до 41% в 2023 г.) [4], что отражает обеспокоенность граждан проблемами, связанными с нелегальной миграцией и этнической преступностью. Однако эта обеспокоенность не трансформируется в тотальную ксенофобию; большинство граждан продолжают разделять принципы гуманизма и добрососедства.

Эмпирические данные, таким образом, подтверждают, что принцип «единства в многообразии» работает: российское общество в массе своей этнически толерантно, гордится своим многонациональным характером и способно к консолидации перед лицом внешних угроз.

Перспективы реализации принципа «единства в многообразии» связаны с дальнейшим совершенствованием законодательства, развитием институтов гражданского общества (национально-культурных автономий), поддержкой этнокультурного образования и просвещения. Важнейшую роль играет медиаэтнология — направление, которое «влияет на валентность этноидентичности, формирует массовое этническое сознание, мобилизует его, регулирует состояние культурной дистанции между этногруппами» [2, с. 20].

Заключение. Проведённый анализ позволяет утверждать, что принцип «единства в многообразии» является не просто декларативным лозунгом, а реально работающим социально-философским основанием национальной политики России. Он опирается на глубинную диалектику общего и особенного, на идею позитивной этнической идентичности, на признание языка как консолидирующей и одновременно культуросохраняющей силы.

Как показывает исторический опыт, крайности — как унификация (монолингвизм, ассимиляция), так и неконтролируемый плюрализм (этносепаратизм) — ведут к дестабилизации. Успешная модель имеет центристский характер и предполагает, с одной стороны, поддержку этнокультурного многообразия, а с другой — формирование общероссийской гражданской идентичности, скреплённой общим языком (русским), общими ценностями (патриотизм, историческая память, социальная справедливость) и общим политико-правовым пространством. Социологические данные последних лет (ВЦИОМ, 2023–2026 гг.) убедительно демонстрируют, что большинство россиян разделяют этот принцип, гордятся многонациональным характером своей страны и настроены на межэтническое сотрудничество. «Единство в многообразии» — важный ресурс сохранения и укрепления практики добрососедства, уважения, диалога и сотрудничества.

Литература

1. Истомина О. Б. Межэтнические отношения и гиперреальность современности: вызовы и перспективы стабилизации // Межэтнические отношения и процессы в современном мире: сборник статей всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки России и Бурятии Владимира Иосифовича Затева (Улан-Удэ, 31 мая 2024 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2024. С. 14–18.
2. Истомина О. Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 288 с.
3. ВЦИОМ. Межнациональные отношения и проблема иммиграции: аналитический обзор. 18 июля 2024. URL: <https://wciom.com/press-release/interethnic-relations-and-immigration-issue> (дата обращения: 04.06.2026).
4. ВЦИОМ. Русские о России: мониторинг общественного мнения. 17 августа 2023. URL: <https://wciom.com/press-release/russians-about-russia> (дата обращения: 04.06.2026).

5. ВЦИОМ. Сила — в единстве! День народного единства и гражданская идентичность. 1 ноября 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sila-v-edinstve> (дата обращения: 04.06.2026).

6. Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г.». 2025. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 04.06.2026).

7. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. Москва, 1998. 816 с.

UNITY IN DIVERSITY AS A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF RUSSIA'S NATIONAL POLICY

Abstract. The article analyzes the concept of «unity in diversity» as a fundamental principle of the national policy of the Russian Federation. From the standpoint of social philosophy, the ontological and axiological foundations of this principle are studied, its reflection in the strategic documents of the state and empirical confirmation by the results of sociological surveys (VTsIOM, 2023–2026). Particular attention is paid to the role of language and bilingualism as in-tools for the consolidation of a multicultural society, as well as the mechanisms for the formation of a positive ethnic and all-Russian civic identity. The dialectic of unity and diversity is revealed, it is shown that a successful national policy requires a balance between integrative processes and the preservation of ethnocultural identity. The role of the social landmark «unity in diversity,» based on positive ethnic identity, historical memory and all-Russian civic identity, not only as an official doctrine, but also a value really shared by the majority of the population, ensures social stability and stability in the face of external challenges, is analyzed.

Keywords: «unity in diversity», national policy, Russian nation, ethnic identity, civic identity, bilingualism, interethnic relations, social consolidation, tolerance, language policy.

Сведения об авторе

Истомина Ольга Борисовна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин, Иркутский государственный университет, e-mail: olgaistomina@mail.ru

Istomina Olga Borisovna, Dr. Sci. (Philos.), Head of Socio-Economic Disciplines Department, Irkutsk State University, e-mail: olgaistomina@mail.ru

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА РАО «ИННОВАЦИОННАЯ
МЕЖПРЕДМЕТНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ФГОС ОО»:
РАЗРАБОТКА СЦЕНАРИЕВ ЭКОКАЛЕНДАРЯ ДЕТСКОГО САДА НА ОСНОВЕ
«ЗЕЛЕНОЙ АКСИОМЫ»**

Аннотация. В статье представлена одна из составляющих работы Федеральной инновационной площадки РАО по теме «Инновационная межпредметная модель организации экологического образования в условиях единого образовательного пространства ФГОС ОО». Функционирование такой площадки основывается на качественном ресурсе Российского сетевого педагогического партнерства «Учимся жить устойчиво в глобальном мире: Экология. Здоровье. Безопасность!». Форпостом реализации проекта выступает межрегиональная проблемно-творческая группа, функционирующая на волонтерских началах по теме «Реализация концепции экологического образования в образовательной организации: разработка сценариев экологического календаря дошкольников на основе “зеленой аксиомы”». В статье представлена мировоззренческая, методическая и организационная сторона работы этой группы на примере межрегионального (Иркутская, Московская, Свердловская, Томская области) проекта по разработке сценариев мероприятий ЭКОкалендаря детского сада на основе «зеленой аксиомы».

Ключевые слова: концепция экологического образования, инновационная площадка, зеленая аксиома.

Межрегиональная проблемно-творческая группа (далее — МПТГ) является тьюторским активом из числа педагогических работников дошкольных образовательных организаций (далее — ДОУ) из разных регионов РФ, функционирующим в структуре Российского сетевого педагогического партнерства «Учимся жить устойчиво в глобальном мире: Экология. Здоровье. Безопасность» (далее — партнерство). Официальный сайт партнерства: <http://partner-unitwin.net/>

МПТГ осуществляет свою деятельность в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в целях развития экологического образования и реализации программ ЮНЕСКО в образовательной сфере, заключенным 23.11.2023 г. между кафедрой ЮНЕСКО, ФГБНУ ИСРО РАО, МГУ и департаментом образования администрации Города Томска. Деятельность осуществляется в соответствии с Концепцией экологического образования в системе общего образования, утвержденной Федеральным учебно-методическим объединением ФГБНУ «ИСРО РАО» от 29.04.2022 г. в рамках реализации плана мероприятий Российского сетевого педагогического партнерства педагогов «Учимся жить устойчиво в глобальном мире: Экология. Здоровье. Безопасность».

Деятельность МПТГ направлена на решение задач профессионального развития педагогических работников системы общего образования и повышение качества образовательных программ и образовательных условий в системе общего образования. МПТГ ориентирована на методическое сопровождение педагогов в вопросах освоения и реализации направлений Концепции экологического образования в условиях реализации ФГОС, ФООП.

МПТГ является частью инновационного сетевого проекта «Инновационная межпредметная модель организации экологического образования в условиях единого образовательного пространства Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования» инновационной площадки Российской академии образования (2024–2027).

Цель проекта — разработать и апробировать инновационную межпредметную модель экологического образования, направленную на формирование основ экологической культуры

обучающихся в условиях единого образовательного пространства, предусмотренного ФГОС и ФООП ДО, НОО, ООО, СОО, ее методическое сопровождение и методическое обеспечение.

В МПТГ входит более 100 педагогов из 11 детских садов города Томска, МАДОУ «Детский сад «Полянка»» п. Мирный, №16 города Зима Иркутской области, № 14 города Екатеринбурга, № 16 структурное подразделение «Детский сад «Сказка»» Щёлковской гимназии № 6 Московской области.

По итогам работы межрегиональной проблемно-творческой группы в 2026 г. разработано пособие со сценариями экологического календаря для дошкольников, как логичное продолжение серии электронных настольных книг для педагогов (серия «Зеленая аксиома») [1–3].

Пособие направлено на практическое освоение педагогами дошкольных образовательных организаций такого серьезного и непростого теоретического документа, как Концепция экологического образования в системе общего образования. В нем экологическая проблематика звучит в контексте экономических и социальных связей, носит социоприродный характер, реализуя сквозные тематические ценностно-мировоззренческие линии экологического образования через все содержание общего образования.

Как разворачивалась эта работа в группе? Начнем с цели. Основной целью была разработка для педагогов сценариев экологического календаря дошкольников на основе «зеленой аксиомы» для их компетентности по включению в мероприятия этнокультурного наследия народов страны на основе биосферосберегающих культурных кодов поведения разных народов и современной науки (знания экологического императива — границ дозволенной природой поведения в окружающей среде, по Н. Н. Моисееву). Конечный продукт: настольная книга для педагога, видеосюжеты об их использовании.

С чего начиналась работа? Во-первых, участники МПТГ много раз прочли Концепцию, отработали сложные теоретические и методологические понятия. Но несмотря на это, вопросы у них еще оставались, особенно в части обновления практики экологического воспитания! Следующий шаг — поиск этнокультурного образа устойчивого развития в сказках народов России. Это было критически важно, потому что такие образы составляют основу сквозных ценностно-мировоззренческих линий содержания экологического воспитания в детском саду, которые соединяют представления о мире с установками поведения! Конструктивный диалог в МПТГ организовывался вокруг следующих содержательных линий:

- общая среда — общая судьба — общая ответственность;
- природа — род — Родина (сбережение культурного и природного наследия народов страны);
- культурное и природное разнообразие на Земле — основа устойчивого развития цивилизации;
- учимся мудрости у природы (Табу природы, принципы природосообразного поведения, биосферосовместимые технологии);
- мера изменения окружающей природной среды и учет дефицитных ресурсов.

У каждого воспитателя есть опыт формирования ценностей «Родина» и «Природа», воспитания бережного и ответственного отношения к природе родного края, родной страны, понимание самоценности природы. Однако в реализуемом проекте знакомые воспитателям ценности получили новое содержание и новое значение. Ключевая новизна: человек не противостоит по своей сущности природе, он — ее часть. ЭКОцентрические установки поведения: природа регулирует необходимое разнообразие; природа регулирует меру потребления; природа задает Табу. Поэтому, чтобы не наделать ошибок, необходимо наблюдать за природой, учиться ее мудрости, уважать ее законы.

Традиционно трактовка самой ценности «Природа» на занятии бывает различной: от красоты и ее значимости в жизни человека до «защитить природу от заводов и загрязнения». Чтобы уйти от такого поверхностного прочтения ценности природы (а значит, и от формирования соответствующих ценностных отношений и установок) участникам группы был предложен одинаковый формат описания опыта использования «зеленой аксиомы» в совместной образовательной деятельности: Тема, цель, задачи из ФОП (их конкретизация с позиции «зе-

ленных аксиом»). Образовательные области. «Зеленая аксиома» (научная формулировка и сказка, представляющая её). Формируемые ценности по программе воспитания. Создание образовательной ситуации. Методика и средства обучения: мультфильм, рассказ воспитателя, показ презентации, игры, работа с мнемотаблицами и т.д. Практическая часть: социальная акция, продукт детской деятельности, проба. Рефлексия: создание образа, символа формируемой ценности на основе «зелёной аксиомы».

Решался участниками МПТГ и такой сложный вопрос, как формирование знание экологического императива (Н.Н. Моисеев), ЭГОцентрического отношения к окружающей среде и опыта реализации в практической деятельности ценностно-смысловой установки поведения! Теоретически это звучит сложно, но и на практике было не легче: как уйти от ЭГОцентрической модели диалога с воспитанниками, в котором ключевые слова — «преобразовать», «помочь», «спасти» по отношению к Природе. В контексте таких слов педагога считывается, что человек-венец природы, высшее её творение, хозяин, от выбора действий которых зависит судьба Планеты.

Как организационно строилась работа МПТГ? Усиливались горизонтальные связи в работе МПТГ за счет привлечённых волонтеров партнерства. Победители Всероссийских конкурсов «Литературные образы устойчивого развития», «Этнокультурные образы устойчивого развития» провели для участников МПТГ консультации о мировоззренческом потенциале содержания художественных произведений, этнокультурных сказок народов России, открывающих для обучающихся идеи устойчивого развития, в том числе идеи целостности окружающего мира, взаимосвязи экологических, социальных и экономических процессов и явлений, необходимости природного и культурного разнообразия, соблюдения меры изменения окружающей среды, учета дефицитных ресурсов, гармонизации развития общества и природы в рамках экологического императива (границ дозволенного ПРИРОДОЙ). Проходило обучение и участников МПТГ. На двух семинарах-практикумах в очном формате в Томске были представлены эффективные приёмы и методы формирования активной субъектной позиции ребенка в его ценностном выборе отношения к природе (окружающей природной среде) со сказкой, с мудростью предков, запечатлёнными в сказках, обрядах, ремёслах и даже в языке. Представлена одна из первых разработок МПТГ Никитиной Ольги Серафимовны, Селиверовой Надежды Викторовны, Дик Ольги Валериевны о Празднике экологического календаря «2 февраля — всемирный день водно-болотных угодий».

Активками детских садов разрабатывались и представлялись на первичную экспертизу: конспекты, отражающие методику формирования активной субъектной позиции в ценностном выборе отношения к природе (окружающей природной среде); мастер-классы экспертов на основе разработанных ими конспектов; сквозные линии экологического воспитания, представленные на Всероссийском методическом семинаре с международным участием «Школа УР — единое образовательное пространство» школы № 25 города Салаира Кемеровской области, в том числе мастер-классы МАДОУ № 38, 94 Томска о практике поэтапного внедрения «зеленой аксиомы» в образовательный процесс.

По итогам экспертизы сценариев проводились консультации в группах, персональные, где проходила совместная доработка сценариев экспертами и авторами: как ресурс повышения профессиональной готовности воспитателя к экологическому образованию; разработка разделов пособия, исходя из содержания сценариев Экокалендаря. Во время реализации всех этапов работы МПТГ развивалось конкурсное движение для детей и педагогов, в котором приняли участие свыше *тысячи* педагогов с обширной географией: Томск — Рязань — Ульяновск — Екатеринбург — Ижевск — Республика Бурятия — ДНР и другие.

Нужно отметить, что актив (эксперты) МПТГ работал как по методике формирования активной субъектной позиции в ценностном выборе отношения к природе (окружающей природной среде), так и по организации сквозного экологического воспитания в детском саду на основе «зеленой аксиомы» как этнокультурного и литературного образов устойчивого развития. Так, детский сад № 38 Томска как базовая площадка ФИП сформировал авторский подход к формированию ценностно-мировоззренческой основы экологического воспитания до-

школьников через призму этнокультурного наследия, разработал механизм координации деятельности всех специалистов детского сада на основе единой смысловой ценностно-мировоззренческой линии «сбережение природного и культурного наследия». Основой интегративной образовательной среды детского сада стала ценностно-смысловая установка средосберегающего поведения, реализованная посредством метафорического образа «Огня-Камня» из мансийской сказки. Более того, актив описал этапы включения метафоры (смыслопорождающих образов) в образовательный процесс, методы и приемы формирования экологических ценностей на примере календарно-тематического планирования.

Методика формирования активной субъектной позиции в ценностном выборе отношения к природе строится на «зеленой аксиоме» как одном из ключевых образов единицы аспектного содержания, имеющую достаточную степень интегрированности, многослойности и метафоричности, соединяющую познание, переживание и практику, а значит, деятельностный, информационный и ценностный компоненты. Она задает ценностно-мировоззренческую призму оценки способов действия; предусматривает диалог, полилог, полипозиционирование (Е. Н. Дзятковская). «Зеленая аксиома» в данной методике рассматривается как дидактическая метафора, специально используемая в дидактических целях для смысловой сшивки (интеграции) учебного материала разных предметов (образовательных областей, составных частей образовательного процесса), для формирования ценностей, ценностных отношений и ценностных установок к окружающей среде, природе (экологической культуры).

В завершении всей работы МПТГ был проведен Фестиваль «Экологический календарь: воспитание экологической культуры в год ДО», который включал в себя интеллектуальную квиз-игру, девиз которой: «Сила народов — в единстве с Природой».

Значимость работы МПТГ «Реализация концепции экологического образования в системе общего образования: разработка сценариев ЭКОкалендаря детского сада на основе “зеленой аксиомы”» переоценить невозможно, потому что именно в ходе многоэтапной подготовки сценария занятия происходит погружение в значения идей устойчивого развития, в методику формирования активной субъектной позиции в ценностном выборе отношения к природе, основанной на «зеленой аксиоме», на трансформации сказки в «зеленую аксиому», этнокультурный метафорический образ устойчивого развития, подаренный нам предками, на освоении культурного кода биосферосберегающего поведения.

В пособии, разработанном МПТГ, есть три раздела, самый перспективный — третий. В первом разделе, по мнению экспертов, авторам удалось решить поставленные задачи. Во втором — то, что глубокоуважаемые авторы создавали в соавторстве и были сопровождаемы в разработке экспертами. А третья часть — это наш с Вами задел на следующий год работы МПТГ! Дорогие читатели, разрабатывайте эти занятия третьего раздела в соавторстве и присылайте / vega.pustovalova@yandex.ru.

Мы приглашаем Вас к совместному поиску путей преодоления фрагментарности предметных знаний, экологического воспитания за счет сквозных тематических линий, «зеленых аксиом», отражающих идеи устойчивого развития страны, семьи, личности обучающегося.

Исследователи МПТГ:

1. Ледяева Л. Н., Вагина Т. С., Хугаева Л. Ю., Петрова А. В., Григорьева Е. Б. МАДОУ № 94, г. Томск.

2. Селиверова Н. В., Никитина О. С., Родионова О. Н., Дик О. В., Иванова И. В., Лутай М. И., Болдакова Е. В., Киушкина К. Н. МАДОУ № 38, г. Томск.

3. Таюкина Н. С., Беридзе Е. В., Бакулева Р. Н., Крылова Н. В., Савинова А. Н., Семенова Е. А., Серебренникова Е. А. МАДОУ № 57, г. Томск.

4. Степанова А. В., Прошутинская И. В., Мягих С. С., Булгакова Н. А., Иванникова Е. В., Позднякова О. А., Сергиенко М. А., Щедрина О. Н., Балыбердиных Н. А., Гафурова Т. Б., Аникеева Ю. О. МАДОУ № 76, г. Томск.

5. Корнева Н. В., Невзорова Т. Т., Любимова И. В., Яшина Н. А., Убиенных Е. Е. МАДОУ № 46, г. Томск.

6. Бабич И. С., Белоусова Е. М., Козырева Т. И., Жукова Е. А., Солонина А. В., Исмагилова Н. Н., Зайцева И. В. МАДОУ «Детский сад “Полянка”» п. Мирный, Томский район.
7. Жищенко О. В. МАДОУ № 73, г. Томск.
8. Костова М. А., Грушецкая Л. А., Маланова Л. В., Чумаченко Ю. А. МАДОУ № 104, г. Томск.
9. Горбач Л. А., Григорьевич Е. А. МАДОУ № 51, г. Томск.
10. Смышляева М. Ю., Прокопьева Л. М. МКДОУ «Детский сад № 16», г. Зима, Иркутская область.
11. Щербакова Н. И. МАОУ «Щёлковская гимназия № 6» городского округа Щёлково, структурное подразделение «Детский сад “Сказка”».
12. Замураева М. В., Атаманова К. Ю., Кочетова С. В. МАДОУ «Детский сад № 14», Свердловская область, г. Екатеринбург.
13. Антипова О. В., Малькова Ж. В. МАДОУ № 77, г. Томск.
14. Забарина Е. С., Лучишина О. О., Кузьменок Е. В., Соловьева Е. В., Матвиенко О. Н., Праслова О. В., Мягкова Л. З., Петрова О. С., Швагрукова Д. А., Стальмакова И. П. МАДОУ № 33, г. Томск.
15. Сальникова О. А., Драмарецкая А. А. МАДОУ № 54, г. Томск.

Литература

1. Осваиваем концепцию экологического образования в играх и ребусах (электронная настольная книга для педагога). Сер. «Зеленая аксиома» / под ред. В. В. Пустоваловой, О. А. Осиловой. Москва: Перо, 2023. 52,7 Мб.
2. Реализация Концепции экологического образования в системе общего образования: от теории к практике: учебно-методическое пособие / под ред. Е. Н. Дзятковской, В. В. Пустоваловой. Москва: Перо, 2024.
3. Этнокультурные и литературные образы устойчивого развития: учебно-методическое пособие для учителя / под ред. Е. Н. Дзятковской, В. В. Пустоваловой // Материалы всероссийского конкурса методических материалов для системы общего образования «Этнокультурные образы в экологическом образовании для устойчивого развития». Сер. «Зеленая аксиома». Москва: Перо, 2025.

FEDERAL INNOVATION PLATFORM OF RAO «INNOVATIVE INTERDISCIPLINARY MODEL OF ORGANIZING ECOLOGICAL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF A UNIFIED EDUCATIONAL SPACE OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD»: MPTG «IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF ECOLOGICAL EDUCATION IN THE GENERAL EDUCATION SYSTEM: DEVELOPMENT OF SCENARIOS OF A KINDERGARTEN ECO-CALENDAR BASED ON THE «GREEN AXIOM»

Abstract. This article presents one component of the work of the Federal Innovation Platform of the Russian Academy of Education on the topic «An Innovative Interdisciplinary Model for Organizing Environmental Education in the Context of the Unified Educational Space of the Federal State Educational Standard of General Education». This platform is unique in that it is network-based and draws on the high-quality resources of the Russian Network Pedagogical Partnership «Learning to Live Sustainably in a Global World: Ecology. Health. Safety!» The organizational model of the interregional problem-based creative group «Implementing the Concept of Environmental Education in the General Education System: Developing Scenarios for an ECOcalendar for kindergartens based on the 'green axiom» is disclosed. The group included representatives from the Irkutsk, Moscow, Sverdlovsk, and Tomsk regions. A manual based on the results of the work of the interregional problem-based creative group «Implementing the Concept of Environmental Education in an Educational Organization: Developing Scenarios for an Environmental Calendar for Preschoolers Based on the 'Green Axiom» is presented.

Keywords: Environmental education concept, innovation platform, green axiom, partnership.

Сведения об авторе

Пустовалова Вера Вадимовна, кандидат педагогических наук, директор, Информационно-методический центр г. Томска, e-mail: vega.pustovalova@yandex.ru

Pustovalova Vega Vadimovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Director, Municipal Autonomous Institution Information and Methodological Center of the City of Tomsk, e-mail: vega.pustovalova@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ КРИЗИСА ЦЕННОСТЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды классиков философии на природу образования в контексте ценностного кризиса. На основе анализа социально-философских взглядов Сократа, софистов, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, М. Вебера и других мыслителей выявляются различные стратегии понимания образования в условиях трансформации ценностных оснований в обществе. Показано, что классическая философская традиция предлагает разные варианты ответов на вызовы кризиса: от сократического утверждения вечных ценностей через познание самого себя до веберовского понимания ценностей как фундамента социального конструирования реальности. В заключении делается вывод об актуальности и огромном потенциале социально-философских идей представленных мыслителей для решения современных аксиологических проблем образования.

Ключевые слова: аксиология образования, общество, ценностный кризис, социальная философия, традиционные ценности, трансформация.

Современный кризис образования, который проявляется в разрыве между технической и гуманитарной составляющей, в утрате ценностных ориентиров, не является чем-то совершенно новым. История развития общества знает периоды больших ценностных сдвигов, и мыслители всегда отвечали на вызовы своего времени глубокими идеями и фундаментальными концепциями. Обращение к классическому философскому наследию в осмыслении образования является тем ресурсом, который помогает сегодня раскрыть глубину проблем, выявить альтернативные модели понимания образования, его цели и функции в обществе, переживаемом трансформацию ценностных оснований.

В данной статье мы попытаемся выявить основные идеи классиков философии относительно образования в условиях ценностных кризисов, а также показать значение их взглядов для современной аксиологии образования. Как известно, Древняя Греция V–IV вв. до н.э. представляла собой общество, также переживающее ценностный кризис и трансформации. Данный исторический период отмечен разрушением традиционных аристократических ценностей, развитием демократии, появлением новых социальных запросов общества. Именно в это время формируются две альтернативные парадигмы образования, представленные софистами и философией Сократа. Так, софисты, стали основателями массового (общего) образования, основанного на принципах рационализма и скептицизма. Софисты первыми сделали образование доступным за плату, а также ориентировали образование на практические потребности. А. И. Марру называет это «педагогической революцией», отмечая, что «софисты открыли и наметили ряд педагогических тенденций» [7]. Философия софистов носила релятивистский характер. Их образование ориентировало подопечных на успех, на умение убеждать, оно было направлено на формирование универсальных навыков и на практическую эффективность. Поэтому их подход к теории ценностей можно назвать критическим, релятивистским.

Принципиально иные взгляды на образование развивал Сократ, чья теория была ответом на тот же ценностный кризис современного ему греческого общества. Его педагогические идеи ориентированы на восстановление связи образования с вечными ценностями истины, добра и красоты. По словам А. М. Краснопольской, «принципиальное отличие пайдеи Сократа от пайдеи софистов заключалась в том, что последние выносят за скобки морализаторские и идеалистические моменты образования. Сократ же вносит в педагогику этический момент» [6]. «Забота о душе» Сократа это фундаментально иная образовательная парадигма. По Сократу, истинное знание не может быть просто передано — оно должно родиться в са-

мом человеке. Его метод майевтики предполагает, что учитель не предлагает готовую истину, но с помощью беседы, правильно построенных вопросов помогает ученику обнаружить ее в себе. И это уже принципиально иная аксиология: ценности не постулируются, не выбираются произвольно, а обнаруживаются в процессе самопознания. Более того, по представлениям Сократа, ценности представляют собой строгую иерархию, где духовные блага стоят на первом месте, телесные на втором, а внешние, например, власть или собственность — находятся на последнем месте. Поэтому образование — это не обучение практическим навыкам, а приобщение к благу через познание самого себя.

В философии Нового времени формируется аксиологическая проблематика, до настоящего времени определяющая образовательные практики. Так, в статье В. К. Батурина «Философия аксиологии образования» отмечается, что «ценности нашего XX в. — это по-прежнему ценности именно XVI–XVII вв. Однако, именно в этом долголетии новоевропейских ценностей многие ученые сегодня видят главную причину общесистемного цивилизационного кризиса мира» [2].

Ярко выраженный антропоцентризм эпохи Нового времени неизбежно начинает влиять на образование и его цели. Оно перестаёт быть приобщением к высшим ценностям — античному Космосу, средневековому Богу, а становится средством человеческого самоутверждения. Новое время провозглашает лозунг: «Знание — сила!» Сам человек становится всеобщей точкой отсчёта, а мир превращается в рациональную картину.

Важное место в классической философии образования занимает Ж-Ж. Руссо, чьи идеи оказывают влияние и на современные педагогические дискуссии. Так, по утверждению Ф. К. Беллами, именно идеи Руссо лежат в основе современных либеральных реформ образования, которые ориентируют на «освобождение» ребенка от культурного наследия. Идеал «естественного человека» Руссо предполагал, что, если ребенка освободить от навязанных знаний и социальных ролей, то он вырастет незнущим, невинным и счастливым. Однако, провозгласив свободу ребенка от культурных наслоений, мы можем толкнуть его в другую крайность — к зависимости от сиюминутных желаний в отсутствие опоры в традициях. Беллами приходит к выводу, что «данная ученикам безграничная свобода как раз и повергает их в хаос и скуку. Напротив, приобщение к чему-то великому, интересному создает подлинную образовательную ситуацию» [5].

Ф. Ницше также стоит в ряду философов, осмыслявших образование в контексте ценностного кризиса. Природу самого кризиса Ницше выразил в афоризме «Бог умер». Для мыслителя это не столько радость освобождения, сколько масштабная проблема: уходят прежние горизонты, рушатся традиционные ориентиры, мир перестаёт быть понятным и упорядоченным. Как представитель философии жизни, Ницше выступает с критикой как традиционного, так и просвещенческого образования. Для Ницше кризис образования — это не временное затруднение, а проявление масштабного кризиса европейской культуры, утратившей опору в трансцендентных ценностях. Прежние основания образования уже не работают. Требуется не возврат к традиции, не упор на просвещенческий оптимизм и веру в прогресс, а нужна переоценка всех ценностей и утверждение новых жизненных оснований культуры [8].

Ницшеанская критика образования сохраняет актуальность и в наши дни в контексте современных дискуссий о «цифровом поколении», «клиповом мышлении», утрате способности к глубокому восприятию культуры. Его хлесткая метафора «образованный филистер», которой он называл самодовольного обывателя, нахватавшегося мертвых знаний, но мнящего себя творцом и носителем высокой культуры, будучи на самом деле полной ее противоположностью, как никогда звучит пророчески в нашу современную эпоху массового образования, ориентированного на утилитарные цели.

XX в. привнес новое понимание роли ценностей в образовании. В этой связи большое значение имели труды М. Вебера и представителей баденской школы неокантианства. Работы М. Вебера привели к выводу, что первичны в образовании именно ценностные изменения, а все другие, в том числе экономические, политические, институциональные — вторичны,

зависимы от ценностных изменений, происходящих в обществе. Кризис ценностей в трудах Вебера был связан с «расколдованием мира», когда религиозная картина мира перестала быть единственной легитимной формой. В результате исчезла телеологическая определенность, когда человек больше не знает, ради какой высшей цели он живет, а вокруг появился целый плюрализм ценностных систем. В таких условиях, по мнению Вебера, образование должно быть аксиологически нейтральным по форме, но предельно ценностно нагруженным по внутреннему содержанию [3; 4].

Г. Риккерт, один из основателей баденской школы неокантианства, сформулировал в своих работах важную идею: «Главная ошибка человеческого отношения к миру в том, что используемое понятие о мире слишком узко, не выходит за пределы действительного бытия, являющегося лишь малой частью мира, который включает еще и ценностные начала человека. Понять мир — значит найти способ соединения действительности и ценностей». И этот вывод имеет прямое отношение к образованию, которое не может просто ограничиваться передачей знаний о мире, а должно приобщать к ценностям [9].

Далее, эта мысль нашла продолжение в концепции «аксиологического конструктивизма» французских социологов А. Турена и Ж. Баландые. По мысли Турена, «кризисное состояние общества чревато социальными потрясениями и разрушительными деформациями, и в этих условиях крайне важно защитить, адаптировать, сохранить и развить те элементы, ценности социальной системы, которые называют коллективным поведением». Образование здесь понимается как практика сознательного конструирования социальной реальности на основе ценностного выбора. Сам субъект становится творцом ценностей. Для Турена кризис ценностей — это не тупик, а шанс для субъекта. В обществе, в котором нет высшей инстанции, сам человек становится источником ценностей. Образование в таких условиях не должно транслировать истины, а должно вооружать учащегося способностями к социальному действию и рефлексии. Университет, по мысли Турена, должен стать площадкой для столкновения различных ценностных проектов (экологических, феминистских и др.) [11].

Ж. Баландые, изучая африканские общества в ситуации постколониальной трансформации, приходит к выводу, что ценности амбивалентны и ситуативны. Применительно к образованию это означает, что нельзя пытаться привить какую-либо неизменную систему норм. Напротив, педагог должен работать с неопределенностью, учить находить баланс между «порядком» (традицией, правилами) и «хаосом» (новизной, критикой) [1].

Таким образом, обращение к классикам философии позволяет сделать вывод, что современные аксиологические вызовы образования не являются чем-то принципиально новым. Так, полемика между сократической и софистической парадигмами проявляется сегодня, к примеру, в спорах о целях образования, о соотношении знаний и ценностей, о воспитательной функции в школах. В наших современных условиях, когда технократическая парадигма стремится свести образование к накоплению и передаче информации и формированию профессиональных компетенций, сократическая традиция напоминает о том, что образование человека нельзя сводить только к развитию полезных функций. Необходимо найти гармонию и баланс между технократической и гуманитарной моделями образования.

Критика Ф. Ницше может предостеречь нас от упрощенного взгляда на решение проблем образования. Механический возврат к традиции невозможен, но и безоглядное отрицание традиции не приведет ни к чему хорошему. Свобода и развитие в образовании должно реализовываться не через отказ от культурного наследия, а через его творческое освоение.

По Веберу, наука и образование не могут разрешить конфликт ценностей. Задача образования здесь — не дать готовую иерархию ценностей учащемуся, а научить его отдавать себе отчет в том, какой «бог» им правит и нести ответственность за свой выбор. Макс Вебер утверждает, что нельзя навязывать ценности, но не объясняет, как можно конструктивно работать с ценностным конфликтом в педагогической практике. Дальнейший шаг делают уже более поздние мыслители, представители аксиологического конструктивизма, которые придут к выводу, что образование в эпоху кризиса ценностей — это не трансляция готовых смыслов, а создание условий для их ответственного, рефлексивного и творческого рождения.

Таким образом, классическая социально-философская мысль дает широкие возможности для осмысления современных аксиологических вызовов образования и обладает большим эвристическим потенциалом в их решении.

Литература

1. Баландые Ж. Политическая антропология. Москва: Научный мир, 2001. 204 с.
2. Батулин В. К. Философия аксиологии образования. Ч. 2. От истоков духовности к будущему // Финансовый университет при Правительстве РФ. 2012. № 9. С.30–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17939259> (дата обращения: 28.05.2026).
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990.
4. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990.
5. Зайцева Ю. Франсуа-Ксавье Беллами: отвергая культуру, мы предаем нашу человечность // Благовест-Инфо. 10 июня, 2016. URL: <https://sib-catholic.ru/fransua-ksave-bellami-otvergaya-kul/> (дата обращения: 25.05.2026).
6. Краснопольская А. М. Софистика и педагогика // Противоречие и дискурс. Москва: Изд-во РАН, 2005. С. 157–169. URL: https://iphras.ru/elib/Prot_discurs_10.html (дата обращения: 01.06.2026).
7. Марру А.-И. История воспитания в античности. Москва, 1998. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/istoriya_vospitaniya.pdf (дата обращения: 25.05.2026).
8. Ницше Ф. Веселая наука. Москва: Азбука-классика, 2007.
9. Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с. URL: https://togudv.ru/media/filer_public/2013/04/17/newest_philosophical_dictionary.pdf (дата обращения: 02.06.2026).
10. Руссо Ж. Ж. Эмиль или о воспитании. Санкт-Петербург, 1907.
11. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Москва: Научный мир, 1998.

EDUCATION IN THE ERA OF VALUE CRISIS: A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. This article examines the views of classical philosophers on the nature of education in the context of value crises. Based on an analysis of the socio-philosophical views of Socrates, the Sophists, Jean-Jacques Rousseau, Friedrich Nietzsche, Max Weber, and other thinkers, various strategies for understanding education in the context of the transformation of value foundations in society are identified. It is shown that the classical philosophical tradition offers various responses to the challenges of the crisis: from the Socratic affirmation of eternal values through self-knowledge to Weber's understanding of values as the foundation of the social construction of reality. The conclusion highlights the relevance and enormous potential of the socio-philosophical ideas presented by the presented thinkers for addressing contemporary axiological problems in education.

Keywords: axiology of education, society, value crisis, social philosophy, traditional values, transformation.

Сведения об авторе

Жапова Наталья Амогалановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: tumann479@mail.ru

Zhapova Natalia Amogalanovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy at the Oriental Institute of the Banzarov Buryat State University, e-mail: tumann479@mail.ru

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНЧЕСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА
В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье анализируется управленческий потенциал студенческого волонтерства как ключевого ресурса социокультурного развития современного общества. Актуальность исследования обусловлена трансформацией добровольческой деятельности из стихийных практик в структурированный институт государственной культурной политики. Выявлены системные проблемы, сдерживающие реализацию потенциала: мотивационная неоднородность обучающихся, включая «кризис третьего курса», институциональная фрагментарность и дефицит механизмов признания заслуг волонтеров. Методологической основой выступила концепция оснований науки В. С. Стёпина. На основе мониторинга платформы «Добро.рф» и социологических данных разработана региональная модель управления, включающая целевой, содержательно-деятельностный, организационно-управленческий и диагностико-оценочный блоки. Обосновано, что ключевым условием эффективности модели является принцип субъектности студента-волонтера в рамках постнеклассической рациональности. Результаты исследования демонстрируют возможность трансформации социальной активности в устойчивый ресурс развития регионов посредством системной нормативно-организационной поддержки.

Ключевые слова: студенческое волонтерство, управленческий потенциал, социокультурное развитие, региональная модель управления, государственная культурная политика, мотивация студентов, субъектность волонтера, основания науки.

Современная социокультурная динамика интегрирует студенческое волонтерство в систему государственной культурной политики. Несмотря на это, реализация потенциала сдерживается фрагментарностью управления, мотивационным спадом у студентов старших курсов и слабой координацией ведомств. Согласно Стратегии–2030, добровольчество трансформируется из вспомогательной активности в стратегический ресурс социокультурного развития, требующий системной нормативной поддержки [4].

Анализ управленческого потенциала студенческого волонтерства требует обращения к основаниям социального управления как научной дисциплины. Согласно концепции В. С. Стёпина, любое исследование опирается на три взаимосвязанных компонента: идеалы и нормы познания, научную картину мира и философские основания.

Идеалы и нормы: требование системности, воспроизводимости управленческих практик, этическая ответственность перед участниками волонтерской деятельности. Научная картина мира: представление о волонтерстве как о социокультурном феномене, интегрированном в региональную систему образования и молодежной политики. Философские основания: аксиологический подход, рассматривающий волонтерство не только как ресурс, но и как форму ценностно-ориентированной социальной практики [3].

Мониторинг статистических показателей федеральной платформы «Добро.рф» по Республике Бурятия позволяет констатировать, что в 2026 г. работа с детской и молодежной аудиторией сохраняет статус приоритетного вектора приложения управленческого потенциала студенческого волонтерства. Данный факт подтверждает конгруэнтность ценностно-смысловых ориентаций студенчества целевым установкам государственной культурной политики и служит методологическим обоснованием для включения волонтерских технологий в механизмы регулирования социокультурных процессов [1].

Эффективность управления волонтерством ограничивается системными барьерами: мотивационным спадом студентов к старшим курсам, разрозненностью ведомственных усилий, ведущей к дублированию функций, и отсутствием механизмов интеграции волонтерского

опыта в образовательный процесс [2]. На базе выявленных закономерностей функционирования студенческого волонтерства концептуализирована региональная модель управления, состоящая из четырех интегрированных элементов, целевого, деятельностного, организационного и диагностического. Их взаимодействие обеспечивает целостность системы, объединяя стратегические задачи, методы работы, механизмы координации и оценку результатов. Ключевым условием эффективности модели признан принцип субъектности, соответствующий постнеклассической рациональности, где студент выступает активным соавтором социальных изменений, а не объектом управления. Ключевым условием эффективности модели признан принцип субъектности, соответствующий постнеклассической рациональности, где студент выступает активным соавтором социальных изменений, а не объектом управления.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что полноценная реализация управленческого потенциала студенческого волонтерства возможна лишь при условии его системной организации, базирующейся на четких методологических основаниях и учитывающей региональную специфику. Разработанная четырехблочная модель управления выступает инструментом трансформации стихийной социальной активности в устойчивый ресурс социокультурного развития общества.

Литература

1. Аналитика волонтерской деятельности: статистические данные платформы «Добро.рф». URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source=dobroru&utm_medium=page_menu&utm_campaign=analytics (дата обращения: 13.03.2026).
2. Проказина Н. В. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56.
3. Розин В. М. От концепции техногенной цивилизации к концепциям посткультуры и культуuroобразной техники // Культура и искусство. 2020. № 8. С. 34–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kontseptsii-tehnogennoy-tsivilizatsii-k-kontseptsiiyam-postkultury-i-kulturosoobraznoy-tehniki> (дата обращения: 13.03.2026).
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.: утв. распоряжением правительства РФ от 29.02.2016 № 326-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

THE MANAGEMENT POTENTIAL OF STUDENT VOLUNTEERING IN THE SYSTEM OF SOCIETY'S SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT

Abstract. The article analyzes the management potential of student volunteering as a key resource for the sociocultural development of modern society. The relevance of the study is determined by the transformation of voluntary activities from spontaneous practices into a structured institution of state cultural policy. Systemic problems hindering the realization of this potential are identified: motivational heterogeneity among students, including the «third-year crisis», institutional fragmentation, and a deficit of mechanisms for recognizing volunteers' contributions. The methodological foundation of the study is V. S. Stepin's concept of the foundations of science. Based on monitoring data from the Dobro.rf platform and sociological research, a regional management model has been developed, comprising four integrated components: target, content-activity, organizational-management, and diagnostic-evaluation blocks. It is substantiated that the key condition for the model's effectiveness is the principle of student-volunteer subjectivity within the framework of post-nonclassical rationality. The research results demonstrate the possibility of transforming social activity into a sustainable resource for regional development through systematic normative and organizational support.

Keywords: student volunteering, management potential, sociocultural development, regional management model, state cultural policy, student motivation, volunteer subjectivity, foundations of science.

Сведения об авторе

Коротков Ефим Сергеевич, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: korotkov.efimkorotkov@yandex.ru

Korotkov Efim Sergeevich, postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: korotkov.efimkorotkov@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТУРИЗМА КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние государственной политики на сохранение традиционных ценностей в России. Автор приходит к выводу, что прямое навязывание ценностей через приказы и декларации малоэффективно. Гораздо важнее создавать условия — туристические маршруты, музеи, экскурсии, праздники, в которых человек сам проживает ценность, а не просто слышит о ней. В туризме это работает через три механизма: эмоциональное переживание места, телесное участие в традиционных практиках и продуманное сопровождение (рассказ гида, экспозиция музея). В статье также показано, что государство может использовать такие инструменты, как национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», «Императорский маршрут», этнографические парки. Однако здесь возникает главная проблема: как только традицию начинают активно продавать туристам, она рискует превратиться в пустой спектакль. Поэтому управление туризмом должно быть осторожным и бережным, чтобы традиционные ценности оставались живыми, а не становились просто аттракционом.

Ключевые слова: традиционные ценности, государственная политика, туризм, ценностное воспитание, коммерциализация традиции, подлинность, Россия.

В современной России проблематика традиционных ценностей приобрела статус государственного приоритета. Стратегия национальной безопасности, указы Президента и документы в сфере культуры фиксируют необходимость защиты и трансляции духовно-нравственных ориентиров, составляющих цивилизационную идентичность страны. Однако одних административных мер и официальных деклараций для сохранения традиционных ценностей недостаточно, требуются практики, в которых эти ценности переживаются, усваиваются и передаются.

Именно здесь туризм обнаруживает свой широкий потенциал. Перестав быть только рекреационной или экономической деятельностью, он превращается в социально-философский феномен: пространство символического обмена, встречи с «другим» и одновременно возвращения к «своему». Отсюда вытекает необходимость выявить социально-философские основания, позволяющие рассматривать государственное управление туризмом как фактор сохранения традиционных ценностей в современной России.

Прежде чем анализировать политику в сфере туризма, необходимо прояснить, что в социально-философском ключе понимается под «традиционными ценностями» и в каком смысле они могут быть объектом управления. В понимании Э. Берка, ценности предстают как органически сложившиеся, укорененные в обычае, религии и историческом опыте, а потому не подлежат произвольной рациональной реконструкции властей. Государство при таком подходе может лишь охранять и поддерживать сложившийся порядок, но не конструировать ценности заново. Напротив, П. Бергер, Т. Лукман, подчеркивают, что ценности являются продуктом социального взаимодействия, дискурса и институциональных практик [1, с. 89–92]. Они не даны раз и навсегда, а постоянно воспроизводятся и могут направляться политическими субъектами, в том числе через систему образования, медиа и культурную политику.

Российская политика демонстрирует синтез этих установок. С одной стороны, официальные документы, например, Указ Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», исходит из объективности и незыблемости этих ценностей (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, и др.) [6, с. 5]. С другой — сама фиксация ценностей в нормативных актах и создание механизмов их трансляции означает

признание их системной управляемости. Возникает противоречие: если ценность есть внутреннее убеждение, свободно принятое личностью, то любое «управление» ценностями рискует обернуться либо манипуляцией, либо симулякром, однако социальная философия предлагает выход: управление возможно не через прямое предписание, а через организацию средовых условий, в которых ценности становятся естественным элементом жизненного мира. Государство не «внедряет» ценности, а создает инфраструктуру для их переживания — музеи, маршруты, событийные мероприятия, образовательные программы в туризме. В этом смысле туризм выступает именно такой средой, где ценность не декларируется, а «проживается» через встречу с местом. Следовательно, традиционные ценности могут быть объектом государственного управления опосредованно — через практики, подобные туризму, которые формируют ценностно-насыщенный опыт. При этом долгое время туризм понимался совершенно иначе — лишь как форма досуга и индустрия услуг. Все же во второй половине XX в. намечается серьезный теоретический поворот. Д. Макканнелл предлагает понимать туриста не как пассивного потребителя, а как «искателя подлинности», стремящегося вырваться из отчужденной повседневности мира [3, с. 45–47]. С этой точки зрения, туризм перестает быть простым перемещением в пространстве и превращается в экзистенциальную практику встречи: с другим, с прошлым, а в конечном счете с самим собой. Именно данная особенность превращает туризм в исключительно эффективный канал трансляции традиционных ценностей. В отличие от школьного урока или официальной декларации, туристический опыт не информирует, а погружает.

В туризме ценность не заучивается, а переживается телесно и эмоционально. Например, в паломническом туризме путь к святыне актуализирует такие ценности, как духовность, смирение, соборность, причем не через наставление, а через физическое усилие и совместное движение. Историко-патриотические маршруты (например, по местам воинской славы) включают механизм эмоциональной идентификации с «детьми Отечества» через ритуалы возложения, минуту молчания, рассказ экскурсовода. Сельский и этнографический туризм воспроизводят ценности крепкой семьи, общинной взаимопомощи и созидательного труда: гость не наблюдает традицию со стороны, а участвует в ремесле, обряде, совместной трапезе. Опираясь на эти примеры, можно выделить три универсальных механизма ценностного воспитания в туризме. Во-первых, эмоциональное переживание места. Во-вторых, телесное участие в практике: ручной труд или ритуальное действие переводит ценность из отвлеченной идеи в личный опыт. В-третьих, повествовательное сопровождение: экскурсия, экспозиция, аудиогид создают интерпретационный контекст, без которого место воспринимается лишь как физический ландшафт. Государство, управляя туризмом, не может диктовать личное переживание, но оно в состоянии лицензировать экскурсоводов, субсидировать тематические маршруты, поддерживать музеи. Иными словами, власть задает смысловую рамку, внутри которой у гражданина возникает шанс на подлинную ценностную встречу. Именно эта опосредованная, средовая форма управления оказывается наиболее адекватной природе традиционных ценностей, которые, «неявны» и передаются скорее через пример и совместное действие, чем через инструкцию.

Признавая туризм практикой, в которой ценность переживается, а не декларируется, ставится вопрос об инструментах, с помощью которых государство может направлять эту практику на сохранение традиционных ценностей, не разрушая ее спонтанности и подлинности. На уровне национальных проектов ключевым инструментом выступает проект «Туризм и индустрия гостеприимства», в рамках которого финансируются не только объекты размещения, но и создание туристско-рекреационных кластеров с явной ценностной нагрузкой [5, с. 26–28]. Показательным примером служит «Императорский маршрут», связывающий места, связанные с династией Романовых [5, с. 27]. Здесь государство не просто создает инфраструктуру, но инициирует производство исторического сопровождения, подготовку гидов, реставрацию памятников, которые в совокупности формируют патриотическую и гражданскую идентичность. Аналогичным образом проекты на территориях традиционного бытования (например, этнографические парки в местах компактного проживания старообрядцев или

коренных народов) создают инфраструктуру для проживания ценностей общинности, взаимопомощи и преемственности поколений. Однако именно здесь выявляется центральное противоречие государственной политики в сфере туризма: между коммерциализацией традиции и необходимостью сохранения ее подлинности. Любой туристский объект, чтобы быть экономически эффективным, должен масштабироваться и стандартизироваться. Но традиционная ценность, по определению, укоренена в локальном, неповторимом контексте и как только обряд начинает показываться трижды в день за плату, он рискует превратиться в симулякр — пустую форму без живого верования. Государство вынуждено балансировать между экономической эффективностью (привлечение турпотока, окупаемость) и «символической чистотой» традиции, это означает, что управление туризмом требует постоянной рефлексии о границах допустимой стандартизации сакрального и традиционного.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что государственная политика в сфере туризма может выступать действенным механизмом сохранения традиционных ценностей, однако не в режиме прямого административного навязывания, а опосредованно — через организацию пространственно-событийной среды. Туризм в этом контексте перестает быть сугубо рекреационной или экономической деятельностью: он превращается в практику, где ценность не декларируется, а переживается телесно, эмоционально и через историческое сопровождение. Государство, управляя туристскими маршрутами, кластерами, лицензированием и субсидированием, задает «смысловую рамку» [2, с. 102–105], внутри которой у индивида возникает возможность подлинной встречи с традицией.

Вместе с тем необходимо отдавать отчет в границах этого влияния. Управление туризмом не гарантирует автоматического принятия ценностей — оно лишь повышает вероятность их актуализации. Если подходить к традиции как к туристическому продукту, она легко превращается в спектакль, за которым ничего не стоит. Поэтому традиционные ценности сохраняются не через жесткий контроль и тиражирование, а через бережное отношение к их локальному, живому, неповторимому характеру.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.
2. Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Макканнелл Д. Турист: Новая теория праздного класса. Москва: Ад Маргинем, 2023. 384 с.
4. Минасян Л. А., Канеева А. В., Божко Д. О. Внутренний туризм как проводник развития российской идентичности // Научный альманах стран Причерноморья. 2025. Т. 11, № 3. С. 24–31.
5. Тернер В. Символ и ритуал. Москва: Наука, 1983. 277 с.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

STATE TOURISM POLICY AS A MECHANISM FOR THE PRESERVATION OF TRADITIONAL VALUES IN RUSSIA

Abstract. The article examines the influence of state policy on the preservation of traditional values in Russia. The author concludes that directly imposing values through orders and declarations is ineffective. Much more important is to create conditions — tourist routes, museums, excursions, festivals — in which a person personally experiences the value, rather than simply hearing about it. In tourism, this works through three mechanisms: emotional experience of place, bodily participation in traditional practices, and well-designed accompaniment (guide's narrative, museum exhibition). The article also shows that the state can use instruments such as the national project «Tourism and Hospitality Industry», the «Imperial Route», and ethnographic parks.

However, a major problem arises here: as soon as a tradition begins to be actively sold to tourists, it risks turning into an empty spectacle. Therefore, tourism management must be careful and gentle so that traditional values remain alive rather than becoming mere attractions.

Keywords: traditional values, state policy, tourism, value education, commercialization of tradition, authenticity, Russia.

Сведения об авторе

Трифонова Галина Павловна, аспирант 2-го курса обучения, Забайкальский государственный университет, e-mail: galina_firsova_00@mail.ru

Trifonova Galina Pavlovna, 2nd year postgraduate student, Transbaikal State University, e-mail: galina_firsova_00@mail.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ: ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И ЛЕГИТИМНОСТЬ
«ЗЕЛЕННОЙ» ПОВЕСТКИ**

Аннотация. В этой статье основное внимание уделяется экологической модернизации как ключевому аспекту трансформации современного общества, и систематически рассматривается, как технологические инструменты, государственное регулирование и участие общественности могут работать сообща, чтобы изменить базовую логику экологического управления в процессе цифровизации. Исследования показывают, что переход к «зеленой» экономике преодолел границы, присущие традиционной экологической политике, и порождает новую институциональную парадигму. В этой парадигме ключевыми вопросами являются интерактивная система обеспечения качества данных, разработка механизмов цифрового мониторинга, стандарты оценки экологических показателей и множество путей обеспечения легитимности (включая систему экспертных знаний, систему административных инструкций и публичное дискурсивное пространство). Статья посвящена анализу двойственных аспектов цифровых технологий: с одной стороны, они значительно повысили точность мониторинга окружающей среды, эффективность регулирования и использования ресурсов; с другой стороны, выявили потенциальные скрытые опасности, связанные с расширением «цифрового углеродного следа» и технологическим уклоном. Исходя из этого, в данной статье обосновывается необходимость построения саморефлексивной модели экологической модернизации и утверждается, что использование цифровых инструментов должно включать механизмы общественного контроля, требования к совместимости данных и институциональные ограничения на экологические издержки самого процесса оцифровки.

Ключевые слова: экологическая модернизация, «зеленая» экономика, устойчивое развитие, цифровизация, государственное экологическое управление, наилучшие доступные технологии, цифровой углеродный след, легитимность.

Теория экологической модернизации направлена на то, чтобы объединить эволюцию индустриальной цивилизации и экологические пороговые ограничения в единую аналитическую систему. Суть этой теории заключается в том, что экологический кризис может не представлять собой фундаментального отрицания процесса модернизации, а вместо этого стать эндогенной движущей силой институциональных изменений [13, с. 58].

Траектория эволюции этой теоретической парадигмы характеризуется поэтапностью: от теоретической конструкции на раннем социологическом уровне она постепенно развилась до модели комплексного анализа с большим количеством характеристик институционального отражения [9, с. 58–60]. Исследование И. П. Кулясова показывает, что теоретическое понимание экологической модернизации расширилось от оценки политики государства в области развития промышленности до взаимодействия между механизмами государственного управления и моделями участия общественности [6, с. 15–18].

В процессе теоретической эволюции перераспределение экологической ответственности между правительством, рынком и обществом стало важной отправной точкой для анализа трансформации современных стран [11, с. 22–25]. В своих последующих теоретических построениях Мур выдвинул концепцию институциональной рефлексивности, подчеркнув, что только тогда, когда оценка экологических рисков глубоко интегрирована в повседневный процесс принятия решений, процесс модернизации может по-настоящему приобрести «экологический» характер [12, с. 305]. Таким образом, экологическая модернизация отражается не только в повышении технического уровня, но и представляет собой глубокую реконструкцию основ легитимности системы.

Хотя теория содержит позитивные ожидания, академическое сообщество продолжает внимательно следить за ее ограничениями. О. В. Аксенова отметила, что экологическая модернизация сопряжена с риском превращения в символическую политику — существующая структура власти может быть сохранена, а «зеленая» риторика обеспечивает моральную легитимность экономического роста [1, с. 104–107]. В своем классическом дискурсе Баутер предупреждал, что в качестве основы социального анализа теория экологической модернизации должна сталкиваться с конфликтами интересов и структурным неравенством, иначе она легко может стать идеологическим прикрытием технологической меритократии [13, с. 60–62]. В области исследований климатической политики Белл и Сингх подчеркивали, что если игнорировать требования социальной справедливости и справедливого распределения ресурсов, то реалистичная объяснительная сила теории экологической модернизации значительно снизится [10, с. 82–84]. С этой точки зрения экологическая модернизация не является техническим решением экологических проблем, и ее эффективность зависит от постоянного осмысления и корректировки социальной инфраструктуры.

Концепцию «зеленой» экономики можно рассматривать как конкретное развитие теории экологической модернизации на практическом уровне. С. Н. Бобылев отметил, что трансформация зеленой экономики требует изменения структуры стимулов и глубокого внедрения экологических ограничений в весь процесс принятия экономических решений [2, с. 6–8]. А. Ф. Мудрецов и А. Н. Павлов поместили «зеленую» экономику в рамки повестки дня в области устойчивого развития и продемонстрировали необходимость интеграции экологических показателей в систему макроэкономического учета [7, с. 69–72]. Исследование Бурковой показывает, что существенное продвижение экологической модернизации неотделимо от поддержки политической воли и участия гражданского общества, в противном случае легко остаться на уровне нормативной пропаганды [8, с. 66–68]. Таким образом, зеленая экономика представляет собой институциональный носитель экологической модернизации, но ее фактическая эффективность в значительной степени зависит от качества политической системы и эффективности механизма социальной координации.

Цифровая трансформация обеспечила беспрецедентные технические условия для резкого расширения возможностей в области экологического управления. В. Н. Влащенко и А. С. Широкобов систематически выделяли институциональные нормы оцифровки экологического менеджмента, уделяя особое внимание базовой роли национальной платформы экологической информации, сети мониторинга в режиме реального времени и автоматизированных инструментов надзора [4, с. 605–607]. Цифровые технологии значительно повысили прозрачность управления и способствовали интеграции экологических данных из многих источников в единую систему мониторинга. Однако исследователи также отметили, что цифровая трансформация должна отвечать множеству задач, таких как стандарты совместимости данных, информационная безопасность и защита прав на частную жизнь [4, с. 612–614]. В более широкой теоретической перспективе модернизация окружающей среды в цифровую эпоху должна учитывать институциональную рефлексивную перспективу, предложенную Муром [12, с. 309]. Цифровая система является не только техническим инструментом повышения эффективности управления, но и коренным образом меняет схему распределения экологической власти.

Трансграничные сравнительные исследования показали, что институциональная форма экологической модернизации демонстрирует существенные различия в национальных условиях. Юрковский и его коллеги отметили, что теория экологической модернизации расширилась от локальных знаний в европейском контексте до глобальной исследовательской парадигмы, охватывающей Азию, Латинскую Америку и другие регионы [8, с. 330–332]. Что касается российского контекста, то основная напряженность отражается в глубоком противоречии между ресурсозависимой структурой экономики и требованиями модернизации и преобразований. С. Н. Бобылев подчеркнул, что трансформация в истинном смысле требует структурных изменений, а не того, что могут принести разрозненные проекты экологического управления [2, с. 10]. Исходя из этого, локальное применение теории экологической мо-

дернизации в России должно в полной мере учитывать институциональные ограничения и реальные социальные и культурные особенности.

Заключение

Экологическая модернизация — это многомерный процесс социальной эволюции, охватывающий путь технологических инноваций, логику институциональных изменений и совместную эволюцию стандартов рациональности. Теория экологической модернизации показывает, что экологические ограничения могут быть преобразованы в источник мотивации для институциональных инноваций [11; 12]. Однако критический подход также предупреждает о подводных камнях технологического оптимизма и рисках социальной дифференциации [1; 10; 13]. Экологическая модернизация не является технологическим процессом, нейтральным по отношению к ценностям: она тесно связана с корректировкой распределения ресурсов, властных отношений и ответственности.

Концепция «зеленой экономики» подчеркивает институциональный аспект экологической модернизации и органично связывает цели устойчивого развития с рамками экономической политики [2; 7]. Его эффективное функционирование требует поддержки системы регулирования, широкого участия общественности и совместной интеграции инструментов цифрового управления [4]. Таким образом, экологическую модернизацию на волне цифровой трансформации следует понимать как саморефлексивную практику, суть которой заключается в глубокой интеграции экологических стандартов в институциональную структуру современного общества. Устойчивость этого процесса зависит не только от скорости технологических изменений, но и от качества и глубины формирования социальной легитимности.

Литература

1. Аксенова О. В. Иллюзия экологической модернизации // История и современность. 2011. № 2. С. 103–113. Анализ критической перспективы на экологическую модернизацию и технократические риски управляемого экологического развития.
2. Бобылев С. Н. Проблемы формирования «зеленой экономики» // Экологические исследования и практики. 2018. № 5. С. 4–12. Обзор ключевых вопросов и проблем внедрения зеленой экономики в современной России.
3. Гонтмахер Е. Экологическая модернизация России: общественный запрос и институциональные условия // Журнал исследований окружающей среды и политики. 2022. № 56. С. 229–233. Анализ институциональных условий для экологической модернизации в контексте российской политики устойчивого развития.
4. Власенко В. Н., Широбоков А. С. Цифровизация государственного экологического управления: правовые аспекты // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2021. Т. 25, № 2. С. 601–619.
5. Буркова Е. И. Экологическая модернизация как политическая практика на примере экологической деятельности // Политика и экология. 2018. № 8. С. 56–71. Анализ практических аспектов экологической политики и модернизации государственных программ.
6. Кулясов И. П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Социально-экологические исследования. 2005. № 3. С. 12–29. Обзор теории экологической модернизации, её уровней и механизмов в российской и международной науке.
7. Мудрецов А. Ф., Павлов А. Н. «Зеленая» экономика и устойчивое развитие // Экономическая наука современной России. 2024. № 3(106). С. 65–77.
8. Julkovski D. J., Sehnem, S., Bennet, D., Leseure, M. Ecological Modernization Theory (EMT): Antecedents and Successors // Indonesian Journal of Sustainability Accounting and Management. 2021. Vol. 5, № 2. P. 324–338. Теоретический обзор международной литературы по экологической модернизации.
9. Кулясов И. П. Этапы развития теории экологической модернизации: теоретический обзор // Социальные исследования и социальная антропология. 2015. Т. 8, № 3. С. 56–64. Обзор ключевых этапов формирования концепции экологической модернизации (российский контекст).

10. Baer H. A., Singer M. Can ecological modernization contain climate change: an eco-socialist perspective // Journal of Australian Political Economy. 2022. No. 90. P. 75–91. Критический анализ ЭМТ в контексте климатической политики.

11. Mol A. P. J., Spaargaren G. Ecological Modernisation Theory in debate: a review // Environmental Politics. 2000. Vol. 9, № 1. P. 17–49. Одна из классических обзорных статей по теории экологической модернизации.

12. Mol A. P. J. Ecological Modernization and Institutional Reflexivity // Environmental Politics. 1996. Vol. 5, № 2. P. 302–323. Теоретическая статья о рефлексивности в экологическом управлении.

13. Buttel F. H. Ecological Modernisation as Social Theory // Geoforum. 2000. Vol. 31, № 1. P. 57–65. Классическая статья, формировавшая социологические основания ЭМТ.

ENVIRONMENTAL MODERNIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: INSTITUTIONS, TECHNOLOGIES, AND THE LEGITIMACY OF THE «GREEN» AGENDA

Abstract. This article focuses on environmental modernization as the core dimension of the transformation of modern society, and systematically examines how technological tools, government regulations and public participation can work together to reshape the basic logic of environmental governance in the process of digitization. Research shows that the transition to a «green» economy has broken through the inherent boundaries of traditional environmental policies and is giving birth to a new institutional paradigm. In this paradigm, the interactive game of data quality assurance system, digital monitoring mechanism design, environmental performance evaluation standards, and multiple legitimacy construction paths (covering expert knowledge system, administrative instruction system, and public discourse space) constitute key issues. The article focuses on analyzing the dual aspects of digital technology: on the one hand, it has significantly improved the accuracy of environmental monitoring, regulatory effectiveness, and resource utilization efficiency; on the other hand, it has derived the potential hidden dangers of the expansion of «digital carbon footprint» and the technological bias of environmental issues. Based on this, this paper puts forward the necessity of constructing a self-reflexive environmental modernization model, and advocates that the use of digital tools must incorporate public supervision mechanisms, data interoperability specifications, and institutional constraints on the environmental costs of the digitization process itself.

Keywords: environmental modernization, green economy, sustainable development, digitalization, public environmental governance, best available technologies, digital carbon footprint, legitimacy.

Сведения об авторе

Тун Юй, аспирант, Забайкальский государственный университет, E-mail: tongyu1111@126.com

Tong Yu, PhD student in Social and Political Philosophy, Transbaikal State University, E-mail: tongyu1111@126.com

**ЖЭНЬВЭНЬ, СТРАТАГЕМНОСТЬ И «МЯГКАЯ СИЛА» В СИСТЕМЕ
СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КИТАЯ**

Аннотация. В статье анализируются механизмы сохранения культурно-национальной идентичности Китая в условиях глобализации и трансформации общества. Рассматривается система, объединяющая аксиологический базис *жэньвэнь*, *стратагемность* как специфический метод мышления и концепцию «*мягкой силы*», выступающие инструментом актуализации в современном мире. Показано, что традиционные категории китайской философии — прежде всего этика *Ли*, благодатная сила *Дэ* и всеобщий закон *Дао* выполняют не консервативную, а стабилизирующую функцию, формируя своего рода «культурный иммунитет» в глобальном информационном пространстве. Особое внимание уделяется роли *стратагемного мышления* в эффективной трансляции китайских смыслов на международной арене, в том числе через концепцию «Сообщества единой судьбы человечества». Выявлено, что устойчивость китайской модели развития обеспечивается интеграцией традиционных философских оснований в современные инструменты дипломатии, медиа и цифровых коммуникаций.

Ключевые слова: жэньвэнь, мягкая сила, стратагемность мышления, Ли, Дэ, Дао, у-вэй, культурно-национальная идентичность, конфуцианский гуманизм.

Понятие *жэньвэнь* (人文, *genwen*) занимает одно из центральных мест в системе китайской культурной традиции и выступает одним из ключевых аспектов в формировании национально-культурной идентичности. В отличие от узкого понимания «гуманитарного знания» в западной академической традиции, *жэньвэнь* охватывает совокупность ценностных, этических и культурных практик, направленных на «очеловечивание» общества и гармонизацию социальных отношений.

Этимология термина *жэньвэнь* восходит к комментарию «Туань чжуань» к 22-й гексаграмме Книга Перемен («周易», *Zhōu Yì*), где провозглашается принцип: «Взирая на небесные узоры (*тяньвэнь*), постигаем перемены времени; взирая на человеческие узоры (*жэньвэнь*), преобразуем Поднебесную» (觀乎天文, 以察時變; 觀乎人文, 以化成天下 — *Guān hū tiān wén, yǐ chá shí biàn; guān hū rén wén, yǐ huà chéng tiān xià.*) [4, с. 331]. В данном контексте *жэньвэнь* определяется как разветвленная система социокультурных регуляторов. В отличие от *тяньвэнь*, связанного с естественными законами мироздания и природными стихийными явлениями, *жэньвэнь* представляет собой сознательно сформированную систему гармонизации общества, основанную на воспитании, традициях, обычаях, моральных нормах, этике и культурной организации. По сути, *жэньвэнь* — это инструмент осознанного управления обществом, который помогает упорядочить жизнь людей, передавать им правильные ценности и формировать полезные модели поведения в обществе.

Категория *жэньвэнь* в последующем получила развитие и отражение в конфуцианском учении. Основное внимание уделялось воспитанию нравственной личности в ритуалах *Ли* (禮, *lǐ*), добродетели *Дэ* (德, *dé*) и следованию *Дао* (道, *dào*), как морально-этическому принципу гармоничного устройства общества.

Концепция *жэньвэнь* развивается в тесной взаимосвязи с категориями *Ли* и *Дэ*, определяющими нравственные и социальные основы китайской цивилизационной модели. Понятие *Ли*, которое традиционно переводится как «ритуал» или «нормы благопристойности», в данном контексте рассматривается как механизм социальной регуляции. Через *Ли* поддерживается порядок, основанный не столько на внешнем принуждении, сколько на принятии установленных норм поведения. Подобная модель отражает представление о Китае как о цивилизации, где общественная устойчивость достигается посредством гармонии и нравственной самоорганизации. В современных международных условиях подобный подход приобре-

тает актуальность, так как ориентирован на этическую саморегуляцию и согласование общественных отношений без опоры на силовые методы воздействия. Важно отметить, что *Ли* приобретает смысл в единстве с внутренним нравственным началом, которое выражается через добродетели *Дэ*. В китайской традиции *Дэ* понимается как *благодатная сила, нравственная сила*. В современном миропорядке концепция управления через *Дэ* трансформируется в стратегию нравственного резонанса: субъект влияния утверждает свое присутствие не посредством силового доминирования, а через трансляцию аутентичных смыслов и онтологическую привлекательность своего ценностного идеала.

Идеи *жэньвэнь* получает дальнейшее осмысление в трудах Ту Вэймина (杜维明, 1940), который связывает конфуцианский гуманизм с духовными основами современной китайской цивилизации. Он подчеркивает значение гуманистических ценностей, культурной преемственности и нравственного совершенствования личности [6, с. 5–6]. В таком подходе у Ту Вэймина *жэньвэнь* рассматривается как средство сохранения национально-культурной идентичности и поддержания устойчивого культурного сознания в условиях глобализационных процессов [8, с. 257]. По его мнению, именно духовная культура формирует особый тип цивилизационного сознания, обеспечивающий целостность китайской культурной модели [7, с. 188].

Однако в китайской традиции *жэньвэнь* определяет не только ценностное содержание культуры, но и механизмы ее практической реализации в социальном и политическом пространстве. В связи с этим особое значение приобретает феномен *стратагемности* (谋略, móu lüè), представляющий собой специфический тип мышления, ориентированный на гибкость, косвенное воздействие и достижение целей посредством системы непрямых стратегий. «Стратагемность представляет собой осознанно сформулированную систему стратегического мышления, разработанную китайцами на основе многовекового опыта взаимодействия человека с миром и обществом» [3, с. 144]. «Концепция стратагем получила теоретическое оформление уже в древности и легла в основу китайской философии тактики, дипломатии и жизненной стратегии» [2, с. 20]. «Для китайцев жизнь воспринималась как непрерывный процесс борьбы и изменений, требующий применения стратагем — гибких, рациональных и часто непрямых методов достижения успеха» [3, с. 143]. В то время как *жэньвэнь* формирует фундаментальное гуманитарно-этическое ядро китайской цивилизации, а *стратагемное мышление* выступает в качестве гибкого механизма адаптации этих константных ценностей к динамичным социально-политическим условиям. Подобный синтез традиционной этики и интеллектуального маневра находит свое закономерное продолжение в современной теории «мягкой силы». И хотя изначально данная концепция была предложена Джозефом Наем, который определял «мягкую силу» как *способность государства добиваться желаемого через сопричастность, а не принуждение («when one country gets other countries to want what it wants in contrast to the hard or command power»)* [5, p. 191], в китайской политико-философской мысли она наполняется иным автохтонным содержанием.

В отличие от западной интерпретации, где «мягкая сила» преимущественно связана с привлекательностью культуры и институтов, китайская модель опирается на синтез ценностного основания (*жэньвэнь*) и *стратагемного* подхода к их трансляции. В результате «мягкая сила» Китая (软实力, ruǎnshí lì), выступает не просто инструментом культурного влияния, а формой стратегически выстроенной коммуникации, в которой гуманитарные смыслы транслируются опосредованно, с учетом контекста и восприятия внешней аудитории. Это обеспечивает баланс между открытостью миру и сохранением традиционного ядра.

Подобная устойчивость объясняется также тем, что, в отличие от современного термина «мягкой силы» Джозефа Наея, принцип *стратагемности* был детально сформулирован еще в Древнем Китае. Несмотря на то, что само понятие «мягкая сила» не использовалось в классических трактатах, оно имплицитно присутствовало в политической культуре Китая. Этот гибкий подход органично воплощался в действиях исторических деятелей, которые, опираясь на интуитивное понимание баланса сил, реализовывали стратегии мягкого влияния задолго до их теоретического обоснования в современной науке [3, с. 143].

Если *жэньвэнь* формирует ценностно-нормативную основу культурного влияния, то *стратагемность* выступает в качестве практического механизма реализации данных принципов и методологического инструмента достижения целей. Взаимосвязь *жэньвэнь*, *стратагемности*, концепции «мягкой силы» и категории *Дао* формирует их понимание не как совокупности технических механизмов воздействия, а как способа согласования социальной деятельности с универсальными принципами мирового порядка.

Когнитивный аспект *стратагемного мышления* заключается в способности субъекта аналитически «считывать» объективную динамику глобальных процессов и гармонично интегрироваться в существующий поток событий с минимальными затратами ресурсов. В отличие от западной традиции, ориентированной на волевое, зачастую силовое преобразование реальности, китайская парадигма базируется на принципе извлечения конструктивного результата из самой логики развития обстоятельств и использования «потенциала ситуации». Практическая реализация этого подхода неразрывно связана с принципом *у-вэй* (无为, wú wéi). Принцип *у-вэй* проявляется не как пассивность, а как умение действовать косвенно, избегая открытого противостояния с «природой вещей». Такая логика позволяет субъекту влияния не вступать в разрушительные идеологические конфликты и одновременно сохранять собственную культурно-цивилизационную основу. В результате взаимодействие с внешними импульсами происходит не через жесткое столкновение культур, а через их постепенное осмысление и включение в национальную культурную систему Китая без утраты ее внутренней целостности.

В ее основе лежит принцип культурной трансформации *хуа* (化, huà), под которой понимается не просто внешнее воздействие, а процесс внутреннего преобразования личности и общества посредством нравственного примера, культурного влияния. В традиционной китайской философии категория *хуа* связана с идеей постепенного и ненасильственного изменения, при котором преобразование осуществляется не через прямое давление, а через гармоничное вовлечение в систему ценностей.

В конфуцианской традиции данный принцип соотносится с представлением о том, что истинное управление достигается не силой наказания, а нравственно-моральным влиянием и воспитанием. Именно поэтому *хуа* предполагает не одномоментное подчинение, а длительный процесс культурного «преображения» сознания, основанный на добровольном принятии ценностных ориентиров. В отличие от западной трактовки «мягкой силы», где акцент преимущественно делается на привлекательности политического имиджа и культурного бренда государства, китайский подход через концепцию *хуа* ориентирован на постепенное «окультуривание» среды и достижение несилового превосходства посредством интеграции собственных ценностей в мировое культурное пространство.

Практическое воплощение взаимосвязи *жэньвэнь*, *стратагемности* и «мягкой силы» находит выражение в современной внешнеполитической риторике Китая, в частности в концепции «Сообщества единой судьбы человечества» («人类命运共同体», *Rénlèi mìngyù'n gòngtóngtǐ*), активно продвигаемой Си Цзиньпином: «Нам необходимо способствовать тому, чтобы гуманитарные обмены стали мостом для укрепления дружбы между народами, стимулом для прогресса человеческого общества и связующим звеном для поддержания мира во всем мире. Мы должны заменить столкновение цивилизаций их обменом, заменить превосходство одной цивилизации над другой — их сосуществованием» [1, с. 484]. Данная инициатива апеллирует к универсалистским ценностям сотрудничества, гармонии и взаимной ответственности, что непосредственно соотносится с гуманитарным содержанием *жэньвэнь*. В рамках этой концепции мир осмысливается как единое пространство взаимозависимых связей, в котором устойчивое развитие возможно лишь при согласовании интересов всех участников международного взаимодействия. Такой подход перекликается с конфуцианским представлением о гармонии как основе общественного порядка и стремлением к упорядочению межличностных и межгосударственных отношений.

В настоящее время продвижение китайских ценностей опирается на принципы традиционного *стратагемного мышления*. Отказываясь от прямого жесткого идеологического дав-

ления, руководство КНР выстраивает альтернативную модель мирового порядка через язык сотрудничества, экономических инициатив и культурного обмена. При этом ключевой вектор задают инфраструктурные и интеграционные проекты, в частности программа «Один пояс — один путь» («一帶一路», yī dài yī lù). Следует отметить, что внешнеполитический курс Китая представляет собой многоуровневую систему, основанную на сочетании *жэньвэнь* и гибких способов их практической реализации, связанных со *стратегическим подходом*. Соединение традиционных культурных ориентиров и прагматичных методов взаимодействия формирует особенности китайской «мягкой силы», и позволяет ей адаптироваться к современным международным условиям.

Поводя итог, можно сделать вывод о том, что *жэньвэнь*, *стратегичность* и «мягкая сила» в совокупности формируют основу современной системы сохранения национально-культурной идентичности Китая. *Жэньвэнь* обеспечивает преемственность культурных ценностей и традиции, *стратегичность* выступает механизмом гибкой адаптации к изменяющимся международным условиям, а «мягкая сила» служит инструментом их внешней трансляции и продвижения.

В этой связи ценностные ориентиры находят отражение в конкретных формах международной деятельности. Подобная система культурно-ценностного взаимодействия способствует развитию благоприятного образа Китая в мире и одновременно поддержанию внутреннего культурного единства общества. Китайское влияние в современном мире работает не как приказ, а как приглашение к диалогу. При этом ценности не провозглашаются, а проявляются в поступках: через практику гуманитарного, культурного и дипломатического взаимодействия. Следует отметить, что культурное, духовно-нравственное влияние Китая тесно взаимосвязано с экономическими и политическими процессами, образуя комплексный механизм присутствия Поднебесной в мировом пространстве. В конечном счете, внешняя трансляция национальных ценностей и культурных смыслов не приводит к утрате культурной самобытности Китая, а, наоборот, способствует к устойчивому развитию, обеспечивая жизнеспособность и адаптивность китайской цивилизационной модели в условиях современного мира.

Литература

1. Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2021. 556 с.
2. Хандархаева В. В., Дашиева С. Ц.-Д. Философское учение Цзоу Яня в контексте принципов стратегического мышления и мягкой силы // Вестник БГУ. Философия. 2025. Вып. 4. С. 19–27.
3. Хандархаева В. В. Принципы стратегичности и «мягкой силы» в культурно-исторической традиции Китая // Вестник БНЦ СО РАН. Философские исследования. 2024. № 53. С. 142–147.
4. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / сост. И. С. Смирнов; отв. ред. А. И. Кобзев. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Наука, 1993. 606 с.
5. Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. 292 p.
6. Tu Wei-Ming. Confucian Humanism as a Spiritual Resource for Global Ethics // Peace and Conflict Studies. 2009. Vol. 16, №. 1. Art. 1. P. 1–8.
7. Tu Weiming. Confucian Thought: Selfhood as Creative Transformation. Albany: State University of New York Press, 1985. 203 p.
8. Tu Weiming. The Ecological Turn in New Confucian Humanism: Implications for China and the World // Daedalus. 2013. Vol. 130, №. 4. P. 243–264.

RENWEN, STRATAGEMICITY, AND «SOFT POWER» IN CHINA'S NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY PRESERVATION SYSTEM

Abstract. The article analyzes the mechanisms of preserving China's cultural and national identity amidst globalization and social transformation. It examines a system that integrates the axiological basis of *renwen*, *stratagemics* as a specific method of thinking, and the concept of «*soft power*», which serves as an instrument for their actualization in the contemporary world. The study demonstrates that traditional categories of Chinese philosophy—primarily the ethics of *Li*, the virtuous power of *De*, and the universal law of *Dao*—perform a stabilizing rather than conservative function, forming a kind of «cultural immunity» within the global information space. Special attention is paid to the role of *stratagemic thinking* in the effective transmission of Chinese meanings on the international stage, including through the concept of the «Community with a Shared Future for Mankind». It is revealed that the sustainability of the Chinese development model is ensured by integrating traditional philosophical foundations into modern tools of diplomacy, media, and digital communications.

Keywords: renwen, soft power, stratagemic thinking, Li, De, Dao, wu-wei, cultural and national identity, Confucian humanism.

Сведения об авторе

Хандархаева Виктория Викторовна, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: khandarkhaeva@yandex.ru

Khandarkhaeva Victoria Viktorovna, Senior Lecturer, Department of Philology of the Far East, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: khandarkhaeva@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ

УДК 316.74:2

Н. С. Канатьева

Астраханский госуниверситет им. В. Н. Татищева

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ

Аннотация. В статье анализируются ключевые направления трансформации религиозного поля в глобальном и российском контекстах. Автор исходит из того, что классическая теория секуляризации как линейного вытеснения религии из публичной сферы перестала соответствовать эмпирическим реалиям. На смену ей приходят концепции деприватизации религии, множественных секулярностей и постсекулярного общества. В работе показано, что современное религиозное поле характеризуется фрагментацией, плюрализацией и появлением новых гибридных форм. Особое внимание уделяется трем процессам: адаптации традиционных конфессий к логике публичной сферы, цифровой трансформации религиозности (сетевая религия, виртуальные общины) и изменению характера религиозной идентичности. На примере России рассматриваются специфические черты постсоветской реконфигурации религиозного поля: возрождение институциональных форм, формирование новой иерархии между традиционными и новыми религиозными движениями, а также проблематизация публичного присутствия религии. Делается вывод, что будущее религиозного поля определяется не конкуренцией между секулярным и сакральным, а поиском новых форматов сосуществования и взаимодействия в условиях растущего мировоззренческого многообразия.

Ключевые слова: религиозное поле, трансформация религии, секуляризация, десекуляризация, деприватизация религии, цифровая религия, постсекулярное общество, религиозная идентичность, Россия, плюрализм.

Трансформация религиозного поля стала одной из центральных тем современной социологии религии, религиоведения и культурной антропологии. Теоретические модели, описывавшие место религии в современных обществах на протяжении XIX–XX вв., сегодня подвергаются фундаментальному пересмотру. Классическая теория секуляризации, предсказывавшая неуклонное сокращение социального влияния религии вплоть до её полной маргинализации, оказалась неспособной объяснить «возвращение публичной религии», рост религиозного национализма, глобальное распространение евангеликализма и устойчивость традиционных конфессий во многих регионах мира [1, с. 8–12]. Цель данной статьи — выявить основные векторы трансформации религиозного поля в глобальной перспективе и специфику этих процессов в современной России.

Методологически исследование опирается на полевую теорию П. Бурдьё, понимающую религию как относительно автономное социальное пространство, в котором институты, агенты и миряне конкурируют за монопольное право на легитимное определение сакрального и управление религиозными практиками [4, с. 7–22]. Дополнительным концептуальным каркасом служат работы Х. Йоаса о возникновении ценностей в процессе коллективного самоопределения и идеи Ю. Хабермаса о постсекулярном обществе, где религиозные и секулярные граждане признают за каждой стороной право на публичное выражение своих убеждений [8, с. 114–118].

Первым и наиболее заметным вектором трансформации следует считать процесс деприватизации религии. Как показал Х. Казанова, в конце XX в. религиозные традиции во многих странах отказались от роли сугубо приватного дела совести и вновь вышли в публичную

сферу, требуя права голоса в дискуссиях о морали, законодательстве, образовании и национальной идентичности [7, с. 45–50]. Этот процесс не является простым возвращением к до-модерным порядкам: современная деприватизация подразумевает участие религии в условиях конкуренции с другими мировоззренческими системами, секулярными институтами и альтернативными духовными практиками. Религиозные акторы научились использовать язык прав человека, медийные технологии и политический лоббизм, чтобы отстаивать свои интересы в плюралистической публичной сфере [11, с. 98–104].

Вторым вектором выступает фрагментация и плюрализация самого религиозного поля. Если индустриальное общество характеризовалось относительно устойчивыми конфессиональными структурами (национальные церкви, территориально закрепленные общины), то эпоха глобализации и цифровых коммуникаций порождает «религию без границ». Повышение мобильности населения, миграция, доступ к разнообразным учениям через интернет разрушают прежние механизмы религиозной социализации. Индивид всё чаще конструирует собственную религиозную идентичность эклектичным путем, комбинируя элементы разных традиций или двигаясь между религиозной, нерелигиозной и духовной, но не институциональной позициями [9, с. 40–55]. Этот феномен получил название «бриколажа» (*bricolage*) и особенно характерен для западноевропейских стран с высоким уровнем секуляризации сознания.

Третьим вектором является цифровая трансформация религиозности. Цифровые технологии изменили не только каналы распространения религиозного знания, но и саму природу религиозного опыта, общинности и авторитета. Онлайн-трансляции богослужений, мобильные приложения для молитв, религиозные блоги и подкасты, виртуальные паломничества и группы в социальных сетях — эти формы создают «сетевую религию», которая одновременно дублирует, дополняет и иногда замещает офлайн-практики [6, с. 310–320]. Цифровая среда также способствует возникновению новых религиозных движений, основанных преимущественно на интернет-коммуникации, и предоставляет площадку для радикальных и фундаменталистских групп, которые могут обходить традиционные институциональные фильтры.

В глобальной перспективе можно выделить, по крайней мере, три разнонаправленных тренда. В Западной Европе сохраняется устойчивая секуляризация в форме падения посещаемости церквей, снижения религиозной самоидентификации (особенно среди молодежи) и «приватизации» веры, которая перестаёт быть публично значимым маркером. В США наблюдается более сложная картина: при общем сохранении высокого уровня религиозности происходит перераспределение от либеральных протестантских деноминаций к евангеликализму и «независимым» общинам, а также рост доли «ни к чему не принадлежащих» (*religious nones*) [10, с. 201–210]. В глобальном Юге (Африка, Латинская Америка, части Азии) религия, напротив, демонстрирует бурный рост, прежде всего в формах пятидесятничества, харизматического христианства и возрожденческого ислама, тесно связанных с процессами урбанизации и формированием новых средних классов.

Российское религиозное поле прошло за последние три десятилетия уникальную траекторию трансформации. Советский период оставил наследие в виде подавленной, но не уничтоженной институциональной памяти, разрыва межпоколенческой религиозной трансмиссии и особого типа «веры без принадлежности» (*belief without belonging*), когда люди декларируют религиозные убеждения, но не участвуют в общинной жизни [3, с. 45–50]. Постсоветское возрождение 1990-х гг. привело к быстрому росту числа зарегистрированных религиозных организаций, возврату храмов, активизации миссионерства как традиционных конфессий (православие, ислам, буддизм, иудаизм), так и новых религиозных движений, включая протестантские церкви, неоиндуистские группы и неоязычество. Однако этот плюрализм оказался непродолжительным. С начала 2000-х гг. государство выстраивает иерархизированную модель религиозного поля, где «традиционные религии» (прежде всего Русская Православная Церковь, а также ислам, буддизм и иудаизм как «национальные» конфессии ряда народов) получают привилегированный доступ к публичной сфере, образованию, медиа и символическим ресурсам [12, с. 1500–1515]. Нетрадиционные и новые религиозные движения,

напротив, сталкиваются с административными барьерами, дискурсивной стигматизацией и подозрением в деструктивности.

Специфической чертой российского религиозного поля является его тесное переплетение с политикой этнонациональной идентичности. Для многих нерусских народов (татары, башкиры, народы Северного Кавказа, буряты, калмыки и др.) религия — ислам или буддизм — выступает ключевым маркером этничности и культурного отличия от доминирующего православного большинства [2, с. 135–150]. Одновременно Русская Православная Церковь всё активнее позиционируется как «духовная скрепа» российской гражданской нации, что порождает напряженность между идеей многонационального православия и реальным многоконфессиональным составом населения. В этой ситуации межрелигиозный диалог, представленный такими институтами, как Межрелигиозный совет России, приобретает не только теологическое, но и политическое значение, поддерживая официальную риторику «единства в многообразии» [13].

Значительные изменения происходят и на уровне индивидуальной религиозности. Секулярное наследие, урбанизация, распространение высшего образования и глобальных медиа формируют новый тип российского верующего — человека, который может идентифицировать себя как православный или мусульманин, но при этом редко посещает богослужения, не соблюдает все обряды, черпает религиозную информацию из интернета, а не от священника, и сочетает элементы официального вероучения с народными, эзотерическими или оккультными практиками. Этот феномен получил название «невоцерковленного православия» или «номинального ислама» и свидетельствует о расхождении между институциональной и повседневной религиозностью [5, с. 88–95].

К числу вызовов и противоречий, определяющих дальнейшую динамику религиозного поля в России, следует отнести, по крайней мере, четыре группы проблем. Первая — это противостояние между консервативными и либеральными течениями внутри самих традиционных конфессий, прежде всего внутри РПЦ, где существуют как сторонники более активного социального служения и диалога с секулярным миром, так и изоляционистские, фундаменталистские группы. Вторая — управление растущим религиозным разнообразием, включая статус мигрантов (в основном из среднеазиатских республик, исповедующих ислам) и их интеграция в православное по культурному коду общество. Третья — цифровизация, которая, с одной стороны, дает религии новые каналы присутствия, а с другой — подрывает традиционную иерархию авторитета (священник, муфтий, лама) и способствует возникновению «сетевых сект» и радикальных онлайн-сообществ [6, с. 410–425]. Наконец, четвертая проблема — сохранение или преодоление «бытовой религиозной нетерпимости»: межконфессиональные и межэтнические напряжения, проявляющиеся в дискуссиях о строительстве храмов и мечетей, о ношении хиджабов в публичных местах, о звучании азана и т. д. Эти конфликты показывают, что трансформация религиозного поля происходит не только на уровне институтов и доктрин, но и в повседневных практиках, визуальном и звуковом ландшафте города.

Таким образом, трансформация религиозного поля в России и в мире представляет собой многомерный и разнонаправленный процесс. Классическая модель линейной секуляризации утратила объяснительную силу, уступив место концепциям деприватизации, фрагментации, цифровизации и плюрализации. В глобальном масштабе религиозное поле развивается крайне неравномерно: от устойчивой секулярности Западной Европы до бурного религиозного роста в странах глобального Юга. Россия занимает промежуточное положение, сочетая элементы постсоветского секулярного наследия с политически поддерживаемой «ретрадиционализацией» и иерархией конфессий. Дальнейшая динамика будет определяться способностью религиозных институтов адаптироваться к цифровой среде, выстраивать отношения с секулярным государством и отвечать на вызовы плюрализма без скатывания в фундаментализм или изоляционизм. Для социально-гуманитарного знания изучение этих процессов остается одной из приоритетных задач, позволяющей понять глубинные сдвиги в ценностных основаниях современного общества.

Литература

1. Бергер П. Религия и проблема убеждения // Элементы. 2001. № 4. С. 8–12.
2. Гараджа В. И. Социология религии. Москва: Наука, 2005. 348 с.
3. Забияко А. П. Религиозная идентичность в постсекулярном обществе // Религиоведение. 2012. № 2. С. 44–52.
4. Бурдые П. Социология религии: от структуралистской теории к полевой // Социология религии в позднем модерне. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. С. 7–22.
5. Синелина Ю. Ю. Религиозность в современной России: социологический анализ // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 85–96.
6. Кастельс М. Власть коммуникации. Москва: Высшая школа экономики, 2016. 564 с.
7. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 320 p.
8. Хабермас Ю. Религия и публичная сфера // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Москва: Весь Мир, 2011. С. 114–148.
9. Luckmann T. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. N. Y.: Macmillan, 1967. 128 p.
10. Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 375 p.
11. Davie G. Religion in Britain: A Persistent Paradox. Oxford: Wiley-Blackwell, 2015. 272 p.
12. Curanović A. The Religious Factor in Russia's Foreign Policy // Europe-Asia Studies. 2021. Vol. 73, № 8. P. 1495–1520.
13. Декларация Межрелигиозного совета России «О единстве народа и защите традиционных ценностей» от 15 марта 2023 г. URL: <https://interreligious.ru/declarations/2023-03-15> (дата обращения: 16.05.2026).

TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS FIELD IN RUSSIA AND IN THE WORLD

Abstract. The article analyzes the key directions of the transformation of the religious field in global and Russian contexts. The author argues that the classical theory of secularization as a linear displacement of religion from the public sphere no longer corresponds to empirical realities. It has been replaced by concepts of deprivatization of religion, multiple secularities, and post-secular society. The paper demonstrates that the modern religious field is characterized by fragmentation, pluralization, and the emergence of new hybrid forms. Special attention is paid to three processes: adaptation of traditional confessions to the logic of the public sphere, digital transformation of religiosity (network religion, virtual communities), and changes in the nature of religious identity. Using Russia as an example, the author examines the specific features of post-Soviet reconfiguration of the religious field: the revival of institutional forms, the formation of a new hierarchy between traditional and new religious movements, and the problematization of public presence of religion. It is concluded that the future of the religious field is determined not by competition between the secular and the sacred, but by the search for new formats of coexistence and interaction under conditions of growing worldview diversity.

Keywords: religious field, transformation of religion, secularization, desecularization, deprivatization of religion, digital religion, post-secular society, religious identity, Russia, pluralism.

Сведения об авторе

Канатьева Наталья Сергеевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры истории, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, e-mail: Nussy71@mail.ru.

Kanatieva Natalia Sergeevna, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of History, Tatishchev Astrakhan State University, e-mail: Nussy71@mail.ru.

ХРИСТИАНСТВО И АНТИХРИСТИАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается глобалистская концепция наступления на христианство в виде сатанизма. Развитие сатанизма в странах Евросоюза было поддержано глобалистской элитой. Наступление на христианство является закономерным продолжением политики расчеловечивания, осуществляемой глобалистами, получившими большую власть в Западной цивилизации. Поскольку христианство, несмотря на всю его историю служения господствующим классам при феодализме и капитализме, остаётся оплотом гуманистического мировоззрения, наступление на него приобрело особую важность в глобалистской среде. Некоторые философские, социальные, религиозные и политические концепции, распространённые в странах Запада, послужили основой утверждения в странах Евросоюза и Северной Америки одного из крайних религиозных течений, отрицающих христианство, — сатанизма. Представляется, что причина такой поддержки в том, что многие представители этой элиты сами являются сторонниками сатанизма, и также в том, что сатанизм, по мысли глобалистов, должен стать господствующей религиозной конфессией Запада.

Ключевые слова: религия, церковь, духовная культура, христианство, сатанизм, Западная цивилизация, глобализм, антихристианство, элита

В политике, проводимой глобалистами по отношению к собственной традиционной культуре и религии, особенно к христианству и семье, много неясного и непонятного. Особенное удивление у неискушённого зрителя, рассматривающего Западную политику и культуру, вызывает откровенное и открытое продвижение глобалистскими элитами сатанизма. Исторически в европейской культуре наступали эпохи впадения значительной части общества в состояние ереси. Собственно протестантизм также представляет собой ересь, опровергающую многие положения апостольского христианства. И только политическая поддержка части государств в борьбе за власть превратила протестантские учения в виды христианских церквей. Европейская карнавальная культура также далеко не однозначна с точки зрения её соответствия христианскому вероучению и допустимости в христианских сообществах. На карнавалах также выражался открытый отказ от принятой нравственности в виде свободы от всех ограничений, вплоть до свободы половых отношений, выбора шутовских священников и господ как извращение социальной иерархии [13]. Так что наступление на христианство изнутри и снаружи не является чем-то новым для Европы.

Политическая обстановка со второй половины XX — начала XXI в. показала, что христианское вероучение может быть развёрнуто против капитализма. Теология освобождения, получившая широкое распространение в Латинской Америке, тому лучшее подтверждение. [21; 26; 27]. Таким образом стало очевидно, что христианство не является безусловным защитником ценностей капитализма эпохи глобализма. Наступление на христианство проявляется и в закрытии христианских церквей в Европе, которые будто бы намеренно используются в антирелигиозных целях, в вандализме и поджогах церквей [2; 6; 9]. Давление на католическую церковь привело к тому, что папа Римский Франциск был вынужден «призвать католиков “любить мигрантов, как мы любим Бога”», и видеть в них... Иисуса Христа! [1].

Заметно, что проводимый антихристианский курс не является атеизмом. Это попытка создания новой религии, или религий, соответствующих глобалистской концепции. Эти религии могут создаваться внутри христианства, или как замена христианства. Внутри христиан-

ства осуществляется давление на Римскую католическую церковь, православные церкви с целью признания ими глобалистских ценностей поддержки гомосексуальных отношений и других психических половых отклонений.

Вызывает вопрос почему глобалисты решили начать расчеловечивание с собственной цивилизации [15]. Ослабление цивилизации, являющейся их опорой, похоже на самоубийство. Ключевыми событиями можно считать церемонию открытия Сен-Готардского тоннеля и открытия олимпийских игр в Париже в 2024 г. [1; 4; 5; 11; 12; 17; 33; 28]. Как заметил А. Дугин «Рационального объяснения, почему открытие Игр было такой яркой демонстрацией сатанизма, нет» [10]. Ответ может быть дан, если рассмотреть действия, открытия Сен-Готардского тоннеля и открытия олимпийских игр в Париже 2024 г. Как сказано в описании открытия тоннеля. участвовали: канцлер Германии Ангела Меркель, президент Франции Франсуа Олланд, премьер-министр Италии Маттео Ренци, президент Швейцарии Йоханн Шнайдер-Амманн и глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер еврокомиссар по вопросам транспорта Виолетта Булц, «министры транспорта ряда европейских государств», также «в праздничном открытии приняли участие члены швейцарского правительства и парламента в полном составе» [4]. В другом материале говорится, что «приглашены были и представители основных религиозных конфессий Швейцарии» [11]. То есть приехали все главнейшие представители европейской политической власти. Это не может быть вызвано только режиссурой зрелища для европейского зрителя. Это мистическое действо, в котором должна была участвовать политическая власть. Поскольку это открытие тоннеля, то здесь можно предположить тройной и более смыслы. Первый смысл в показе технологических достижений Евросоюза, второй смысл в том, что европейская цивилизация связана с хтоническими и inferнальными силами, третий смысл в показе человечества как зомби в мире объединённой власти земной светской и церковной, и власти хтонической. Тоннель же напрямую отправляет участника и зрителя в подземный мир.

В открытии тоннеля «Главным действующим лицом был Люцифер в облике козла», были и inferнальные сущности, может это демоны, или иные посланники сатаны. Один из них — полуголый толстяк с крыльями и в огромной маске ребенка. Этот образ напоминает ангела, но только служащего Люциферу. То есть отрицание христианства здесь поставлено как полноценная картина сатанизма. В действе участвовали люди в виде зомби, шествующих строем, пляски обнаженных артистов, гильотина и артисты с козлиными рогами. Зрители отметили «странную и наводящую ужас музыку, крики и мычание» [5; 11].

Источник: Готардский тоннель — кто стоит за сатанинскими ритуалами. URL: https://nm-union.ru/gotardskijtonnelktostoitzasataninskimiritualami_2350.html (дата обращения: 21.05.2026).

Источник: Готардский тоннель — кто стоит за сатанинскими ритуалами. URL: https://nm-union.ru/gotardskijtonnelktostoitzasataninskimiritualami_2350.html (дата обращения: 21.05.2026).

Протоиерей Владислав Цыпин сделал однозначное заключение с точки зрения православной церковной традиции, назвал это зрелище выражением «оккультной концепции», «дикувинной мистерии», которая «сопряжена с отречением от христианской традиции, а если вещи называть своими именами, — это была декларация преданности противнику Творца, что по-другому называется сатанизмом» [18].

Подобные зрелища не стали новостью для Евросоюза. За несколько лет до этого наблюдатели отметили «демонические пляски при перезапуске Большого Адронного Коллайдера ЦЕРН» и другие не христианские ритуалы в том действии в Швейцарии [16; 22].

Центральным образом открытия Олимпиады 2024 г. в Париже стало глумление над Тайной вечерей. В самой постановке «Тайной вечера по-парижски» главными образами стали толстая женщина на месте Христа, и голый синий человек, олицетворяющий, скорее всего, Вакха, Диониса или чего-то подобного, но с отсылками к мифологии синего цвета.

Источник: Фото с открытия Олимпиада в Париже 2024 г. URL: <https://yandex.ru/images/search> (дата обращения: 01.05.2026).

Примечательно, что раскол между элитами Запада вышел на открытый уровень. И. Маск осудил происходившее на открытии парижской олимпиады [12]. Против проповедуемых извращений стал проводить свою политику внутри США Д. Трамп. Но вот французские епископы выразили лишь сожаление по поводу богохульства при открытии олимпиады [3]. Одна из греческих газет оценило это мероприятие как «крах цивилизации и христианской культуры» [28].

Выстроенная гильотина и отрубленная голова Марии-Антуанетты даже в череде расцветшего богохульства всё равно выглядит как чрезвычайное явление [11; 28]. Совершенный антигуманизм и отрицание гуманистичности европейской культуры, проповедуемой последние по крайней мере двести лет, возвращает зрителя к средневековым публичным казням, привлекавшим тысячи людей. Это прямое доктринальное отрицание христианства.

Источник: Всадник с олимпийским флагом. URL: <https://yandex.ru/search/> (дата обращения: 01.05.2026).

Всадник Апокалипсиса, Мария-Антуанетта, держащая в руках свою голову, глумление над Тайной вечерей, для чего использовали фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», перевёрнутый флаг Олимпиады (представляется, намеренно перевёрнутый как отрицание всего традиционного) представляет собой символический ряд антихристианского и антицивилизационного наступления [12].

К 2024 г. Э. Тодд определил состояние в области веры Западного мира как «чёткий хронологический показатель «нулевой стадии» религии», и в своей книге «Поражение Запада» делает вывод, что одной из пяти причин поражения Запада является «исчезновение протестантской этики и коллективных убеждений» [20; 23; 24].

Вполне определённо можно сказать, что внедрение сатанизма в культуру и мировоззрение является намеренным действием, призванным заместить христианство. Разрушение традиционных конфессий католицизма, православия и протестантизма есть первый шаг на этом пути. Продвижение половых извращений служит этой же цели. Также часть мировых элит, поддерживающих педофилию и другие извращения, продвигала такую политику. Эта политическая гипотеза, которую считали частью «теории заговора» не совсем здоровых психически людей, наконец получила подтверждение в «деле Эпштейна» и сопутствующих фактов [7]. Также в «деле Эпштейна» происходит расширение сведений, показывающих углубление уровня злодеяний на «острове Эпштейна» и глобалистской элиты по всему миру, раскрываемых западными исследователями, вплоть до человеческих жертвоприношений и канниба-

лизма [14; 19]. Сатанизм опирается на несколько квазинаучных концепций: постмодернизм (в виде мультикультурализма), глобализм, пирамида потребностей А. Маслоу.

Философская основа глобализма обосновывается концепцией постмодернизма, утверждающей равенство фактов и мнений, что приводит к утрате способности к достижению истины в науке и жизни. Политически постмодернизм превратился в мультикультурализм. Согласно этой концепции, уравнивание религий и культур требует поддержки тех из них, которые противостоят традиционным ценностям именно потому, что отрицают их, чем подвергают себя на исчезновение, если их не поддержать силой государства.

Глобализм как концепция создавался для поиска путей достижения Западными элитами, связанными с ТНК, достижения власти над миром политически и ТНК экономически. Общепринята точка зрения, что целью глобалистов по отношению к сообществам является разъединение людей путём разрушения общественных связей начиная с семейных как изначальных и самых устойчивых до политических, существующих на общегосударственном уровне. Таким уже не обществом, а сосуществующими человеческими единицами удобно управлять. Поэтому глобалисты стали продвигать мультикультурализм как социальную концепцию, в которой объявлено равенство всех мнений и культур независимо от уровня их общественной поддержки. Политика привлечения иноязыковых, инорелигиозных и иноэтнических мигрантов из Азии и Африки призвано способствовать разрушению традиционного христианского образца нравственного поведения. Сатанизм решает в этой связи свою задачу. Он нацелен именно на христиан.

Концепция пирамиды потребностей А. Маслоу служит квазитеоретическим обоснованием свободы всех прихотей тела как важнейшей части обретения человеком свободы [8]. Порочность пирамиды Маслоу в том, что раскрепощение «низа» и оправдание таким образом пороков ведёт к распаду личности. Потребности человека не могут удовлетворяться постепенно, от так называемых низших, материальных, до высших, духовных. Человек как существо биосоциальное нуждается в удовлетворении потребностей материальных и духовных одновременно. Данная концепция под видом научной используется глобалистами в самых разных иных концептуальных построениях. В постмодернизме пирамида Маслоу подтверждает положение о равенстве всех потребностей и обоснования так называемых «прав меньшинств» на государственную защиту. В социал-дарвинизме и его политическом выражении фашизме эта пирамида обосновывает колониализм и превосходство антропологического человека Запада над всем другим человечеством. В сатанизме, что проповедовала элита через зрелища, описываемые в данной статье, пирамида Маслоу обосновывает право на любые религиозные учения.

Осуществление проекта «сатанизм» предполагает несколько этапов. Сначала внедрение образов и понятий для привыкания с одновременным наступлением на христианство с помощью других религий и сект, затем утверждение сатанизма как основного религиозного направления. Закономерно предположить, что проповедь сатанизма является стратегическим проектом глобалистской элиты. Посредством мультикультурализма (как составной части постмодернизма), концепции Маслоу и социал-дарвинизма эта элита расширяет социальную базу сатанизма. Так расширяется их собственная поддержка и углубляется ценностное единство с той частью населения, которое будет поддерживать сатанизм, или соглашаться с его господством.

Литература

1. Беланов А. «Гибель Европы». Скандальное открытие Олимпиады в Париже — причины и следствия. 31 июля 2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZqfoBogmr3bahR7S> (дата обращения: 02.06.2026).
2. Бендавид Н. Церковь на продажу. Из-за того, что сотни церквей закрылись и многим угрожает сокращение числа прихожан, возникает вопрос: что делать с неиспользуемыми зданиями? The Wall Street Journal США. 6 января 2015. URL: <https://inosmi.ru/20150106/225363844.html> (дата обращения: 09.06.2026).

3. Величко М. Епископы Франции выразили сожаление из-за сцен «издевательств над христианством» на открытии Олимпиады в Париже. 27 июля 2024. URL: <https://www.sports.ru/aquatics/1116271016-episkopy-franczii-vyrazili-sozhalenie-iz-za-sczen-izdevatelstv-nad-xri.html> (дата обращения: 08.06.2026).
4. Готардский тоннель — кто стоит за сатанинскими ритуалами. URL: https://nm-union.ru/gotardskijtonnelktostoitzasataninskimiritualami_2350.html (дата обращения: 21.05.2026).
5. Готардский. Тоннель и дьявольская церемония полная версия. 4 декабря 2017 г. URL: <https://yandex.ru/video/preview/17123316244289043055> (дата обращения: 26.05.2026).
6. Иванов Г. Стыд и храм. Почему в Европе горят, рушатся и за бесценно продаются церкви? / Еженедельник «Аргументы и Факты» № 31. 27.07.2020. URL: https://aif.ru/politics/world/styd_i_hram_pochemu_v_evrope_goryat_rushatsya_i_za_bescenok_prodayutsya_cerkvi (дата обращения: 08.06.2026).
7. Кто такой Джеффри Эпштейн и что он сделал. 11 февраля 2026. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/history/chto-nuzhno-znat-o-dele-epshteina-i-kakuyu-informaciyu-nashli-v-rassekrechennykh-failakh-id6826764/> (дата обращения: 02.06.2026).
8. Маслоу А. Мотивация и личность. Санкт-Петербург: Питер, 2019. 400 с.
9. Постхристианскому Западу церкви больше не нужны. 24.06.2016 / Колокола России. URL: <https://kolokolrussia.ru/sovetuem-pochitat/posthristianskomu-zapadu-cerkvi-bolshe-ne-nujn> (дата обращения: 08.06.2026).
10. Рационального объяснения, почему открытие Игр было такой яркой демонстрацией сатанизма, нет. Дугин URL: https://matchtv.ru/olimpijskije_igry/paris2024/matchtvnews_NI2088185_Racionalnogo_objasnenija_pochemu_otkrytije_Igr_bylo_takoj_jarkoj_demonstracijej_satanizma_net_Dugin (дата обращения: 12.05.2026).
11. Сатанинское мероприятие лидеров европейских стран (+видео). 05.05.2022. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/politic/138370/> (дата обращения: 21.05.2026).
12. Сорокин В. «Всадник Апокалипсиса», глумление над Тайной вечерей и вульгарное кабаре: даже на Западе в шоке от открытия Олимпиады. Илон Маск резко высказался о церемонии открытия Олимпиады в Париже. 27 июля 2024. URL: <https://www.kp.ru/daily/27613.5/4964325/> (дата обращения: 26.05.2026).
13. Средневековый карнавал: истоки и сущность. URL: https://spravochnik.ru/istoriya/srednevekovyy_karnaval_istoki_i_suschnos/ (дата обращения: 03.06.2026).
14. Странное дело Габриэлы Рико Хименес возобновлено в связи с публикацией документов Джеффри Эпштейна. 3 февраля 2026. URL: <https://dzen.ru/a/aYDDcbtFM2EX0RX> (дата обращения: 02.06.2026).
15. Фильм Галины Царевой «Спрут» Фильм 2016 г. URL: http://vk.com/video155727001_456241733 (дата обращения: 25.05.2026).
16. Холмогоров Е. С. «Переход Бафомета через Альпы». 14.07.2016. URL: https://ruskline.ru/opp/2016/iyul/14/perehod_bafometa_cherez_alpy/ (дата обращения: 21.05.2026).
17. Церемония открытия Готардского тоннеля в Швейцарии – оккультный ритуал иллюминатов. URL: <https://ok.ru/video/6705891379950> (дата обращения: 07.05.2026).
18. Цыпин В. По поводу Сен-Готардского зрелища (протоиерей Владислав Цыпин). URL: <https://pravoslavie.ru/96976.html> (дата обращения: 07.05.2026).
19. Чечулинский А. Храм сатаны: правда ли, что гости на острове Эпштейна ели людей. 14.02.2026. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2966205/> (дата обращения: 2.06.2026).
20. Что историк Эммануэль Тодд говорит о судьбе России. 16.05.202. URL: <https://ria.ru/20260516/istorik-2092711862.html?ysclid=mpswj4z69h544601804> (дата обращения: 30.05.2026).
21. Что читать по теологии освобождения. 20 октября 2016. URL: <https://christ-kommuna.livejournal.com/224333.html> (дата обращения: 31.05.2026).
22. Элита верит не науке, а масонским символам. URL: <https://marena99.livejournal.com/12840405.html> (дата обращения: 21.05.2026).

23. Эмманюэль Тодд. Роль России в мировых процессах меня всегда поражала // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 6. С. 44–50. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rol-rossii-todd/?ysclid=mpucmmuqep708045838> (дата обращения: 31.06.2026).
24. Эпоха «полного неверия». 15 января 2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZaVi8ZQFCR-VLLnU?ysclid=mpsxj4n8ow524284375> (дата обращения: 31.05.2026).
25. Яндекс фотографии. URL: <https://yandex.ru/images/search> (дата обращения: 01.05.2026).
26. Gutierrez G. Teologia de la liberation. Perspectivas. 4. ed. Lima. 1974. С. 63–70, 368–376. Первое издание вышло в 1971 г.
27. Segundo J. Liberation de la leologfa. Buenos Aires - Mexico, 1975. С. 104–110 (El problema del aporte especifico cristiano).
28. Τραπεστί υποδύθηκαν στην έναρξη των Ολυμπιακών Αγώνων τον... Ιησού και τους μαθητές του στον Μυστικό Δείπνο! Η κατάρρευση του πολιτισμού και της χριστιανικής κουλτούρας στην Δ.Ευρώπη, 26.07.2024. URL: <https://www.pronews.gr/kosmos/travestiyodythikan-stin-enarksi-ton-olympiakon-ton-iisou-kai-tous-mathites-tou/> (дата обращения: 26.05.2026)].

CHRISTIANITY AND ANTI-CHRISTIANITY IN THE CONCEPT OF GLOBALISM

Abstract. The article examines the globalist concept of attacking Christianity in the form of Satanism. The development of Satanism in the EU countries was supported by the globalist elite. The attack on Christianity is a natural continuation of the policy of dehumanization carried out by globalists who have gained great power in Western civilization. Since Christianity, despite its history of serving the ruling classes under feudalism and capitalism, remains a bulwark of the humanistic worldview, the attack on it has acquired particular importance in the globalist environment. Some philosophical, social, religious, and political concepts common in Western countries, have served as the basis for the establishment in the European Union and North America of one of the extreme religious movements that reject Christianity, Satanism. It seems that the reason for this support is that many representatives of this elite are themselves supporters of Satanism, and also that Satanism, according to globalists, should become the dominant religious denomination in the West.

Keywords: religion, church, spiritual culture, Christianity, Satanism, Western civilization, globalism, anti-Christianity, elite

Сведения об авторах

Коломыц Дмитрий Михайлович, кандидат политических наук, доцент, Казанский федеральный университет, e-mail: Kolomits@list.ru

Коломыц Ольга Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, e-mail: OGKolomyc@gmail.com

Трапи Саида Григорьевна, старший преподаватель, Абхазский государственный университет, e-mail: OGKolomyc@gmail.rcom

Kolomyts Dmitry Mikhailovich, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: Kolomits@list.ru

Kolomyts Olga Grigorievna, PhD, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, E-mail: OGKolomyc@gmail.rcom

Trapsh Saida Grigorievna, Senior Lecturer, Abkhazian State University, e-mail: OGKolomyc@gmail.rcom

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В «ЗЕРКАЛЕ»
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Аннотация. Социально-политическая активность молодежи представляет собой значимую практику инициативного участия, которая конструктивно влияет на оценку происходящих общественных изменений, расширение пространства институциональной коммуникации, а также способствует развитию личностного потенциала и критического видения на реальные события. Однако вариативность форм трансляции информации, нарушение межпоколенческой коммуникации в аспекте преемственности форм активности, а также интенсивная цифровизация неоднозначно влияют на представления молодежи о значимости проявления социально-политической активности. Автором работы приведены результаты интервью, в которых приняли участие представители современной молодежи (31 респондент); лица, в возрасте 36–56 лет (31 респондент), а также группа, старше 56 лет (30 опрошенных). Целью исследования было проведение качественного анализа межпоколенческих различий в интерпретации социально-политической активности молодежи, а также определение роли цифровых технологий и лидеров мнений в формировании социально-политической активности молодежи.

Ключевые слова: социально-политическая активность, молодежь, поколения, инициативы, гражданское общество, нарратив, социальные сети, интервью.

Социально-политическая активность молодежи представляет собой общественно значимую практику, посредством которой происходит освоение новых ролей, расширяются социальные связи, происходит апробация включенности акторов в политическое пространство. Однако она представляет собой динамично развивающуюся деятельность, формы которой напрямую зависят от условий социальной реальности, возможностей потенциального участия и реальной включенности молодых людей в социально-политическую систему, когда не просто происходит информирование и активизация потенциала молодежи в формате «передаточных сред» (по В. М. Бехтереву), а наблюдается инициативность и диалоговое взаимодействие молодежи с другими старшими поколениями, опыт которых позволяет гибридно конструировать окружающую нас действительность.

Классически в исследованиях, посвященных молодежи, подчеркивается их «пылкость взглядов», стремление к участию в преобразованиях (не всегда сопряженное с пониманием средств и механизмов социальных изменений), упрощенные представления о собственной роли в обществе («от нас ничего не зависит»), «групповая солидарность» при разнонаправленности спонтанных объединений [1, с. 109–111]. Но неоспоримым является утверждение, что переход к взрослости обусловлен расширением диапазона фактически доступных или нормативно обязательных для молодого человека набора социальных ролей и это связано с расширением его жизнедеятельности, в том числе в социальном и политическом пространстве. Однако дивергентное восприятие реальности, мозаичность и фрагментарность представлений существенным образом влияет на реальную социально-политическую активность, которая является залогом не только личностного развития, но и общественного. Формирование и преемственность социально-политической активности селективна, так как одни знания и нормы усваиваются и передаются от поколения к поколению, а другие интерпретируемые как «неактуальные, несоответствующие современности» нивелируются. И в данном процессе активизируются механизмы подкрепления, идентификации, понимания, встречной ролевой взаимодополнительности или противодействия, которые в совокупности создают новый облик молодежи, которая может сочетать несочетаемое, быть отличимой и уникальной, но одновременно не забывать про традиции, принятые в определенной культуре.

Для изучения социально-политической активности молодежи автором работы весной 2026 г. было проведено 92 интервью с представителями различных поколений: 31 — современная молодежь в возрасте от 18 до 35 лет (молодежная группа), 31 — взрослые люди в возрасте от 36 лет до 56 лет (стадия активного трудоспособного возраста) и 30 — люди старшего возраста, как правило находящиеся на пенсии, но одновременно могут вести и трудовую деятельность). Все респонденты проживают на территории Кемеровской области — Кузбасса. Гайд интервью был выстроен по следующим смысловым блокам:

1. Общие представления о социально-политической активности молодежи.
2. Интерпретация деятельности лидеров, которые фокусируют внимание на воспроизведении определенных социально-политических практик молодежью, «задают» тон и при внушают различными механизмами (подражание, внушение, убеждение) как должна действовать молодежь.
3. Нарративы о собственной социально-политической активности: от мотивов до значимости.
4. Связующее звено между поколениями: традиционно или инновационно выстраивают активность молодежь?
5. Роль социальных сетей и интернета в конструировании социально-политической активности молодежи.
6. Рекомендации по нормативной корректировке социально-политической активности молодежи.

В общих представлениях о социально-политической активности молодежи наблюдается явный поколенческий разрыв в ее понимании. Так, молодежь до 35 лет рассматривает себя как гибкую, адаптивную, но *«тревожную социальную группу»*, которая характеризуется такими чертами, как: ориентация на самореализацию, осознанность активности (стремление к здоровому образу жизни, экологичному поведению), зависимость от социальных сетей, но при этом аполитичность. Кроме этого, респонденты отметили *«склонность к риску в формате попробовать себя в разном»*, но не в политике, а также *«потерю навыков межличностного общения»*. В группе респондентов от 36 до 56 лет транслируется мнение об отсутствии долгосрочных амбиций современной молодежи, нежелание планировать и брать ответственность на себя. Мужчины, участвующие в интервью, высказали мнение о реактивности поступков и акцентуации на основании принципа *«здесь и сейчас»*. При этом опрошенные признают гибкость мышления, открытость новому, а также рассматривают современную молодежь как *«более образованную и интеллектуально развитую, чем свое поколение»*. Старшее поколение (респонденты с 56 лет и старше) отмечают, что у молодых людей преобладает критический взгляд: *«хотят всё сразу и без усилий»*, *«снижение уважения к старшим»*, *«поверхностность»*, в том числе из-за падения качества образования.

Все респонденты (кроме одного) в качестве примеров значимых политических лидеров, влияющих на сознание и социально-политическую активность молодежи лидеров, называют либо значимых институциональных фигур (В. В. Путин, В. В. Жириновский, С. В. Лавров, А. Г. Тулеев), либо публичных активистов (Г. Тунберг, Е. Гордон). Среди механизмов влияния отмечаются подражание и убеждение, так как современная молодежь работает через *«примеры других людей»* и *«активно впитывает примеры мейнстрим кинематографа»*. Однако респонденты молодежной группы критично рассматривают возможность включения в политические объединения: *«взгляды могут упечь в не очень приятные места, лидеры, навязывающие практики, вызывают страх, а не подражание»*. *«Задают тон»* социально-политической активности блогеры и волонтеры-ровесники (*«знакомая организует сборы»*), а не политики. Политические лидеры воспринимаются как *«работа»*, а не как пример для копирования в повседневной активности.

В нарративах о собственной социально-политической активности молодые люди отметили прежде всего такие мотивы, как: *«чувство справедливости»*, *«желание изменить»*, *«за компанию»*. 10 молодых людей из 30 отметили, что не проявляют социально-политическую активность, так как приоритет — это *«личная жизнь, учеба, работа»*. В группе от 36 лет респонденты, вспоминая собственный опыт активности отметили, что она была *«ситуативной и*

инструментальной» (*«добилась ремонта дороги, водопровода через письма и подписи»*). Значимость, по их мнению, должна заключаться в конкретном результате (например, *«улучшение качества жизни»*). При этом сейчас опрошенные данной группы отказываются от социально-политической активности *«из-за бюрократии и усталости»*. Два респондента из данной группы отметили, что не проявляли социально-политическую активность в молодежном возрасте. Респонденты в возрасте 56+ сказали, что активность воспринималась ими как норма жизни (*«участвовали на работе, субботники, собрания»*), а значимость заключалась в *«чувстве нужности и коллективизме»*.

Характеризуя формы собственной социально-политической активности приоритеты респондентов распределились следующим образом: современная молодежь выстраивает активность преимущественно онлайн, *«горизонтально, через проекты и волонтерство»*, отвергая формальные структуры (партии, профсоюзы); опрошенные среднего поколения характеризуют свою активность как переходный *«мостик»*, когда одновременно использовались и распространенные привычные советские практики (*«письма в администрацию»*) и новые (*«сетевые сообщества для сбора подписей»*), а старшее поколение респондентов указало на разрыв в активности: *«раньше нас объединяли значимые идеи, общие дела, сейчас каждый сам по себе»*.

Роль социальных сетей амбивалентна по группам опрошенных: для молодых людей *«социальные сети — это все»*: *«источник информации, инструмент мобилизации, источник выгорания, источник эмоций (как положительных, так и отрицательных)»*. Они создают *«иллюзию активности»*, респонденты понимают это, но склонны видеть больше плюсов в сетевой активности. Респонденты группы 36+ рассматривают интернет и социальные сети как *«инструмент информации, коммуникации, социальной и политической мобилизации»*. Опрошенные старшего поколения отзываются в ответах о социальных сетях и интернете крайне негативно, так как они *«зомбируют»*, *«вербуют»*, *«много вранья»*, *«пространство пустых разговоров»*.

На вопрос о рекомендациях об активизации социально-политической вовлеченности молодежи в реальные дела респонденты отметили *«необходимость поиска консенсуса между запросом власти и реальным желанием молодежи быть активной»*, при этом нужно расширять возможности грантового участия молодежи, поддержки инициатив «снизу», поощрение в виде благодарности (респонденты молодежной группы); повышать политическую грамотность (*«нужно отказаться от стимулирования политической активности, это атавизм, сначала дайте грамотность, пусть понимают и знают»*), развивать системы стажировок, обеспечивать прозрачность результатов активности (респонденты средней группы); развивать патриотическое воспитание, проводить мониторинги об оценке собственной активности, *«усилить вовлечение в реальные проекты»*, а также показывать *«личный пример и соответствующее воспитание в семье»* (мнения респондентов старшей группы).

Исходя из проведенных интервью можно проследить следующие особенности современной молодежи в разрезе мнений трех групп: молодые люди ценят свободу, цифровизацию, автономность в принятии решений, среднее поколение особое внимание отводят прагматизму и независимости, а старшее уделяет внимание дисциплине и уважению. «Общим знаменателем» для всех возрастов является *«отсутствие уверенности в будущем»* за современную молодежь, так как поступки тактичны и реактивны по своему содержанию. При трансляции социально-политических практик молодежь копирует действия локальных активистов и блогеров, а не «вертикальных» институциональных лидеров. Респонденты всех трех групп отмечают, что молодежь отказывается от воспроизведения ожидаемых практик традиционных институтов, но сохраняет веру в ценности взаимопомощи и справедливости.

Литература

1. Кон И. С. Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности. Москва: Просвещение, 1979. 175 с.

SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH IN THE «MIRROR» OF INTERGENERATIONAL ANALYSIS

Abstract. The socio-political activity of youth is a significant practice of proactive participation, which constructively influences the assessment of ongoing social changes, the expansion of the space of institutional communication, and also contributes to the development of personal potential and critical vision for reactive events. However, the variability of forms of information transmission, the disruption of intergenerational communication in terms of the continuity of forms of activity, as well as intensive digitalization have an ambiguous effect on young people's ideas about the importance of socio-political activity. The author presents the results of interviews in which representatives of modern youth (31 respondents) took part; people aged 36–56 (31 respondents), as well as a group older than 56 (30 respondents). The purpose of the study was to conduct a qualitative analysis of intergenerational differences in the interpretation of youth socio-political activity, as well as to determine the role of digital technologies and opinion leaders in shaping youth socio-political activity.

Keywords: socio-political activity, youth, generations, initiatives, civil society, narrative, social networks, interviews.

Сведения об авторе

Нятина Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, e-mail: kozeeva_n@mail.ru.

Nyatina Natalya Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, e-mail: kozeeva_n@mail.ru.

О. М. Фархитдинова
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ: ИДЕИ, СТРАТЕГИИ, СМЫСЛЫ

Аннотация. Религиозное поле современной России изменилось в символическом, семантическом и стратегическом значениях. В статье показано как изменилось пространство религиозных идей, практик, институтов и смыслов в современной России по отношению к мировым процессам. Введение понятия «религиозное поле» позволило применить в том числе аналитический инструментарий для осмысления совокупности идей и стратегий, их правовую применимость и определенность. Делается вывод о том, что трансформировалась рамка модели государственно-конфессиональных отношений, характеризующих современное российское общество, в основе которой совместное производство языка ценностей и исторической преемственности. В условиях мировых процессов Россия стала частью волны, рассматривающей религию как фактор влияния на социальные, политические и культурные процессы. Так называемый ценностный поворот терминологически получил свое оформление с 2020 г. в конституционной и стратегической риторике и продолжается до настоящего времени (2026 г.). На уровне массовых смыслов религия все более приобретает черты национальной традиции и моральной системы.

Ключевые слова: религия в публичном пространстве, религиозные смыслы и стратегии, религиозное поле современной России и мира.

Религиозное поле современной России изменилось не столько количественно, сколько структурно. В научных публикациях периода с 2016 по 2026 г. активно осмысливается динамические составляющие присутствия религии в жизни людей [3], выявляются проекции этого состояния на общество [5; 7]. Стоит отметить факт того, что регулярное участие в службах остается ограниченным [1, с. 91–94], молодое поколение все более рассматривает и осмысливает религию в контекстах культурного и морального измерения, а не как институциональный феномен. В то же время религия приобретает черты значимого явления со своим особым словарем, символическим языком для описания сценариев и нарративов концепции государства, безопасности и политики, в которой религия становится фактором влияния [1, с. 391–419; 2, с. 35].

Религиозное поле современной России неоднородно, хотя его специфика во многом обусловлена социокультурными трансформациями, явлениями, которые связаны с «религиозными исканиями», наличием конфессионально обусловленной маркировки принадлежности к территории, квазирелигиозными феноменами [3, с. 174–175]. Акторами такого пространства взаимоотношений становятся как верующие и представители той или иной организованной общности, так государство, школа, семья, общины на различном уровне становления своей религиозной идентичности. Роль и акторность экспертного сообщества следует отметить особо, так как в условиях появления новой модели государственно-конфессиональных отношений понимания религии становится контекстуально обусловленным. Роль контекста при проведении экспертизы становится определяющим.

Идейный разнообразие современного религиозного поля сгруппировано вокруг пяти основных смыслов: соотношение исторической преемственности и традиции; вопросы этики и морали в светском и религиозном измерениях; ценностные императивы, транслируемые в семейном (частном) и общественном (публичном) пространствах; конкуренция светских и религиозных сценариев; возрождаемый цивилизационный ресурс в диалоге мировоззрений.

Например, светские и религиозные сценарии в современном разговорном дискурсе группируются вокруг двух тем: исторической памяти и традиции. В этом отношении, на субъективном уровне религиозная вера выражается в том, как человек соотносит свои мысли и действия с вероучением религии, относительно которой у него выработана определенная позиция (например, принятия). В то время как на уровне организационного управления религия базируется на нормах и этике социального порядка и допустимых в нем нормативных практик. Организационное управление системно и регламентировано, в то время как проявление субъективного компонента веры требует от человека прежде всего внутреннего принятия, допущения. Волеизъявление и внутренняя свобода в отношении описания и понимания современного человека — две различные категории: одна из которых системообразующая для религиозного мировоззрения, вторая для светского.

Обозначенные выше смыслы активно присутствуют в повседневном дискурсе современной России, получают поддержку через право, образование, медиа, официальную государственную риторику и символику. Совокупность таких традиционных для научного осмысления идей как: идеи религиозной свободы и плюрализма; независимость и инклюзивность общинного образа жизни; элитарность и светское измерение современного богословия, — остаются в пределах внимания, но оказываются в маргинальном положении. Е. А. Степанова в одном из обзоров, а также в ряде своих работ обозначила это явление как маргинализацию ценностного отношения и встраивания его в политический контекст [7].

Трансформация религиозного поля находит выражение не только в осваиваемых идеях, но и в стратегиях. Стратегия (принимая во внимание избранную оптику исследования и применения понятийно-категориального аппарата) понимается как способы действия, через которые закрепляются позиции, ресурсы и смыслы действующих акторов [4].

В условиях легитимации способов взаимодействия назову следующие стратегии: 1) религиозное многообразие интерпретируется как культурное наследие и богатство; 2) активно производится символическая капитализация религиозного языка и, возникающей на этом фоне риторики с религиозной составляющей; 3) актуализация стратегии миграции понятийных структур на уровне различных степеней присутствия в средах (реальных и виртуальных). Третья стратегия связана с получившей распространение цифровой онтологией религии, феноменом нового символического языка, трансляцией и распространением его маркеров в интернет-пространстве [6].

Главным результатом десятилетия является именно смысловая трансформация присутствия религии в современном мире. При этом мировой религиозный ландшафт одновременно становится более конкретизирован по отношению к каждой из мировых религий. Например, религиозное поле становится во многом ориентированным на мировоззрение, сопряженное с исламом и его экономической составляющей (исламский банкинг), более африканским и более нерелигиозным в государствах, демонстрирующих экономическую устойчивость в современных типах обществ. Важнейшим изменением следует считать то, что произошел перенос центра христианства в демографически молодые регионы. Например, представления о постколониальной Африке южнее Сахары стали важной вехой современных научных исследований в России. Применение термина «субсахарская Африка» активно воспроизводит систему координат геополитического мира и тех акторов, которые задействованы в контекстах диалогового пространства некоторых территорий современной Африки. Те виды значений, которые формируются в современном информационном поле вокруг африканского континента, основываются на ценностных и этических основаниях религиозной идентичности [2, с. 162–165; с. 217–219; с. 235]. Религиозная составляющая становится важной в условиях экспансии вероучительных концепций и идей, направленных на формирование нового географического ландшафта религий. Особая ситуация складывается в современном Китае, где большое внимание уделяется регламентам динамических моделей распространения убеждений и контроля за их распространением, получающих распространение в сети интернет, что также меняет пространство религий, понимание их влияния на экзистенциальную безопасность.

В современной России процессы трансформации религиозного поля сопряжены с идейным и, во многом, стратегическим ресурсом современного общества. Проявление религиозной составляющей в публичном пространстве позволяет выявить дополнительные составляющие, характеризующие видимость высказываний и комментариев, которые производятся в публичном пространстве. Трансформация современного религиозного поля может быть описана как ряд сопутствующих друг другу стратегий, связанных с одной стороны с индивидуализацией веры, с другой — с созданием этически и морально организованных сред, в которых формируется новая мировоззренческая рамка для религиозных исканий и убеждений.

Литература

1. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество: монография. Москва: Нестор-История, 2020. 488 с.
2. Мосейко А. Н., Харитонов Е. В. Постколониальная Африка южнее Сахары. Вопросы гуманитарного знания. Опыт междисциплинарного исследования. Москва: Изд-во Ин-та Африки РАН, 2024. 488 с.: ил.
3. Смирнов М. Ю. Динамика религии в современном мире: опыт религиоведческой рефлексии: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2025. 236 с.
4. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. Москва: Изд-во Ин-та экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 288 с.
5. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
6. Федорченко С. Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: монография. Москва: Проспект, 2023. 480 с.
7. Stepanova E. A. Beliefs, opinions, and expectations as a resource of re-shaping societies // *Changing Societies & Personalities*. 2022. Т. 6, № 4. С. 727–732.

TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS FIELD IN RUSSIA AND IN THE WORLD: IDEAS, STRATEGIES, MEANINGS

Abstract. The religious field of modern Russia has changed in symbolic, semantic and strategic terms. The article shows how the space of religious ideas, practices, institutions and meanings in modern Russia has changed in relation to global processes. The introduction of the concept of «religious field» made it possible to apply, among other things, analytical tools for understanding the totality of ideas and strategies, their legal applicability and certainty. It is concluded that the framework of the model of state-confessional relations that characterize modern Russian society has been transformed, based on the joint production of the language of values and historical continuity. In the context of global processes, Russia has become part of a wave that considers religion as a factor of influence on social, political and cultural processes. The value turn has manifested itself since 2020 in constitutional and strategic rhetoric and continues to the present (2026). At the level of mass meanings, religion increasingly acquires the features of a national tradition and moral system.

Keywords: religion in public space, religious meanings and strategies, religious field of modern Russia and the world.

Сведения об авторе

Фархитдинова Ольга Михайловна, кандидат философских наук, доцент, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета, e-mail: ofarhetdin@mail.ru

Farkhitdinova Olga Mikhailovna, PhD, Associate Professor, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, e-mail: ofarhetdin@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется положение нетрадиционных религиозных организаций в современной России. Анализируются ключевые факторы распространения нетрадиционных религиозных организаций: изменение правовой базы, гарантирующей свободу совести, активность иностранных миссионеров, а также становление постсекулярного общества. Особое внимание уделяется правовому статусу нетрадиционных религий: их исключению из «симфонической модели» отношений государства с традиционными конфессиями (православием, исламом, буддизмом, иудаизмом) и более жёсткому административному контролю. Анализируется трансформация форм деятельности нетрадиционных религиозных организаций в условиях ужесточения законодательства: уход из публичной сферы, развитие онлайн-сообществ, использование цифровых технологий для миссионерства (на примере заприщённой организации «Свидетелей Иеговы»). В работе взвешиваются плюсы и минусы ограничительной политики государства. Автор приходит к выводу о необходимости сбалансированного подхода в государственно-религиозных отношениях.

Ключевые слова: государство, религия, государственно-религиозные отношения, нетрадиционные религиозные организации, традиционные религии.

Для современной России характерно существование нетрадиционных религиозных организаций одновременно с традиционными, что стало закономерным результатом процессов секуляризации и глобализации в начале XX в. Распространение нетрадиционных религиозных организаций объясняется также и изменением правовой базы, гарантировавшей свободу совести, и потоком иностранных миссионеров, создававших новые церкви. Все это детерминировало появление и рост религий иностранного и отечественного происхождения.

В правовом отношении нетрадиционные религии по сравнению с традиционными находятся в несколько ином положении, они не попадают под преференциальный режим. Основания этого отношения коренятся в том, что парадигма симфонии глубоко связана православием и потом транслировалась на буддизм, иудаизм, ислам. Тогда как зачастую пришедшие из-за рубежа или возникшие здесь синкретические культы подпадают под эту идентичность. Соответственно, многие нетрадиционные религии не имеют того культурного наследия, который дает им возможность претендовать на особое место. Нетрадиционные религиозные организации не входят в орбиту симфонических отношений государства и религий, за ними не признается статус носителей традиционных ценностей. Во многом такое отношение связано с тем, что 90-е годы было периодом их массового распространения и расширения их влияния на общество. Сегодня нетрадиционные религии воспринимаются как угроза для российских ценностей, чуждых традиционным духовно-нравственным основаниям. В некотором смысле причиной этого стало принятие Указа Президента РФ № 809 от 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В рамках которого четыре традиционных религии выступают опора государственной политики, нетрадиционные религии остаются вне границ этого пространства. Еще одним важным аспектом является контроль за экстремистской деятельностью нетрадиционных религиозных организаций. Закон об экстремизме 2002 г, затем 2016 г. («пакет Яровой») стали ключевыми инструментами в контроле за этими организациями. Наглядной демонстрацией стало запрещение деятельности 2017 г. религиозной организации «Свидетелей Иеговы», также в 2025 г. решение Верховного суда о признании «международного движения сатанистов» экстремистской организацией.

Нельзя отрицать факт того, что многие нетрадиционные религиозные организации имели и имеют иностранное происхождение, соответственно, центры их управления находились за рубежом. Это обстоятельство приводит к представлению их как угрозы национальной безопасности. Таким образом, так формируется со стороны государства обоснование контроля за нетрадиционными религиозными организациями.

Сегодня по оценке экспертов в России действует около пятисот нетрадиционных религиозных организаций, в деятельность их вовлечено от 1 до 5 млн россиян [1, с. 87], по другим оценкам от 600 до 800 тыс. российских жителей[2,]. Есть и другие данные, согласно которым «подавляющее большинство НРД находится в тени внимания общественности, их общее количество, по подсчетам экспертов, составляет от 1500 до 15000 организаций. При этом эксперты подчеркивают малочисленность их состава» [3].

Определить точное количество членов нетрадиционных религиозных организаций сложно из-за расплывчатости структуры таких религиозных организаций и степени сопричастности нетрадиционной религиозности. Возможно и то, что люди не всегда хотят показать свою нетрадиционную религиозность, что вызвано особенностями российского законодательства по отношению к нетрадиционным религиям. Устойчивое небольшое количество последователей у нетрадиционных религий существует, но активного роста их, скорее всего не предвидится, что объясняется, по мнению М. Ю. Смирнова тем, что «скорее всего близки к завершению своей роли нового института религиозной идентичности. Возрастной состав участников ещё позволяет каким-то из них рассчитывать на перспективные годы. Но, думается, что основные возможные ресурсы уже «истончились» или близки к исчерпанию» [4, с. 225]. Можно еще дополнить важным моментом — это их бессубъектность, уход из общественного пространства, но благодаря цифровизации появилась возможность проявления в онлайн сфере. В результате ужесточения законодательства по отношению к нетрадиционным религиозностям произошел их уход из публичной сферы в другие формы. После запрета многие ушли в подполье, интернет стал пространством религиозной жизни. Формируется иной тип религиозности и новые нетрадиционные религиозные сообщества онлайн. Действительно, в интернете идеи нетрадиционных религий оказываются гораздо более привлекательными для вербовки, ввиду их доступности и использования манипулирования. Интернет стал активным местом для миссионерства запрещенных в РФ «Свидетелей Иеговы» Как отмечает Грива «изучение Библии у Свидетелей Иеговы* (экстремистская, запрещенная в РФ организация), использование исключительно электронных версий вероучительной и другой литературы, коммуникации только через мессенджеры и т.д. Литература, которую использовали приверженцы свидетелей Иеговы*, издавалась центральным управленческим центром Свидетелей Иеговы*, находящимся в США. К ней относятся: Библия в переводе нового мира (New World Translation of the Holy Scriptures), журналы «Пробудитесь!», «Сторожевая башня», брошюры, а также рекламные и информационные буклеты, признанные в соответствии с действующим законодательством экстремистскими» [5, с. 139], все это демонстрирует активную деятельность нетрадиционных религиозных организаций в онлайн пространстве. Вместе с тем, очевидно, что эти организации хорошо спонсируются, их деятельность в сети сложно отследить. Тем более сегодня идет идеологическое противостояние традиционным духовно-нравственным ценностям, а многие нетрадиционные религии имеют западное происхождение. С одной стороны, деятельность многообразных нетрадиционных религий может быть причиной конфликтов в межрелигиозной сфере. Идеи, которые пропагандируют эти организации, могут носить разрушающий, деструктивный характер для человека. С другой стороны, существование нетрадиционных религий дает возможность выбора альтернативных религиозных ценностей, коммуникации. Кроме того, запрет деятельности нетрадиционных религиозных организаций может привести к негативным последствиям, нарушениям прав последователей.

Соответственно, современная сложившаяся политика российского государства по отношению к нетрадиционным религиям имеет ограничительный характер, даже сам сложившийся термин нетрадиционные имеет негативные коннотации. Законодательно закреплена

иерархия между традиционными и нетрадиционными религиями. Со стороны государства просматривается сегрегационная политика по отношению к нетрадиционным религиозным организациям, они не являются частью симфонической модели отношений, исключены из системы партнерства и подчинены административному контролю. Положение нетрадиционных религиозных организаций ограничено государством правовыми рамками, что приводит к тому, что в рамках симфонической модели государственно-религиозных отношений нетрадиционные религии уходят в теневое пространство.

Литература

1. Гладких П. О., Кадушина О. И. Профилактика вербовки молодёжи в организации современных деструктивных культов // Традиции и инновации актуальные проблемы. 2017. С. 80–89.
2. Походня А. В. Манипуляционные механизмы вербовки в секты // Организация работы с молодежью. 2019. № 1. URL: <https://s.esrae.ru/ovv/pdf/2019/1/1272.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Нетрадиционные верования в России. Экспертная оценка потенциала распространения: итоговый аналитический отчет по результатам исследования / АНО «Социологическая мастерская Задорина» [А. П. Хомякова, И. В. Задорин, В. А. Зотова, И. В. Карпов, Е. В. Халкина, Л. В. Шубина]. Москва: ЦИРКОН, 2019. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/6a1/netraditsionnye-verovaniya-v-rossii-itogovyy-analiticheskiy-otchet.pdf> (дата обращения: 21.05.2026).
4. Смирнов М. Ю. Ресурсы и социальные функции новых религиозных движений в России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2024. № 3. С. 210–226.
5. Грива О. А. Трансформации миссионерской деятельности новых религиозных движений: способы и принципы законности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2024. Т. 10, № 3. С. 132–145.

THE POSITION OF NON-TRADITIONAL RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article examines the situation of non-traditional religious organizations in modern Russia. The key factors of the spread of non-traditional religious organizations are analyzed: the change in the legal framework guaranteeing freedom of conscience, the activity of foreign missionaries, as well as the formation of a post-secular society. Special attention is paid to the legal status of non-traditional religions: their exclusion from the «symphonic model» of state relations with traditional faiths (Orthodoxy, Islam, Buddhism, Judaism) and stricter administrative control. The article analyzes the transformation of the forms of activity of non-traditional religious organizations in the context of stricter legislation: withdrawal from the public sphere, the development of online communities, the use of digital technologies for missionary work (using the example of the banned organization «Jehovah's Witnesses»). The paper weighs the pros and cons of the restrictive policy of the state. The author comes to the conclusion about the need for a balanced approach in state-religious relations.

Keywords: state, religion, state-religious relations, non-traditional religious organizations, traditional religions.

Сведения об авторе

Багаева Ксения Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: ksyusha.81@mail.ru

Bagaeva Kseniya Anatolyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: ksyusha.81@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ САНГХИ КАК КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВСТВЕННОГО СУБЪЕКТА: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО БУДДИЗМА

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что Традиционная Буддийская сангха России (БТСР) в современной России является полноценным коллективным нравственным субъектом — самостоятельным носителем моральной ответственности. На материале волонтерской деятельности при Иволгинском дацане (Республика Бурятия) автор предлагает оригинальную трёхуровневую модель коллективной ответственности: материально-практический, ритуально-символический и дискурсивно-публичный уровни, которые связаны сетеподобно и образуют структуру единого нравственного действия общины. Автор аргументирует, что классическое философское напряжение между принципами ахимсы (ненасилия) и каруны (сострадания) при концептуальном анализе снимается. В заключении автор делает вывод, что именно Буддийская Традиционная Сангха России — это коллективный нравственный субъект, действие которого проявляется на трех уровнях.

Ключевые слова: общество, моральная ответственность, коллективный субъект, российский буддизм, буддийская Традиционная Сангха России (БТСР) Иволгинский дацан, ахимса, каруна.

Современная социальная философия всё чаще обращается к вопросу, который классическая этика долгое время оставляла в стороне: может ли коллектив — община, организация, профессиональное сообщество — быть носителем моральной ответственности? Привычная философская традиция (от И. Канта до М. Вебера) обычно отвечала: ответственность принадлежит индивиду. Однако в условиях современного «общества риска» [1, с. 23] такой ответ оказывается недостаточным: действия отдельного человека вписаны в сложные институциональные системы, и моральная ответственность распределяется между многими участниками.

В настоящей статье мы обращаемся к традиции, которая исторически дала собственный, отличный от западного, ответ на этот вопрос, — к буддийскому понятию сангхи. Принципиальный тезис, выносимый автором: Буддийская Традиционная Сангха России — это полноценный коллективный нравственный субъект, носитель распределённой моральной ответственности, реализуемой одновременно на трёх взаимосвязанных уровнях. В качестве материала мы используем волонтерское движение, развернувшееся при Иволгинском дацане и Буддийском университете «Даши Чойнхорлин» с осени 2022 г.: пошив экипировки, изготовление буддийских оберегов и ритуальное благословение для мобилизованных граждан Бурятии.

Слово «сангха» в палийских и санскритских текстах изначально обозначало общину монашествующих [2, с. 145]. Уже в раннем буддизме сангха понималась шире — как «община четырёх частей»: монахи, монахини, миряне и мирянки, объединённые общим следованием Дхарме. В буддийской онтологии сангха — не сумма индивидов и не безличный коллектив, а особое отношение взаимной поддержки и со-ответственности. Это укоренено в доктрине пратитья-самутпады — учении о «взаимозависимом возникновении»: ни одна вещь и ни один человек не существуют сами по себе, всё возникает в сети взаимных связей [2, с. 78]. Моральный субъект, тем самым, изначально мыслится как реляционный — встроенный в сеть отношений, а не как изолированный «я». Западная философская традиция, начиная с Р. Декарта, шла противоположным путём, утверждая первичность отдельного субъекта.

В российском буддизме (бурятская, тувинская, калмыцкая традиции) сангха исторически приобрела дополнительное измерение — стала формой социально-родовой самоорганизации. Н. В. Цыремпилов показывает, что с конца XVIII в. буддийская сангха в Забайкалье выпол-

няла функции, далеко выходящие за рамки религиозной общины: была центром образования, медицины, культурного производства и социальной поддержки [3, с. 89]. Мы полагаем, что именно эта историческая «толщина» сангхи как социального института позволяет говорить о ней как о нравственном субъекте не метафорически, а в строгом философском смысле.

В современной аналитической философии М. Гилберт разработала концепцию коллективной интенциональности: группа людей может иметь общие намерения, убеждения и обязательства, не сводимые к сумме индивидуальных [4, с. 12]. На наш взгляд, сангха в высокой степени соответствует признакам коллективного нравственного субъекта: её члены приняли совместное обязательство (принятие Прибежища в Трёх Драгоценностях — Будде, Дхарме, Сангхе); их действия мотивированы общими ценностями; они несут общую ответственность за результаты совместных действий, что описывается через понятие коллективной кармы.

Реляционную онтологию подкрепляет социология морали: Э. Дюркгейм утверждал, что религиозные сообщества создают «коллективные представления» — устойчивые моральные нормы, не выводимые из индивидуального опыта [5, с. 215]. С этой позиции сангха есть особый социальный факт, генерирующий собственную мораль. Х. Йонас в «Принципе ответственности» подчёркивал: в условиях технологической цивилизации индивидуальная ответственность недостаточна, необходимы коллективные субъекты [6, с. 67]. Считаем, что сангха в буддийской традиции есть древняя и философски разработанная форма такого коллективного субъекта, которую современная западная этика лишь сейчас «переоткрывает».

Иволгинский дацан «Хамбын Хурээ» — буддийский монастырь в селе Верхняя Иволга Республики Бурятия, центр Буддийской Традиционной Сангхи России и резиденция XXIV Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева [7]. На территории дацана функционирует Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» — единственное в России высшее буддийское учебное заведение. С осени 2022 г., после объявления частичной мобилизации, при дацане и университете развернулось волонёрское движение помощи мобилизованным гражданам Бурятии и их семьям. Согласно публикациям региональных изданий [8; 9], основные направления его деятельности таковы: шитьё экипировки (спальники, наколенники, балаклавы, карематы, плащ-палатки, тактические разгрузки); изготовление буддийских оберегов; ритуальное благословение хадаков (ритуальных шарфов) ламами дацана; публичная позиция, артикулируемая Пандито Хамбо-ламой. Основная часть пошива выполняется мирянами при университете; ламы участвуют преимущественно на уровне символического благословения и публичной репрезентации. Это деятельность сангхи в традиционном смысле — «общины четырёх частей».

Предлагаем представить коллективную ответственность в трех уровнях. Первый уровень — материально-практический, который составляет заботу о телесных, материальных нуждах конкретных страдающих людей. Пошив экипировки, передача вещей в воинские части, материальная помощь семьям — формы дана-парамиты (совершенства даяния), одной из шести парамит махаянского буддизма. Дана-парамита — устойчивая практика отдавания, формирующая нравственную природу субъекта [10, с. 102]. На этом уровне сангха действует как тело, заботящееся о других телах. Второй уровень — ритуально-символический, проявляющийся в изготовлении оберегов и освящении хадаков — особая форма символического действия, в которой община заявляет: мы помним о вас, мы держим вас в коллективном внимании. Такие практики выполняют функцию символической интеграции — связывают конкретного человека с большой сетью смыслов и духовных сил, представляемых сангхой [5, с. 220]. На этом уровне сангха действует как память и сеть символических связей. Наконец, третий уровень — дискурсивно-публичный. Это публичная позиция Пандито Хамбо-ламы и других представителей сангхи. На наш взгляд, такие высказывания не описывают происходящее, а конституируют — учреждают — коллективное самопонимание сангхи как нравственного субъекта в публичном пространстве. На этом уровне сангха действует как голос и как лицо.

Принципиальное утверждение автора: эти три уровня связаны не иерархически, а сетеподобно — они поддерживают и усиливают друг друга. Без материальной помощи символическое благословение было бы пустой формальностью; без ритуального благословения матери-

альная помощь была бы неотличима от светского волонтерства; без публичной позиции лидера эти действия не приобрели бы общинного значения. Именно сетевая структура делает сангху коллективным нравственным субъектом, а не агрегатом частных благих поступков. Близкую логику моральной экономики даяния в Бурятии анализирует К. Йонутите [11, с. 110] на материале проекта «Социальная отара».

В классическом буддизме ахимса — одна из главных нравственных норм; Первая из пяти заповедей мирянина (панча-шила) предписывает воздерживаться от причинения вреда живому [12, с. 89]. На первый взгляд, поддержка военнослужащих — пусть и косвенная — вступает с этим принципом в противоречие. Кажущееся противоречие возникает только при отождествлении ахимсы с абсолютным запретом на любую причастность к ситуациям, где имеет место насилие. Такое отождествление философски несостоятельно. Ахимса — это метафизический принцип воздержания от намеренного причинения вреда. Каруна — практический принцип сострадательного отклика на конкретное страдание. Эти принципы располагаются в разных регистрах нравственного действия: первый — в регистре запрета, второй — в регистре отклика. Когда сангха через волонтеров заботится о земляках, оказавшихся в ситуации страдания, она не нарушает ахимсу: она не инициирует и не одобряет насилие, а отвечает каруной на уже сложившуюся ситуацию.

Махаянская традиция, к которой относится тибетско-монгольский буддизм Бурятии, развивает этот ход через классическое понятие упай — «искусных средств»: путь сострадания требует мудрого приспособления к обстоятельствам [12, с. 78]. В текстах Махаяны (Шантидева, «Бодхичарья-аватара» [13] многократно обсуждается ситуация, когда бодхисаттва — практикующий путь сострадания — действует в обстоятельствах, где простое следование правилу привело бы к большему страданию. Тем самым мы утверждаем: разрешение напряжения «ахимса — каруна» состоит не в выборе одной стороны, а в концептуальной дистинкции уровней действия. Сангха как коллективный нравственный субъект существует именно через эту дистинкцию: она удерживает метафизическую норму ахимсы и одновременно реализует практическую каруну. Это не является противоречием, а есть структурная сложность зрелого нравственного действия.

Опираясь на буддийскую философию (пратитья-самутпада, каруна, дана), социологию морали (Дюркгейм) и аналитическую философию коллективной интенциональности (Гилберт, Йонас), можно сделать некоторые выводы. Буддийская Традиционная Сангха России в современном российском буддизме есть полноценный коллективный нравственный субъект, не сводимый ни к сумме индивидов, ни к функции государства, сущность которого в социальной деятельности, основывающейся на буддийских понятиях ахимсы и каруны. Кроме того, действие этого субъекта структурируется на трёх связанных уровнях — материально-практическом, ритуально-символическом и дискурсивно-публичном; их сетеподобное единство и есть форма существования коллективного нравственного субъекта; кажущееся противоречие между ахимсой и каруной снимается дистинкцией метафизического принципа воздержания и практического отклика сострадания.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. филос. общества, 2000. 304 с.
3. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 338 с.
4. Gilbert M. On Social Facts. Princeton: Princeton University Press, 1989. 521 p.
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. А. Б. Гофмана. Москва: Дело, 2018. 736 с.
6. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем. И. И. Маханькова. Москва: Айрис-пресс, 2004. 480 с.

7. Иволгинский дацан «Хамбын Хурээ». URL: <https://ivolgdatsan.ru/> (дата обращения: 15.05.2026).
8. Иволгинский дацан призвал волонтеров и швей для помощи мобилизованным из Бурятии // Бурят-Унэн. 2022. 14 окт. URL: <https://burunen.ru/news/society/93922> (дата обращения: 15.05.2026).
9. «Нужное дело»: волонтеры Буддийского университета «Даши Чойнхорлин» шьют экипировку для мобилизованных // Бурят-Унэн. 2022. 7 дек. URL: <https://burunen.ru/news/society/95375> (дата обращения: 15.05.2026).
10. Харви П. Введение в буддийскую этику. Основания, ценности, проблемы: пер. с англ. Москва: Ладомир, 2008. 426 с.
11. Йонутите К. «Без овечьей отары достойной жизни не будет»: установление границы религии в контексте социально вовлечённого буддизма в Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(1). С. 106–122.
12. Keown D. Buddhist Ethics: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2005. 168 p.
13. Шантидева. Бодхичарья-аватара: путь Бодхисаттвы / пер. с тиб. Ю. Жиронкиной. Москва: Открытый Мир, 2007. 240 с.

THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE SANGHA AS A COLLECTIVE MORAL SUBJECT: THE CASE OF CONTEMPORARY RUSSIAN BUDDHISM

Abstract. The article argues that the Buddhist sangha in contemporary Russia constitutes a full-fledged collective moral subject — an autonomous bearer of moral responsibility, irreducible to its individual members or to state function. Drawing on volunteer activity at Ivolginsky Datsan (Buryatia), the author proposes a three-level model of collective responsibility: material-practical, ritual-symbolic, and discursive-public levels connected as a network. The author argues that the tension between ahimsa (non-violence) and karuna (compassion) is resolved upon proper analysis. The author's position is that the developed model is applicable to professional communities in high-risk fields.

Keywords: sangha, moral responsibility, collective subject, Russian Buddhism, Ivolginsky Datsan, ahimsa, karuna, social philosophy, traditional values, risk society.

Сведения об авторе

Матанцев Алексей Олегович, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: amatantsev03@mail.ru

Matantsev Alexey Olegovitch, postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: amatantsev03@mail.ru

**ТЕОРИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ АДАПТАЦИИ — КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ**

Аннотация. В статье рассматривается теория религиозной адаптации в контексте китайской модели государственно-религиозных отношений. Анализируется роль теории адаптации религии в социалистическом строе и ее влияние на жизнь китайского общества. Рассматриваются различные инструменты адаптации религиозной деятельности. Оцениваются как положительные стороны (легализация религиозных организаций; сплочение многоэтнической страны; многие элементы религии считаются культурным наследием и охраняются государством; высокий уровень безопасности в стране, а именно снижение преступности), так и отрицательные стороны (рестрикция религиозной деятельности; искажение первоначальных религиозных учений; напряжение в регионах с этническим населением; возрастное ограничение, детям до 18 лет запрещено изучать и принадлежать к какой-либо религиозной организации) теории религиозной адаптации. В статье делается вывод о двойственном характере религиозной адаптации.

Ключевые слова: государство, религия, китайское общество, Коммунистическая партия Китая, Си Цзиньпин, китайская мечта, теория религиозной адаптации.

Китайская модель государственно-религиозных отношений представляет собой полный контроль религиозной деятельности со стороны партии в эпоху секуляризации. Для изучения взаимодействия религии и государства в современном китайском обществе предлагаем использовать теорию религиозной адаптации. В теории религиозной адаптации был выдвинут оригинальный подход изучения религии, сочетающийся с национальными условиями и религиозной ситуацией в Китае, а именно «китаизированный марксистский взгляд на религию». «Китаизированный марксистский взгляд на религию» включает в себя четыре аспекта, три из которых совпадают с основными взглядами на религию в целом. Четвертый взгляд представляет утверждение об «активном направлении религии к адаптации к социалистическому обществу», а именно взгляд на религиозную адаптацию. Концепция религиозной адаптации — это новое явление в современной теории взаимоотношений между религией и социалистическим обществом, и она является ядром и основой «китаизированного марксистского взгляда на религию». «Концепция религиозной адаптации» подразумевает: 1) религиозные деятели и верующие должны соблюдать законы и правила своей страны; 2) религиозная деятельность обязана служить высшим и общим интересам нации, а религиозным деятелям следует продвигать позитивную направленность религии, внося больший вклад в национальное единство и социальное развитие [1].

Теория адаптации религии к социалистическому обществу, по сути, рассматривает вопрос о том, как партия и правительство должны регулировать отношения между религией и правовой системой, а также между религией и социалистическим обществом. Руководство Коммунистической партии Китая говорит об успешном опыте религиозной работы (активное направление религии к адаптации к социалистическому обществу) со времен основания КНР. Эта концепция является наиболее концентрированным выражением марксистского взгляда на религию в китайском стиле, а также вкладом Коммунистической партии Китая в развитие этой концепции. Ценность религии определяется её функцией и ролью, которые можно рассматривать с разных точек зрения. С точки зрения человеческого общества в целом, она выполняет политические, экономические, идеологические и культурные функции; с точки зрения отдельного человека, религия выступает в роли веры, понимания и утешения. Марксисты придерживаются двойственного взгляда на функцию и роль религии, полагая, что религия имеет как положительные, так и отрицательные аспекты.

После политики реформ и открытости (1978 г.) компартия пересмотрела свои взгляды на религиозную политику. И в настоящее время наблюдается более позитивное отношение к религии, одним из шагов к этому стала теория адаптации религии. Эта теория помогает правительству обеспечить безопасность и стабильность внутри страны путем ограничения негативного влияния религии в виде фанатизма и экстремизма в регионах с большим процентом этнического разнообразия. Несмотря на тотальный контроль, государство оказывает все сильную поддержку национальным меньшинствам, которые составляют подавляющее число верующих. Об этом свидетельствуют слова Си Цзиньпина: «мы должны воспитывать и направлять жителей провинции к полному уважению обычаев и религиозных убеждений этнических меньшинств, удовлетворять их потребности в праздниках, еде, похоронах и т. д., по мере необходимости, и уделять внимание защите и продвижению культуры этнических меньшинств. Мы должны законодательно гарантировать религиозные потребности верующих, уважать их обычаи и расширять законодательные механизмы для правильного усвоения ими религиозных знаний» [3].

Си Цзиньпин считает, что активное направление религиозных организаций к адаптации к социалистическому обществу требует усилий от двух сторон, не только со стороны партии, а также от самих религиозных организаций. Построение социализма с китайской спецификой — это и есть «китайская мечта» (中国梦). Коммунистическая партия во главе с Си Цзиньпином призывают всех религиозных деятелей и верующих объединиться для совместной работы над этой мечтой [4]. Многие священнослужители в своих работах, выступлениях включают идеи адаптации религии и призывают верующих не только следовать религиозным догмам, но и китайской мечте. Теория адаптации религии не требует полного отказа от религиозных верований. Речь идет лишь о том, что религиозные деятели должны толковать догмы согласно этой теории. Если в верованиях что-то не соответствует теории религиозной адаптации, то это подлежит изменению.

Партия придерживается четырех основных взглядов на религию для обеспечения гармоничного сосуществования политики и религии и четвертый аспект является основополагающей и конечной точкой религиозной работы партии и государства. Правящая партия Китая занимает активную позицию по отношению к религии, одновременно идя в ногу со временем, научно осмысливая международную и внутреннюю ситуацию. Уделяет особое внимание ключевому вопросу конфронтации за религиозное лидерство и поддержку верующих, тем самым, ведя борьбу против вмешательства извне и незаконных внутренних религиозных движений. На практике это выражается в жестком контроле за любым иностранным вмешательством, ведь согласно теории адаптации религии, религиозные организации должны быть независимы от международных церквей и монастырей. Только отдел по делам религии может назначать и снимать с должностей духовных лиц.

Главная цель теории религиозной адаптации в том, чтобы сделать религию частью китайской культуры. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что религия — это особое культурное явление и важный носитель человеческой культуры. Он добавил: «Как культуре, я уделяю пристальное внимание религиозным делам. Религия обладает большой мудростью в убеждении людей творить добро и предлагает множество полезных толкований» [2]. Также отметил, что религиозные писания обогащают традиционную историю и культуру; глубокая мудрость религиозной философии влияет на национальный дух; глубокая и всесторонняя религиозная этика закрепляет моральные нормы и принципы [3].

Демонстрацией теории религиозной адаптации является, например, Всемирный буддийский форум, который впервые состоялся в 2006 г., и сейчас проводится раз в три года. В первом форуме приняли участие буддисты из 37 стран, а уже в шестом буддийском форуме (2024), который проходил в г. Нинбо (провинция Чжэцзянь) приняли участие члены буддийских сообществ, ученые, эксперты и гости из 72 стран мира. Си Цзиньпин рассматривает дружеские обмены в религиозной сфере как важный элемент межгосударственных отношений и взаимного обучения между различными цивилизациями. По сравнению с буддизмом, в

христианской сфере партия проявляет осторожность на международной арене. Правительство использует дипломатию, чтобы укрепить контроль над внутренней религиозной жизнью христиан. Китайские христианские сообщества принимают активное участие во Всемирном совете церквей (The World Council of Churches), и в некоторых университетах Китая работают центры по изучению христианства, где осуществляется международный обмен среди учащихся. Визит Патриарха Кирилла в Китай является частью религиозного обмена между двумя странами и отражает особые дружественные отношения между Китаем и Россией. Правительство выразило надежду, что Русская православная церковь и Патриарх Кирилл будут играть более значительную роль в укреплении китайско-российской дружбы.

Политика «китаизация религии» успешно реализовалась на практике, но с жестким контролем со стороны властей. Теория религиозной адаптации обладает положительными сторонами: это легализация религиозных организаций; сплочение многоэтнической страны; религии считаются культурным наследием и охраняются государством; высокий уровень безопасности в стране. К отрицательным сторонам можно отнести рестрикцию религиозной деятельности; искажение первоначальных религиозных учений; напряжение в регионах с этническим населением; возрастное ограничение, детям до 18 лет запрещено изучать и принадлежать к какой-либо религиозной организации.

В заключении можно сказать, что коммунистическая партия Китая считает, что религия является позитивным фактором и стремится использовать возможности религии в построении социализма для достижения национального и этнического единства, социального развития и национальной стабильности. Одновременно с этим, всестороннее и широкое сотрудничество с международными религиозными организациями имеет важное значение для «мягкой силы», укрепления внутренней религиозной системы и контроля над внешним вмешательством иностранных сил. В новых условиях Коммунистическая партия Китая руководствуется марксистским учением о религии с китайской спецификой, уделяя внимание преодолению негативного влияния религии на развитие социалистического общества. Теория религиозной адаптации играет значительную роль в государственно-религиозных отношениях, так как влияет на разные аспекты жизни китайского народа, а именно на стабильность в обществе, единство нации, патриотическое воспитание, экономическое и культурное развитие. Реализации этой теории имеет двойственный характер: с одной стороны, адаптация доказала свою эффективность во встраивании религии в китайскую культуру, с другой стороны, теория формулирует жесткий контроль со стороны государства над религией.

Литература

1. 赵世臣, 王德华. 执政党与宗教 (Чжао Шичен, Ван Дэхуа. Правящая партия и религия). URL: <https://www.paper.edu.cn/search/simple?searchType=&searchContent=%25E4%25B8%25AD%25E5%259B%25BD%25E5%25AE%2597%25E6%2595%2599&searchDate=20032026&searchPage=1&searchSubject=%25E5%2585%25A8%25E9%2583%25A8&searchSort=relevant> (дата обращения: 18.05.2026).

2. 习近平:《干在实处,走在前列——推进浙江新发展的思考与实践》(Си Цзиньпин. Практическая работа и лидерство: размышления и практика содействия новому развитию в провинции Чжэцзян). URL: <https://news.12371.cn/2013/10/30/ART11383112641143247.shtml> (дата обращения: 19.05.2026).

3. 习近平:《积极树立亚洲安全观,共创安全合作新局面——在亚洲相互协作与信任措施会议第四次峰会上的讲话》(Си Цзиньпин. Активно формировать азиатскую концепцию безопасности и совместно создавать новое поле для сотрудничества в области безопасности — выступление на четвертом саммите конференции по взаимодействию и мерам доверия в Азии). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-05/21/content_2683791.htm (дата обращения: 20.05.2026).

4. 习近平:《共圆中华民族伟大复兴的中国梦》(Си Цзиньпин. Реализация китайской мечты и великое возрождение китайской нации). URL: <https://opinion.people.com.cn/n/2014/0219/c1003-24400096.html> (дата обращения: 20.05.2026).

THEORY OF RELIGIOUS ADAPTATION: THE CHINESE MODEL OF STATE – RELIGION RELATIONS

Abstract. This article examines the theory of religious adaptation in the context of the Chinese model of state-religious relations. It analyzes the role of religion's adaptation within the socialist system and how this affects the life of Chinese society. Various tools for adapting religious activities are discussed. Both positive aspects (legalization of religious organizations; unification of a multi-ethnic country; many elements of religion are viewed as cultural heritage and are protected by the state; high level of security in the country, specifically a decrease in crime) and negative aspects (restriction of religious activities; distortion of original religious teachings; tension in regions with ethnic populations; age restrictions, such as prohibiting children under 18 from studying or belonging to any religious organization) of the theory of religious adaptation are evaluated. The conclusion is drawn about the dual nature of religious adaptation.

Keywords: State, religion, Chinese society, Communist Party of China, Xi Jinping, Chinese Dream, theory of religious adaptation.

Сведения об авторе

Бальчинова Алена Юрьевна, аспирант кафедры философии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: ellen7753191@mail.ru

Balchinova Alyona Yuryevna, postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: ellen7753191@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИИ И В МИРЕ

УДК 82:398

З. А. Серебрякова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ БУРЯТИИ

Аннотация. В статье анализируется неоднозначность места традиции в литературном процессе Бурятии, а также характер воспроизведения традиционной составляющей бытия народа и его традиционных духовно-нравственных ценностей в прозе региона советского периода. Несмотря на необоснованную критику со стороны властных структур попыток писателей сколько-нибудь объективно отразить прошлое родного края, историю народа и высказать позитивную оценку предмета отображения, в прозе, особенно, в романе, жанре, в наибольшей степени воплощающем свойственные искусству слова исследовательские и аналитические возможности, а также высокую степень обобщения, осуществлялось в целом успешное художественное осмысление и феномена традиции, и воспроизведение основополагающих традиционных духовно-нравственных ценностей. При анализе произведений Ж. Тумунова, Ч. Цыдендамбаева, Ц. Номтоева, Ц.-Ж. Жимбиева, В. Митыпова основное внимание сосредоточено на анализе таких ценностей, как семья и созидательный труд.

Ключевые слова: литература, проза, роман, Бурятия, народ, традиция, ценность, традиционные ценности, семья, труд.

Как известно, в традициях концентрируется все самое ценное из наследия предшествующих эпох и поколений, они выступают в качестве опоры дальнейшего движения и в диалектическом единстве с новаторством обеспечивают преемственность развития. Несмотря на непреходящую актуальность проблемы традиций и новаторства в развитии литературы, их тесная взаимосвязь и взаимообусловленность далеко не всегда были общепризнанными.

Так, на начальном этапе истории советской литературы отношение к традициям было неоднозначным. Так, в Бурятии 1920-х гг. резкой критике за «настроения и думы прошлых лет», воспевание «идиллического мира патриархального степняка» подверглась лирика Солбонэ Туя [1, с. 195]. Совершенно некачественной и несправедливой была и оценка пленумом Бурятского обкома КПСС 1952 г. замечательного романа Ч. Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара» как проникнутого буржуазно-националистической идеологией и идеализирующего дореволюционное прошлое [2, с. 118].

Возможно, бурные дискуссии об эпосе «Гэсэр», в которых ведущим отечественным востоковедам и деятелям национальной культуры удалось защитить это коллективное творение народа от обвинений в пропаганде феодально-ханской идеологии, а также перипетии собственного произведения, романа «Доржи, сын Банзара», обусловили особое место проблемы традиций в его продолжении, втором романе Ч. Цыдендамбаева «Вдали от родных степей».

Осваивая вместе со своим центральным героем огромный массив теоретического и эмпирического материала, используя присущие словесному искусству интеллектуальность, аналитику, исследовательское начало, высокую степень обобщения автор осмысливает и проблему традиций и новаторства.

Не случайно много внимания уделено работе Д. Банзарова над диссертацией, чтению им множества источников, его размышлению об истоках религии, традиционной культуре монгольских народов, их фольклоре, обрядах, обычаях, праздниках и т. д.

Развивая один из лейтмотивов первой части диалогии, автор воспроизводит присущие центральному герою восхищение творческим гением родного народа, создавшего произведения словесности, изобразительного, музыкального и других искусств. Он хорошо помнит

детские впечатления о них, сам поет родные песни и мечтает собирать пословицы и песни, чтобы они были переданы грядущим поколениям.

Писатель органично вплетает в ткань романа бурятские пословицы, поговорки, помогающие персонажам точно и лаконично описывать разные типы людей («Говорят же буряты, что змея пестра снаружи, а человек изнутри»), передавать мысли и чувства. «Народная мудрость на всех языках звучит одинаково, разительно метко», — резюмирует полиглот Доржи [3, с. 212–213].

Энтузиазм, искреннее восхищение Д. Банзарова культурой родного народа, его дар убеждать аудиторию проявляются и на защите им своей диссертации, когда перед слушателями «проходила многовековая история народов, судьбы целых поколений... Было интересно слышать, как, в каких условиях зародилось шаманство — черная вера монголов и многих других племен...» [3, с. 200].

Непосредственным носителем традиционной культуры монгольских народов, выполняющим миссию их трансляции в процессе педагогической деятельности, выступает учитель монгольского языка казанской гимназии Хэшэгтэ Никтуев.

Логично было бы ожидать, что в аналогичном плане будет интерпретирован образ обучающегося в Казани ламы Галсана, олицетворяющего тип буддийского священнослужителя, стремящегося проповедовать в кругу земляков принципы вероучения и следовать соответствующим установлениям. Однако, вопреки предмету исследования главного героя, изучающего шаманизм, профессиональным интересам части его окружения, представленного востоковедами, писатель в ситуации 1950-х гг. вольно или невольно оказался в роли самозензора, предвосхищая возможную критику своего произведения за идеализацию религии. Видимо, чтобы не ставить под сомнение то, чему посвятили себя герои романа, ученые указанной специальности, он сосредоточил ожидаемый от него атеистический пафос на ламстве и шаманах как социальной группе, трактуя их как похитителей того, что создано народом, и Галсане как ее представителе. Поэтому Галсан не только демонстрирует негативное отношение и к иным этносам, и к космополитам, в число которых включает и Банзарова, но и проявляет себя в качестве доносчика, приспешника властей.

Налицо вынужденность такой трактовки, которая в современных условиях воспринимается как дань писателя сложным для творчества обстоятельствам, нечто преходящее в художественном тексте. Тем не менее, Цыдендамбаев, как и многие его коллеги-литераторы, даже в самые трудные для свободы творчества периоды, а тем более в 1960-е и последующие годы, отражали фундаментальные, смыслообразующие традиционные духовно-нравственные ценности родного и соседних народов, имеющие непреходящее значение во все времена, определяющие его бытие, образ жизни, менталитет. Среди таких ценностей — семья, созидательный, творческий труд, родная земля, добро, справедливость, коллективизм и др.

Рассмотрим лишь некоторые из них. Для многих народов Востока, в том числе для бурят, семья имеет огромное значение, является безусловной ценностью. Это проявляется в почитании старших (выходящем и за пределы родственного сообщества), включая оказавшихся в одиночестве, попечение над которыми осуществляется окружающими, в том, что родительство ассоциируется со счастьем, в особой любви к детям, приятии в семью сирот, т. е. в лице детей приветствуется новая жизнь, благоговением перед которой отличается одна из традиционных для Бурятии мировых религий — буддизм.

Именно так поступают персонажи дилогии о Д. Банзарове, в первую очередь, сам Доржи, горячо любящий мать, глубоко, как и другие действующие лица, привязанный к семье, родственникам, уважающий старших. Одна из героинь удочеряет осиротевшую девочку, другой — с любовью относится ко всем встречающимся детям, радуя их подарками и гостинцами. Не случайна теплая тональность описания детства главного героя романа В. Митыпова «Долина бессмертников» молодого поэта Олега Аюшева, состоящего из ярких, зримых деталей, сопровождающихся впечатлениями звуковыми впечатлениями: солнце, огромным малиновым медведем вылезающее из-за пустынной гряды лысых сопок, звук врезающихся в жестяной подойник тугих струй молока, то и дело подлетающие к гнезду под низкой крышей домика с

пищей для ненасытных птенцов ласточки [4, с. 5–6]. К числу важнейших традиционных ценностей бурятского этноса относится и созидательный труд, обстоятельно раскрытый в первом романе Ч. Цыдендамбаева о Д. Банзарове. «Умным и трудолюбивым народом называет бурят русский кузнец Степан Тимофеевич. Без усталы трудятся мать Доржи Цоли, подросток Затагархан, слепая старушка Тобшой, Эрдэмтэ, другие ичетуйцы» [5, с. 62].

Трудовой героизм, самоотверженность, негибкость проявляют герои, в том числе женщины, дети и подростки, пожилые люди, в романах «Золотой дождь» Ж. Тумунова, «Год огненной змеи» и «Течение» Ц.-Ж. Жимбиева и многих других авторов, обеспечив помощь и поддержку армии и стране в годы Великой Отечественной войны.

Как показывает литература Бурятии, для истинного труженика его работа — главное дело жизни, источник и проявление творческой одаренности. Таким вдохновенным тружеником выступает Хэшэгтэ Никтуев во второй части дилогии о Банзарове, прекрасный чеканщик по драгоценному металлу, которому удалось добиться замечательного мастерства в изготовлении татарских ювелирных изделий, вызывавших неизменно высокую эстетическую оценку.

Другой пример образа такого типа создан в повести «Пестрая береза» Ц. Номтоевым. Как и Никтуев, Нанзад в молодости знаменитые на всю округу ювелирные украшения. Затем стал мастером по дереву. Сделанные им оконные наличники, ворота украшают многие строения, мебель — дома односельчан. Помимо красоты все сделанное им отличается отменным качеством: «Если он сделал ведро — оно не протекает, согнул полозья для саней — они не выпрямляются. А телегу смастерит — запрягай в него дикого коня и поезжай. Не разобьет. Вечная ... рассказывали, что в сундук, который сделал дядюшка Нанзад, налили воды, и он не протек» [6, с. 81].

Мастер с радостью снабжает школьников инструментами для уроков труда, рассказывает им, в том числе собственному внуку о назначении каждого, способах обращения с ними, а также учит видеть особенности дерева, от которых зависит их использование столяром, например, редчайшей, отличающейся особой крепостью пестрой березы, дает первые уроки мастерства.

Если младшее поколение в этом произведении внимательно слушает мастера, старается следовать его советам, но главный герой рассказа Ц.-Ж. Жимбиева «Сенокос» Содномом Глубоко обижен на своих товарищей-ровесников и даже на любимую девушку, справедливо и единодушно упрекавших его за недобросовестность и неумелое обращение с сенокосилкой. Пережив ссору с любимой, преодолев жалость к себе, после нескольких неудач он постепенно понял, как именно, вдумчиво, осторожно, следует работать на отведенном участке. «Работа спорилась, и рассеивались тучи на душе Соднома ... Он даже на сиденье сегодня сидел по особенному — лихо, словно в казачьем седле...» [7, с. 280]. С. С. Имхелова обоснованно включила Ц.-Ж. Жимбиева в число тех литераторов, в произведениях которых труд степняков вписан «в историческую, культурную жизнь нации» [8, с. 42].

Таким образом, литература Бурятии, вопреки недооценке и даже принижению традиционной составляющей в жизни общества, на разных этапах истории общества советского типа стремилась показать ее объективное значение, отобразить фундаментальные ценности народа. В прозе Ж. Тумунова, Ч. Цыдендамбаева, Ц. Номтоева, Ц.-Ж. Жимбиева, В. Митыпова убедительно воспроизводятся семья, созидательный, творческий труд и другие традиционные ценности населения региона.

Литература

1. Очерки истории культуры Бурятии: в 2 томах. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. Т. 2. 648 с.
2. Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х гг. и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
3. Цыдендамбаев Ч. Вдали от родных степей / пер. с бурят. М. Н. Степанова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 394 с.
4. Митыпов В. Г. Долина бессмертников. Москва: Современник, 1975. 236 с.

5. Серебрякова З. А. Национальный характер в бурятском историческом романе. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. 103 с.
6. Номтоев Ц. Н. Пестрая береза // Номтоев Ц. Н. У лесного озера. Повести. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. С. 73–99.
7. Жимбиев Ц.-Ж. Сенокос // Жимбиев Ц.-Ж. Течение: роман, рассказы / пер. с бурят., послесловие А. Белоусова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. С. 274–285.
8. Имixelова С. С. Личность и национальная картина мира в бурятском романе // Россия — Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности: материалы международной научно-практической конференции (18–21 июня 2008 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 41–43.

REPRODUCTION OF TRADITIONS AND TRADITIONAL VALUES IN LITERATURE OF BURYATIA

Abstract. The article analyzes the ambiguous role of tradition in the literary process of Buryatia, as well as the nature of the reproduction of the traditional component of the people's existence and their traditional spiritual and moral values in the prose of the region during the Soviet period. Despite unjustified criticism from the authorities of the writers' attempts to reflect the past of their native land and the history of their people with any degree of objectivity, and to express a positive assessment of the subject matter depicted, prose — particularly the novel, a genre that most fully embodies the research and analytical capabilities inherent in the art of words, as well as a high degree of generalization — achieved a generally successful artistic interpretation of the phenomenon of tradition and the reproduction of fundamental traditional spiritual and moral values. Drawing on the works of Zh. Tumunov, Ch. Tsydendambayev, Ts. Nomtoyev, Ts.-Zh. Zhimбиев, and V. Mityпов, the analysis focuses on values such as family and constructive labor.

Keywords: literature, prose, novel, Buryatia, people, tradition, value, traditional values, family, labor.

Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, e-mail: serebryakovaza@mail.ru

Serebryakova Zoya Aleksandrovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «East Siberian State Institute of Culture», e-mail: serebryakovaza@mail.ru

ПАТРИОТИЗМ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье прослеживается эволюция концепта патриотизма в китайской культурно-ценностной системе с периода становления государственности (династии Ся, Шан и Чжоу) до современности. Раскрываются ключевые исторические этапы формирования патриотической традиции: закрепление идеалов верности стране и императору в эпохи Цинь и Хань, кульминационные образы самопожертвования ради Родины (на примере фигуры поэта и государственного деятеля Цюй Юаня и связанной с ним традиции Фестиваля драконьих лодок), а также актуализация патриотической тематики в периоды борьбы за национальную независимость и модернизацию. Особое внимание уделено научному осмыслению патриотизма как социокультурного феномена. В работе анализируются современные подходы к патриотическому воспитанию в КНР, в том числе положения «Плана реализации патриотического воспитания в новую эпоху» (2019), интерпретация патриотизма в выступлениях Си Цзиньпина и в исследованиях современных китайских. Подчёркивается, что патриотизм выступает идеологической основой национальной консолидации, соединяя уважение к много тысячелетней истории страны с ответственностью за её настоящее и будущее.

Ключевые слова: ценности, патриотизм, любовь к Родине, китайское общество, ценностная ориентация.

Патриотизм (爱国) издревле занимает ключевое положение в системе ценностей китайского народа. Начальным периодом формирования патриотизма как ценностной ориентации стало возникновение китайской государственности в период династий Ся, Шан и Чжоу. В это время складывалась система национальной интеграции и идентификации, важными отличительными чертами которой стали почитание предков, ритуалы, музыка и т.д. Культура эпох Цинь и Хань заложила образцы китайской национальной культуры с идеалами патриотизма, верности стране и императору. Одним из выдающихся символов патриотизма в эпоху Чжаньго стал государственный деятель и поэт Цюй Юань. Уроженец царства Чу, глубоко осознавая страдания, причиненные народу войной, он призывал заключить союз с другими царствами, чтобы противостоять усилившейся Цинь. Однако он был оклеветан знатью Чу и был изгнан. Когда столица Чу была захвачена армией Цинь, Цюй Юань решил использовать свою жизнь, чтобы показать своей жертвой глубокую любовь к Родине и народу. День, когда он бросился в реку, и по сей день отмечается как Фестиваль драконовых лодок (Дуань-у).

В современный период китайской истории перед китайским обществом стояли задачи достижения национальной независимости и модернизации Китая. Необходимость сопротивления иностранному угнетению и агрессии актуализировали тему патриотизма. В данный период новейшей истории Китая было множество героических примеров (сражение на мосту Марко Поло, Битва ста полков, партизанское движение, подвиг Ван Эрсяо и т.д.), отражающих дух борьбы, единства и патриотизма китайской нации. Символом сопротивления стало стихотворение китайского поэта Тянь Ханя, в настоящее время «Марш армии добровольцев» является гимном Китайской Народной Республики.

Как отмечает Чжан Юньфэй: «Китайская культурная модель на протяжении тысячелетий демонстрирует удивительную устойчивость, основанную на внутренней согласованности ключевых аксиологических элементов, среди которых особое значение приобретают концепт «семья» (家), принцип «гармония» (和) и понятие «патриотизм» (爱国), формирующие символическое ядро как традиционного, так и современного китайского мировоззрения» [4, с. 200]. По его мнению, патриотизм является идеологической основой национальной консо-

лидации китайского общества. Исследователи Хуан Тяньдэ, Лю Хэншуан в марте 2021 г. провели свободный ассоциативный эксперимент среди студентов университета провинции Гуандун, целью было установить ассоциативный ряд на слово-стимул «патриотизм». В результате ими было выявлено, что слово-стимул «патриотизм» связано у китайских респондентов такими феноменами как: дом (семья), земля, народ, герой, долг, война, тоска, чувства (эмоции), символы Китая, политика и единство Китая, духовные ценности [4, с. 132–134].

В исследовании риторики патриотизма в медиа-дискурсе китайских СМИ, проведенном Бай Сюэ говорится о том, что содержание концепта «патриотизм» включает широкий спектр духовно-нравственных поведенческих ориентиров и эмоционально-оценочных компонентов. В дискурсе китайских масс-медиа при реализации риторики патриотизма «проводится комбинированное использование параллелизма (параллельные конструкции в китайском языке используются для усиления смыслового и эмоционального посыла), военной метафоры, чэньюй, народной мудрости, пословиц и поговорок, изречений мыслителей древнего Китая и исторических аллюзий, обогащая тем самым информационно-эмоциональные функции» [1]. Автор обращает внимание на то, что патриотическая риторика призвана выражать идеи единства и сплоченности всей нации, а также солидарности и преодоления трудностей.

В современном политическом курсе КНР большое значение уделяется патриотическому воспитанию молодежи. Обновленный подход к патриотическому воспитанию был выражен в «Плане реализации патриотического воспитания в новую эпоху» 2019 г., где основное внимание направлено на адаптацию патриотического воспитания к современным вызовам и потребностям. Как отмечает Мяо Даван, «патриотизм сегодня подразумевает любовь к родине и солидарность с социалистическими идеями, где любовь к социализму неизбежно влечет за собой приверженность Коммунистической партии Китая» [2]. Патриотическое воспитание молодежи в данном документе также включено в более широкий контекст идей Си Цзиньпина о великом возрождении китайской нации и китайской мечте.

В своих выступлениях, Председатель КНР Си Цзиньпин особо подчеркивает важность любви к Родине, партии и социализму, призывает молодежь современного Китая служить Родине, заботиться о будущем своей страны и своего народа. Таким образом, любовь к Родине — это традиционная добродетель китайского общества, которая является важной нормой регулирования индивидуальных интересов граждан и национальных интересов страны. Его содержание включает в себя уважение к многотысячелетней истории Китая, ответственность за настоящее страны, стремление к единству, сплоченности и процветанию общества.

Литература

6. Бай Сюэ. Лингвокреативность в реализации риторики патриотизма в дискурсе китайских масс-медиа // *Litera*. 2022. № 5. С. 31–42. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37918 (дата обращения: 10.05.2026).
7. Мяо Даван. Динамика патриотического воспитания: компаративный обзор планов реализации в рамках китайского образования // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-patrioticheskogo-vozpitanija-komparativnyy-obzor-planov-realizatsii-v-ramkah-kitayskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 11.05.2026).
8. Хуан Тяньдэ, Лю Хэншуан. Концепт «патриотизм» в китайской языковой картине мира // *Политическая лингвистика*. 2021. № 4(88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-patriotizm-v-kitayskoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 11.05.2026).
9. Чжан Юньфэй. Гармония, семья, патриотизм в китайской системе ценностей: культурологический аспект // *Российские исследования. Культура и общество*. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garmoniya-semya-patriotizm-v-kitayskoy-sisteme-tsennostey-kulturofilosofskiy-aspekt> (дата обращения: 11.05.2026).

PATRIOTISM IN THE SYSTEM OF TRADITIONAL VALUES OF CHINESE SOCIETY

Abstract. This article traces the evolution of the concept of patriotism in the Chinese cultural and value system from the period of state formation (the Xia, Shang, and Zhou dynasties) to the present day. Key historical stages in the formation of the patriotic tradition are revealed: the consolidation of the ideals of loyalty to the country and the emperor in the Qin and Han dynasties, the culminating images of self-sacrifice for the Motherland (exemplified by the poet and statesman Qu Yuan and the associated tradition of the Dragon Boat Festival), and the resurgence of patriotic themes during periods of struggle for national independence and modernization. Particular attention is paid to the scholarly understanding of patriotism as a sociocultural phenomenon. This paper analyzes contemporary approaches to patriotic education in China, including the provisions of the «Plan for Implementing Patriotic Education in the New Era» (2019), the interpretation of patriotism in Xi Jinping's speeches, and contemporary Chinese studies. It emphasizes that patriotism serves as the ideological foundation of national consolidation, combining respect for the country's millennia-long history with responsibility for its present and future.

Keywords: values, patriotism, love of country, Chinese society, value orientation.

Сведения об авторе

Бальчиндоржиева Оюна Баировна, доктор философских наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

Balchindorzhieva Oyuna Bairovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

**СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО В УСЛОВИЯХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН: ПЕРФОРМАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
И НОВЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО ЗРИТЕЛЕМ**

Аннотация. В статье рассматривается перформативность как одна из ключевых характеристик современного изобразительного искусства в условиях общественных перемен XXI в. Анализируется переход от классической модели искусства как завершённого объекта к пониманию художественной практики как события, процесса и формы коммуникации. Особое внимание уделяется трансформации взаимодействия художника и зрителя, при которой зритель перестаёт быть внешним наблюдателем и включается в художественный акт как участник интерпретации и коллективного переживания. Показано, что становление перформативных стратегий связано с опытом перформанса второй половины XX в., подготовившего новые формы художественной событийности, телесности и открытой структуры произведения. На материале современных практик — стрит-арта, лэнд-арта, урбанскетчинга, ярибомбинга, флешмобов и цифровых арт-проектов — выявляется, что современное искусство всё активнее интегрируется в городскую, социальную и сетевую среду, а перформативность выступает социокультурным механизмом формирования коллективной памяти, новых моделей идентичности и общественной коммуникации.

Ключевые слова: перформативность, современное изобразительное искусство, перформанс, зритель, художественная коммуникация, стрит-арт, цифровая культура, общественные перемены.

Современное изобразительное искусство всё заметнее выходит за пределы классической модели репрезентации, в рамках которой произведение мыслилось, прежде всего, как завершённый объект, предназначенный для созерцания и интерпретации. Во второй половине XX — начале XXI в. художественная практика всё чаще смещается в сторону действия, события, процесса и участия. В этих условиях особую значимость приобретает категория перформативности, позволяющая рассматривать искусство не только как систему образов, но и как форму социального взаимодействия, культурной коммуникации и коллективного переживания.

Актуальность такого подхода связана с глубокими изменениями в самой структуре современного общества. Глобализация, цифровизация, урбанизация, рост сетевых форм коммуникации и изменение роли публичного пространства привели к пересмотру не только моделей социальной жизни, но и способов художественного высказывания. Искусство перестаёт быть замкнутым внутри музея или галереи и всё активнее включается в ткань повседневности. Оно осваивает улицу, цифровую среду, коллективные практики, формы совместного действия. При этом меняется и фигура зрителя: из внешнего наблюдателя он всё чаще превращается в соучастника, интерпретатора, а в ряде случаев и в соавтора художественного события.

Перформативность в данном контексте следует понимать как способность художественного акта не просто что-либо изображать, но производить событие, создавать ситуацию, формировать новые отношения между людьми, пространством и культурными смыслами. Здесь важен не только результат, но и сам процесс осуществления действия, его временность, телесность, коммуникативность и включённость в конкретный социокультурный контекст. Именно поэтому перформативность сегодня выступает одним из фундаментальных принципов существования современного искусства.

Теоретические основания такого понимания восходят к философии языка и культурологической мысли XX в. Идеи Дж. Л. Остина и Дж. Сёрла [8; 9] показали, что высказывание может быть не только описанием, но и действием. Позднее категория перформативности по-

лучила значительно более широкое применение и вышла за пределы собственно философии языка, став важным инструментом анализа целого ряда гуманитарных проблем, связанных с идентичностью, ритуалом, телесностью и социальными практиками. В этом расширенном понимании перформативность позволяет рассматривать культурные явления не как статичные формы, обладающие раз и навсегда закреплённым значением, а как процессы, в которых смысл возникает, воспроизводится и трансформируется в ходе действия, взаимодействия и интерпретации. Вследствие этого художественный акт может быть понят не как простая репрезентация уже существующего содержания, а как особая форма культурного действия, в рамках которой осуществляется не фиксация готового смысла, а его порождение в процессе восприятия, коммуникации и включённости в определённую социокультурную ситуацию.

Особое место в становлении перформативного понимания искусства занимает перформанс второй половины XX в., возникновение которого было обусловлено глубокими изменениями в самой логике художественного развития. Его появление было связано, с одной стороны, с кризисом традиционных жанровых форм, уже не удовлетворявших потребности искусства в непосредственном и действенном присутствии в социальной реальности, а с другой — с нарастающим стремлением преодолеть замкнутость художественного произведения в пределах устойчивой, завершённой и институционально закреплённой формы. В этих условиях перформанс стал выражением поиска новых способов сопряжения искусства с жизненной практикой, повседневностью, телесным опытом и коммуникативным взаимодействием. Тем самым в художественной культуре всё более отчётливо утверждалось представление о том, что смысл искусства раскрывается не только и не столько в завершённом результате, сколько в самом акте его осуществления, в событии встречи художника, зрителя и культурного контекста.

Уже в «живописи действия» Джексона Поллока значимым становился не только результат, но и сам жест нанесения краски, телесная энергия художественного акта. В хэппенингах Аллана Капроу эта логика получила дальнейшее развитие: искусство стало приобретать характер открытого события, включающего автора, пространство и аудиторию. В 1960–1970-е годы перформанс окончательно оформился как самостоятельное направление, ориентированное на телесность, непосредственность, временность и разрушение дистанции между жизнью и художественным действием.

Важно подчеркнуть, что речь шла не просто о формальном новаторстве. Перформанс возник в условиях серьёзных общественных изменений и во многом стал художественным ответом на них. Борьба за гражданские права, феминистская повестка, экологические движения — всё это повлияло на новую чувствительность искусства. Художники всё чаще обращались к телу как к медиуму социального и политического высказывания. Перформанс стал не только новой художественной техникой, но и лабораторией иных форм общественного присутствия, в которых эстетическое соединялось с этическим, политическим и коммуникативным измерением.

Именно в этом смысле перформанс следует рассматривать как одну из исходных форм тех художественных трансформаций, которые особенно отчётливо проявились в искусстве XXI в. Сформировавшаяся во второй половине XX столетия установка на процессуальность, событийный характер художественного действия, его временную природу, вовлечение аудитории, активную работу с пространством и последовательное размывание границ между искусством и повседневностью в дальнейшем получила значительно более широкое развитие. Современные художественные практики не просто заимствуют отдельные черты перформанса, но во многом наследуют саму его внутреннюю логику, основанную на понимании искусства как формы действия, коммуникации и производства совместно переживаемого опыта. В начале XXI в. данные принципы получают выражение в разнообразных визуальных и социокультурных формах — от уличных интервенций и городских художественных акций до сетевых проектов, существующих в цифровой среде и ориентированных на новые механизмы взаимодействия с аудиторией.

Одной из наиболее показательных сфер актуализации перформативного начала становится городское пространство. В этом контексте стрит-арт представляет собой особую форму художественного вторжения в повседневную среду, способ её символического переосмысления и культурной перенастройки. Изображение здесь с самого начала включено в сложную систему отношений с конкретным местом, городской средой, случайным прохожим, медийными механизмами распространения и социальными обстоятельствами своего появления. В результате улица перестаёт быть нейтральным пространственным фоном и превращается в активное поле художественного высказывания, в пространство символического действия, внутри которого визуальный жест приобретает общественную значимость.

Перформативный характер стрит-арта наиболее явно раскрывается в его событийной природе. Существенным оказывается не только созданное изображение как таковое, но и сам факт его возникновения, неожиданность художественного вмешательства, реакция городской аудитории, последующее обсуждение в медийной и цифровой среде. Иначе говоря, смыслообразующий потенциал стрит-арта связан не столько с завершённой визуальной формы, сколько с тем культурным и коммуникативным процессом, который запускается его появлением. Стрит-арт наглядно демонстрирует одну из ключевых тенденций современного искусства: его смещение от законченной художественной формы к ситуации, в пределах которой общественный смысл рождается в процессе его восприятия, обсуждения и культурного освоения.

Не менее репрезентативным примером является лэнд-арт, в котором художественное действие переносится в природную среду, включаясь в иную систему взаимодействий. Здесь перформативность обнаруживает себя уже не только в отношениях между художником и зрителем, но и в более сложной связи человека с материалом, ландшафтом, природным ритмом и временем. Природа в подобных практиках выступает не как пассивный фон, на котором размещается произведение, а как активный участник художественного процесса, соопределяющий его форму, длительность и судьбу. Именно поэтому в работах Роберта Смитсона [15], Энди Голдсуорси [11] и других представителей данного направления особенно подчёркивается временный, изменчивый и принципиально незавершённый характер художественной формы. Она зависит от ветра, воды, освещения, сезонных изменений, от естественных процессов разрушения и преобразования. Вследствие этого произведение в лэнд-арте существует не как окончательно закреплённый объект, а как процессуальное образование, раскрывающееся во времени и сохраняющее свою художественную значимость именно в модусе изменения, исчезновения и включённости в природную динамику.

Такое искусство особенно значимо в условиях современных общественных перемен, поскольку оно связано с ростом экологического сознания и с поиском новых форм отношения к окружающей среде. Лэнд-арт возвращает искусству ритуальное измерение, напоминая, что художественный жест может быть формой соучастия в природных процессах, а не только способом эстетического оформления мира. Зритель в данном случае не просто смотрит, а входит в пространство действия, физически переживает место, временность и изменчивость художественного опыта.

Особую роль в современной городской культуре играет урбанскетчинг (городские зарисовки). Именно в нём художественная практика приобретает событийный и коллективный характер. Урбанскетчинг строится на непосредственной фиксации городской жизни, на рисовании «здесь и сейчас», в открытом пространстве, в присутствии других людей. Важным становится не только рисунок как результат, но и сам процесс наблюдения, совместного рисования, проживания городского ритма [4].

Коллективные практики урбанскетчинга формируют особую модель взаимодействия искусства и общества, в рамках которой художественная деятельность выходит за пределы индивидуального творческого акта и приобретает коммуникативное измерение. Горизонтальные связи между участниками объединяют их вокруг общего действия, превращают процесс рисования в совместное освоение городского пространства. Художественная практика оказывается связанной не только с визуальной фиксацией городской среды, но и с актуализаци-

ей культурной памяти о городе, с её проживанием и символическим присвоением в процессе коллективного наблюдения и изображения. Урбанскетчинг сегодня — это мягкая, повседневная форма перформативности, в которой художник, зритель и городская среда включаются в единое процессуальное событие, основанное на совместном восприятии и переживании пространства.

Близкую логику обнаруживает ярнбомбинг — особая разновидность уличного искусства, основанная на коллективном использовании текстиля в публичной среде. Его перформативный характер определяется не только создаваемым визуальным эффектом, но и более сложным соединением ремесленной традиции, телесного измерения, совместного действия и городской повседневности. Практика обвязывания деревьев, скамеек, фонарей и других уличных объектов пряжей вносит в пространство города элементы игры, неожиданности и тактильной близости, тем самым нарушая привычную функциональную нейтральность урбанистической среды. В результате городское пространство на некоторое время переосмысливается, включается в культурный диалог и символически перенастраивается: становится более человечным и эмоционально насыщенным.

Подобные практики формируют новые модели коллективности, в которых художественный жест перестаёт быть исключительной прерогативой отдельного автора и возникает как результат совместного участия. В условиях современного общества, характеризующегося дефицитом непосредственного общения, ослаблением устойчивых форм солидарности и нарастающей социальной фрагментацией, именно такие формы коллективного действия приобретают особую культурную значимость. Они оказываются важны не только как разновидность художественного высказывания, но и как способ восстановления коммуникативных связей, создания ситуаций соприсутствия и формирования опыта совместности, всё более востребованного в современной культуре.

Если уличные и природные практики раскрывают перформативность через телесное присутствие и работу с пространством, то цифровая культура усиливает другой её аспект — сетевую коллективность и мгновенную тиражируемость художественного действия. Арт-челленджи, флешмобы, онлайн-коллаборации, стримы художественного процесса и цифровые выставки показывают, что сегодня произведение всё чаще существует как поток взаимодействий. В таких форматах важен не столько окончательный визуальный результат, сколько участие в общем ритме действия, публичность процесса и постоянная обратная связь.

Характерный пример — международные художественные челленджи Inktober, «100 дней рисования», «Draw This in Your Style» и др. Их культурный смысл заключается в создании особой ритуализированной формы коллективного участия. Художники в разных странах одновременно выполняют задания, публикуют результаты, комментируют работы друг друга, включаются в единое медийное пространство. При этом меняется статус зрителя: он включается в циркуляцию произведения, его обсуждение, оценку и смыслообразование. Цифровая среда усиливает перформативный потенциал искусства: публикация изображения, комментариев, репост — всё это становится частью художественного акта. Искусство существует в длительном сетевом процессе, продолжает жить через реакции аудитории. Это расширяет социокультурный смысл перформативности, она отражает механизмы коллективного опыта в XXI в. Если прежде искусство преимущественно предлагало объект для интерпретации, то теперь оно всё чаще создаёт ситуацию участия (городскую, экологическую, цифровую, локальную или глобальную), которая строится вокруг совместного переживания, взаимодействия и временного сообщества. Поэтому современные художественные практики наследуют функции ритуала: они объединяют людей, создают чувство соприсутствия, закрепляют ценности и оставляют след в культурной памяти.

Перформативность тесно связана и с производством идентичности как результата повторяющихся действий, социальных ролей и культурных практик. В ходе коллективных акций, сетевых инициатив, уличных интервенций или телесных художественных жестов участники вырабатывают новые способы самоопределения, осваивают новые формы присутствия в обществе, модели солидарности и способы выражения собственной позиции.

Многие современные художественные акции носят принципиально эфемерный характер: они быстро исчезают, разрушаются, растворяются в потоке городской повседневности или вытесняются из поля внимания стремительно обновляющейся цифровой среды. Однако подобная мимолётность не свидетельствует об их второстепенности или слабости художественного воздействия. Напротив, именно временный характер таких практик во многом усиливает их культурную значимость, поскольку смещает акцент с материальной длительности объекта на интенсивность переживаемого события. Память о художественном акте сохраняется в опыте его участников, в фото- и видеодокументации, в публикациях, обсуждениях и иных формах медийной фиксации.

Вместе с тем анализ перформативных стратегий требует учитывать и присущие им ограничения. Их воздействие в значительной степени определяется конкретным социокультурным контекстом, степенью готовности аудитории к включённости в художественное действие, уровнем медийной поддержки, а также способностью того или иного художественного жеста преодолеть рамки кратковременного впечатления и обрести более устойчивое символическое звучание. Однако подобные ограничения не опровергают значимости перформативности как художественного и культурного феномена.

Таким образом, перформативность в современном изобразительном искусстве правомерно рассматривать как одну из ключевых форм культурного ответа на общественные перемены XXI в. Она выражает переход от понимания искусства как замкнутого и завершённого объекта к его осмыслению как события, процесса и коммуникативного действия; от модели индивидуального авторства — к коллективным и сетевым формам участия; от традиционной дистанции между художником и зрителем — к их взаимодействию в общем пространстве культурной коммуникации. Стрит-арт, лэнд-арт, урбанскетчинг, ярнбомбинг, флешмобы и цифровые арт-проекты показывают, что искусство сегодня всё чаще существует как действие, объединяющее эстетическое, социальное и медиальное измерения.

Новые модели взаимодействия со зрителем строятся на вовлечённости, соучастии, обратной связи и совместном производстве смысла. Зритель уже не ограничивается ролью внешнего интерпретатора: он становится частью художественного процесса, а иногда и условием его осуществления. В этом заключается одна из важнейших особенностей современного искусства: оно не просто отражает общество, но и создаёт новые формы общественного опыта. Именно поэтому перформативность следует рассматривать не как периферийную характеристику отдельных художественных практик, а как фундаментальный принцип современной культуры, в которой искусство всё теснее связано с жизнью, коммуникацией и коллективной памятью.

Литература

1. Батлер Дж. Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 304 с.
2. Буррио Н. Реляционная эстетика. Москва: Ad Marginem Пресс, 2016. 176 с.
3. Гройс Б. Обратная перспектива. Москва: Ad Marginem Пресс, 2012. 256 с.
4. Иванова Ю. В. Урбанскетчинг как сфера трансформации художественных практик // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 132–139.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
6. Манович Л. Язык новых медиа. Москва: Ad Marginem Пресс, 2008. 400 с.
7. Немченко Л. Современные художественные практики: перекодирование публичных пространств // Топографии популярной культуры URL: <https://public.wikireading.ru/162687> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Остин Дж. Л. Слово как действие. Москва: Прогресс, 1986. 332 с.
9. Сёрл Дж. Акты речи: лингвистико-философские очерки. Москва: Прогресс, 1986. 240 с.
10. Fischer-Lichte E. The Transformative Power of Performance: A New Aesthetics. London: Routledge, 2017. 310 p.
11. Goldsworthy A. Time. London: Thames & Hudson, 2000. 192 p.

12. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: NYU Press, 2006. 336 p.
13. Jones A. *Perform, Repeat, Record: Live Art in History*. London: Intellect, 2018. 420 p.
14. Roms H. On Performativity in Contemporary Visual Arts // *Journal of Visual Culture*. 2021. Vol. 20, no. 2. P. 145–163.
15. Smithson R. *The Collected Writings*. Berkeley: University of California Press, 1996. 390 p.

MODERN VISUAL ART IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGE: PERFORMATIVE STRATEGIES AND NEW MODELS OF INTERACTION WITH THE AUDIENCE

Abstract. The article examines performativity as one of the key characteristics of contemporary fine art in the context of the social transformations of the twenty-first century. It analyzes the shift from the classical model of art as a completed object toward an understanding of artistic practice as an event, a process, and a form of communication. Particular attention is paid to the transformation of the relationship between the artist and the viewer, in which the viewer ceases to be an external observer and becomes involved in the artistic act as a participant in interpretation and collective experience. The study shows that the emergence of performative strategies is closely connected with the experience of performance art in the second half of the twentieth century, which prepared new forms of artistic eventfulness, corporeality, and the open structure of the artwork. Based on contemporary practices such as street art, land art, urban sketching, yarn bombing, flash mobs, and digital art projects, the article demonstrates that contemporary art is increasingly integrated into urban, social, and networked environments. It is argued that performativity functions not only as an aesthetic category but also as a sociocultural mechanism involved in the formation of collective memory, new models of identity, and public communication. The article concludes that in contemporary culture art increasingly functions as a space of interaction in which the result gives way to the event itself, while artistic meaning is generated through participation.

Keywords: performativity, contemporary fine art, performance art, viewer, artistic communication, street art, digital culture, social change.

Сведения об авторе

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет, e-mail: ivanovayuv@gmail.com

Ivanova Yuliya Valentinovna., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University, e-mail: ivanovayuv@gmail.com

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ БУДДИЗМА В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В БАЙКАЛЬСКОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли ценностей буддизма в становлении межэтнического согласия в Байкальской Азии. Отмечается значение высших ценностей для бытия человечества в современных условиях, то, что именно они составляют ядро традиций отечественной духовности. Органичной частью культуры населения Байкальской Азии с XVII в., наряду с православием, стал буддизм. Наиболее характерными чертами его нормативно-ценностной системы являются альтруизм, высокий статус для буддиста других людей, всех живых существ, любовь, сострадание, терпимость, мягкость и т. д. Ламы не только проповедовали эти ценности, но и просвещали и врачевали население, проявляя лояльность к иноверцам. Служение многих из них было примером верности этике буддизма. Потенциал духовности, заложенный в учении Будды, обогатил культуру региона, повлиял на общение и поведение буддистов и их окружения. Это вероучение стало одним из важных факторов установления в регионе межэтнической толерантности и согласия.

Ключевые слова: ценность, традиционные ценности, буддизм, Байкальская Азия, буряты, русские, межэтническое согласие.

Одной из важнейших проблем современного общества, в том числе российского, является определение тех ориентиров, которые связаны с перспективой дальнейшего развития, призваны детерминировать его бытие, деятельность социальных субъектов, т. е. проблема ценностей. Под ценностями чаще всего подразумевают то, что имеет для человека основополагающее значение, принципиально важно для него, что определяет его цели, мотивирует его активность. Ценности дифференцируют по разным основаниям: различаются высшие, или смыслообразующие, и ценности прикладного характера, духовные и материальные и т. д.

Высшие ценности, которые А. Маслоу назвал бытийными и к которым отнес добро, цельность, справедливость, уникальность и др. [1, с. 132–133], действительно фундаментальны, первостепенны, выполняют функцию надления смыслом деятельности индивидов и их сообществ, всего человеческого рода. Только выбор в качестве жизненного ориентира бытийных ценностей «придает человеку чувство собственного достоинства и возможность оценить свое высокое предназначение в мире» [2, с. 57].

В ходе проведения кардинальных российских реформ, осуществленных в основном на рубеже прошлого и нынешнего столетий, не сразу были найдены оптимальные пути дальнейшего развития духовной сферы жизни РФ. В частности, по ряду причин, анализ которых потребовал бы отдельного рассмотрения, произошел отход части россиян от традиций отечественной духовности, в том числе от принципа приоритета духовных ценностей над материальными, и ими были восприняты стандарты общества потребления.

Заслугой политического руководства, интеллектуальной элиты и других социальных субъектов нашей страны стало обоснование необходимости возвращения на тот путь, по которому исторически следовала Россия и который в настоящее время воплотился в концепте традиционных духовно-нравственных ценностей ее многонационального народа, получивший юридическое закрепление в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных указом Президента РФ от 9.11.2022 № 809.

Перспективы создания социума, основанного на началах свободы и справедливости, правомерно связываются с превращением системы духовно-нравственных ценностей «в детерминирующий фактор социальной эволюции» [3, с. 41].

Как известно, ключевую роль в формировании культуры играет религия. На территории Байкальской Азии с XVII в. распространялись две мировые религии, христианство и буддизм, концептуальной основой которых являются добро, милосердие, сострадание, любовь и другие гуманистические ценности. В регионе доминирует такая ветвь христианства, как православие (и Русская Православная церковь, и старообрядческая). Приход буддизма сопровождался сохранением позиций шаманизма, фактами синтеза его элементов с буддийскими. Представители других вероучений, как правило, были немногочисленными, но занимали свое место в ряду остальных конфессий.

Характерная черта Байкальской Азии — наличие двоеверия и троeverия, когда православные соблюдали обряды буддистов, обращались к ламам и аналогично поступали приверженцы буддизма. Такое проявление поликонфессиональности, сопровождавшееся лояльностью к верованиям другого этноса, было типичным для мест, где представители русского и бурятского народов жили по соседству, т. е. в деревнях и улусах, расположенных недалеко друг от друга [4, с. 150–151]. В качестве примеров исследователи отмечают, что «русские ... почитали святые места аборигенов, бережно относились к тем объектам природы, которым они поклонялись» [5, с. 130.).

Обратимся к рассмотрению вклада нормативно-ценностной системы тибетского буддизма (махаяны), особенно активно практиковавшего на востоке Байкальской Азии и добившегося своего признания в статусе одной из официальных религий Российской империи, позиции которого постепенно укреплялись. Как и институт религии в целом, буддизм пострадал в советский годы, но заложенные им принципы во многом сохранились и бытовали в образе жизни и сознании людей. Укорененность этой конфессии в менталитете местного населения, а также новая государственная политика в отношении религии, определило довольно быстрое его возрождение в постсоветский период.

Как известно, исходным принципом махаяны является альтруизм, выражающийся в первостепенности для бодхисатвы, выступающего в роли идеала святого, Другого, шире — всех других, всего живого, которые для бодхисатвы составляют объект его любви.

Далай-лама XIV подчеркивает естественность такой позиции, апеллируя к традиции тибетского буддизма, который учит нас видеть во всех живых существах наших дорогих матерей ... вполне допустимо, что каждое существо было нашей матерью в то или иное время. Продолжая эту мысль, иерарх заключает, что «все существа во вселенной связаны между собой семейными узами» [6, с. 69].

Именно все другие, их счастье и благополучие для последователя буддизма — объект его главной заботы, и Далай-лама XIV тесно связывает благополучие буддиста, все его действия, слова и мысли с тем значением, которое они имеют не только для него, но и для всех других [7, с. 48, 172]. Верность принципам собственного вероучения демонстрировали ламы и в дореволюционной Байкальской Азии, не только наставляя мирян, проповедуя основы буддизма, но и осуществляя просветительскую и издательскую деятельность, организовав систему буддийского образования, охватившую заметную часть бурятского населения, выходцев из разных социальных слоев. Эта система дополняла обучение на базе русской письменности, благодаря которым «появление с каждым годом все большего числа грамотных людей, распространение просвещения ... сама тяга населения к образованию положительно сказывались на народной жизни» [8, с. 210].

Известна широкая медицинская практика лам, помогающих страдающим от болезней вне их этнической или конфессиональной принадлежности, поскольку буддизм отличается лояльностью и иноверцам, что побуждало нуждающихся, особенно в период неразвитости в регионе государственной системы здравоохранения, обращаться к ним.

Несмотря на прошедшие столетия и нелегкую судьбу буддизма в наши дни, такое отношение буддистов к неоднородности человечества не изменилось, и Далай-лама XIV утверждает: «Для того чтобы совершенствовать сострадание, необходимо свести к минимуму разделение человечества по таким признакам, как национальность, культура, внешний вид и различные философские традиции» [9, с. 53].

Такое разделение воспринимается буддизмом не в план дихотомии «свой — чужой», а как объективная данность, один из признаков многообразия мира и человека. Более того, иерарх призывает свою аудиторию «проявлять сострадание и терпимость не только к тем, кто нам дорог, но и к нашим врагам» [6, с. 83].

«Уверенная терпеливость перед лицом любых бедствий», «терпеливая сдержанность» составляют норму сознания и поведения буддиста. Следование этой норме не могли не повлиять на процесс распространения в регионе благожелательности, практики толерантности и согласия, ослаблению напряженности в отношениях с носителями какой-либо инаковости.

В центре системы ценностей буддизма — принцип сострадания, трактуемый главой буддистов мира как «любовь, привязанность, доброту, мягкость, щедрость духа и теплосердечие», соотносимый им также с честностью, искренностью, справедливостью и счастьем [7, с. 81, 110–111, 233]. Очевидно, что восприятие глубокого смысла указанных понятий способствовало формированию соответствующих качеств характера, влияло на общение и поведение и последователей буддизма, и тех, кто с ними взаимодействовал.

Несомненно, что многие буддийские священнослужители показывали послушникам и мирянам, всему полиэтничному населению востока Российской империи примеры праведной жизни, высокой общей и нравственной культуры. О внимании к местному населению говорит и то, что некоторая часть лам овладевала речевыми компетенциями местных жителей.

Альтруизм буддизма проявляется также в его убежденности в высоком предназначении человека, изначально несущего в себе просветленность Будды и способного к реализации своих способностей и достижению истинных целей и ценностей собственными усилиями. Акцент на том, что благо достигается усилиями самого человека, привлекло, среди других аспектов буддизма, внимание Л. Н. Толстого.

Доказывая необходимость перехода человечества на новый уровень духовного развития и реализации бытийных ценностей, А. Маслоу связывал его с появлением иного, нового типа человека, живущего в мире социальной гармонии, руководствующегося бытийными ценностями, несущего ответственность за себя и свою эволюцию, не придающему слишком большого значения ценностям материальным. Между тем подобный тип человека далеко не нов, он существует не первое тысячелетие в форме бодхисатвы, идеала для каждого истинного буддиста, включая приверженцев махаяны в Байкальской Азии.

Как в начале проникновения мировых религий, так и в периоды их утверждения и активного функционирования состав местного населения был этнически и даже расово разнородным. Основную его часть составляли буряты, русские и эвенки, и, хотя количественное соотношение этих этнических групп в разное время было различным, в пространстве региона, начиная с XVII столетия и по настоящее время они были всегда. Кроме них на этих территориях также жили и продолжают проживать относительно небольшие общности множества других коренных и некоренных этносов.

Столь значительные исходные различия основных контактирующих народов, тем не менее, благодаря ряду факторов, в том числе влиянию христианства и буддизма, не помешали, а во многом способствовали формированию и поддержанию в дальнейшем толерантности, а затем и устойчивого доминирования позитивных моделей их взаимодействия, в том числе межэтническому согласию.

Вероятно, сыграла свою роль и взаимная расположенность контактирующих этнических групп, опирающаяся на сходные, близкие и даже аналогичные базовые ценностей и нормы их культур, необходимость выживать в малонаселенном и почти неосвоенном пространстве с суровым климатом, стимулирующая их активное взаимное познание, установление коммуникации, совместный труд и т. д. Эти процессы по большей части были результативными и в итоге привели к тому, что мнение ученых свелось к их характеристике как дружеских добрососедских [10, с. 54].

Зародившиеся добрососедство и дружба, в свою очередь, помогали преодолевать сложности этнической и конфессиональной инаковости, возникающие в повседневной жизни. Так, например, дружба «прощает другому его инаковость. Вытерпеть поведение другого легче в

том случае, если его голос и лицо кажутся тебе родными» [11, с. 43–44]. Вероятно, то же происходит и при восприятии хорошо знакомого человека. К тому же в регионе привычны смешанные браки, и у многих местных в прошлом или настоящем были или есть родственники иного этнического происхождения.

Таким образом, духовно-нравственные ценности буддизма (сострадание, доброта, мягкосердечие, стремление помогать другим, включая людей разного происхождения, восприятие других как чрезвычайно значимых, защита человеческой жизни, всего живого, щедрость души и др.), во многом совпадающие с традиционными духовно-нравственными ориентирами современной России, внесли существенный вклад в формирование системы нравственных ориентиров населения Байкальской Азии, в их закрепление в его менталитете, что позитивно повлияло на установление добрососедства представителей разных этносов, их взаимное доверие, дружбу, взаимопомощь и согласие.

Литература

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. Москва: Смысл, 1999. 425 с.
2. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2007. 264 с.
3. Мантатова Л. В. Стратегия развития: Ценности новой цивилизации. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. 242 с.
4. Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
5. Карнышев А. Д., Винокуров М. А. Человек и этнос на своей земле (экономика и психология самобытности и сотрудничества народов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та экономики и права, 2011. 348 с.
6. Далай-лама XIV. Буддизм Тибета: пер. с англ. и тиб. / сост. и отв. ред. А. Терентьев. Москва; Рига: Нартанг-Угунс, 1991. 103 с.
7. Далай-лама XIV. Этика для нового тысячелетия. Санкт-Петербург: Нартанг, 2001. 237 с.
8. История Бурятии: в 3 томах. Т. 2. XVII — начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
9. Далай-лама XIV. Мой путь / пер. с англ. Е. Макаровой. Москва: Эксмо, 2013. 224 с.
10. Русские в Бурятии: история и современность / отв. ред. В. И. Затеев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. 576 с.
11. Марков Б. М. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург: Наука, 2001. С. 5–44.

THE ROLE OF BUDDHIST VALUES IN THE FORMATION OF INTERETHNIC HARMONY IN BAIKAL ASIA

Abstract. The article examines the role of Buddhist values in fostering interethnic harmony in Baikal Asia. It highlights the significance of supreme values for human existence in contemporary conditions, emphasizing that these values constitute the core of traditional Russian spirituality. Since the 17th century, alongside Orthodoxy, Buddhism has become an integral part of the cultural fabric of the population of Baikal Asia. The most characteristic features of its normative-value system include altruism, a high regard for other people and all living beings, love, compassion, tolerance, gentleness, and so forth. Lamas not only preached these values but also educated and healed the local population, demonstrating loyalty toward adherents of other faiths. The service of many lamas served as an example of fidelity to Buddhist ethics. The spiritual potential inherent in the Buddha's teachings enriched the region's culture and influenced the communication and behavior of Buddhists as well as those around them. This religious doctrine has become one of the key factors in establishing interethnic tolerance and harmony in the region.

Keywords: value, traditional values, Buddhism, Baikal Asia, Buryats, Russians, interethnic harmony.

Сведения об авторе

Чимитова Ирина Зоригтеевна, кандидат социологических наук, доцент, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, e-mail: rindaol@mail.ru

Irina Z. Chimitova, Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof., Filippov Buryat State Agricultural Academy, e-mail: rindaol@mail.ru

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена вопросам профессиональной этики прокурорских работников. Авторами поднимаются деонтологические проблемы профессиональной этики, которые связаны с нормативным закреплением профессиональной морали и обязательностью исполнения моральных требований. Раскрывается специфика профессиональной этики прокурорских работников к особенностям которой авторами отнесены следующие моменты: деонтологический характер профессиональной морали; повышенные моральные требования со стороны общества; возможные противоречия между нормами профессиональной этики прокурора и общечеловеческой моралью; возникающие в ряде случаев противоречия между нормами профессиональной этики и нормами права, регулирующими деятельность прокуратуры. По мнению авторов, особого внимания заслуживает проблема профессиональной нравственной деформации, неразрешенность которой может иметь весьма негативные последствия не только для отдельного прокурорского работника или конкретного служебного коллектива, но и для всей системы прокуратуры.

Ключевые слова: профессиональная этика, профессиональная этика прокурорского работника, профессиональная мораль, деонтологические проблемы, прокурорские работники, органы и организации прокуратуры, деонтологический характер профессиональной морали.

Роль профессионализма в жизнедеятельности личности обуславливается тем, что выбранная профессия занимает весьма весомое место в самореализации человека. Как следствие, для профессионала стремление к высокому уровню мастерства является как основой для самоуважения, так и для уважения окружающих. Но не только профессиональное мастерство по-настоящему определяет социальную значимость человека. В социуме, в общении с другими людьми профессиональные качества и способности должны дополняться духовной и нравственной составляющими. Именно духовные качества и внутренние моральные регуляторы определяют ценностный и смысловой векторы профессионализма человека, а также минимизацию девиантного поведения вообще и профессионально-нравственной деформации в частности.

Нравственный стержень человека влияет на его поступки и поведение, в том числе в профессиональной сфере. Если допустить, что важное дело доверено человеку профессиональному, но безнравственному, готовому переступить через закон и совесть, то такой «мастер» будет угрозой обществу, а не его защитником. Высоко значение нравственной компоненты в деятельности органов и организаций прокуратуры, занимающей особое место среди государственных органов и наделенной, в первую очередь, надзорными полномочиями. Осуществляя надзор за исполнением Конституции и законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина и т.д., прокуратура базируется на нравственном фундаменте, без которого ее деятельность просто невозможна. Профессионализм и высокие моральные качества — это то идеальное сочетание, которое составляет профессиональную этику, которая является важной точкой опоры деятельности органов и организаций прокуратуры.

Особое место в анализе профессиональной этики прокурорских работников занимает **деонтологический подход**. Деонтология акцентирует внимание на нормативных требованиях, обязательности исполнения моральных предписаний. Для прокуратуры, где каждый шаг регламентирован законом и подзаконными актами, деонтологический характер профессио-

нальной морали становится не просто теоретической абстракцией, а практическим принципом. К особенностям профессиональной этики прокурорских работников можно отнести следующее:

- деонтологический характер профессиональной морали. Профессиональные моральные требования в системе прокуратуры обязательны для исполнения в отличие от общечеловеческой морали, где имеется свобода выбора. Основные нормы профессиональной морали зафиксированы в нормативных правовых документах, основополагающим из которых является Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». Нарушения норм данного кодекса влекут дисциплинарную ответственность, что подчеркивает его обязательный для исполнения характер, а не рекомендательный. Таким образом, моральный выбор прокурорского работника жёстко ограничен профессиональными обязанностями;

- повышенные моральные требования со стороны общества. Общество предъявляет к прокурорским работникам гораздо более высокие моральные требования, чем к рядовому гражданину в силу значимости для общества их профессиональной деятельности, наличия надзорных функций и властных полномочий. Ввиду этого, поведение прокурорского работника, и его моральные аспекты, в том числе и во внеслужебное время всегда находятся под «зорким оком» широкой общественности, посредством средств массовой коммуникации, формирования общественного мнения о деятельности прокуратуры и т.д. Прокурор не может позволить себе даже незначительных отклонений от общепринятых норм — появление в нетрезвом виде, участие в сомнительных мероприятиях, неэтичные высказывания в социальных сетях немедленно становятся достоянием общественности и подрывают авторитет всей системы;

- противоречия между нормами профессиональной этики прокурора и общечеловеческой моралью. В определённых законом ситуациях профессиональный долг может вступать в прямое столкновение с универсальными моральными принципами. Например, прокурор обязан поддерживать государственное обвинение в суде, даже если его личная моральная позиция симпатизирует подсудимому. Особенно остро эта дилемма проявляется в делах о превышении пределов необходимой обороны, когда человек, защищая себя и своего ребёнка от нападения, причинил нападавшему вред, явно превышающий разумные пределы. Закон требует обвинения, а сердце подсказывает, что перед вами скорее жертва, чем преступник. Такие коллизии не имеют простого решения и требуют от прокурорского работника высокого уровня морально-психологической устойчивости;

- противоречия между нормами профессиональной этики и нормами права, регулирующими деятельность прокуратуры. Нормы профессиональной этики прокурорских работников, в некоторых позициях, могут входить вразрез с нормами права, регулирующими их деятельность. Как справедливо отмечает С. В. Рудакова, существуют противоречия «между нормами морали и нравственности, профессиональной этики прокуроров и уголовно-процессуального регулирования их полномочий при подаче представлений на судебные решения в вышестоящие судебные инстанции» [1]. Прокурор, опротестовывая оправдательный приговор, который он считает несправедливым, может оказаться в ситуации, когда закон формально допускает такое обжалование, но этический принцип уважения к суду и презумпция невиновности требуют особой деликатности. Более того, повторное обжалование после того, как вышестоящая инстанция уже оставила приговор в силе, порождает этический конфликт: с одной стороны, прокурор обязан добиваться законности, с другой — многократное обжалование может выглядеть как давление на судебную систему.

В заключение отметим, что одной из важнейших проблем деятельности прокурорского работника является проблема профессионально-нравственной деформации. Специфика работы в органах прокуратуры, предполагает, что профессионал, выполняя служебные обязанности по борьбе с правонарушениями постоянно сталкивается с безнравственными проявлениями

ями человеческой натуры (обман, преступность, коррупция, насилие), что неизбежно приводит к риску профессионально-нравственной деформации. Деформация проявляется не только в эмоциональном выгорании, цинизме, формальном отношении к судьбам людей, но и к равнодушию, потере веры в людей, ощущению что преступное поведение является нормой для большинства граждан. Отсюда возникает недоверие и подозрительность, отсутствие сочувствия в том числе и к потерпевшим, жестокость. Прокурор, ежедневно являющийся свидетелем безнравственных проявлений и преступлений, начинает воспринимать людей не как личностей, а как некую процессуальную функцию, («потерпевший», «обвиняемый»), забывая о том, что за функцией стоит человек.

Развитие профессионально-нравственной деформации, если с ней не бороться приведет к профессиональной непригодности, а то и нарушениям законности. Поэтому такой документ, как «Кодекс этики прокурорского работника» прямо указывает на необходимость противодействия деформации: прокурор не должен забывать о чувстве собственного достоинства, должен заботиться о своей репутации, избегать поступков, которые могут быть истолкованы как злоупотребление властью, помнить, что понятие чести всей структуры зависит от поведения каждого работника. Понятно, что нормативных предписаний недостаточно. Нельзя сделать человека нравственно устойчивым и честным профессионалом путем приказов и предписаний. В системе прокуратуры должна быть выстроена продуманная система воспитательной работы, которая должна включать не только элементы нравственного воспитания, но и психологическую поддержку, тренинги для снятия психологического и морального напряжения, привыкания к негативу.

Литература

1. Рудакова С. В. Нравственно-этические проблемы обжалования прокурором судебных решений // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11(165). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-eticheskie-problemy-obzhalovaniya-prokurorom-sudebnyh-resheniy> (дата обращения: 27.05.2026).

DEONTOLOGICAL PROBLEMS OF PROFESSIONAL ETHICS OF PROSECUTORS

Abstract. The article is devoted to the issues of professional ethics of prosecutors. The authors raise deontological problems of professional ethics, which are associated with the normative consolidation of professional morality and the obligation to fulfill moral requirements. The specifics of the professional ethics of prosecutors are disclosed, the features of which the authors include the following points: the deontological nature of professional morality; increased moral demands from society; possible contradictions between the norms of professional ethics of the prosecutor and universal morality; contradictions arising in some cases between the norms of professional ethics and the norms of law governing the activities of the prosecutor's office. According to the authors, the problem of professional moral deformation deserves special attention, the unresolved nature of which can have very negative consequences not only for an individual prosecutor or a specific service team, but also for the entire system of the prosecutor's office.

Keywords: professional ethics, professional ethics of a prosecutorial employee, professional morality, deontological problems, prosecutorial employees, bodies and organizations of the prosecutor's office, deontological character of professional morality.

Сведения об авторах

Гайдай Мария Константиновна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, e-mail: mkgfir@mail.ru

Кузнецов Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Байкальский государственный университет, e-mail: alalkuz@mail.ru

Gaidai Maria Konstantinovna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, e-mail: mkgfip@mail.ru

Kuznetsov Alexey Alexandrovich, Ph.D., Associate Professor, Department of Russian History, Baikal State University, e-mail: alalkuz@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ВЫПУСКНИКА КОЛЛЕДЖА

Аннотация. В условиях постоянного напряжения и меняющегося общества происходит изменение ценностей современной молодежи. Отмечено, что молодежь чутко реагирует на все происходящие перемены. Изменения ценностей происходит не только в личностном плане, но и в профессиональном. Современные условия жизни заставляют молодое поколение материализовывать свое отношение к окружающему миру. Обучающиеся колледжей сознательно делают выбор своей профессии, ориентируясь на высокий доход. Стремление к стабильности — это своего рода уверенность в завтрашнем дне. Материальное благополучие становится залогом успеха, вытесняя другие ценности. Однако молодежь в тоже время понимает, если вытеснить семью, то наступит опустошение и одиночество. Выявлено, что изменения ценностные ориентации студентов колледжа являются результатом сложного взаимодействия экономических, психологических, возрастных факторов.

Ключевые слова: студенты колледжа, ценностные установки, ценностные ориентации, профессиональный выбор.

Наличие множества публикаций в научной литературе, посвященной исследованиям ценностных ориентаций, говорит о значимости исследования этой темы среди молодежи. Напряженное состояние общества оказывает существенное влияние на условия образования. Современная молодежь чувствует происходящие перемены. Поэтому процесс интериоризации ценностей молодых людей подвержен как случайным влияниям, так и характеризуется непредсказуемостью и стихийностью. Все это приводит к тому, что ценностные ориентации молодежи нуждаются в постоянном исследовании и изучении.

Ценностные ориентации молодежи — это динамическая система, которая имеет огромное значение для молодежи. Ценностные ориентации включают нравственные, правовые, политические, экологические, экономические, мировоззренческие знания, представления и убеждения личности. Это представляет особую важность, потому как знания и убеждения выступают в качестве основы для формирования жизненной стратегии, и определяют линию профессионального развития [2].

В. С. Мухина, указывает, что для студентов в период обучения особенно характерна проблема выбора жизненных ценностей. Обучающиеся стремятся сформировать свою внутреннюю позицию по отношению к себе и другим, а также к общепринятым нравственным ценностям. Именно поэтому, молодые люди воспринимают и присваивает общественные ценности других. Дж. Кауфман рассматривает взаимосвязь ценностей человека по преобразованию окружающего мира, его улучшению и творчества [22].

Студенты колледжа — это особая социальная группа, с изменившимися за последнее время мотивами поведения, ценностями, ориентирами и проблемами. Напряженный поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и прогрессивным преобразованиям в обществе одна из особенных черт студенчества. Для молодежи обучение в колледже — один из важнейших периодов жизни. Они получают образование и профессиональные навыки. Происходит этап согласования желаний, возможностей и ориентаций с условиями и требованиями со стороны общества [3].

Ценностные ориентации молодежи в настоящее время исследуются с различных сторон. Существует огромное количество методик, для изучения обучающихся. Главными достоинствами методик являются универсальность, простота тестирования, рациональность и экономичность. В нашем случае, для исследования был разработан опросник, состоящий из трех блоков. Вопросы были разного характера, как открытые, так и закрытые. В исследовании

приняли участие 369 респондентов, из них студентов 1 курса 225 человек и учащихся 4 курса 185 человек Новосибирского автотранспортного колледжа.

При формировании такого объема выборки было принципиально важно охватить как первый курс, так и четвертый, чтобы проследить специфику изменения ценностных ориентаций. Для анализа и интерпретации полученных данных применена описательная статистика. Исследование позволило выявить ряд особенностей. Во-первых, обращают на себя внимание три области ценностей: отношение к семье, профессиональной деятельности, труду.

Выявлена своеобразная переоценка отношения студентов к семье. Для студентов 1 курса она представляет определенную ценность. Опрошенные воспринимали как естественный факт наличия семьи, семейных традиций. Кроме ценности семьи были отмечены здоровье и финансовая стабильность. При принятии жизненно-важных решений, студенты первого курса в 75% выбрали «интересы семьи». Такой показатель меняется к 4 курсу (15%). 80% студентов 4 курса выбрали личные интересы, остальные 5% равновесие между всеми.

Данное распределение объясняется особенностью психологических факторов. Студенты 1 курса только начинают самостоятельную жизнь в этот период семья воспринимается как источник поддержки и стабильности. И выбор в пользу интересов семьи объясняется сохранением тесной эмоциональной связи и привычкой ориентироваться на семейные ценности. У студентов 4 курса усиливается индивидуализм, происходит взросление, формируются собственные жизненные цели.

При выборе профессиональных ценностей абсолютное большинство выбрало «Ценность высокого дохода» — 95% и «Возможность карьерного роста» — 80%. Карьера — это результат достижений человеком осознанных позиций в профессиональной деятельности. Цели и постановка задач планирования карьеры являются важными аспектами завершения обучения в системе среднего профессионального образования.

Выбор между «Стабильностью дохода» и «Социальной значимостью работы» был распределен в соотношении 45–30%. Это говорит о том, что студенты ориентированы на быстрый результат и мобильность, а также перспективы, а не на стабильность.

При ответе на вопрос, «Что Вас привлекло в выборе профессии?» респонденты распределились следующим образом: Высокая зарплата — 60% и Возможность развиваться профессионально — 55%, говорит о стремлении к финансовой независимости. И это понятно. В условиях рыночной экономики материальное благополучие становится одним из главных критериев успешности. К 4 курсу обучения у студентов происходит развитие профессиональных компетенций, формирования ценностных ориентаций обучающихся в сторону карьерных отношений.

Среди социальных ценностей, ответ «нейтрально» выбрали 80% респондентов при ответе на вопрос «Для меня важно быть активным участником общества и помогать другим». «Волонтерство» — 65% и «Социальные проекты» — 45% выбрали студенты при ответе на вопрос «Какие формы общественной деятельности вам интересны». Здесь можно отметить ситуативный интерес, чем глубокую ценностную установку. Студенты выбирают волонтерство как приобретение опыта, расширяя круг общения.

Как видим, ценностно-смысловые ориентации прививаются человеку социумом, но, с другой стороны, и сам человек активно формулирует и конкретизирует их, принимая, изменяя или отвергая ценности и смыслы, предлагаемые социумом

Таким образом, студенчество является не только источником пополнения квалифицированных кадров, но и важная социальная группа [4]. Распределение ответов отражает трансформацию ценностей в процессе обучения от семейных и коллективных на 1 курсе к индивидуализму и профессиональной ориентации к 4 курсу. Происходит взросление и формирование самостоятельной жизненной позиции. При этом материальные и карьерные цели выходят на первый план.

Литература

1. Карпухин О. И. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124–128.
2. Толмачева С. В., Ребышева Л. В., Давлетшина Э. В. Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. № 17(4). С. 127–138.
3. Толмачева С. В., Ребышева Л. В., Давлетшина Э. В. Ценностные ориентации молодежи: по результатам социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. № 4. С. 127–138.
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: монография. Москва: Академический проект, 2020. 988 с.
5. Серафимович И. В., Беляева О. А. Ценностные ориентации различных групп участников образовательных отношений: социально-психологический аспект // Интеграция образования. 2019. Т. 23, № 2. С. 232–246.
6. Селезнёва М. К. Социализация молодёжи в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 16, № 40. С. 239–243

COLLEGE GRADUATE VALUE ORIENTATIONS

Abstract. In a context of constant stress and a changing society, the values of modern youth are shifting. It is noted that young people are sensitive to all ongoing changes. These shifts in values occur not only personally but also professionally. Modern living conditions force the younger generation to materialize their attitudes toward the world around them. College students consciously choose their professions, focusing on a high income. The desire for stability is a form of confidence in the future. Material well-being becomes the key to success, displacing other values. However, young people also understand that displacing family will lead to desolation and loneliness. It is revealed that changes in college students' value orientations are the result of a complex interaction of economic, psychological, and age factors.

Keywords: college students, value attitudes, value orientations, career choice.

Сведения об авторе

Макарова Ирина Александровна, кандидат социологических наук, преподаватель высшей категории, Новосибирский автотранспортный колледж, e-mail: m5115397@yandex.ru.

Makarova Irina Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Teacher of the Highest Category, Novosibirsk Automobile Transport College, e-mail: m5115397@yandex.ru.

КОКА СИНТО — МИФОИДЕОЛОГИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СИНТО

Аннотация. В статье представлен критический анализ философско-правовых принципов кока синто на основе исторических и юридических источников — государственной идеологии императорской Японии. Методология — теория политического мифа Э. Кассирера, К. Антони, культурологическая аналитика Рут Бенидикт. Кока синто оценивается как ядро милитаристской теории кокутай эпох Мэйдзи — первой половины Сёва, футурологической утопии об исключительной миссии японской цивилизации в АТР и Дальнем Востоке, а синто как политическая идеология, или мифоидеология с культом императора (тэнно). В историческом аспекте, представлена трансформация японских традиционных ценностей синто до их идеологизации в кока синто и возвращение после 1945 г. обратно к нравственным идеалам синто. В заключение даётся анализ современного положения синто в Японии и АТР.

Ключевые слова: кока синто, кокутай, тэнно, ками, культ императора, мифоидеология, национализм, Япония

Синто обычно переводят на европейские языки как «путь богов», но на японском языке 神体 читается как «духовная сущность ками», присутствующая в небесном и земном мире. Первые два иероглифа читаются как kami («ками») или «дух», третий и четвертый — karada («карада»), то есть «тело», однако более точное его значение, как нам представляется, кроится в другом термине — сущность или субстанция. Забегая вперед отметим, сами японцы в дискуссиях 30-х гг. XX в. вокруг концепции кокутай отказались от телесной трактовки «ками» в синто. Этимологически первый иероглиф уходит корнями в китайский «шэнь», который переводится как «бог» или «дух», а учение называется даосским Шень Дао. Скорее всего, здесь именно возникает семиотический казус в понимании синто. Наконец, для японцев «синто» есть синтай, а для нас — синтоизм.

Хотелось бы отметить, что древняя религия синто достаточно хорошо исследована как японскими учеными, так и европейским востоковедами. В первую очередь отметим Стюарта Д. Б. Пикена, К. Антони, Рут Бенидикт; среди японских ученых отметим таких, как Като Хиroyuki, Мотоори Норинага, Ямагути Сатоси, Мотохиса Ямакаге, а также социалистические увлечения Тэрудзиро Кито. В российской японистике — Л. М. Ермакова, А. Н. Мещеряков, Е. М. Дьяконова, А. А. Накорчевский, Г. Е. Комаровский, В. Э. Молодяков, О. В. Язовская и др. Вышла из печати в двух томах монография «Синто — путь японских богов» (СПб, 2002), а также анналы Японии в двух томах «Нихон сёки» (СПб., 1997). Вместе с тем, как нам представляется, во-первых, почти никто не берется за философско-правовые принципы кокутай и синто, во-вторых, синто не рассматривается как философское ядро милитаристской теории кокутай, в-третьих, синто, точнее кока синто, почти все относят к государственной идеологии, но её идеологические принципы часто остаются в тени религиозных верований.

Актуальность исследования заключается в том, что, начиная с Мэйдзи и до 1945 г. в Японии, синто выполняло роль государственной идеологии, в функциях которой можно выделить как положительные (национальные), так и негативные (тоталитарные) элементы. В связи с чем, предлагаем в краткой тезисной форме охарактеризовать синто как мифоидеологию японского милитаризма. В качестве первоисточников синто выделим японские древние книги: «Кодзики» («Записки о деяниях древних» или «Древних делах»), «Нихонги» или «Нихон сёки» («Японские хроники») VII–VIII вв., «Манъёсю» (сборник древней японской поэзии) и др.

Если с точки зрения исторической, синто считается чисто японской религией, но опять-таки условно, потому что, как мы полагаем, он больше соответствует мифологии, чем рели-

гии, в европейском её понимании. В XII в. буддизм школы Махаяна окончательно вытесняет синто, по крайней мере, на государственном уровне, утвердившийся в Японии как дзэн-буддизм. Возрождается синто лишь на закате эпохи Эдо в XIX в. в философских школах кокугаку (японоведение) в трудах японского ученого Мотоори Норинага и митогаку (Аидзава Сэйсисай). Так, Мотоори первый предложил использовать синто в качестве обоснования государственной власти, а «синто» трактовать как «путь богов» от богини солнца Аматаэрасу, «Кодзики» использовать в качестве идеологического источника. Главный его девиз: «Сердце императора есть сердце Великой богини...» [5, с. 243]. Наконец, в XX в. кока синто возрождается в школе нихондзинрон и дзиндзя синто (храмовое синто).

В качестве главных философско-правовых источников кока синто мы возьмём Конституцию Японии Мэйдзи (1889), клятву императора Муцухито в пяти статьях 1868 г., или в англоязычной литературе хартия императора Charter Oath, Императорский рескрипт об образовании от 30.10.1890 г., или «Манифест об образовании», «Кокутай-но хонги» 1937 г., или «Основные принципы кокутай». Именно в этих документах, точнее рескриптах, а для русскоязычных — декретах, появляется более или менее систематизированное изложение кока синто как государственной мифоидеологии. Во-первых, сами по себе декреты синто небольшие, как правило, объемом в одну печатную страницу, во-вторых, все они рождаются в Министерстве просвещения, в-третьих, главное внимание уделяется не самим как таким текстам, а их комментариям. Например, последний документ, составленный согласно А. Н. Мещерякову [4 с. 491] от имени императорской власти, почти всегда в литературе используется через комментарий, или методические указания для учителей и школьников Минобэ Тацукито.

В целом я соглашаюсь с традиционной точкой зрения восточных и российских востоковедов (Чжун Ицзян, Мотохиса Ямакаге, Т. Г. Сила-Новицкая, А. Н. Мещеряков, А. А. Накорчевский и др.), согласно которой синто есть древняя японская религия, превратившаяся в эпоху «просвещённого правления» Муцухито (1867–1912) и «справедливой власти» Ёсихито (1912–1926) в государственную идеологию. Я лишь акцентирую внимание на её мифологических элементах, так до конца не оформленных в теологическую схоластику. Синто так и осталась по своему содержанию и действующим лицам (ками) мифологией, точнее — мифоидеологией о происхождении Японии и императорской власти. Как верно отметила в диссертации О. В. Язовская, «...мифология становится частью новой идеологии» [7, с. 78].

Догматики религиозной в ней нет. Её извне, начиная от реформ Мэйдзи до 1945 г., если не брать во внимание подготовительный этап кокугаку и митогаку, пытались внедрить через государственные указы, но в результате получили лишь инструкции (рескрипты) по её идеологизации и ритуалам, а также новое название — кока синто. В моей трактовке оно есть ядро официальной идеологии кокутай. Чтобы не делать длинных сносок, заметим, её философско-правовые принципы раскрыты в ранее опубликованной моей статье «Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация» [3].

Для краткости приведем определение синто А. А. Накорчевского, с которым трудно не согласиться: «...синто является по своему субъекту религией (мифоидеологией — С. Марков) общинной, по количеству почитаемых богов (духов — прим. С. Марков) — политеизмом («многобожием»), а по типу отношений между людьми и божествами — религией теантропической («человекобожьей») [6, с. 63–64]. Лишь добавим, духи (небесные и земные ками) не являются исключительным атрибутом японской мифологии, они есть в любой мифологии. В частности, в древней греческой мифологии тоже имеются «духи» небесные и земные, в частности дриады (духи деревьев), эринии (духи мести), сирены (морские демоны). В Японии нечто схожее, например, запечатленные в гравюрах Хокусая «Тридцать шесть видов Фудзи», то есть духов (самая известная — «Большая волна в Канагаве»). Другими словами, центр синто — ками, а не боги, иногда превращающиеся в богов, например, Аматаэрасу или Сусаноо. При этом, с идеологической точки зрения, Аматаэрасу — главная богиня власти народов ямато (идентифицируется термин в конце XIX в.).

Тезис первый. Конституция Мэйдзи (1889) формально закрепила (легитимизовала) власть императора и кока синто, подчёркивая его божественное происхождение. Или, как говорится

в § 3 гл. I «Личность императора священна и неприкосновенна», а в первом параграфе Конституции Мэйдзи провозглашается вековечность Великой Японской империи и императорской власти «непрерывной на протяжении вековых лет». Император был представлен, согласно первой главе «Император», как верховный главнокомандующий и духовный (божественный) лидер нации (тэнно).

В догматических интерпретациях конституции император оценивается как прямой потомок kami-духов богини Аматэрасу и её внука Дзимму, первого легендарного императора народов ямато. Таким образом, власть императора мифологизируется в кока синто, а качестве источников используются «Кодзики» или «Нихон сёки», кстати сказать, на китайском языке.

Тезис второй. Клятва императора Муцухито в пяти статьях 1868 г., или Charter Oath. В целом все пункты — либерально-демократические, так сказать, в духе новых перемен и согласно новой «европейской» конституции. То есть, император впервые провозглашает демократические свободы личности, собственности и равные права через гарантии справедливых законов, но опять-таки на основе конфуцианских пяти догматов (жэнь и других). В результате мораль синто читается в иерархии норм выше, чем закон.

Однако наиболее спорный и по-разному читается в хартии четвертый пункт, в классическом варианте обычно записывается так: «Будут устранены все дурные обычаи прошлого, и всё будет делаться по справедливым законам» [1]. Суть дела в том, что сама по себе клятва — идеологема, а главное в её прочтении — инструкции для чиновников, разъясняющие, как её понимать и использовать в воспитательных ритуалах. Так вот, далее в посланиях от имени правительства разъясняется, что император является прямым потомком бога народов ямато и собирается править страной от имени народа и всех сословий ради достижения высшей степени расцвета всех японских островов, согласно воле kami Неба и Земли. Как справедливо считают Джон С. Браунли, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков, О. В. Язовская (etc) именно четвертый пункт положил начало идеологии (мифоидеологии — прим. С. Марков) кока синто. Так, Г. Е. Комаровский в статье «Государственный синто» этот пункт клятвы оценивает априорным признаком синто как государственной религии [2, с. 262].

Тезис третий. Главные принципы кока синто в теории кокутай были впервые сформулированы в Императорском рескрипте об образовании от 30.10.1890 г. («Манифест об образовании»). Как отмечает А. Н. Мещеряков, рескрипт об образовании провозглашал приоритет исключительно японских (синто) моральных ценностей и их первенство перед законом, верноподданнический акт почитания императорской власти, процветание императорского дома, вечного как Небо и Земля [4, с. 381–384]. Именно в государственном синто оформляется синтоизм как идеология в том контексте, как её понимают в европейской политической науке. Для понимания принципов кока синто, надо различать синто как 1) мифологию, 2) идеологию, 3) мифоидеологию.

В этой инструкции впервые была сформулирована государственная программа в сфере образования в духе воспитания патриотизма и традиционных японских ценностей (тэнно), основанных на государственной идеологии синто в школах и университетах. Инструкция представляла собой методические указания (предписания), составленных на 315 кандзи на одном листе. Она представляла собой предписания для молодежи в духи уважения к императору и истории страны, пока ещё вперемежку с конфуцианскими семейными ценностями.

Тезис четвертый. Множество инструкций обобщились в концепцию лишь в 1937 г. в период расцвета «великого учения синто», как верно считают Джон С. Браунли [8] и О. В. Язовская [7, с. 81–82]. В этом документе окончательно сформулированы идеологические принципы кока синто как ядро теории кокутай (кокутай-но хонги), представлявших собой инструкцию по применению государственной идеологии синто в сфере воспитания и образования.

Кока синто как государственная идеология окончательно оформилась в документе Министерства образования Японии 1941 г. «Синмин-но мито», или «Путь подданных», своеобразной Библии для японского народа, утверждавшей божественное происхождение императора и его власти и правила поведения, основанные на исторических и семейных традициях в

духе государственного синто. В этом документе концепция кокутай оценивалась как истинная японская религия и идеология. «Целью данных указаний, — считает О. В. Язовская, — было представление национальной сущности на государственном уровне как наиболее древнюю, родившуюся ещё в эпоху древних Богов, когда создавался мир и был задан порядок государственности», диссер [7, с. 79]. Как пишет востоковед, инструкции кокутай-но хонги впервые открыто представили государственное синто как идеологию милитаристской и ультранационалистической пропаганды [7, с. 87–88].

Мифологизация императорской власти, или краткая мифология кока синто. Или путь (до) императора Неба и Земли, где центром японского государства выступает император, потомок солнца Аматэрасу-о-миками, источник благополучия и процветания японского народа. Так на официальном уровне складывается тэнноизм — учение (культ) об императорской власти как раздел кокутай и кока синто. Полный курс излагается в истории Японии (**Дай Нихон си**) в 397 книгах (свитках).

В «Кодзики» и «Нихонги» («Нихон сёки») история Японии начинается от Аматэрасу, а затем начинается изложение мифологии власти от императора Дзимму (660–585 гг. до н.э.), согласно легенде внука богини солнца. Главное внимание уделяется мифам о создании японских островов и божественной истории страны желтых тростников. В идеологическом аспекте приоритетной является история народ ямато. В первоисточниках мифы записаны на китайском языке. Космогонические мифы практически отсутствуют в первоисточниках. Известно лишь, что всё рождается из первичного хаоса, как у Гесиода. В этом хаосе рождаются персонифицированные ками (духи) — Идзанаги (муж) и Идзанами (жена). После очищения или омовения (сейчас ритуал синто) Инзанаги рождает Аматэрасу, Цукиёми (ками луны), Сусаноо (дух ветра). Затем Аматэрасу передает власть своему внуку Дзимму.

Для целей нашего исследования важно, что в излагаемых мифологемах начинается формироваться морально-этические императивы и ритуалы-регуляторы жизни, которые впоследствии попробуют привести в систему в эпохах Мэйдзи — Сёва в рамках государственного синто. В частности, это духи (ками) должного поведения и противного (осуждаемого). Все ками делятся на 1) небесных (Аматэрасу от народа ямато) и земных (Сусаноо от народа идзимо), всем остальным достались ками ночи (Цукиёми); 2) добрых (наоби) и злых (мага-суци). Затем рождаются все остальные ками, например ками Фудзи или ками счастья (например, Эбису). В онтологическом плане явно ощущается китайское влияние книги перемен («И цзин»). В целом все ками — собирательные в том смысле, что свободно заимствуются от народов, населявших японские острова в те далёкие времена, есть даже иностранные, но главные ками всё-таки происходят от мировоззрений ямато.

Заключение. Материализация кока синто на практике осуществилась в храмовом синто и императорском синто. В период Мэйдзи и далее до 1945 г. синтоистские храмы были провозглашены государственными учреждениями во главе с храмом Исэ Дзингу (Аматэрасу). Кроме храма Исэ, государственными храмами, рангами ниже, были установлены святилище для чиновников — кокухэйся, а для народа — кокуси («рядовые святилища»), храмы Сусаноо — Идзумо Оясири и Ясука. Согласно принятым в конце XIX в. серии законов об охране мира и общественного порядка, синтоистские священники объявлялись государственными служащими, а храмы подчинялись Министерству внутренних дел.

Яркий пример — государственный храм мира синто Ясукуни в Токио (почитание душ погибших за отечество воинов) в комплексе с военным музеем Юсюкан и большим парком в центре столицы. В отличие от синтоистских храмов, Ясукуни подчинялся непосредственно правительству, в начале — военным. В идеологии кокутай и синто он символизировал (в настоящее время по-прежнему в глазах дальневосточной общественности) духовную сущность японского милитаризма. Несмотря на то, что в последних исследованиях предлагается кардинально пересмотреть его функции, обратив внимание на его миролюбивое название, тем не менее, духи (ками) военных 14-ти военных преступников так называемой категории А из протоколов Токийского трибунала 1946 г., в нем почитаются как герои нации. Иными словами, храм синто по-прежнему играет двуликую роль в современной политике Японии,

особенно в странах АТР. Таким образом, в краткой тезисной форме было показано, что кока синто — государственная мифоидеология императорской эпохи Мэйдзи — первой половины Сёва, или ритуально-императивная идеология японского милитаризма, пропагандирующая императора духовным лидером нации («небесным правителем») и патером (тэнно) японского народа. Кока синто — ядро философии кокутай, футурологической утопии об исключительной миссии японской цивилизации в АТР и Дальнем Востоке.

Литература

1. Величайшая клятва в пяти статьях императора Муцухито (1868) // История права. Япония. URL: <https://historylaw.ru/?p=1409> (дата обращения: 13.04.2026).
2. Комаровский Г. Е. Государственный синто // Синто — путь японских богов: в 2 томах / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. Т. 1. Очерки по истории синто. Санкт-Петербург: Гиперион, 2002. С. 261–312.
3. Марков С. М. Кокутай в философско-правовой традиции Японии: история и современная интерпретация // Территория новых возможностей. Вестник ВВГУ. 2026. Т. 18, № 1. С. 169–184.
4. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. Москва: Наталис, 2009. 736 с.
5. Мотоори Норианага. Душа бога наоби // Синто — путь японских богов: в 2 томах / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. Т. 2. Тексты синто. Санкт-Петербург: Гиперион, 2002. С. 240–259.
6. Накорчевский А. А. Синто. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 448 с.
7. Язовская О. В. Традиционные мифо-религиозные комплексы в контексте трансформации государственной системы Японии: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Екатеринбург: Изд-во УФУ им. Б. Н. Ельцина, 2016. 154 с.
8. Brownlee John S. Four stages of the japanese Kokutai // Paper for University of British Columbia: JSAC Conference, October. Vancouver, 2000. URL: <https://studylib.net/doc/8192254/four-stages-of-the-japanese-kokutai> (дата обращения: 13.03.2026).

KOKA SHINTO — THE MYTHOLOGY AND IDEOLOGY OF IMPERIAL POWER IN JAPAN: THE HISTORY AND TRANSFORMATION OF TRADITIONAL SHINTO VALUES

Abstract. This article presents a critical analysis of the philosophical and legal principles of Koka Shinto based on historical and legal sources — the state ideology of Imperial Japan. The methodology utilizes the theory of political myth by E. Cassirer and K. Antoni, and the cultural analysis by Ruth Benedict. Koka Shinto is assessed as the core of the militaristic theory of kokutai of the Meiji era — the first half of the Showa period, a futurological utopia about the exclusive mission of Japanese civilization in the Asia-Pacific region and the Far East, and Shinto as a political ideology, or myth-ideology with the cult of the emperor's reign (tenno). From a historical perspective, the book presents the transformation of traditional Japanese Shinto values prior to their ideologicalization into Koka Shinto and their return to Shinto moral ideals after 1945. Finally, an analysis of the current status of Shinto in Japan and the Asia-Pacific region is provided.

Keywords: State Shinto, kokutai, tenno, kami, Cult of the emperor, mythoideology, nationalism, Japan

Сведения об авторе

Марков Сергей Михайлович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, e-mail: Ser_Mark@mail.ru

Markov Sergey Mikhailovich, CSc in Philosophy, Associate professor Department of Historical, Legal and Socio-Economic Disciplines Far Eastern Institute The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named afte V. M. Lebedev, e-mail: Ser_Mark@mail.ru

**ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНОКУЛЬТУРОЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ УРАЛА (НА ПРИМЕРЕ МАНСИ) КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА**

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития регионального этнографического туризма в Свердловской области на примере ознакомления жителей территории с традиционной культурой малочисленного народа манси — коренного населения региона. Показано, что интерес к этническому туризму среди жителей регионального центра (Екатеринбурга) на протяжении последних пяти лет сохраняется достаточно высоким. Выборочное исследование возрастного и гендерного состава туристических групп демонстрирует большое разнообразие: почти в равной степени представлены возрастные группы 61–70 лет, 36–45 лет, 13–17 лет, в то же время в гендерном соотношении фиксируется тренд в сторону преобладания женской части населения. Просветительская и воспитательная роль разнообразных интерактивных программ и мастер-классов заключается не только в стимулировании интереса жителей Урала к культуре традиционных народов региона, но и в популяризации культурного наследия, способствующего патриотическому воспитанию молодого поколения.

Ключевые слова: этнографический туризм, этнокультура, малочисленные народы, популяризация культурного наследия, этнопарк, традиционная культура, этнографическая экскурсия.

Одной из тенденций, наблюдаемых в последние годы в российской туристической сфере, стала переориентация направления значительной части туристического потока в сторону внутреннего туризма, что обуславливается целым рядом социально-экономических и политических причин. Помимо традиционных видов туризма, таких как пляжный и экскурсионно-познавательный, регулярно вовлекающих значительную часть туристического потока, выделяются и такие формы, как экстремальный, экологический, геологический и этнографический, характеризующиеся не столь масштабным количеством участников, но, тем не менее, представляющие несомненный интерес как с точки зрения просвещения населения в области сохранения природных и традиционных культурных ценностей конкретных территорий, так и обеспечения данных территорий дополнительными источниками финансирования [1; 8].

В целом, этнографический туризм, как одно из направлений культурно-познавательного туризма, получает достаточно широкое распространение в современном мире в связи с ростом интереса к самобытной этнической культуре [7]. В то же время следует признать, что именно в Российской Федерации с ее уникальным полиэтническим и поликонфессиональным составом данное направление имеет большие перспективы, во многом обусловленные ростом национального самосознания, с одной стороны, и возрастанием интереса к изучению истории, культуры и образа жизни разнообразных народов, населяющих различные регионы нашей страны — с другой [2]. Как утверждает Е. И. Охрименко, «традиционная культура обладает способностью передавать самобытность своего народа, поэтому она оказывает огромное влияние на воспитание у подрастающего поколения любви к своей Родине и гордости за свою страну» [6]. Таким образом, этнографический туризм, при грамотной его организации, может способствовать преодолению ксенофобии в отношении представителей других традиционных культур и установлению продуктивного диалога через взаимопонимание и уважение различных народов [9; 10].

Кроме того, не следует забывать, что в условиях стремительно нарастающей глобализации, сопровождающейся, помимо всего прочего, трендом к унификации образа жизни, стиля

поведения, образования и пр., ознакомление с этническими культурами различных народов дает возможность зафиксировать традиционные ценности, особенно в глазах представителей молодого поколения туристов. По утверждению Н. С. Монаховой, этнографический туризм «востребован в связи с его уникальностью и неповторимостью, так как в настоящее время этническое разнообразие сокращается со скоростью, соизмеримой с темпами утраты биологического разнообразия» [5].

Коренными народами, на протяжении многих веков, проживавшими на территории, ставшей впоследствии Свердловской областью, являются башкиры (тюркский народ) и манси (народ финно-угорской группы). Следует отметить, что большинство географических топонимов региона имеет либо тюркское, либо мансийское происхождение: Ревда, Пышма, Косьва, Арамиль, Уфа, Нейва и пр. К сожалению, как показывают выборочные исследования, проведенные среди обучающихся колледжа Уральского государственного экономического университета (всего в опросе приняло участие 257 человек), 82% респондентов, являющихся резидентами Свердловской области, не знают происхождения названий городов и водоемов региона. В то же время интерес к топонимике и этнографии у значительной части студентов достаточно высок (рис. 1).

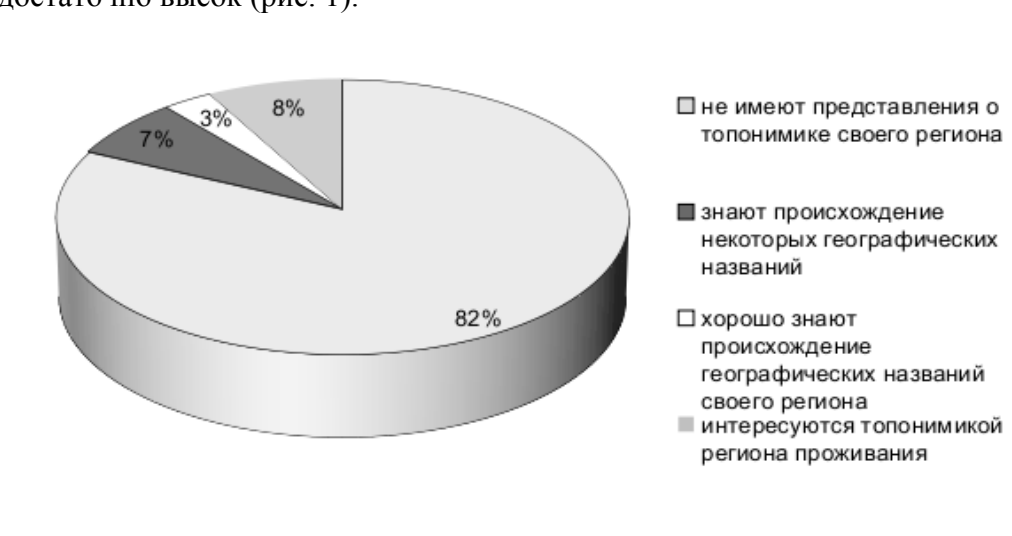

Рисунок 1. Уровень знаний студентов о топонимике Свердловской области

К сожалению, если применительно к ознакомлению с традиционной культурой башкирского народа заинтересованные лица имеют возможность посещения разнообразных этнокультурных центров, расположенных как непосредственно в Республике Башкортостан, так и в соседних с ней регионах, а также участия в различных этнокультурных событиях, то в отношении ознакомления с традиционной культурой народа манси, входящего в список малочисленных народов России, все обстоит несколько сложнее, так как в настоящее время на территории Свердловской области представителей данного этноса практически не осталось [3].

С целью сохранения уникальной культуры данного аборигенного для Среднего Урала народа и для популяризации последней среди жителей региона недалеко от г. Екатеринбурга в 2014 г. был создан круглогодично функционирующий историко-этнографический парк «Земля предков», посещение которого в настоящее время стало привлекательным для горожан, в первую очередь, школьных и семейных групп, в рамках туров «выходного дня». Как показывают данные посещаемости объекта организованными с помощью туристических операторов и неорганизованными группами, на протяжении последних шести лет посещаемость этнопарка демонстрирует устойчивый тренд к росту (рис. 2), что обусловлено как разнообразными формами проведения экскурсионных программ, включая интерактивные и мастер-классы (например, по приготовлению традиционных мансийских блюд и отливкам из металла), квесты с элементами вовлечения в традиционный образ жизни, так и транспортной и информационной доступностью этого объекта для посетителей.

В рамках экскурсионной программы туристы получают возможность познакомиться с традиционными занятиями народа манси — охотой и оленеводством, а также семейным укладом, организацией быта и условиями жизни. Кроме того, посетители этнопарка в сопровождении экскурсовода получают представление о некоторых особенностях сакральной духовной культуры и обрядах народа манси. В настоящее время в этнопарке разработано несколько новых программ: «День щуки», «От нянь к пель-нянь», «Мир орнаментов народа манси», «Небесный зверь», «Бобриные истории» и др., пользующиеся неизменным успехом у туристов независимо от возраста и этнической принадлежности участников групп.

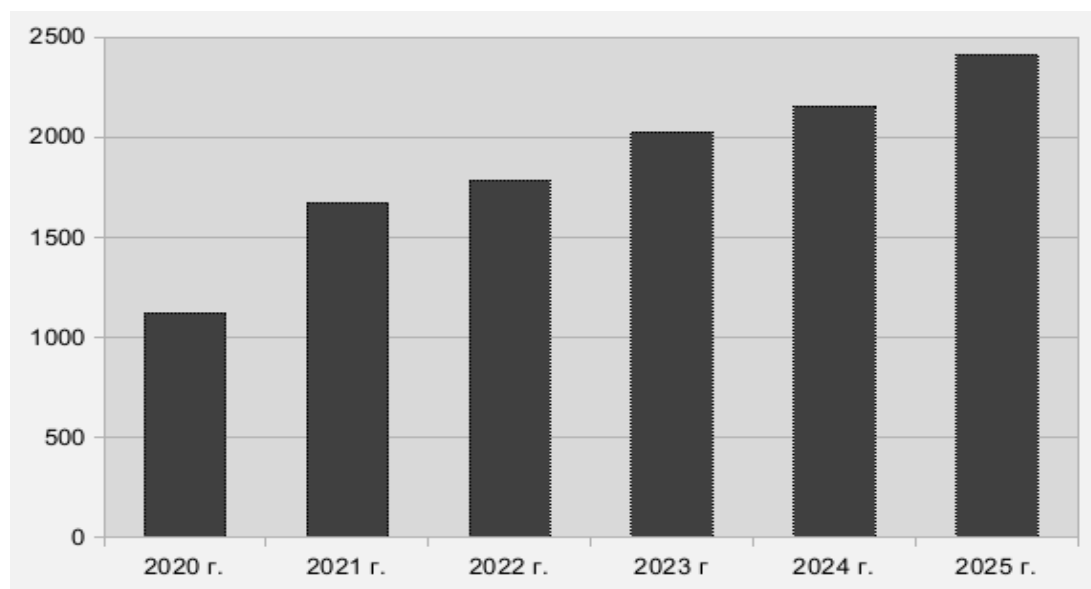

Рисунок 2. Динамика посещаемости этнопарка «Земля предков»
(по оси ординат — кол-во человек)

Анализ гендерного и возрастного состава туристических групп показывает, что среди посетителей этнопарка преобладают лица женского пола, составляющие около 75% всех участников подобных мероприятий, что, в общем, типично для большинства видов специализированного туризма, за исключением экстремального. В то же время, как демонстрируют данные, представленные ниже на рис. 3, в отношении возрастного состава участников наблюдения гораздо большая дифференциация: в целом практически все возрастные группы населения представлены в приблизительно равном соотношении, за исключением лиц старше 70 лет и группы 18–25 лет. Можно предположить, что в первом случае для части лиц в силу возрастных особенностей подобные путешествия являются достаточно проблематичной физической и информационной нагрузкой. Что касается представителей молодого поколения — наиболее активной части выборки, то для них, как правило, в данный возрастной период наиболее предпочтительными являются туры с максимальной физической активностью и экстремальными компонентами, не предусмотренными программами этнопарка (хотя в летний период экскурсионные маршруты могут сочетаться с организацией небольших сплавов минимальной категории сложности). В то же время оптимизм вызывает факт, что среди посетителей очень много несовершеннолетних участников и их родителей, являющихся, по утверждению руководства парка, наиболее заинтересованной прослойкой посетителей, с готовностью и интересом участвующей в самых разных мероприятиях, включая мастер-классы и экскурсионные программы. Интерес к каким-либо явлениям и процессам, как известно, является основой формирования устойчивой внутренней мотивации к изучению и формированию положительного отношения к данным объектам.

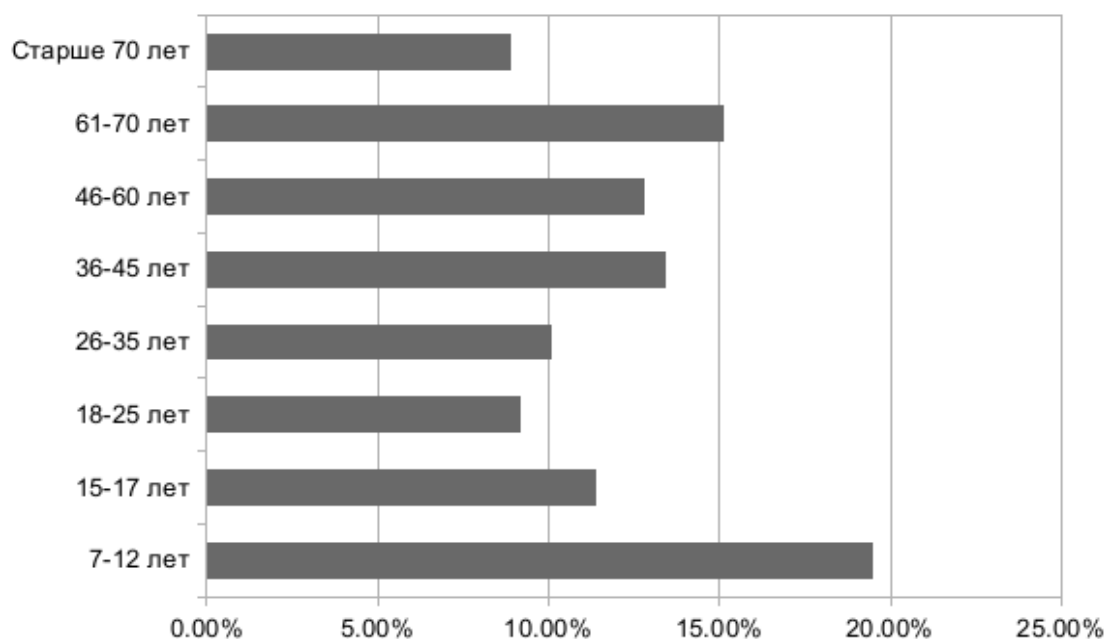

Рисунок 3. Возрастной состав посетителей этнопарка «Земля предков»

Особое внимание следует обратить на позиционирование этнопарка в качестве информационно-просветительского центра для семейного отдыха, что подтверждается практически данными: значительная часть детей младшего и среднего школьного возраста посещает данный объект совместно с родителями и другими родственниками, а также в составе организованных школьных групп, поскольку формирование уважительного отношения к традиционной культуре коренных народов России является одной из важных задач воспитания. По утверждениям многих участников подобных мероприятий, наибольший интерес вызывает возможность непосредственного ознакомления с культурой малочисленного народа, внесшего значительный вклад в освоение территории Среднего Урала задолго до появления в регионе переселенцев из центральной части России. Традиционный образ жизни, сопряженный с рациональным и экономным использованием природных ресурсов, фольклор, культура оленеводства и охоты — все эти моменты, столь сильно отличающиеся от привычного уклада урбанизированной цивилизации, вызывают не только удивление, но и заставляют задуматься о процессах, приведших к постепенному нарастанию противоречий между человечеством и биосферой нашей планеты, а также об уязвимости и хрупкости малочисленных этносов в этих условиях. По утверждению Г. В. Мерзляковой и др., «этнографический туризм является важным средством популяризации культурного наследия», так как, с использованием элементов квестов и интерактивных технологий создает своего рода «эффект соучастия», реализуя одновременно когнитивно-просветительскую и культурно-воспитательную функции [4]. В отношении последней функции можно добавить, что разнообразные этнографические программы не только стимулируют интерес к изучению культурного разнообразия народов современной России, но и способствуют формированию уважительного отношения к народам другой традиционной культуры, а также чувства гордости за свою страну и ее историю, что, в конечном итоге, является одной из основ патриотического воспитания.

Литература

1. Карелина Н. А. Возрождение традиционной культуры коренных малочисленных народов России через этнотуризм // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28, № 4. С. 130–141.
2. Кедрова И. В. Этнотуризм как перспективная форма сохранения этнической культуры // Этническая культура. 2020. № 2(3). С. 10–13.

3. Ламажаа Ч. К., Хайруллина Н. Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 29–38.
4. Мерзлякова Г. В., Баталова Л. В., Берестова Е. М. Этнографический туризм как средство популяризации культурного наследия и патриотического воспитания молодежи // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025. Т. 19, № 4. С. 679–686.
5. Монахова Н. С. Этнографический туризм в России: основные виды и факторы развития // Вестник Российского нового университета. 2010. № 2. С. 164–168.
6. Охрименко Е. И. Условия развития этнографического туризма в регионах // Сервис plus. 2023. Т. 17, № 3. С. 61–73.
7. Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Подходы к классификации этнического туризма // Вестник ОГУ. 2014. № 6(167). С. 179–183.
8. Чибилева В. П., Филимонова И. Ю. Этнический туризм как фактор устойчивого развития территорий: культурно-познавательный аспект // Этническая культура. 2020. № 1(2). С. 26–29.
9. Чистякова О. В. Этнический туризм в контексте многообразия культур современного мира // Вестник ВГУ. 2021. № 2. С. 118–127.
10. Vergun T. V., Grishin D. V. Impact of ethnic tourism on inter-ethnic relations // Научный альманах стран Причерноморья. 2020. Т. 21, № 1. С. 17–23.

INTRODUCTION TO THE TRADITIONAL ETHNOCULTURE OF MINORITY PEOPLES OF THE URALS (ON THE EXAMPLE OF MANSI) AS ONE OF THE DIRECTIONS OF REGIONAL TOURISM DEVELOPMENT

Abstract. This article examines the prospects for developing regional ethnographic tourism in the Sverdlovsk region, using the example of introducing residents to the traditional culture of the Mansi people, the region's indigenous people. It shows that interest in ethnic tourism among residents of the regional capital (Yekaterinburg) has remained relatively high over the past five years. A sample study of the age and gender composition of tourist groups reveals considerable diversity: almost equally represented are the 55–75, 35–56, and 10–16 age groups, while the gender ratio shows a trend toward a predominance of women. The educational and upbringing role of various interactive programs and master classes not only stimulates interest among Ural residents in the culture of the region's traditional peoples but also promotes cultural heritage, contributing to the patriotic education of the younger generation.

Keywords: ethnographic tourism, ethnoculture, indigenous peoples, popularization of cultural heritage, ethnopark, traditional culture, ethnographic excursion.

Сведения об авторе

Гордеева Ирина Викторовна, кандидат биологических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, e-mail: ivgord@mail.ru

Gordeeva Irina Viktorovna, Candidate of Biology, Associate Professor, Ural State University of Economics, e-mail: ivgord@mail.ru.

Н. У. Ыпышова
Н. С. Ташиева
Ж. А. Дуйшобаева
Ошский госуниверситет
М. О. Зулумбекова
СШ № 31 им. Т. Бекенова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СЧАСТЬЯ И ЛЮБВИ ЧЕРЕЗ ЭВФЕМИЗМЫ И ТАБУ В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу эвфемизмов и табу как лингвокультурных маркеров понятий «счастье» и «любовь» в кыргызском и английском языках. Язык рассматривается как отражение ценностных моделей общества и средство регулирования эмоциональной коммуникации. Научная новизна заключается в сопоставлении двух культурных традиций: коллективистской (кыргызской), где косвенные формы речи выполняют защитную функцию, и индивидуалистской (английской), где эвфемизмы смягчают личные переживания и сохраняют приватность. Результаты показывают, что кыргызские выражения акцентируют гармонию рода и веру в силу слова, а английские — индивидуальные эмоции и стремление к речевой сдержанности. Практическая ценность исследования связана с межкультурной коммуникацией, переводом и преподаванием иностранных языков.

Ключевые слова: эвфемизмы, табу, счастье, любовь, кыргызский язык, английский язык, лингвокультура, коллективизм, индивидуализм.

Современные социальные изменения затрагивают все сферы жизни общества, включая язык. Эвфемизмы и табу особенно ярко демонстрируют, как общество регулирует выражение ценностей и эмоций, сохраняя традиции и одновременно адаптируясь к новым условиям. Понятия «счастье» и «любовь» универсальны, но способы их вербализации различаются в зависимости от культурной традиции. В кыргызской культуре прямое выражение счастья часто избегается из-за страха вызвать зависть или «сглаз», а любовь описывается через метафоры огня, света и сердца. В английской культуре счастье и любовь выражаются через устойчивые идиомы и метафоры, при этом сохраняется тенденция к приватности и эмоциональной сдержанности.

Исследования эвфемизмов и табу в разносистемных языках показывают их универсальность, но конкретные формы зависят от культурно-бытового контекста. К. Аллан и К. Бёрридж рассматривают эвфемизмы как инструмент «цензуры языка» [1, с. 46]. Теория вежливости П. Брауна и С. Левинсона объясняет эвфемистические стратегии как способ сохранения «лица» в коммуникации, что подтверждает их универсальное присутствие в разных культурах [2, с. 114].

Эвфемизмы и табу занимают особое место в системе языка, так как они отражают не только лексические особенности, но и культурные ценности общества. В разных традициях эти явления выполняют функцию регулирования речевого поведения, позволяя сохранить баланс между открытым выражением эмоций и соблюдением социальных норм.

В кыргызской культуре отношение к слову традиционно связано с верой в его силу и сакральное значение. Пословицы и поговорки фиксируют представления о счастье и любви как о коллективных ценностях, тесно связанных с родом и семьёй. Эмоции здесь чаще выражаются косвенно, через метафоры света, тепла и благополучия.

В англоязычной традиции эвфемизмы и идиомы формировались в иных исторических условиях. Радость описывается через метафоры высоты и движения (over the moon, on cloud nine), а любовь — через мягкие конструкции (to have a soft spot for someone). Эти выражения отражают культурную установку на приватность и умеренность в проявлении чувств.

В основе исследования лежит лингвокультурологический подход, который рассматривает язык как отражение общества и культуры. Такой аспект анализа позволил не только выявить особенности семантики, но и проследить их связь с традициями и социальными практиками. Для решения поставленных задач использовался комплекс методов: сопоставительный анализ помог определить сходства и различия в выражении понятий счастья и любви; семантический анализ показал, что в кыргызском языке эмоции чаще передаются через метафоры и эвфемизмы, тогда как в английском — через устойчивые идиомы; контекстуальный анализ дал возможность рассмотреть употребление эвфемизмов и табу в живой речи и культурных текстах; а этнолингвистический подход обеспечил понимание того, как языковые явления связаны с верованиями и традициями народа.

Целью исследования стало выявление особенностей репрезентации понятий «счастье» и «любовь» в кыргызской и английской языковых традициях. Основное внимание уделялось кыргызскому материалу, поскольку именно он отражает этнолингвистическую специфику региона.

Кыргызский корпус. Для анализа были собраны пословицы, поговорки и устойчивые выражения, отражающие традиционные представления о ценностях семьи, рода и общины. Эти тексты демонстрируют косвенные способы передачи эмоций, где счастье связывается с образом света и благополучия, а любовь — с родовыми и семейными узами. Например, выражение «жүзү жарык болду» («лицо озарилось») используется для описания радости, а метафоры, связанные с родом, подчеркивают коллективное восприятие счастья.

В качестве сопоставительного материала были рассмотрены устойчивые идиомы и метафорические выражения, функционирующие в современной англоязычной коммуникации. Примеры из художественной литературы, публицистики и устной речи позволили выявить особенности описания эмоций в английской культуре и проследить различия в их интерпретации. Английский материал использовался как контрастный фон, демонстрирующий своеобразие восприятия понятий счастья и любви по сравнению с кыргызской традицией.

Результаты и обсуждение. Эвфемизмы и табу в кыргызском дискурсе

В кыргызской традиции эвфемизмы и табу тесно связаны с верой в силу слова. Радость часто описывается через метафоры света и сияния: «жүзү жарык болду» («лицо озарилось»), «күн сыяктуу жаркырады» («сиял как солнце»). Подобные выражения не только отражают эмоциональное состояние, но и подчеркивают восприятие счастья как общего блага, разделяемого семьёй или общиной.

Любовь выражается косвенно, чтобы избежать «сглаза» или зависти. Эвфемистические конструкции выполняют функцию сохранения уважения к традиции и предотвращения чрезмерной открытости в проявлении чувств. Характерные примеры включают:

- «*Бакыт кушу конду*» — «счастье снизошло», символ удачи и благополучия;
- «*Жүзү жарык болду*» — «лицо просветлело», метафора внутренней радости;
- «*Жол ачылды*» — «дорога открылась», обозначение удачных обстоятельств;
- «*Көңүлү тоюп калды*» — «душа насытилась», выражение внутреннего удовлетворения;
- «*Жүрөк канат какты*» — «сердце воспарило», образ вдохновения и любви;
- «*Көз тийбесин*» — «да минует дурной глаз», защитная формула от сглаза.
- «*Жүрөгү жай алды*» — «сердце обрело покой», чувство спокойствия

Эти выражения показывают, что счастье воспринимается не только как личное состояние, но прежде всего как гармония семьи и рода. Табу проявляются в запрете на открытое выражение эмоций, а косвенные формы речи выполняют защитную функцию и отражают коллективистскую модель культуры [3, с. 49]. Подобные данные подтверждаются также в «Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү» Осмоновой и др. [5, с. 73]. Как отмечает Дж. Лакофф, различия в метафорах и категориях отражают когнитивные модели, характерные для конкретной культуры [4, с. 134].

Сравнительный анализ эвфемизмов

Понятия эмоций	Кыргызский язык	Английский язык	Функция
Счастье	«Бакыт кушу конду» (Счастье снизошло)	<i>on cloud nine</i>	Символ удачи / личная радость
Любовь / открытость	«Жүрөк канат какты» (Сердце воспарило)	<i>to have a soft spot for someone</i>	Вдохновение / нежность
Радость	«Жүзү жарык болду» (лицо просветлело) «Көңүлү көтөрүлдү» (настроение поднялось)	<i>walking on air</i> <i>to be tickled pink</i>	Внутреннее сияние / лёгкость, внезапный прилив радости или вдохновения, испытывать сильное удовольствие или радость; мало используется в академических описаниях, но встречается в разговорной речи.
Прозрение / защита	«Көзү ачылды» (глаза открылись) «Көз тийбесин» (Да минует дурной глаз)	<i>keep the wolf from the door</i> <i>to hold someone dear</i>	Осознание истины и забота о близких Защита от сглаза / ценность близких
Облегчение	«Жүрөгү жай алды» (сердце обрело покой)	<i>walking on sunshine</i>	Чувство спокойствия и лёгкости после тревоги
Напряжение / трудность	«Эки оттун ортосунда калды» (остался между двумя огнями, между двух опасностей)	<i>to be in a pickle</i>	Сложная ситуация, вызывающая эмоциональное напряжение

Классификация показывает, что кыргызские эвфемизмы выполняют функции защиты, а английские — смягчения речи и выражения личностных эмоций. Сопоставление двух языковых систем выявило различие в акцентах: кыргызский дискурс ориентирован на коллективные ценности и социальные связи, тогда как английский — на индивидуальные эмоции и личные переживания. В обоих случаях эвфемизмы и табу выступают культурными кодами, регулирующими степень открытости в выражении чувств.

Примечательно, что современные медиа усиливают эти различия. В кыргызских новостных порталах и социальных сетях активно используются защитные формулы от «сглаза», а в англоязычных блогах и СМИ популярны идиомы, позволяющие говорить о чувствах в нейтральной форме. Таким образом, язык продолжает адаптироваться к культурным и социальным изменениям, сохраняя при этом традиционные стратегии выражения эмоций.

Эвфемизмы и табу функционируют, как универсальные механизмы регулирования речи, но их формы определяются культурным контекстом. В английской традиции они служат средством защиты личной автономии и эмоциональной сдержанности, а в кыргызской — поддерживают гармонию семьи и рода и охраняют сакральное значение слова.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения результатов в межкультурной коммуникации, переводе и преподавании иностранных языков. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением новых форм эвфемизмов и табу в цифровой среде — интернет-сленге, мемах и социальных сетях, где традиционные модели адаптируются к современным условиям.

Литература

1. Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. Oxford: Oxford University Press, 1991. 288 с.
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 с.

3. Хакимова М. М. Эвфемизмы и табу в таджикском и английском языках // Учёные записки Худжандского государственного университета. Худжанд, 2015. С. 45–52.
4. Lakoff G. Women Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 с.
5. Осмонова Ж., Конкобаев К., Жапаров Ш. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. Бишкек: Имак Офсет, 2015. 520 с.

EUPHEMISMS AND TABOOS AS LINGUOCULTURAL MARKERS OF HAPPINESS AND LOVE IN KYRGYZ AND ENGLISH

Abstract. The article investigates euphemisms and taboos as linguocultural markers of the categories «happiness» and «love» in Kyrgyz and English. The study emphasizes the role of language in reflecting cultural values and regulating emotional expression. A comparative perspective is adopted: in Kyrgyz discourse, indirect forms of speech are used to protect harmony and avoid negative influences, while in English discourse euphemisms primarily soften personal feelings and preserve privacy. The analysis demonstrates that Kyrgyz expressions highlight collective well-being and the sacred power of words, whereas English idioms focus on individual emotions through metaphors of elevation and restraint. The findings contribute to the understanding of cultural differences in emotional communication and may be applied in translation studies, intercultural dialogue, and language teaching.

Keywords: euphemisms, taboos, happiness, love, Kyrgyz language, English language, linguoculture, collectivism, individualism.

Сведения об авторах

Ыпышова Нургуль Узакбаевна, старший преподаватель, Ошский государственный университет, e-mail: nuryshova12@gmail.com

Ташиева Нуржамал Сайпидиновна, преподаватель, Ошский государственный университет, e-mail: nurja050919@gmail.com

Душубаева Жанара Абылбековна, преподаватель, Ошский государственный университет, e-mail: duishobaevajanara@gmail.com

Зулумбекова Махабат Орозбековна, преподаватель, СШ № 31 имени Т. Бекенова, Араванский район, с. Гульбар, Кыргызстан, e-mail: zulumbekovamahabat1978@gmail.com

Nuryshova Nurgul Uzakbaevna, Senior Lecturer, Osh State University, Institute of Philology and Intercultural Communication, e-mail: nuryshova12@gmail.com

Tashieva Nurzhamal Saipidinovna, Lecturer, Osh State University, Institute of Philology and Intercultural Communication, e-mail: nurja050919@gmail.com

Duishobaeva Zhanara Abylbekovna, Lecturer, Osh State University, Institute of Philology and Intercultural Communication, e-mail: duishobaevajanara@gmail.com

Zulumbekova Mahabat Orozbekovna, Teacher, Secondary School No. 31 named after T. Bekenov, Aravan District, Gulbar Village, Kyrgyzstan, e-mail: zulumbekovamahabat1978@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТАН ДУНЯ НА ПРИМЕРЕ «ВОДНОЙ МУЗЫКИ: СТРАСТЬ» И «СОСТРАДАНИЯ»

Аннотация. В данной работе в качестве объектов исследования выбраны репрезентативные произведения Тан Дуня «Водная музыка: Страсть» и «Сострадание», чтобы изучить художественное выражение «гармонии между человеком и природой», «сострадания и доброжелательности» и «гармоничного сосуществования» в современной китайской межкультурной музыкальной композиции. С помощью текстового анализа, культурной интерпретации и сравнительного исследования показано, как Тан Дунь использует воду, природу, традиционные инструменты и восточную философию в качестве средств для преобразования абстрактных ценностных концепций в воспринимаемый музыкальный язык. Результаты исследования показывают, что Тан Дунь не просто воспроизводит традиционные символы, а реконструирует ядро традиционного духа Китая с помощью современных техник, придавая древним ценностям трансвременную жизнеспособность, достигая культурной субъективности и межкультурного гуманистического диалога, и предоставляя типичную парадигму для наследования китайских ценностей в современном искусстве.

Ключевые слова: Тан Дунь, традиционные китайские ценности, гармония между человеком и природой, сострадание и доброжелательность, межкультурная музыкальная композиция, «Водная музыка: Страсть», «Сострадание».

Введение. Музыка сама по себе является межкультурным языком. В современной глобализированной среде она часто используется для передачи различных ценностей. Исследование вопроса о том, как сочетать традиции с современностью, Восток с Западом, стало ключевым направлением современных музыкальных исследований, отражающих стремление сохранить культурные корни, выражая при этом традиционную китайскую мысль совершенно новыми способами. Произведения Тан Дуня являются ярким примером межкультурной интеграции. В данной статье будут проанализированы два его наиболее значимых произведения. В «Водной музыке: Страсть» в полной мере раскрываются концепции «гармонии между небом и человечеством» и сострадания. Другое произведение, «Песнь сострадания», аналогичным образом передает идеи доброжелательности и гармоничного сосуществования. В данном исследовании в первую очередь изучаются культурные коннотации, стоящие за этими произведениями, и анализируется, как основные традиционные ценности интерпретируются через музыкальный язык. Результаты показывают, что Тан Дунь эффективно сочетает различные музыкальные техники Востока и Запада. Он напрямую преобразует традиционную философскую мысль в современное музыкальное выражение. Такой подход не только позволяет традиционным китайским ценностям дойти до международной аудитории, но и служит практическим примером для сохранения культурного наследия в настоящее время.

«Гармония между человеком и природой»: Музыкальный перевод натурфилософии

Стремление к гармонии между человеком и природой является ключевым направлением традиционной китайской философии. Человечество и природа рассматриваются как единое целое, имеющее общее происхождение. Эта философия требует от людей уважения к окружающей среде, соблюдения её законов и, в конечном итоге, интеграции с природой. Традиционное художественное творчество глубоко подвержено влиянию этой концепции [1, с. 45]. Творцы привыкли черпать вдохновение непосредственно из природы, и слияние эмоций и пейзажа стало, таким образом, устоявшейся эстетической привычкой. Работа Тан Дуня «Водная музыка: Страсть» прекрасно это иллюстрирует. Вода выбрана в качестве основного выразительного средства. Абстрактные философские размышления напрямую трансформи-

руются в конкретную музыку. В этом произведении прекрасно интегрированы природная среда, музыкальные звуки и гуманистические коннотации.

Вода часто рассматривается как символ гармонии между человеком и природой. В этом произведении вода напрямую используется как музыкальный инструмент для имитации реальных звуков природы. В музыке звук воды сливается с оркестровой музыкой, вокалом и традиционными инструментами. Таким образом, границы между человеком и природой, а также между искусством и природой, стираются. Эта аранжировка прекрасно демонстрирует их интегрированные и симбиотические отношения [2, с. 112].

Ценности человечества и природы могут резонировать, создавая динамичные симбиотические отношения. В этом произведении музыкальная структура выстроена от тишины к ритму и, наконец, обратно к тишине. Спокойствие в начале, интенсивность в середине и умиротворение в конце последовательно чередуются. Духовная связь между человечеством и природой напрямую раскрывается через эти звуки. Почитание природы и сосуществование с ней — традиционные экологические концепции. Благодаря вышеупомянутому способу выражения ценности прошлого успешно трансформировались в современный язык [1, с. 48].

«Сострадание и доброжелательность»: межкультурная интерпретация гуманистического духа

«Сострадание и доброжелательность» воплощают гуманистический дух китайской культуры [3, с. 78]. В них сочетаются конфуцианская доброжелательность, буддийское сострадание и даосская бережливость. Эта философия призывает к заботе обо всей жизни, сочувствию к страданиям и принятию всего сущего. Тан Дунь исследует эти темы в своих произведениях «Ода состраданию» и «Водная музыка: Страсть». Он опирается как на восточные философские коннотации, так и на западные художественные формы.

Вдохновение для «Мантры сострадания» исходит непосредственно из культуры Дуньхуана. Вся работа всесторонне интерпретирует темы сострадания и доброжелательности. В ней интегрированы духи конфуцианства, буддизма и даосизма. Конфуцианская доброжелательность выражается как забота обо всей жизни, а даосское чувство трансцендентности создает атмосферу спокойствия. В то же время, концепция равенства всех существ полностью передается через буддийское сострадание. Благодаря этим выражениям изначально ограниченные религиозные чувства эффективно сублимируются. В конечном итоге они трансформируются в универсальную гуманистическую ценность, понятную всему миру [4, с. 156].

«Музыка воды: Страсть»: Тан Дунь заимствует жанр западного оркестра страстей, приглушая его религиозные обертоны и наполняя его восточным состраданием. В разделах, посвященных страданиям, используются звуки воды, бамбуковых флейт и деревянных рыб, чтобы создать атмосферу сопереживания. Слияние восточных и западных инструментов формирует общее понимание сострадания, способствуя распространению традиционных ценностей в межкультурном пространстве [2, с. 116].

«Гармоничное сосуществование»: современное художественное конструирование ценностных концепций

«Гармоничное сосуществование» охватывает многообразную гармонию между человеком и природой, между людьми и между цивилизациями, выступая за гармонию в многообразии, инклюзивность и взаимное обучение, а также симбиотическое процветание [1, с. 52]. В своих двух произведениях Тан Дунь конструирует гармоничное единство между традицией и современностью, а также между Востоком и Западом посредством слияния музыкальных элементов, диалога культурных символов и резонанса ценностных концепций.

Сочетание музыкальных элементов: Традиционная музыка подчеркивает «гармонию в многообразии». «Музыка воды: Страсть» сочетает китайские и западные инструменты и техники, интерпретируя их сосуществование; «Песнь сострадания» дополнительно включает музыкальные элементы древних и современных времен, как китайские, так и зарубежные, создавая инклюзивную и открытую музыкальную эстетику [5, с. 98].

Резонанс культурных ценностей: Гармоничное сосуществование традиционного духа и современного гуманизма заключается в духовном единстве. Оба произведения основаны на

заботе о жизни, резонируя с современным гуманизмом; они выступают за взаимное обучение и мирное сосуществование цивилизаций, отражая концепцию «всеобщей гармонии» и способствуя современному выражению и международному распространению традиционных ценностей [3, с. 82].

Культурное значение и современные последствия

Культурное значение: Поддержание субъективности и продвижение современного выражения ценностей. В контексте глобализации влияние культурной гомогенизации усиливается, и традиционные ценности сталкиваются с дилеммой в своем наследии. Тан Дунь, укорененный в китайской культуре, глубоко погружается в ее философские и эстетические коннотации, преобразуя абстрактные ценности в конкретный музыкальный язык, тем самым способствуя творческой трансформации и инновационному развитию традиционных ценностей [1, с. 55]. Межкультурное творчество строит мосты для диалога между Востоком и Западом, продвигая китайскую культуру в мире и укрепляя культурное доверие и международное влияние [6, с. 201].

Современные последствия: предоставление парадигмы для наследования традиционных ценностей в искусстве. Работы Тан Дуня предлагают важные идеи: во-первых, укоренение в традиции и углубление в ее суть, избегание символического копирования; во-вторых, опора на современность и новаторские формы, соответствующие современной эстетике; и в-третьих, обращение к миру, передача универсальных ценностей и содействие диалогу и взаимопониманию между цивилизациями [4, с. 160].

Заключение. Тан Дунь использует «Водную музыку: Страсть» и «Милосердие» как средства для систематического представления традиционных основных ценностей, таких как «гармония между человечеством и природой», «сострадание и доброжелательность» и «гармоничное сосуществование». Основываясь на субъективности китайской культуры, он переосмысливает ядро традиционного духа, используя современные методы, достигая творческой трансформации, инновационного развития и международного распространения этих ценностей. Его работы демонстрируют очарование китайской культуры, строят мосты для диалога между Востоком и Западом, предоставляют типичную парадигму для современного искусства, позволяющую наследовать лучшие традиции китайской культуры и передавать китайские ценности, а также вносить вклад в глобальный цивилизационный диалог посредством китайской мудрости [1, с. 58].

Литература

1. Е Лан. Чжунго мэйсюэси даган [Очерк истории китайской эстетики]. Шанхай: Шанхай Жэньминь Чубанше, 2018. С. 45–60.
2. Ван Цичжао. Чжунго иньюэ мэйсюэси [История китайской музыкальной эстетики]. Пекин: Гаодэн Цзяоюй Чубанше, 2020. С. 112–118.
3. Ли Цзэхуо. Чжунго гудай шестияншилунь [Очерки древнекитайской мысли]. Пекин: Шэнхо·Душу·Синьчжи Саньянь Шудянь, 2017. С. 78–84.
4. Чжан Цянь. Творчество Тан Дуня: между традицией и современностью. Москва: Музыка, 2021. С. 156–158, 160–162.
5. Синельникова О. В. Восток и Запад в мультимедийных проектах Тан Дуня // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3. С. 98–100.
6. Безниско О. Н., Чжоу Шуйюй. Буддизм и эстетика в творчестве Тан Дуня // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Искусствоведение. 2022. № 4. С. 201–203.

THE PRESENTATION OF TRADITIONAL CHINESE VALUES IN TAN DUN'S COMPOSITIONS: A CASE STUDY OF «WATER MUSIC: PASSION» AND «COMPASSION»

Abstract. This paper takes Tan Dun's representative works «Water Music: Passion» and «Compassion» as its research objects, exploring the artistic expression of «harmony between man

and nature», «compassion and benevolence», and «harmonious coexistence» in contemporary Chinese cross-cultural music composition. Using textual analysis, cultural interpretation, and comparative research, it reveals how Tan Dun uses water, nature, traditional instruments, and Eastern philosophy as media to transform abstract value concepts into a perceptible musical language. The research results show that Tan Dun does not simply replicate traditional symbols, but rather reconstructs the core of traditional spirit using modern techniques, giving ancient values a trans-temporal vitality, achieving cultural subjectivity and cross-cultural humanistic dialogue, and providing a typical paradigm for the inheritance of Chinese values in contemporary art.

Keywords: Tan Dun, traditional Chinese values, harmony between man and nature, compassion and benevolence, cross-cultural music composition, «Water Music: Passion», «Compassion».

Сведения об авторе

Ван Лу, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: wlu78795@gmail.com

Wang Lu, PhD student, Transbaikal State University, e-mail: wlu78795@gmail.com

СЕВЕР КАК МЕСТОРАЗВИТИЕ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОНЯТИЯ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье предпринимается реконструкция понятия Севера в евразийской философии пространства. Методологической рамкой выступает история понятий Р. Козеллека: Север рассматривается не как нейтральное географическое имя и не как готовая этнографическая область, а как понятие, в котором накапливаются опыт места, хозяйственная память и представления о возможном будущем. Категория месторазвития П. Н. Савицкого используется не в качестве внешней схемы для описания северных народов, а как способ анализа связи ландшафта, исторического времени и пространственной идентичности. Показано, что евразийская «северность» отличается от расово-биологической нордической идеи: она строится не вокруг происхождения, а вокруг длительного опыта жизни в конкретном ландшафте. Такой подход позволяет говорить о Севере не только в ресурсной или геополитической логике, но и как о форме исторически накопленного пространственного опыта.

Ключевые слова: евразийство, Север, месторазвитие, история понятий, Р. Козеллек, П. Н. Савицкий, пространство опыта, пространственная идентичность, северные народы.

Евразийскую философию пространства чаще всего соотносят через ось «Запад — Восток». Именно в такой рамке раннее евразийство спорило с европоцентризмом и утверждало самостоятельность России-Евразии. Но при этом почти неизбежно тускнеет другое измерение — северное. Север остается фоном: климатом, окраиной, зоной трудного освоения. Между тем категория месторазвития позволяет поставить вопрос глубже. Речь должна идти не о простом соотнесении Севера к уже известной евразийской карте, а о реконструкции самого понятия Севера.

Для такой реконструкции необходима методология Р. Козеллека. История понятий в данном случае не сводится к поиску первого употребления слова. Она задаётся вопросом, какой опыт закреплён в понятии, какие ожидания оно открывает и почему в определенный момент оно начинает работать как способ самопонимания. Козеллек формулирует это предельно жестко: «Нет никакого ожидания без опыта и нет никакого опыта без ожиданий» [1, с. 152]. Эта мысль важна для темы Севера потому, что северное пространство нельзя описать только через физическую географию. В нем уже присутствуют память, навыки, маршруты, способы хозяйствования и представления о допустимом будущем.

Здесь, однако, важно не смешивать Козеллека и Савицкого. Их нельзя объявлять авторами одной и той же теории. Козеллек дает метод анализа исторической семантики, Савицкий вводит евразийскую категорию пространственной целостности. Но именно разность этих традиций делает сопоставление продуктивным. Метод Козеллека позволяет увидеть в месторазвитии не только географическую формулу, но и способ описания накопленного опыта места. В его словах, «опыт — это прошлое настоящего» [1, с. 154]. Если принять это всерьез, Север оказывается не пустой территорией, ожидающей освоения, а пространством, где прошлое уже включено в формы настоящей жизни.

У Савицкого понятие месторазвития появляется как попытка преодолеть внешнее соединение географии и истории. Его интересует не «влияние среды» в грубо детерминистском смысле, а связь территории, общества, хозяйства и исторического уклада. Не случайно он пишет: «Россия-Евразия есть обособленное и целостное “месторазвитие”» [2, с. 283]. В другом месте мысль выражена еще яснее: социально-историческая среда и территория должны слиться «в географический индивидуум или ландшафт» [2, с. 283]. Для реконструкции Севера это принципиально: Север нужно понимать не как сумму природных признаков, а как особую форму сращения земли, времени и человеческих практик.

Поэтому северный сюжет в евразийстве не надо выводить только из прямых деклараций классиков. Развернутой философии Севера у них действительно нет. Но есть понятийный

аппарат, внутри которого такая реконструкция становится возможной. Исследователи справедливо отмечают, что категория месторазвития позволяла евразийцам анализировать «взаимосвязь и целостность социально-исторической и географической среды» [3, с. 11]. Север в этой логике не является добавочной темой к Великой Степи. Он выявляет ту сторону месторазвития, которая менее заметна в степном материале: длительную, почти телесную приспособленность культуры к среде.

Прежде всего Север обозначает предел. Холод, расстояния, сезонность, состояние льда и снега, короткое лето, подвижность промысловых маршрутов не просто осложняют жизнь. Они задают режим внимания. На Севере человек не столько навязывает пространству форму, сколько учится различать его состояния. Это не романтический образ «детей природы», от которого лучше отказаться. Скорее перед нами опыт постоянного согласования действия с ландшафтом. В этом опыте природа не декорация, но и не безличный рок. Она выступает участником исторической формы жизни.

Не менее важна хозяйственная память. Оленеводство, охота, рыболовство, зимние и летние переходы, знание мест стоянок и опасных участков существуют не только как техника выживания. Это формы памяти, закреплённые в движении, языке, телесной привычке, в передаче навыка от поколения к поколению. Здесь особенно хорошо видно, почему козеллековское «пространство опыта» оказывается методологически уместным. Северный опыт не расположен в прошлом как в архиве. Он работает в настоящем: в маршруте, в выборе времени, в понимании предела, в умении не перепутать освоение с насилием над местом.

Наконец, реконструкция понятия Севера требует иной работы с историческим временем. Север часто кажется медленным по сравнению с политическими центрами. Но эта медленность не означает внеисторичности. Напротив, она заставляет различать событие и длительность. История здесь проявляется не только в датах, распоряжениях и административных границах, но и в устойчивых практиках приспособления. Поэтому понятие Севера оказывается ближе не к образу пустой окраины, а к тому, что можно назвать плотным временем места. Оно хранит опыт, который не всегда попадает в политическую хронику, но продолжает определять формы жизни.

Северные народы в этой статье поэтому не являются отдельным этнографическим сюжетом. Они важны как носители пространственного опыта, через который понятие Севера получает содержание. Финно-угорские, самодийские, тунгусо-маньчжурские и другие народы показывают, что идентичность может складываться не из абстрактного происхождения, а из долговременного отношения к месту. У Трубецкого эта тема дана в старой и сегодня во многом неудобной терминологии; тем не менее его замечание о том, что «сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю», фиксирует важный для евразийцев мотив многосоставности исторического пространства [4, с. 92–93]. Использовать этот мотив сегодня нужно осторожно: не как этнопсихологическую схему 1920-х годов, а как указание на то, что Россия-Евразия мыслилась ими через совместность разных исторических опытов.

Именно здесь евразийская реконструкция Севера расходится с расово-биологическим словарем нордизма. В нордической идее Север легко превращался в миф происхождения, в символ врожденного превосходства и телесной «породы». В евразийской перспективе, если читать ее через месторазвитие, северность устроена иначе. Она определяется не кровью и не антропологическим типом, а мерой вживания культуры в место. Якут, ненец, эвенк, коми, русский помор или житель северного поселения могут быть описаны как разные носители северного опыта не потому, что они сводятся к одному этническому основанию, а потому, что их историческая жизнь соотнесена с близкой структурой пространства.

Эта логика важна и для современного разговора о Севере. Сегодня он часто описывается языком ресурсов, инфраструктуры, транспортных коридоров и стратегической безопасности. Такой язык необходим, но он неполон. Он видит территорию как объект управления и освоения, но плохо различает накопленный в ней опыт. Противоположная крайность тоже не годится: превращать северные культуры в музейную неподвижность, будто их задача состоит только в сохранении «как было». Козеллековская пара опыта и ожидания позволяет удерживать

более тонкую позицию: будущее не выводится автоматически из прошлого, но и не должно строиться так, как будто прошлого не существовало.

Отсюда меняется и сам горизонт ожидания. Развитие Севера нельзя мыслить только как техническое преодоление трудной природы. Но его нельзя мыслить и как отказ от развития во имя этнографической сохранности. Более точной кажется другая формула: развитие должно быть соразмерно месту. Такая соразмерность не отменяет модернизации, но требует, чтобы модернизация считалась с исторически накопленным пространственным опытом. В этом пункте категория месторазвития снова оказывается полезной: она напоминает, что территория уже содержит историю, а не начинается ее с момента прихода проекта, дороги или промышленной схемы.

Таким образом, Север в евразийской философии пространства можно понять не как периферию и не как приложение к степной теме, а как самостоятельный смысловой узел. Методология Козеллека помогает увидеть в нем понятие, насыщенное опытом и ожиданием; категория Савицкого дает язык для описания связи ландшафта, хозяйства и исторической памяти. Если собрать эти две линии вместе, Север предстает не природной окраиной, не сырьевым резервом и не расовым мифом. Он предстает как месторазвитие: пространство, в котором длительная жизнь разных народов превратила географию в историческую форму идентичности.

Литература

1. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожидания» — две исторические категории / пер. с нем. А. Котова, О. Кильдюшова // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-opyta-i-gorizont-ozhidaniy-dve-istoricheskie-kategorii> (дата обращения: 25.05.2026).
2. Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П. Н. Континент Евразия. Москва: Аграф, 1997. С. 279–294.
3. Прокуденкова О. В. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 11–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-mestorazvitiya-v-kontseptsii-evraziytssev> (дата обращения: 25.05.2026).
4. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 92–106.

THE NORTH AS PLACE-DEVELOPMENT: TOWARD A RECONSTRUCTION OF THE CONCEPT IN THE EURASIAN PHILOSOPHY OF SPACE

Abstract. The article reconstructs the concept of the North in the Eurasian philosophy of space. The methodological framework is Reinhart Koselleck's conceptual history: the North is treated not as a neutral geographical name or as a ready-made ethnographic region, but as a concept in which the experience of place, economic memory and ideas about a possible future are accumulated. P. N. Savitsky's category of place-development is used not as an external scheme for describing northern peoples, but as a tool for analyzing the relationship between landscape, historical time and spatial identity. The article shows that Eurasian «northernness» differs from the racial-biological Nordic idea: it is organized not around origin, but around a long experience of life in a particular landscape. This approach makes it possible to discuss the North not only in resource or geopolitical terms, but also as a form of historically accumulated spatial experience.

Keywords: Eurasianism, North, place-development, conceptual history, R. Koselleck, P. N. Savitsky, space of experience, spatial identity, northern peoples.

Сведения об авторе

Дашинимаев Гэсэр Юрьевич, магистр философии, e-mail: jorafilos@gmail.com/

Dashinimaev Geser, master of philosophy, e-mail: jorafilos@gmail.com.

**ДИАЛЕКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ТРАДИЦИЙ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Аннотация. Республика Бурятия как полиэтнический регион, существующий на стыке различных культурных традиций, представляет собой уникальный пример диалектики межкультурного взаимодействия и обширного поля для исследования. В условиях стремительной глобализации и не менее стремительных изменений в обществе, вопросы сохранения культурной идентичности и традиций становятся особенно актуальными, поскольку подобные процессы несут в себе, как и новые возможности для диалога культур, так и риски исчезновения, приведения к единому образцу культур, обладающих уникальной этнической спецификой. В данной статье рассматриваются основные аспекты межкультурного взаимодействия в Бурятии, а также механизмы, способствующие сохранению традиций. Предполагается, что сохранение традиционных ценностей возможно через ряд формальных и неформальных институтов, таких как семья, образовательные инициативы, религиозные практики и современные технологии, вследствие чего происходит обогащение культурного наследия региона и создание новых форм культурной идентичности.

Ключевые слова: диалог культур, межкультурное взаимодействие, традиция, религиозный синкретизм, Бурятия, буддизм, шаманизм, этнокультурное наследие.

Вопросы межкультурного взаимодействия и сохранения традиционных ценностей в современном мире обуславливаются рядом исторических, социальных, и технологических факторов. Непрерывные процессы глобализации, унификации, затрагивающие все сферы жизни общества, несут в себе, как и новые возможности для диалога культур, так и риски исчезновения, приведения к единому образцу культур, обладающих уникальной этнической спецификой. Ключевой особенностью взаимодействия культур в современной Бурятии является многовековое сосуществование на территории региона разных национальностей, этнических, и конфессиональных групп, и, соответственно, присущих им культурных традиций. Проявляясь в языке, религии, быту, образовании и других сферах жизни общества, оно затрагивает все уровни отношений между людьми, начиная от межличностного, заканчивая международным. В условиях подобного культурного многообразия сохранение и трансляция традиций осуществляются через семью, образовательные инициативы, религиозные практики и современные технологии. Так происходит обогащение культурного наследия региона и создание новых форм культурной идентичности.

Одной из наиболее ярких черт, присущих Республике Бурятия, является религиозный диалог — сосуществование и взаимопроникновение на ее территории различных религиозных традиций, основными из которых являются христианство, буддизм, шаманизм и старообрядчество. Как отмечают Д. Д. Амоголонова и М. М. Содномпилова, длительное взаимодействие этнических культур выработало религиозный синкретизм и взаимную толерантность. [2, с. 124]

Корни феномена религиозного синкретизма в Бурятии уходят еще в дореволюционный период. Изначально исконной религиозной традицией бурят был шаманизм, предполагавший веру в духов — хозяев местности и сакральность природного пространства, при посреднической роли шаманов — проводников между материальным и духовным миром. Буддизм, начавший проникать в регион в XVII–XVIII вв., и в 1741 г. признанный официальной религией, не вытеснил шаманские традиции, но вступил с ними в сложные ассимиляционные отношения: например, ряд шаманских божеств был включен в буддийский пантеон, священные шаманские места признавались буддийскими святынями. В тоже время и в шаманизме начинали появляться буддийские элементы: использовалась буддийская посуда, четки, буддий-

ские термины и молитвы. Тем не менее, с появлением буддизма шаманизм несколько ослабил свои позиции, буддийская традиция стала преобладающей на территории региона, однако до сих пор и буддизм, и шаманизм являются одним из самых значимых компонентов религиозной жизни населения Бурятии. По мнению Д. Д. Амоголоновой, «буддизм является национальной религией, интеграционным фактором и важным компонентом бурятской национальной идеи, в конструировании которой буддизму отдается предпочтение» [1, с. 19].

Православие, принесенное русскими переселенцами в XVII в., также внесло свой значительный вклад в формирование религиозной мозаики региона, поскольку, помимо русских переселенцев, православие начала исповедовать и некоторая часть западных бурят. Распространение православия было связано, в первую очередь, с политикой Российской Империи, стремившейся присоединить коренные народы Сибири, деятельностью миссионерских миссий, направленной на распространение православия, и приобщение бурят к русской культуре, обучению грамоте, оседлому образу жизни. Процесс христианизации, проходивший изначально на принудительной, а впоследствии и на добровольной основе, принес за собой создание социально-экономических, культурных и религиозных связей между русским и бурятским народами, поскольку в процессе взаимодействия происходило влияние культур друг на друга.

Однако стоит отметить, что в некоторых случаях переход в христианство для коренного населения был лишь условной формальностью. Элементы традиционных верований сохранялись и по-прежнему составляли основу религиозной жизни населения. Кроме православия, к традиционным формам христианства на территории республики следует отнести и старообрядчество, также имеющее глубокие исторические корни. «В результате диалога культур христианство не разрушило религиозного миропонимания бурят и эвенков. В умах местных жителей продолжали сосуществовать наряду с Христом, Николаем-угодником и другими христианскими божествами шаманские тэнгри, хаты, духи» [3, с. 49].

По мнению Т. Г. Балхановой, «мирное сосуществование трех чрезвычайно разных и многомерных стилей мышления и мироощущения — шаманизма, буддизма и христианства» стало характерной чертой духовной жизни Бурятии. [3, с. 49]. В современной Бурятии религиозный синкретизм продолжает проявляться в смешении различных религиозных практик и мировоззрений: русское население обращается к ламам, посещает обряды, хуралы, буряты — к православным священникам, празднуют пасху, масленицу. Некоторый процент бурятского населения исповедует протестантство, что является достаточно необычной религиозной практикой для коренного населения республики. Отсутствует жесткая привязка между национальностью и вероисповеданием. Русские становятся буддистами, а буряты исповедуют христианство. Кроме того, на территории региона присутствует такое явление как «двоеверие» или «троеверие», когда n-ый процент населения относит себя одновременно к нескольким конфессиональным группам. В основном бинарность вероисповеданий проявляется в формате «православие и буддизм», «буддизм и шаманизм». Подобное явление свидетельствует о формировании и развитии межрелигиозной толерантности, создании нового типа религиозного мировоззрения в рамках диалога культур.

К одному из механизмов межкультурного взаимодействия на территории республики также следует отнести и механизм языкового взаимодействия, выраженный в распространении бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия. Существова бок о бок более трех веков, бурятский и русский языки в той или иной мере прошли процесс лексического заимствования, интерференции, смешения языков. Однако языковая ситуация складывается таким образом, что, несмотря на наличие у бурятского языка статуса государственного, происходит доминирование русского языка в большинстве сфер общественной жизни. Среди молодого поколения снижается востребованность бурятского языка как средства общения, зачастую можно наблюдать ситуацию, когда молодежь понимает родной язык, но не говорит на нем.

Влияние друг на друга этнических групп проявляется также в быту, одежде, архитектуре, сближении пищевых традиций и взаимном обогащении во всех вышеупомянутых сферах.

В результате межэтнического взаимодействия наблюдается процесс синтеза традиций, в частности, в танцевальной и музыкальной сферах, обрядах гостеприимства, основных национальных праздниках и их трансформации. Хотя они и сохранили свою этническую специфику, при длительном совместном проживании, могли возникать или возникли общие элементы, появившиеся в результате взаимодействия нескольких этнических групп. Синтез традиций происходит, в том числе, еще и потому, что на территории республики довольно значителен процент смешанных браков. Это приводит к тому, что четко очерченные границы национальных традиций неуклонно размываются, формируя смешанный тип бытового и религиозного уклада жизни населения.

Что касается вопроса сохранения и трансляции традиций в условиях культурного многообразия, то здесь наблюдается ряд механизмов, формального и неформального характера, направленных на сохранение традиционных ценностей. В первую очередь, одним из основных таких неформальных институтов, была и остается семья. Она способствует сохранению национальных обычаев и традиций в их первоизданном виде, нивелируя, в силу своих возможностей, влияние западной культуры.

Религиозные общины, в лице буддийских дацанов, православных церквей, шаманских обществ, также нацелены на сохранение присущих только их конфессиональным группам духовных ценностей, норм, практик и обрядов. Кроме того, процесс сохранения и передачи традиций осуществляется через фольклор и народное творчество, музыкальные традиции, декоративно-прикладные искусства, ремёсла, образовательную практику. Помимо непосредственной передачи традиционного знания «из рук в руки», важную роль в сохранении традиций играют образовательные программы, фестивали, ярмарки, конкурсы, мастер-классы, и иные проекты по сохранению культурного наследия. Государственная политика в области сохранения этнокультурного наследия способствует процессу сохранения и трансляции традиций, выступая в качестве основного формального механизма в этом направлении. Следует отметить, что формальные и неформальные механизмы сохранения традиционных ценностей не существуют изолированно, а образуют в своем взаимодействии сложную систему, которая позволяет обеспечить устойчивость культурной идентичности в условиях вызовов современных реалий.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что диалектика межкультурного взаимодействия и сохранения традиций в Республике Бурятия представляет собой сложный и многогранный процесс, в качестве основных характеристик которого можно выделить следующие моменты:

1. Республика относится к числу регионов, в которых выстроена устойчивая модель гармоничных отношений между различными этническими группами;
2. Многовековое сосуществование буддизма, шаманизма и христианства на одной территории приводит к сложному синтезу трех религиозно-мировоззренческих систем, в результате которого появляются различные формы культурного синкретизма;
3. Сохранение традиционных ценностей на территории региона происходит в результате взаимодействия формальных и неформальных механизмов сохранения этнокультурного наследия.

В условиях глобализации и культурной унификации регион демонстрирует, что сохранение многообразия традиционных ценностей возможно не через изоляцию, а через открытый диалог и взаимное признание культур.

Литература

1. Амоголонова Д. Д. Религиозное возрождение в пространстве межкультурного взаимодействия (на материалах современной Бурятии) // Проблемы религиозного просвещения в российско-монгольском трансграничье. Вопросы межконфессионального диалога: сборник научных статей. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. С. 16–24.

2. Амоголонова Д. Д., Содномпилова М. М. Взаимодействие религий в духовном пространстве Бурятии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9, № 1(23). 2016. Т. 23, № 1. С. 121–128.
3. Балханова Т. Г. Диалог культур в контексте межконфессиональных отношений в республике Бурятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2(28). С. 48–52.
4. Батомункуева С. Р. К вопросу об основаниях распространения и становления буддизма в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. № 4. С. 48–56.
5. Батомункуев С. Д. О протестантизме среди современных бурят // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 4. С. 92–102.
6. Багаева К. А. Религиозная ситуация и межконфессиональные отношения в Республике Бурятия // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. Тюмень: Изд-во Тюменского индустр. ун-та, 2022. С. 187–202.
7. Будаева Д. Ц. Двухязычие как важный способ межнациональной консолидации // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 110–113.
8. Дагбаев Э. Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 134–141.
9. Лыгденова В. В. Межкультурное взаимодействие баргузинских бурят в конце XIX — начале XX в.: одежда, архитектура, земледелие // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 412–415.
10. Санжиева Т. Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 2. С. 209–208.
11. Тармаханов Е. Е. Вопросы истории присоединения Бурятии к русскому государству в отечественной историографии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 10.

THE DIALECTIC OF INTERCULTURAL INTERACTION AND THE PRESERVATION OF TRADITIONS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. The Republic of Buryatia, as a multiethnic region existing at the junction of various cultural traditions, is a unique example of the dialectic of intercultural interaction and a vast field for research. In the context of rapid globalization and no less rapid changes in society, issues of preserving cultural identity and traditions are becoming especially relevant, since such processes carry both new opportunities for dialogue between cultures and the risks of extinction, bringing cultures with unique ethnic characteristics to a single pattern. This article examines the main aspects of intercultural interaction in Buryatia, as well as the mechanisms that contribute to the preservation of traditions. It is assumed that the preservation of traditional values is possible through a number of formal and informal institutions such as the family, educational initiatives, religious practices and modern technologies, resulting in the enrichment of the cultural heritage of the region and the creation of new forms of cultural identity.

Keywords: cultural dialogue, intercultural interaction, tradition, religious syncretism, Buryatia, Buddhism, shamanism, ethnocultural heritage

Сведения об авторе

Петрова Надежда Вячеславовна, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: petrova.dina21@mail.ru

Petrova Nadezhda Vyacheslavovna, graduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: petrova.dina21@mail.ru

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС АРТ-ТУРИЗМА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ЗАБАЙКАЛЬЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В данном исследовании рассматривается трансформация декоративно-прикладного искусства (далее ДПИ) Забайкальского края в роли этно-ресурса в контексте развития арт-туризма. Основываясь на анализе эмпирических наблюдений и теоретических подходах, формируется тезис о том, что этническая идентичность становится не только объектом сохранения, но и активным ресурсом развития туристической отрасли региона. Выявлены ключевые пути трансформации ДПИ такие, как коммерциализация традиционных ремесел, возникновение гибридных форм, изменение статуса и роли мастера. Фестивальные форматы выполняют особую функцию в данных процессах, предлагая определенное место сборки этнической идентичности в пространстве современного арт-туризма. Делается вывод, что глобализация создает как риски унификации, так и возможности актуализации этнического наследия путем его включения в креативные индустрии.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, этническая идентичность, Забайкальский край, глобализация, арт-туризм, креативные индустрии, наследие.

Забайкальский край являет собой уникальное полиэтническое пространство, где на протяжении длительного времени существуют и взаимодействуют различные народы: эвенки, буряты и русские, включая малую этническую группу семейский и их культурные традиции. В условиях глобализации, характеризующейся унификацией культурных форм и размыванием локальных идентичностей, проблема сохранения и актуализации этнического наследия приобретает особую значимость [2].

Примечательно то, что с угрозой глобализации и нивелирования культурных различий, одновременно возрастает интерес к аутентичности, уникальной традиции и локальной идентичности, отмеченные современными исследователями [1]. В туристической отрасли эта тенденция отражается в повышенном спросе на уникальные ремесленные продукты, этнографические маршруты, традиционные практики.

В данной ситуации ДПИ Забайкальского края начинает осмысляться не как архаичное наследие, требующее исключительной музейной сохранности, а как потенциальный ресурс развития арт-туризма, способного одновременно сохранять культурное разнообразие и повышать экономику региона. В связи с вышеизложенным возникает цель — проанализировать, каким образом этническая идентичность превращается в ресурс арт-туризма в Забайкальском крае и какие трансформации в это связи претерпевает региональное декоративно-прикладное искусство.

В современных исследованиях этническая идентичность в чаще рассматривается, не как статичный артефакт, а как динамический ресурс. К. Л. Банников и С. Ш. Шкарбань отмечают, что роль традиционного искусства в системе жизнеобеспечения коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера приобретает все большее значение с вовлечением регионов в процессы развития туризма [1]. При этом системы жизнеобеспечения и само искусство претерпевают структурную и смысловую трансформацию. Применительно к Забайкалью данный тезис приобретает особую значимость, ведь данный регион, в силу своего географически пограничного положения (соприкосновение с Монголией и Китаем) находится в эпицентре межкультурных взаимодействий. Глобализация в этом контексте проявляется как конкретный процесс культурного обмена, где традиционные ремесла оказываются востребованными на международном уровне [4; 6]. Этническая идентичность в ДПИ, как ресурса арт-туризма, материализуется через:

- Технологическое знание — традиционные приемы создания изделий, обработки материалов и т.д., передаваемые между поколениями;
- Культурный код — орнаментальные системы, колорит, семантика форм, отражающие мировоззрение этноса;
- Социальная организация — сообщества мастеров, художников, формы преемственности, статус ремесленника в локальном и глобальном социуме.

Площадками и событиями, в пространстве которых происходит актуализация ДПИ Забайкалья чаще всего являются фестивали и проекты различного масштаба, среди которых наиболее репрезентативными представляются фестиваль «75 мастеровых» и ленд-арт парк «Тужи». Анализ данных событий и площадок позволяет подробно рассмотреть пути трансформации декоративно-прикладного искусства региона.

Фестиваль «75 мастеровых» является крупнейшей в регионе площадкой, объединяющей мастеров разных районов Забайкалья [5]. Наблюдения на фестивале позволяют определить несколько тенденций, характеризующих трансформацию ДПИ.

В первую очередь в этом событии происходит коммерциализация традиционных техник. Произведения, изначально имеющие в основном только утилитарную, функцию или ритуальную функцию еще ранее, переходят в роль сувенира: сокращается время, отводимое на изготовление изделия, упрощается орнамент и снижается цена. Этот процесс оценивается неоднозначно, ведь с одной стороны, он обеспечивает мастеров доходом и мотивирует молодое поколение вовлекаться в ремесло, внося свое видение современного мира, а с другой — несет риск утраты смыслового и технологического ядра традиции. Во-вторых, возникает новая социальная роль мастера-предпринимателя. Традиционный ремесленник, работающий преимущественно на заказ внутри локальной общины, сегодня все чаще работает как самостоятельный экономический субъект, который участвует в фестивалях, ведет страницы в социальных сетях и осваивает маркетинг. В-третьих, данный фестиваль выполняет функцию механизма трансляции профессионального знания. В условиях современности публичные демонстрации и мастер-классы на фестивалях становятся формой временной передачи через визуальное наблюдение.

Особое внимание стоит уделить проекту «Тужи», инициированному известным скульптором Даши Намдаковым, уроженцем бурятского села Укурик. В публикациях о данном проекте отмечается основная проблема оттока молодого населения из родной деревни [7]. Эта ситуация стала причиной разработки и реализации ленд-арт парка. Данный проект является примером того, как этническая идентичность становится ресурсом территориального развития. Арт-объекты, созданные современным художником в природном ландшафте, выстраивают диалог с традиционной культурой, не повторяя ее архаичные формы, а переосмысливая их на языке актуального искусства.

Важно отметить, что этот проект не ограничивается вышеописанным так как здесь развивается инфраструктура, строятся номера отдыха для туристов и создаются рабочие места, предлагаются пространства для проведения различных проектов и программ [4]. В августе 2025 г. в «Тужи» состоялась образовательная программа «Креативная смена» при участии экспертов из Москвы и гостей из Китая. Как отметила заместитель министра экономического развития Забайкальского края Юлия Иванова, что цель проекта — показать, как можно встроить креативный продукт в развитие туристической территории, соединить креативные индустрии в туризм [3]. Участники программы включали представителей креативных индустрий Забайкалья — танцоров, модельеров, художников, писателей, а также экспертов из разных регионов России и Китая, ими совместно происходило обсуждение, как сделать известными локальные проекты на российском и международных рынках [6].

Проведенный анализ позволяет определить основные векторы трансформации ДПИ Забайкалья в контексте развития арт-туризма:

- Переход от утилитарности к репрезентативности: традиционное изделие, предмет (посуда, одежда и т.д.) утрачивают первичную функцию и начинают транслировать этническую идентичность вовне, становясь сувениром, «памятью о месте».

– Переход от монолитности к гибридности: традиционные формы вступают в диалог с современными направлениями в искусстве, новыми материалами и способами создания и прочтения, глобальными тенденциями, порождая новые гибридные формы, арт-объекты, одновременно традиционные и способные отвечать современным вызовам общества.

– Переход от закрытости к открытости: традиционные знания становятся публичными, демонстрируясь на фестивалях и ярмарках, в социальных сетях, транслируясь через мастер-классы и иные формы взаимодействия с аудиторией.

Эти трансформации неоднозначны по своим последствиям. С одной стороны, они создают риски коммерческой стереотипизации при коммодификации культуры, а с другой они позволяют традиции существовать дальше в современном мире, привлекая к себе внимание новых поколений и людей других культур, формируя позитивную этническую идентичность.

Этническая идентичность в современном Забайкалье в качестве ресурса развития арт-туризма, проявляет себя все более отчетливо. Региональное декоративно-прикладное искусство переживает активную трансформацию, адаптируясь к запросам туристического рынка, одновременно поддерживая и актуализируя традиционные техники и смыслы. Фестивальные форматы и различные проекты становятся пространствами притяжения и взаимодействия мастеров, художников, туристов и местных сообществ, где этническая идентичность не только презентуется, но и формируется заново.

Литература

1. Банников К. Л., Шкарбань С. Ш. Искусство и смыслы этноисторического туризма // Кунсткамера. 2024. № 1(23). С. 119–131.

2. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Российские и международные проекты в области развития декоративно-прикладного искусства коренных народов // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 10. С. 1525–1541.

3. В ленд-арт парке «Тужи» стартовала образовательная программа «Креативная смена» / Мой бизнес Забайкальский край. 14.08.2025. URL: <https://chita.bezformata.com/listnews/kreativnaya/149681379/> (дата обращения: 06.05.2026).

4. Забайкальский внешнеэкономический форум 2025 «Новые горизонты» / Сибирский федеральный научный центр агробιοтехнологий РАН. Чита, 2025. URL: <https://en.sfsc.ru/news/razdel-2/zabaykalskiy-vneshneekonomicheskii-forum-2025-novye-gorizonty/> (дата обращения: 06.05.2026).

5. Мастера по изготовлению церковных куполов и гуслей поборются за звание лучшего на фестивале «75 мастеровых» в Забайкалье. URL: <https://mkzk.75.ru/novosti/368963> (дата обращения: 13.03.2026).

6. От туристических проектов до уроков живописи. Что было на образовательном проекте в Тужи 14–16 августа / Chita.ru. 17.08.2025. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2025/08/18/75839455/> (дата обращения: 06.05.2026).

7. Фестиваль Тужи — АРТ станет ежегодным / Крымский архитектурный портал. URL: <https://www.archiportal-crimea.ru/rossiya/festival-tuzhi-art-stanet-ezhegodnim.html> (дата обращения: 06.05.2026).

ETHNIC IDENTITY AS A RESOURCE OF ART TOURISM: TRANSFORMATION OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS OF TRANSBAIKALIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. This study examines the transformation of decorative and applied arts (hereinafter DAA) of the Transbaikal Territory as an ethno-resource in the context of the development of art tourism. It is based on the analysis of empirical observations and theoretical approaches, a thesis is formed that ethnic identity becomes not only an object of preservation, but also an active resource for the development of the tourism industry in the region. The key paths of transformation of DAA are identified, such as the commercialization of traditional crafts, the emergence of hybrid forms,

and a change in the status and role of the master. Festival formats perform a special function in these processes, offering a certain meeting point for ethnic identity in the space of contemporary art tourism. It is concluded that globalization creates both risks of unification and opportunities for the actualization of ethnic heritage by incorporating it into the creative industries.

Keywords: decorative and applied arts, ethnic identity, Transbaikal Territory, globalization, art tourism, creative industries, heritage.

Сведения об авторе

Окладников Никита Андреевич, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: okladniko.nikita@gmail.com.

Okladnikov Nikita Andreevich, postgraduate Student, Transbaikal State University, e-mail: okladniko.nikita@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТРАЖЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЫСТАВКАХ КИТАЯ И РОССИИ

Аннотация. В условиях глобализации и Китай, и Россия создали традиционные ценности и культурную самобытность посредством официальных художественных выставок. В данной статье в качестве объекта исследования взяты картины на репрезентативных официальных выставках Китая и России в 2024–2025 гг., а также использованы методы сравнительного искусствоведческого и визуального анализа культуры, чтобы изучить, как две страны передают традиционные ценности посредством выбора предметов, визуального языка и символической системы картин. Исследование показало, что и Китай, и Россия рассматривают официальные выставки как важную практическую область культурной политики, но существуют существенные различия в традиционных методах активации ресурсов, генеалогии наследования визуального языка и повествовательных стратегиях, ориентированных на идентичность. Китай фокусируется на «изоморфизме семьи и страны» и коллективной этике, интегрируя традиционные эстетические элементы на основе реализма. В России подчеркивается национальная историческая память и духовная преемственность, а современные художники реализуют творческую трансформацию традиционных ценностей через реинтерпретацию классической литературы и исторических тем.

Ключевые слова: традиционные ценности, культурная самобытность, официальные выставки, картины, Китай, Россия.

1. Введение

Глобализация ставит страны перед неудобным выбором: встраиваться в унифицированные культурные потоки или отстаивать собственную идентичность. Для Китая и России, чьи культурные традиции насчитывают тысячелетия, этот вопрос никогда не был абстрактным — он решается в том числе через официальные художественные выставки, которые в обеих странах давно стали инструментом не только эстетического, но и ценностного высказывания.

Перекрестные годы культуры Китая и России 2024–2025 гг. создали для подобного анализа редкую возможность. Оба государства в этот период организовали значительное число официальных экспозиций, и этот корпус событий поддаётся сравнению — как по масштабу, так и по характеру представленных смыслов. Живопись в данном контексте оказывается особенно показательным материалом: визуальный образ способен транслировать ценностные установки там, где вербальный язык наталкивается на барьеры перевода и интерпретации. Духовное содержание культуры нередко точнее передаётся через цвет, композицию и символ, нежели через текст.

Настоящая работа сосредоточена на произведениях, представленных на ключевых официальных выставках двух стран за указанный период. Анализ показывает, каким образом традиционные духовные ценности воплощаются в конкретных художественных решениях и как государственная культурная политика Китая и России организует это воплощение институционально. В более широком смысле исследование позволяет увидеть, что происходит с национальной культурой в момент осознанного, политически оформленного контакта двух цивилизаций — контакта, при котором каждая сторона одновременно предъявляет себя другой и заново осмысляет себя для себя.

2. Традиционные ценности и культурная самобытность

Традиционные ценности складываются в культурных пространствах Китая и России по-разному — и эти различия определяются не только историей, но и самым способом, каким каждая из цивилизаций понимает отношение между прошлым и настоящим.

Китайская система традиционных ценностей строится на этических принципах единства семьи и государства, коллективных моральных установках и мировоззрении, основанном на гармонии и взаимном сотрудничестве. Российские традиционные ценности формируются под влиянием православной духовности, исторической памяти нации и патриотических чувств, объединяющих общество. Оба государства опираются на традиционные ценности для сохранения целостности социальной структуры.

Культурная идентичность формируется на основе общего признания и принятия культурных норм сообществом людей. Общие культурные символы, мировоззренческие установки, модели поведения и духовные идеалы объединяют представителей одной культуры. Данные элементы составляют базу культурной идентичности [1, с. 176]. Формирование культурной идентичности происходит в процессе различных культурных практик, к которым относятся символические образы, традиционные ритуалы и художественное творчество.

Живопись является визуальной формой передачи культурных смыслов. Художники отражают определенные ценностные установки через выбор сюжета цветовую палитру, композиционное решение и использование символических элементов в своих работах. Произведения искусства, представленные на официальных выставках, несут смысловую нагрузку, связанную с национальной культурной политикой страны. Официальные художественные выставки выполняют две важные функции. Официальные выставки выполняют в этом процессе особую функцию: они фиксируют актуальное состояние изобразительного искусства и одновременно служат пространством, в котором коллективные представления нации о самой себе обретают зримую форму. Визуальный образ здесь — не иллюстрация к готовой идее, а один из способов её производства и закрепления.

3. Визуальное представление традиционных ценностей на официальных выставках Китая

14-я Национальная выставка произведений искусства (2024) даёт возможность проследить, как традиционные ценности переводятся в живописный язык — не декларативно, а через выбор темы, композицию, характер света.

Среди устойчивых тематических доминант выставки — природа и дом, причём эти два мотива в китайской живописной традиции никогда не существуют порознь. Акварель Лю Цзюня «Зимнее солнце светит над родным городом» разворачивает спокойную сцену зимней деревни, где свет и тень распределены с намеренной сдержанностью — так, чтобы возникало ощущение не красоты как таковой, а укоренённости, устойчивости, соразмерности человека и окружающего мира. За этим стоит концепция гармоничного сосуществования с природой, которая в китайской культуре никогда не была просто эстетическим принципом, — она задаёт этику присутствия в мире. Иначе расставлены акценты в работе Е Сяюя «Солнечный полдень»: здесь в фокусе — теплота повседневной жизни, её негромкая ценность. Картина несёт в себе традиционную формулу «семья и страна подобны»: семейная гармония мыслится не как частное дело, а как основа социальной стабильности, а индивидуальное счастье — как неотделимое от судьбы нации. Это не риторика, а культурная интуиция, которая в китайской живописи воспроизводится столетиями и здесь получает современное визуальное воплощение.

С точки зрения визуального языка, картины на официальных выставках Китая продолжают традицию реализма, но включают в себя элементы традиционной эстетики. Акварельная картина Пань Цзянлуна «Железная дорога в мой родной город» реалистично выражает достижения модернизации, одновременно передавая пространственную художественную концепцию традиционной пейзажной живописи. Иллюстрация Чжоу На и Фан Фана «Пейзаж Яньцзин» основана на языке традиционной пейзажной живописи, привнося эстетический дух «поэзия и живопись — одно и то же» в современное творчество. В картине Сяо Си «Ранняя весна в саду горчичных семян» (рис. 3), выполненной в смешанной технике, традиционная живопись используется как мотив для современной трансформации.

Что касается формирования культурной идентичности, официальные выставки Китая укрепляют осведомленность о «китайском национальном сообществе» посредством картин и

используют визуальное повествование об «изоморфизме семьи и страны» в качестве основного пути для построения культурной идентичности.

Рис. 1. Лю Цзюнь. «Теплое зимнее солнце светит в моем родном городе». Акварель

Рис. 2. Е Сяюй. «Солнечный день». Китайская живопись

Рис. 3. Сяо Си. «Ранняя весна в саду горчичных семян». Живопись в смешанной технике

4. Визуальное представление традиционных ценностей на современных российских официальных выставках.

В 2024–2025 гг. официальная тематическая выставка России была ориентирована на визуальное выражение традиционных ценностей современными художниками.

В конце 2024 — начале 2025 г. на выставке «Наследие и будущее» в Москве экспонировалась дипломная работа молодой художницы Марии Голосной «Плач Ярославны», созданная по мотивам древнерусской литературной классики «Слово о полку Игореве». Художница говорила: «В моих глазах Ярославна многогранна, потому что я считаю, что каждая женщина в какой-то степени Ярославна» [5]. Эта интерпретация не только сохраняет духовную высоту древнерусской литературы, но и прививает современным людям понимание любви, верности и национальной судьбы.

Другой пример — выставка к 100-летию представителя советского «сурового стиля» Андрея Васнецова (1924–2009). Выставка прошла с декабря 2024 по февраль 2025 г. в Русском государственном музее. На выставке были представлены произведения разных периодов — с 1950-х по 2000-е годы, отражающие официальное отношение к наследованию советского реалистического художественного наследия [6].

Анна Березовская (р. 1986) — современная российская художница с международным влиянием, представитель направления «Поэтический реализм». В ее работах замки и ключи символизируют тайны, которые предстоит разгадать, булавки происходят из древних суеверий, призванных отгонять злых духов, а спиральный узор раковины улитки символизирует цикл жизни. Она сказала, что «творческое вдохновение исходит из русской культуры и литературы» [7], и эти символы, уходящие корнями в народную традицию, передают традиционные ценности через современный язык живописи.

В сентябре 2025 г. Российский культурный центр в Пекине принял персональную выставку художника-анималиста Сергея Строганова «Происхождение» — событие, которое вписывается в логику двустороннего культурного обмена, но одновременно заслуживает самостоятельного аналитического внимания. Строганов работает в технике гиперреализма, используя цветной свинцовый карандаш, и его изображения животных — это не натуралистические штудии, а сложные семиотические конструкции: звериный образ последовательно вписывается в систему традиционных орнаментальных паттернов, порождая визуальное высказывание на границе природного и культурного. Сам художник определяет этот принцип как «диалог между природой и культурным наследием» — формулировка, которая точнее, чем кажется на первый взгляд: речь идёт не об иллюстрации природы средствами культуры, а о взаимном переопределении обоих понятий в пространстве одного изображения. Централь-

ный образ медведя в этом контексте функционирует как визуальная метафора особого типа: за ним стоит не просто устойчивый национальный символ, но специфическое отношение к пространству — к необъятному лесному миру как к среде обитания и источнику идентичности [8].

Рис. 4. Мария Голосная
«Плач Ярославны»

Рис. 5. Андрей Васнецов.
«Спящая»

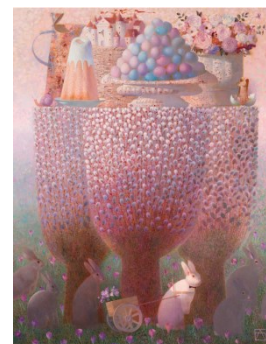

Рис. 6. Анна Березовская
«Натюрморт с улиткой»

5. Сравнение Китая и России: сходства, различия и открытия

При всём культурном несхождении двух цивилизаций официальные художественные выставки Китая и России обнаруживают ряд структурных параллелей. В обоих случаях государство целенаправленно включает экспозиционную деятельность в национальные культурные стратегии, рассматривая живопись не как автономную художественную практику, а как инструмент производства и трансляции ценностей. И в Китае, и в России прослеживается устойчивый интерес к визуализации исторических тем и национальных символов — при том, что содержательное наполнение этих тем и сам характер символики принципиально различаются. Общим остаётся убеждение в том, что живопись обладает особой способностью передавать то, что не поддаётся вербальной формализации: духовное содержание культуры, коллективную память, ощущение принадлежности.

Однако механизмы активизации культурного наследия в двух традициях расходятся принципиально. Во-первых, китайские художники, как правило, работают с имманентными ресурсами собственной живописной традиции, встраивая её элементы в современный художественный контекст, а не цитируя их извне. «Пейзажи Яньцзина» и «Ранняя весна в саду горчичных семян» демонстрируют этот принцип: традиционные техники не воспроизводятся, а трансформируются, обнаруживая свою жизнеспособность в новых выразительных условиях. Российские художники движутся по другому пути — через личностную интерпретацию классических текстов и исторических событий. Обращение Голосной к «Слову о полку Игореве» — это не иллюстрирование средневекового памятника, а диалог с ним, в котором современный художник присваивает архаический сюжет, пропускает его через собственную оптику и возвращает аудитории уже переосмысленным. Аналогично Березовская работает с народной символикой: не как с готовым языком, а как с материалом, допускающим индивидуальное переконфигурирование. Во-вторых, китайские выставки последовательно демонстрируют модель, которую можно обозначить как «реализм, укоренённый в традиции»: современный живописный язык и классические образные коды существуют здесь не в противоречии, а в органичном единстве. Российская живопись движется иначе — несколькими параллельными путями одновременно: А. Васнецов наследует «суровому стилю» советской эпохи, Голосная разрабатывает академическую линию, обращаясь к классическим литературным темам, Березовская выстраивает более личное высказывание, соединяя символизм с народной образностью. В-третьих, предлагаются разные стратегии построения идентичности. Китай акцентирует единство и открытость многонациональной страны, формируя образ «единого китайского сообщества». Россия делает упор на культурной преемственности, исторической глубине и самобытности — идентичность здесь уплотняется через обращение к классическим литературным фигурам и укоренённым национальным символам.

В декабре 2025 г. Московский музей современного искусства принял живописную выставку «Время и пространство» китайского художника Моу Кэ — событие, симптоматичное именно в силу своей институциональности. Площадка выбрана не случайно: Московский музей современного искусства как пространство диалога между актуальными художественными практиками и традицией задаёт особый режим восприятия, при котором вопрос о соотношении наследия и современности становится неизбежным. Декан Московской государственной академии художеств имени Сурикова Любавин, оценивая работы Моу Кэ, зафиксировал именно эту двойственность: в них одновременно присутствует глубокое укоренение в китайской традиционной культуре и напряжённый диалог с западной цивилизацией — причём ни одно из этих начал не поглощает другое. Подобная характеристика указывает на принципиально иную модель художественного синтеза, нежели та, что реализуется в рамках официальных национальных выставок: здесь традиция не воспроизводится и не трансформируется внутри себя, а вступает в открытое межкультурное взаимодействие. Выставка Моу Кэ — не единичный случай, а проявление устойчивой тенденции: Китай и Россия последовательно осваивают опыт друг друга в области визуального воплощения традиционных ценностей, и этот взаимный интерес уже оформился как самостоятельное измерение двустороннего культурного обмена, не сводимое ни к дипломатическому жесту, ни к коммерческому проекту.

6. Заключение

Материалы ключевых выставок Китая и России 2024–2025 гг. представляют собой репрезентативный корпус источников для сравнительного культурологического анализа — именно потому, что официальный статус этих экспозиций делает их не просто художественными, но и программными высказываниями, в которых ценностные приоритеты государства получают визуальное оформление. Сравнение двух национальных моделей позволяет одновременно выявить структурные сходства и зафиксировать принципиальные различия в том, как каждая из культур переводит традиционные ценности на язык живописи.

Китайские художники опираются на концепцию неразрывной связи семьи и государства, выстраивают произведения вокруг коллективной этики и органично вводят исторические образы в реалистическую живописную традицию. Российские авторы обращаются к национальной истории и хранят духовные традиции через иной механизм: переосмысление классических текстов и исторических сюжетов, которое позволяет традиционным идеям звучать на языке современного искусства.

Различия обнаруживаются в трёх измерениях: в том, как каждая из культур обращается с собственным наследием; в том, как складывались национальные художественные образы исторически; наконец, в том, какие повествовательные стратегии используются для выражения принадлежности к нации. Всё это — следствие уникальных культурных корней и специфики общественного развития каждой из стран, а не произвольный выбор художников или политиков.

Исследование имеет очевидные ограничения: за его рамками остался обширный массив региональных и местных художественных выставок. Среди перспективных направлений — изучение того, как традиционные ценности транслируются через визуальные образы в цифровой среде, а также анализ взаимосвязи между коммерческими художественными проектами и выставками, реализуемыми в рамках государственных культурных программ.

Литература

1. 佐斌, 温芳芳. 当代中国人的文化认同. 中国科学院院刊, 2017.32(02): 175–187. = Цзо Бинь, Вэнь Фанфан. Культурная идентичность современного китайца // Труды Китайской академии наук. 2017. № 32(02). С. 175–187. URL: https://oversea.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=UKhCRPWaxWblQvzba-4s97UGPMzcJe56vb2hfP2hit8tr9CqHFR0rFgmCqdtthL7-C1KsvqBOJOx_BGdzk39y9P1um-kPSMQB_ojjuUWtPgQi463ObivjznxuYguk9PnSXNzNgpJ5SP4kPW21QpFlspMynO2mrQ6MY9OLMxLKngVGwoeB7XvTA==&uniplatform=OVERSEA&language=EN

2. Циндаоский сельскохозяйственный университет. Две работы педагогов были отобра-
ны для участия в 14-й Национальной художественной выставке [EB] (14 июля 2024 г.). URL:
<https://news.qau.edu.cn/content/yaowen/40def89d5d1e4447a070fe144cee9ccb>
3. Чжэцзянский педагогический университет. 11 работ преподавателей и студентов
Школы искусств и Школы дизайна были отобраны для участия в 14-й Национальной выстав-
ке художественных работ [EB] (14 июля 2024 г.). URL: [https://zjnu.edu.cn/2024/0714/
c10361a472773/page.htm](https://zjnu.edu.cn/2024/0714/c10361a472773/page.htm).
4. Школа дизайна Чжэцзянского педагогического университета. Комплексная медиакар-
тина Сяо Си «Ранняя весна в саду горчичных семян» была выбрана для участия в 14-й Наци-
ональной художественной выставке и получила награду «Пекинские работы» [EB] (14 июля
2024 г.). URL: <https://di.zjnu.edu.cn/2024/0714/c9400a472775/page.htm>.
5. National Centre RUSSIA. The life-giving power of love: the painting «Yaroslavna's
Lament» at the «Legacy for the Future» exposition [EB] (2025-01-29). URL:
[https://russia.ru/news/zivitelnaia-sila-liubvi-kartina-plac-iaroslavny-na-vystavke-nasledie-dlia-
budushhego?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_r
eferrer=google.com](https://russia.ru/news/zivitelnaia-sila-liubvi-kartina-plac-iaroslavny-na-vystavke-nasledie-dlia-budushhego?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com)
6. The State Russian Museum. Andrei Vasnetsov. 100th Anniversary of the Artist's Birth[EB]
(2024-12-19). URL: [https://rusmuseum.ru/exhibitions/archive/andrey-vasnetsov-k-100-letiyu-so-
dnya-rozhdeniya/](https://rusmuseum.ru/exhibitions/archive/andrey-vasnetsov-k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/)
7. REDSEA Gallery. AnnaBerezovskaya [EB]. URL: [https://redseagallery.com/artists/47-
anna-berezovskaya/](https://redseagallery.com/artists/47-anna-berezovskaya/)
8. Русский культурный центр в Пекине. В Пекине открывается персональная выставка
мастера эскиза Сергея Строганова «Происхождение» [EB] (23 сентября 2025 г.). URL:
<https://russianculture.cn/ru/zh/素描大师谢尔盖·斯特罗加诺夫个展起源在京/>.
9. Китайская новостная сеть. В Москве открывается выставка живописи «Мьюк: время и
пространство» [EB] (24 декабря 2025 г.). URL: [https://www.chinanews.com.cn/gj/2025/12-
24/10539681.shtml](https://www.chinanews.com.cn/gj/2025/12-24/10539681.shtml)

A COMPARATIVE STUDY OF THE REFLECTION OF TRADITIONAL VALUES AND CULTURAL IDENTITY IN IMAGES AT OFFICIAL EXHIBITIONS IN CHINA AND RUSSIA

Abstract. In the context of globalization, both China and Russia construct traditional values and cultural identities through official art exhibitions. This article takes the paintings in the representative official exhibitions of China and Russia in 2024–2025 as the research object, and uses comparative art and visual culture analysis methods to explore how the two countries convey traditional values through the subject selection, visual language, and symbolic system of paintings. The study found that both China and Russia regard official exhibitions as an important practical field of cultural policy, but there are significant differences in traditional resource activation methods, visual language inheritance genealogy, and identity-oriented narrative strategies. China focuses on the «isomorphism of family and country» and collective ethics, integrating traditional aesthetic elements on the basis of realism; Russia emphasizes national historical memory and spiritual continuity, and contemporary artists realize the creative transformation of traditional values through the reinterpretation of classical literature and historical themes.

Keywords: traditional values, cultural identity, official exhibition, painting, China, Russia.

Сведения об авторе

*Чжан Сяо, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail:
baipoli123@qqcom*

Zhang Xiao, postgraduate Student, Transbaikal State University, e-mail: baipoli123@qqcom

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В данной работе исследуется влияние традиционных ценностей на формирование патриотического мировоззрения у младших подростков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью воспитания гражданственности и любви к Отечеству в контексте современных социокультурных трансформаций. Автор проводит анализ возрастных характеристик младших подростков, влияющих на результативность патриотического воспитания, и определяет ключевые традиционные ценности — уважение к истории, семье, природе, а также стремление к справедливости — как основу нравственного развития патриотизма. Рассматриваются основные педагогические стратегии, включая деятельностный и личностно-ориентированный подходы, а также механизмы взаимодействия образовательных учреждений, семьи и социума в процессе трансляции ценностных ориентиров. В качестве иллюстрации автор приводит примеры практической деятельности МАОУ «Кабанская СОШ». Делается вывод о важности системного подхода и личного примера взрослых для формирования у младших подростков осознанной и активной гражданской позиции.

Ключевые слова: патриотическая позиция, младшие подростки, внеурочная деятельность, событийный характер, уровни сформированности позиции, традиционные ценности.

Современные изменения в социуме и культуре социальные и культурные преобразования в России делают вопросы воспитания молодого поколения чрезвычайно актуальными. Одним из приоритетов государственной образовательной политики является привитие детям и подросткам глубокого патриотизма, основанного на уважении к прошлому, культуре и обычаям страны. В этом процессе традиционные ценности выступают как важнейший нравственный компас и как прочный фундамент для развития чувства гражданственности и преданности Родине.

Мы видим важность данного исследования в острой потребности в разработке действенных педагогических методик, которые были бы направлены на формирование патриотизма у младших подростков. Это обусловлено тем, что, по нашему убеждению, данный возрастной этап можно охарактеризовать интенсивным формированием мировоззрения, устойчивых убеждений и системы ценностей. Также, через воспитание традиционных ценностей происходит становление отношения личности к социуму, государству и семье.

В основе традиционных ценностей лежат следующие ориентиры: нравственные, культурные и исторические. Такие ценности, как почитание старших, семейные устои, бережное отношение к природе, чувство гордости за достижения страны, стремление к справедливости и честности играют ключевую роль в воспитании личности подростков с 10 до 13 лет. Если эти принципы включить в образовательный процесс, то они помогают младшим подросткам получить знания о своей Родине, сформировать глубокую привязанность к ней, что является неотъемлемой частью патриотической позиции.

Настоящее исследование направлено на контент анализ теоретических материалов, ориентированных на формирование патриотической позиции у младших школьников через традиционные ценности, а также на разработку комплекса педагогических методик в этом направлении.

В дальнейшем перед нами были поставлены несколько задач для получения наиболее объективного результата. Во-первых, мы постарались раскрыть сущность и содержание понятия «патриотическая позиция» через традиционные ценности; дали определение возрастных особенностей младших подростков, влияющие на процесс патриотического воспитания; анализ роли семьи, школы и социума в трансляции традиционных ценностей; выделение ос-

новых направлений и методов работы по формированию патриотической позиции у младших подростков.

Считаем целесообразным остановиться подробнее на проведенном контент-анализе выбранной нами литературы, т.к. понимание того, что составляет сам феномен патриотической позиции абсолютно и полностью зависит от применяемых подходов в отношении данного термина. Например, В. А. Сухомлинский отмечал, что познание малой родины и Родины большой, формирование любви к большой стране и родному краю происходит «в единстве мысли и чувства» [1, с. 95]. В. В. Сериков, представляя подходы к исследованию и организации процесса формирования патриотической позиции личности, также отмечает, что «в основе патриотического воспитания лежит цепь жизненных ситуаций — событий, своего рода ситуационно-событийный механизм, формирующий у воспитанника опыт мышления национальными и глобальными категориями» [2, с. 26]. Из самых частых упоминаний мы можем процитировать таких исследователей, как В. А. Сухомлинский, Е. Н. Воронова, Т. Р. Лыкова и С. С. Кувондилов, которые остановились на том, что основой и сутью патриотического воспитания и патриотической позиции может быть только «любовь к Родине». Аналогичным образом мы видим отношение к объекту у М. Б. Волкова и И. И. Кондрашина, которые подчеркивают, что отношение к Отечеству имеет ярко выраженный эмоциональный окрас положительной направленности и проявляется в абстрактной форме через экспансивную привязанность к пространственным объектам своего рождения и проживания (природа региона, дом, местность и т.д.) [1; 4].

В то же время другие исследователи указывают на биполярный характер этого явления. А именно, деление на рационально-эмоциональную и деятельностную составляющие. Можно утверждать, что рационально-познавательными началами патриотизма младших подростков являются глубокое понимание истории, культуры и традиций своей страны, что выражается в знаниях, интересе к национальным ценностям и желании активно участвовать в сохранении и развитии Родины. Между тем деятельностная составляющая непосредственно отражает истинную приверженность человека своей стране и готовность совершать поступки на благо Родины.

Более того, мы также должны учитывать мнение специалистов, которые анализируют патриотическую позицию через призму личности и ее развития. Иными словами, подход к воспитанию базируется на этапах становления личности, ее развитии в морально-этическом и ценностном отношении и последующем росте [5, с. 44].

Есть и другое мнение, которое связывает патриотическую позицию с личностью и уровнем ее развития, духовно-нравственным становлением и совершенствованием [6, с. 142].

Также следует отметить, изучая особенности развития патриотической позиции у детей младшего подросткового возраста, А. В. Зосимовский подчеркивает, что осознание значения Родины и чувства любви к ней формируется через нравственный опыт и гражданскую позицию ребенка [7, с. 29]. В. Ю. Микрюков акцентирует внимание на важном аспекте проявления патриотизма его активной природе, которая способна преобразовать чувства и стремления в конкретные действия во благо Родины [8, с. 4].

Устойчивые и исторически обусловленные убеждения, нормы и идеалы, которые передаются из поколения в поколение, составляют наши базовые традиционные ценности и являются основой мировоззрения каждого гражданина. Кроме того, они способствуют укреплению связи между поколениями и их освоение открывает доступ к опыту предков, осознанию себя частью великой истории и культуры своего народа, что, в свою очередь, формирует чувство сопричастности и преемственности.

Кроме того, исследователи отмечают, что формирование патриотической позиции младших подростков через традиционные ценности и патриотизма — это результат совместной работы семьи, школы и общества. Семья закладывает фундамент, передавая через пример родителей, традиции и беседы основные моральные принципы. Школа же развивает гражданственность через учебные программы (особенно литературу и историю), а также через внеклассные мероприятия, проекты и акции. Социум, в лице общественных организаций,

СМИ, культурных учреждений и участия в важных событиях, помогает подросткам глубже понять и почувствовать свою страну.

Также, ученые подчеркивают, что для формирования патриотического воспитания младших подростков наиболее эффективны деятельностно-ориентированный и личностно-ориентированный подходы, т.к. они учитывают их возрастные особенности: стремление к самостоятельности, потребность в признании, интерес к сверстникам и поиск смысла. Деятельностно-ориентированный подход формирует у подростков умение применять знания на практике, развивать навыки, необходимые для жизни в обществе и будущей военной службе. Личностно-ориентированный подход учитывает индивидуальные особенности каждого ученика. Он создаёт условия для раскрытия их потенциала, стимулирует самостоятельность и активную позицию. Взаимодействие педагога и учащихся строится на основе партнёрства, что способствует развитию креативности и вовлеченности.

Для этих целей в МАОУ «Кабанская СОШ» практическая работа по формированию патриотической позиции младших подростков строится на сочетании познавательной, эмоциональной и деятельностной составляющих.

Так, познавательно-исследовательская деятельность включает в себя: проектную и исследовательскую работу. Организация индивидуальных и групповых проектов на темы, связанные с историей семьи, родного края, истории России. Это развивает навыки работы с источниками, архивами, интервьюирования старших родственников. Школьный музей Кabanской школы активно участвует в проектах по сохранению исторической памяти. Ученики помогают Администрации Кабанского района в сборе данных для Книги Памяти об участниках Великой Отечественной войны, занимаются оцифровкой архивов и работают с федеральными ресурсами. Особое значение приобрел междисциплинарный проект «Точка истории». В его рамках был запущен YouTube-канал с краеведческим контентом на русском и английском языках, что привлекло более широкую аудиторию и способствовало популяризации поисково-краеведческой работы. В проекте участвовали 10 школьников, которые под руководством наставников из местного краеведческого музея и информагентства создавали экскурсии, собирали и переводили информацию, а также снимали видео. С 2024 г. деятельность канала приостановлена в связи с ограничениями на работу YouTube в России, на данный момент идет подготовка к запуску канала на российских платформах.

Воспитание патриотизма, основанного на глубоком чувстве, строится на развитии эмоционального сопереживания. МАОУ «Кабанская СОШ» активно применяет этот подход, организуя встречи с вдохновляющими людьми — ветеранами, участниками СВО, героями труда, выдающимися деятелями науки и культуры. Живое общение с такими гостями оказывает гораздо более сильное воздействие, чем пассивное прослушивание лекций. Дополнительным направлением работы стало открытие в 2025 г. Клуба юных дипломатов, который под эгидой МИД проводит регулярные встречи с представителями ведомства при содействии МИД Республики Бурятия. В 2025 г. МАОУ «Кабанская СОШ» стала площадкой для медиа смены в рамках международного фестиваля «Преображение и единство». Под руководством Александра Костюченко, журналиста, продюсера и члена правления Ассоциации кинопедагогов «Образ», участники создавали короткометражные фильмы, отражающие традиционные ценности России. Для популяризации данной программы была проведена поэтическая гостиная с приглашенным гостем Александром Шагановым, знаменитым советским и российским поэтом-песенником.

Мы считаем, что за счет направленности на развитие личности учащихся и формирования ключевых традиционных ценностей вовлечение младших подростков в такие событийные мероприятия способствует формированию патриотической позиции младших подростков. Характерным отличием таких мероприятий является то, что они создаются как особые события, способные вызвать сильные впечатления и глубокие переживания у младших подростков путем создания условий для личностного роста, формирования социальных навыков и активной жизненной позиции. В частности, для более эффективного перехода патриотического чувства в активные действия важно привлекать младших подростков к социально зна-

чимой и волонтерской работе. Ученики Кабанской школы активно участвуют в помощи ветеранам и пожилым людям, ухаживают за памятниками и воинскими захоронениями, а также собирают гуманитарную помощь. Это воспитывает в них чувство причастности и ответственности. Уже много лет в школе успешно работает школьное лесничество «Школьный патруль», организующее субботники и экологические мероприятия. Например, ребята благоустраивают аллею в память о выпускниках школы, погибших в ходе СВО. Забота об окружающей среде родного края — неотъемлемая часть патриотической позиции.

Применение игровых и креативных форматов в работе с младшими подростками обеспечивает ненавязчивый и привлекательный характер воспитательного процесса. Военно-спортивные игры, в частности, вызывают значительный интерес у большинства ребят. Участие в республиканских соревнованиях, таких как «Зарница 2.0», «Байкальская звезда» и «Зимний юнармеец», способствует их физическому совершенствованию, формированию коллективизма и повышению выносливости. Не следует недооценивать и значение творческих конкурсов. Организация состязаний в жанрах рисунка, эссе, поэзии и видеоролики на патриотическую тематику и традиционные российские ценности предоставляет подросткам платформу для самовыражения и трансляции своих взглядов.

Таким образом, в дискурсе о современном воспитании молодежи необходимо прививать истинный патриотизм детям и подросткам России, и основанием для него должно служить уважение к этнокультурному и ретроспективному наследию Родины. Несомненно, огромную роль в таких программах играют традиционные ценности, ведь именно они представляют собой своеобразный нравственный ориентир, благодаря которому развитие чувства гражданской ответственности и преданности Родине получает качественную основу.

Литература

1. Сухомлинский В. А. Родина в сердце. Москва: Педагогика, 2004. 142 с.
2. Сериков В. В. Патриотическая позиция как вид личностного опыта: условия становления // Известия ВГПУ: педагогические науки. 2015. № 3(98). С. 22–26.
3. Сухомлинский В. А. Родина в сердце. Москва: Педагогика, 2004. 142 с.
4. Воронова Е. А. Воспитать патриота: программа, мероприятия, игры. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 282 с.
5. Лыкова Т. Р. К вопросу о структурных элементах патриотической позиции // Наука, образование, общество. 2015. № 2(4). С. 42–50.
6. Kuvondikov S. S. Theoretical bases of developing a sense of patriotism in future teachers based on the competence approach // European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. 2020. № 11. P. 141–145.
7. Зосимовский А. В. Формирование общественной направленности личности в школьном возрасте. Москва: Изд-во МГУ, 1989. 200 с.
8. Микрюков В. Ю. Патриотизм: к определению понятия // Воспитание школьников. 2007. № 5. С. 3–9.

THE TRADITIONAL VALUES AS A BASEMENT OF FORMATION OF THE PATRIOTIC ATTITUDE OF YOUNG TEENAGERS

Abstract. The article discusses the influence of traditional values on the formation of the patriotic attitude among younger adolescents. The relevance of this research is driven by the need to foster civic engagement and love for one's homeland in the context of contemporary sociocultural transformations. The author analyzes the age-related characteristics of younger adolescents that influence the effectiveness of patriotic education and identifies key traditional values, such as respect for history, family, nature, and a commitment to justice, as the foundation for the moral development of patriotism. The article discusses the main pedagogical strategies, including activity-based and personality-oriented approaches, as well as the mechanisms of interaction between educational institutions, families, and society in the process of transmitting values. The author

provides examples of the practical activities of the Kabanskaya Secondary School. The article concludes that a systematic approach and personal example of adults are essential for shaping values in younger students.

Keywords: patriotic position, young teenagers, extracurricular activities, social practices, levels of formation, traditional values.

Сведения об авторе

Кривогорницына Анастасия Васильевна, аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: a.krivogornitsyna@mail.ru

Krivogornitsyna Anastasiya Vasilevna, postgraduate student, Dorzhi Banzarov Buryat State University, e-mail: a.krivogornitsyna@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РУССКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В МУЗЫКЕ ЭМИГРАНТОВ**

Аннотация. Музыкальная практика русской эмиграции в Китае первой половины XX в. представляет собой значимый культурный механизм сохранения и трансляции традиционных русских духовно-нравственных ценностей в условиях диаспорального существования. В эмигрантской среде музыка выполняла не только эстетическую, но и идентификационную, воспитательную и коммуникативную функции, обеспечивая воспроизводство таких ценностных установок, как патриотизм, коллективизм, межпоколенческая преемственность и приоритет духовного начала над материальным. В статье с межкультурных позиций рассматривается соотношение исторического опыта русской эмиграции в Китае и положений указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, утвердившего Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Выявляется, что музыкальная деятельность русской эмигрантской общины фактически выступала формой практической реализации тех ценностных ориентиров, которые в современный период получили государственно-нормативное закрепление. Показано, что через музыкальное творчество, образовательные практики, религиозную жизнь и межкультурное взаимодействие русская эмиграция сохраняла культурную идентичность и одновременно выстраивала продуктивный диалог с принимающей средой. Исторический опыт русской эмигрантской музыки в Китае рассматривается как значимый источник для осмысления современных механизмов передачи традиционных ценностей, укрепления культурного суверенитета и поддержания гражданской идентичности в условиях глобализации.

Ключевые слова: эмигрантская музыка, русская идентичность, традиционные ценности, межпоколенческая преемственность, межкультурная передача, культурный суверенитет, культурное взаимодействие.

Традиционные ценности относятся к числу базовых оснований существования нации, определяющих нормативные ориентиры общественной жизни, формы исторической памяти и способы межпоколенческой преемственности. В современном российском дискурсе их значение получило официальное закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В документе к числу традиционных ценностей отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимопочтение, историческая память, преемственность поколений и единство народов России [1].

Однако традиционные ценности существуют не только в форме нормативных деклараций. Как культурное явление они обретают реальное содержание лишь тогда, когда воплощаются в социальных практиках, институтах и символических формах, через которые общество воспроизводит собственный духовный опыт. В этом отношении особый интерес представляет исторический опыт русской эмиграции в Китае в первой половине XX в. Находясь вне пределов родины и существуя в условиях культурной и социальной нестабильности, русская эмигрантская община не только сохраняла собственные духовно-нравственные ориентиры, но и вырабатывала механизмы их передачи следующим поколениям. Одним из наиболее значимых таких механизмов стала музыка [2].

Музыкальная культура русской эмиграции выполняла существенно более широкую функцию, чем собственно художественное самовыражение. Она выступала способом симво-

лического воспроизводства национальной принадлежности, средством консолидации общины и пространством коллективного переживания исторической памяти. Музыкальная практика в клубах, салонах, оркестрах, кафе, концертных залах и домашних формах музицирования формировала особую культурную среду, в которой сохранялась связь с утраченной родиной. В этих условиях музыка приобретала значение не только эстетического объекта, но и формы социального бытия общины, обеспечивающей эмоциональную устойчивость, внутреннюю солидарность и чувство культурной непрерывности [2; 8].

Особое значение в данном процессе имели национальные песни. Именно они становились наиболее непосредственной формой актуализации памяти о России, выражения ностальгии и подтверждения культурной принадлежности. Исполнение знакомых мелодий и текстов не сводилось к воспроизведению прошлого: оно выступало актом коллективного самоопределения, в котором закреплялось представление о принадлежности к русскому культурному миру. Тем самым музыкальная практика способствовала не только сохранению эмоциональной связи с родиной, но и укреплению ценностей патриотизма, исторической памяти и общинного единства.

Если концертная и бытовая музыкальная жизнь обеспечивала преимущественно спонтанное воспроизводство традиционных ценностей, то музыкальное образование формировало уже более устойчивый и институционально оформленный механизм их передачи. Русские учебные заведения в Китае были ориентированы прежде всего на внутренние потребности эмигрантской среды и изначально не ставили своей целью привлечение китайских учащихся [2]. В этом контексте музыкальное образование выступало не как узкопрофессиональная дисциплина, а как часть более широкой системы формирования личности, основанной на приобщении к языку, исторической памяти, этическим нормам и художественным образцам русской культуры. Через такую практику осуществлялась межпоколенческая передача ценностей, что позволяет рассматривать ее как исторически сложившуюся форму сохранения культурной преемственности в условиях диаспоры.

Не менее важной составляющей музыкальной жизни русской эмиграции была религиозная сфера. Для русской культуры православная традиция на протяжении веков оставалась одним из ключевых источников духовной самоидентификации, а потому церковная музыка и богослужебное пение играли в эмигрантской среде особую роль. В Основах государственной политики также подчеркивается значимость религиозной традиции в формировании общих духовно-нравственных ориентиров российского общества [1]. Харбин, ставший одним из крупнейших центров русской эмиграции в Китае, одновременно оказался важнейшим пространством сохранения православной музыкальной культуры. С конца XIX в. и до 1930-х гг. в городе было создано значительное число православных храмов, а к 1932 г. Харбинская епархия включала десятки церковных приходов [3; 4]. В этих условиях сакральная музыка выполняла не только богослужебную, но и культурно-консолидирующую функцию, поддерживая историческую память русской общины и обеспечивая преемственность национальной традиции.

Вместе с тем сохранение традиции в эмиграции не означало культурной изоляции. Напротив, устойчивость ценностного ядра во многом обеспечивалась способностью вступать в диалог с иной культурной средой, не утрачивая собственных оснований. В этом смысле музыкальная культура русской эмиграции в Китае представляет интерес не только как пример самосохранения, но и как форма межкультурного взаимодействия. Как справедливо отмечается в исследованиях культурной идентичности, стремление к ее сохранению особенно отчетливо проявляется в ситуации соприкосновения с культурным различием [5]. Встреча с китайской культурой не разрушала русскую музыкальную традицию, а, напротив, создавала условия для ее творческой переработки и расширения выразительных возможностей.

Показательны в этом отношении произведения Аарона Авшаломова на китайские сюжеты, а также деятельность Александра Черепнина, чьи инициативы в области фортепианной музыки китайского стиля сыграли заметную роль в становлении национальной композиторской школы Китая [6; 7]. Подобные явления свидетельствуют о том, что русская эмигрант-

ская музыка выступала не только пространством сохранения собственной идентичности, но и посредником культурного обмена. Через художественный перевод, адаптацию и совместное творчество формировалась особая зона диалога, в которой традиция сохранялась не в застывшем, а в динамическом виде.

Особое место в этом процессе занимала Харбинская Высшая музыкальная школа имени Глазунова, основанная в 1925 г. Будучи созданной первоначально для нужд русской эмигрантской общины, она со временем вышла за пределы внутридиаспоральной функции и внесла существенный вклад в подготовку первых поколений профессиональных музыкантов западного направления в Китае [2]. Тем самым русская музыкальная эмиграция не только воспроизводила собственную культурную традицию, но и становилась активным участником формирования нового музыкального пространства принимающей страны. В этом проявлялась не замкнутая стратегия сохранения, а культурная модель, сочетающая верность собственным основаниям с готовностью к продуктивному межкультурному взаимодействию.

С культурологической точки зрения музыкальную практику русской эмиграции в Китае можно рассматривать как форму символического поддержания культурного суверенитета вне государственной территории. Суверенитет в данном случае проявляется не столько в политико-правовом, сколько в культурном измерении: в способности сообщества сохранять собственный ценностный строй, воспроизводить его в новых условиях и передавать следующим поколениям. Исторический опыт русской эмигрантской общины показывает, что устойчивость национальной культуры обеспечивается не только институтами власти, но и повседневными практиками — семейным воспитанием, художественным образованием, религиозной жизнью, коллективными формами музицирования и праздничной культуры. Именно в таких формах ценности перестают быть отвлеченными идеями и превращаются в реально действующие механизмы культурного воспроизводства.

В этом смысле опыт русской эмигрантской музыки в Китае важен не только как исторический сюжет, но и как значимый аналитический материал для современности. Он показывает, что сохранение традиционных ценностей в условиях глобализации требует перехода от декларативного утверждения к культурно организованной практике передачи. При этом особую роль играют не только государственные институты, но и те формы культурной жизни, которые включены в структуру повседневности и эмоционального опыта. Искусство, и прежде всего музыка, оказывается одним из наиболее действенных средств такого воздействия, поскольку соединяет индивидуальное переживание, коллективную память и межпоколенческую преемственность.

Заключение

Музыкальная практика русской эмиграции в Китае в первой половине XX в. представляет собой значимую историко-культурную модель сохранения и трансляции традиционных русских духовно-нравственных ценностей. Ее значение состоит в том, что музыка выступала не только сферой художественного творчества, но и механизмом поддержания национальной идентичности, межпоколенческой преемственности, религиозной памяти и культурного единства общины. Через музыкальные, образовательные и церковные практики русская эмиграция сумела сохранить ценностное ядро своей культуры в условиях отрыва от родины и пребывания в иной социокультурной среде.

Одновременно данный опыт показывает, что сохранение традиции не исключает межкультурного взаимодействия, а, напротив, может осуществляться через него. Русская эмигрантская музыка в Китае сочетала функции самосохранения и культурного диалога, благодаря чему стала важным посредником между русской и китайской культурными традициями. В современных условиях этот исторический пример позволяет сделать вывод о том, что укрепление культурного суверенитета и передача традиционных ценностей требуют не только нормативного закрепления, но и включения их в живую ткань культурной практики. Именно в этом заключается главный урок, который музыкальный опыт русской эмиграции дает для современного осмысления проблем культурной памяти, идентичности и преемственности.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
2. 杨琴. 历史叙事与族群认同: 20世纪上半叶哈尔滨俄侨音乐活动的文化解读 = Ян Цинь. Исторический нарратив и этническая идентичность: культурная интерпретация музыкальной деятельности русских эмигрантов в Харбине в первой половине XX в. Харбин, 2024.
3. 塔斯金娜 叶莲娜. 哈尔滨: 鲜为人知的故事 = Таскина Е. Харбин: малоизвестные истории / пер. Цзи Юцзя. Харбин: Харбинское изд-во, 2018. С. 110.
4. 刘蕾, 温家辉. 哈尔滨教堂的那些事儿 = Лю Лэй, Вэнь Цзяхуэй. Истории о харбинских церквях // 中国城市报. 2016. 18 янв. URL: http://paper.people.com.cn/zgcsb/html/2016-01/18/content_1649264.htm
5. 韩震. 论全球化进程中的多重文化认同 = Хань Чжэнь. О множественной культурной идентичности в процессе глобализации // 求是学刊. 2005. № 5. С. 20–26.
6. 许昊洋. 阿甫夏洛穆夫对中国近代音乐发展所作的贡献 = Сюй Хаоян. Вклад А. А. Авшоломова в развитие китайской музыки нового времени // 戏剧之家. 2016. № 14. С. 65.
7. 吴琳. 齐尔品征求《中国风味钢琴曲》创作评奖的意义与价值 = У Линь. Значение и ценность конкурса А. Н. Черепнина на создание фортепианных произведений в китайском стиле // 音乐创作. 2018. № 12. С. 184–185.
8. 洛秦. 音乐文化诗学视角中的历史研究与民族志方法 — 20世纪三四十年代上海俄侨《音乐飞地》的历史叙事及其文化意义阐释 = Ло Цинь. Историческое исследование и этнографический метод в перспективе поэтики музыкальной культуры: исторический нарратив и культурная интерпретация «музыкального анклава» русских эмигрантов в Шанхае 1930–1940-х гг. // 音乐艺术. 2010. № 1. С. 52–71.

THE REFLECTION OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN EMIGRANT MUSIC

Abstract. The musical practices of the Russian émigré community in China in the first half of the twentieth century constituted an important cultural mechanism for preserving and transmitting traditional Russian spiritual and moral values under diasporic conditions. In the émigré milieu, music performed not only aesthetic but also identificational, educational, and communicative functions, ensuring the reproduction of such value orientations as patriotism, collectivism, intergenerational continuity, and the priority of the spiritual over the material. From a cross-cultural perspective, this article examines the relationship between the historical experience of the Russian émigré community in China and the provisions of the Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809, which approved the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. It is demonstrated that the musical activity of the Russian émigré community effectively functioned as a practical form of implementing those value orientations that in the contemporary period have received state normative consolidation. The article shows that through musical creativity, educational practices, religious life, and cross-cultural interaction, Russian émigrés preserved their cultural identity while simultaneously building a productive dialogue with the host environment. The historical experience of Russian émigré music in China is thus regarded as an important source for understanding contemporary mechanisms of transmitting traditional values, strengthening cultural sovereignty, and sustaining civic identity in the context of globalization.

Keywords: émigré music, Russian identity, traditional values, intergenerational continuity, cross-cultural transmission, cultural sovereignty, cultural interaction.

Сведения об авторе

Чжан Шань, аспирант, Забайкальский государственный университет, e-mail: 948495942@qq.com

Zhang Shan, postgraduate student, Transbaikial State University, e-mail: 948495942@qq.com

**СОБОРНОСТЬ В ЭПОХУ ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ:
ОТ ЦЕННОСТНОЙ МИМИКРИИ К ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ**

Аннотация. В статье рассматривается концепт соборности как философская и культурная стратегия преодоления ценностной мимикрии в современном российском обществе травмы. Автор обращается к философской традиции соборности через концепцию экологии культуры Д. С. Лихачева и современные подходы гуманитаристики как к преодолению духовного кризиса современности. Духовный кризис, по мнению автора, обусловлен явлением культурной амнезии, отчетливо проявившейся у поколений, родившихся и выросших в эпоху гиперреальности, и выраженной в таких деструктивных формах, как «амнезия-стыд» и «амнезия-безразличие». Современные геополитические потрясения в данной статье рассматриваются в качестве катализатора пробуждения, обнажившего несостоятельность навязанных универсалистских образцов и актуализирующих запрос на подлинную культурную идентичность. В качестве преодоления культурной амнезии и духовного кризиса автор предлагает аксиологическую триаду (соборность, экология культуры, гуманитаристика), которая обозначает условия для укрепления национального единства в эпоху глобальных вызовов.

Ключевые слова: соборность, концепт соборности, соборное единство, национальная идентичность, общество травмы, экология культуры, культурная амнезия, ценностная мимикрия.

Российское общество характеризуется современными учеными как общество травмы. Наиболее обще можно сказать, что механизмы возникновения общества травмы связаны с игнорированием знаний и результатов деятельности предшествующих поколений, отказом от учета многовековых традиций [5]. Российская история, представляющая собой череду сильных потрясений, ведущих за собой радикальный слом сложившихся укладов, дает выразительный материал для такого анализа. Революция 1917 г., Гражданская война, коллективизация, ВОВ и кризис 90-х — череда столь глобальных потрясений сформировала устойчивые паттерны травматического опыта в массовом сознании российского общества.

Разрыв межпоколенческой преемственности, девальвация традиционных ценностей, особенно остро проявившиеся в 1990-е годы привели к тому, что целые поколения россиян оказались в ситуации ценностной аномии. Либерально-индивидуалистская парадигма, активная насаждавшаяся в то время создала ценностный вакуум, в котором атомизированный индивид оказался перед необходимостью самоопределения в условиях отсутствия понятных и разделяемых ориентиров. Однако предложенная индивидуалистская парадигма «успешного успеха» вступила в глубокое противоречие с архетипическими установками российской ментальности, где духовное всегда было приматом над материальным. И современность, как никогда ранее, демонстрирует нам несостоятельность этого чуждого вектора: рост тревожности, социальной зависти, ценностной мимикрии — окончательно снизили запросы общества на подлинные смыслы, глубокое знание и нравственное совершенствование, подменив их погоней за внешними атрибутами «успеха» и статусными маркерами.

В этих условиях актуализация концепта соборности видится нам главным условием в процессе возрождения культурного кода России, преодолении симулятивных форм единства и повышении требований к подлинным авторитетам.

Эпоха гиперреальности обусловила принципиально новый тип социальной коммуникации, в котором подлинные смыслы подменяются симулякрами, а традиционные авторитеты вытесняются поверхностными лидерами мнений, чья компетентность ограничена узкой сферой потребления и самопрезентации. «Материальный успех дает ложное право морального доминирования и возможной экспертизы всех социальных явлений и процессов» [1, с. 6].

Снижение требований к продуктам массовой культуры, «социальная нестабильность, выстроенная на иррациональной рациональности, “масштабно продуцирует деструкции всего социального, регулярно обнаруживает политические и социокультурные противоречия современного общества”» [2, с. 9]. Не вызывает сомнения, что «новые виды аддикций, манифестации неврозов, хаотичное напряжение, гиперфиксация на тревожных и травмирующих событиях, информационный террор, амбивалентность морали» [2, с. 5] привели к тому, что у поколений, выросших в 1990–2000 гг. сформировался устойчивый комплекс неполноценности собственной идентичности. Это психологическое состояние породило склонность к копированию и преданию забвению собственной культурной почвы. «Глянцевая» продукция вытеснила на периферию традиционные механизмы трансляции ценностей, уступая место инфлюенсерам и блогерам.

Культурная амнезия, особо остро проявившаяся на поколениях миллениалов и зумеров, приняла различные деструктивные формы. Миллениалы как поколение переходного периода, заставшее позднесоветскую эпоху, но выросшее в эпоху либерально-индивидуалистской парадигмы, столкнулись с экзистенциальным разрывом. С одной стороны, детские установки, впитанные в обрывках советского воспитания, с другой — современные реалии безжалостной конкуренции. Такой разрыв породил феномен ценностной мимикрии — внешнее следование чужим образцам при внутреннем, часто нерефлексируемом, сохранении традиционных установок. Для поколения миллениалов характерной культурной амнезией стала *«амнезия-стыд»*. Критика всего отечественного, подражание западным моделям поведения, демонстративное отречение от «совкового» прошлого стали для миллениалов способом вписаться в новую реальность и получить социальное одобрение в глобализированном пространстве.

Зумеры как поколение, родившееся и выросшее в эпоху «чистой гиперреальности», принимали существующие глобализированные образцы как единственную возможную норму. В этом случае культурная амнезия выразилась в апатичном принятии без альтернативы и рефлексии — *«амнезия-безразличие»*. Пассивное подчинение, потребление унифицированного контента, отсутствие интереса к собственной культурной традиции являются главными маркерами *«амнезии-безразличия»*.

Несмотря на глубину культурного кризиса, охватившего два поколения, современные геополитические и социальные потрясения парадоксальным образом обнажают проблемы, которые игнорировались десятилетиями. Внешнее давление, санкционное противостояние, необходимость экзистенциального выбора действуют как катализатор пробуждения. В условиях кризиса иллюзия «плоского мира» разбилась о реальность геополитического противостояния, где идентичность, память и укорененность становятся вопросами выживания.

Современные потрясения лишают человека привычных иллюзий — заставляют заглянуть в глубину собственного бытия и обнаружить связь с культурой, историей и другими людьми. Именно здесь концепт соборности находит свою практическую и «терапевтическую» значимость. Соборность как исцеление «травмы» путем возвращения к исконному, вечному дает возможность увидеть свою уникальность, преодолеть комплекс вторичности, перестать оглядываться на чужие образцы и начать жить из собственной глубины [5, с. 130].

В практической плоскости исцеление от травмы и возвращение к исконному видится нам в актуализации соборности через *экологию культуры* — концепции, предложенной Дмитрием Сергеевичем Лихачевым [4]. Экология культуры по Лихачеву — *это фундаментальное условие нравственного здоровья личности и общества*. И если соборность задает цель — единство, основанное на внутренней, свободной связи, то экология культуры предлагает путь к этой цели. В этом контексте важным инструментом реализации стратегии экологии культуры выступает гуманитаристика как концепт, воплощающий совокупность культурных, исторических и ценностных оснований, позволяющих ответить на вопрос «Кто я есть?». Гуманитарные науки, составляющие ценностное ядро гуманитаристики [3] должны задавать правильную ценностную оптику, преодолевая *стыд* и *безразличие* молодого поколения, с помощью трансляции ценностей, укорененных в культурно-историческом коде нации. Гума-

нитаристика, обращенная к «работе с сердцем и желаниями» [6], воплощающая в себе культурное самосознание народа становится тем пространством, в котором соборность и экология культуры обретают практическую осуществимость.

Соборность, экология культуры и гуманитаристика, таким образом, составляют аксиологическую триаду, в которой каждый элемент выполняет свою функцию и не может быть реализован без двух других. *Соборность здесь определяется как свободное желание единства и причастности, которое удерживает субъект в пространстве культуры. Экология культуры выступает некой системой условий, в которой это желание возникает, сохраняется, воспроизводится и передается. Гуманитаристика же оказывается «инструментом», с помощью которого происходит синхронизация внутреннего и внешнего, позволяющая субъекту осмыслить свою причастность к целому (соборность) и преодолевая комплекс вторичности, посредством включения в культурные смыслы.* Будучи «продуктом» культуры, гуманитаристика призвана переосмыслить, пересобратить эти новые смыслы сквозь призму внутренних противоречий, разрывов и перемен, тем самым осуществляя ценностный переход — от ценностной мимикрии к экологии культуры.

Изменение ценностной парадигмы современного российского общества требует смены онтологической оптики, и оно возможно без изобретения чего-то нового, а обращением к тому вечному содержанию, которое уже присутствует в отечественной культуре. И пусть это путь медленный и требующий больших усилий от каждого из нас, но только он способен привести к подлинному возрождению.

Предложенная в настоящей статье аксиологическая триада не является идеологической конструкцией, а, скорее, представляет собой попытку обозначить условия, при которых возможно преодоление экзистенциального разрыва, поразившего общество в эпоху гиперреальности. Общество, уставшее от симулякров, уже демонстрирует попытку сопротивления навязанным образцам и задача экологии культуры — дать направление этому сопротивлению в осознанное созидание, обретающее свою форму в соборном единстве.

Литература

1. Истомина О. Б., Кузьмина А. А. Лидер общественного мнения: социальный портрет в условиях гиперреальности современности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. № 1. С. 3–10.
2. Истомина О. Б. Бытие и неопределенность социальных стратегий: вызовы времени // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. Вып. 2. С. 3–10.
3. Кийченко К. И. Соотнесение ценности и научного знания в гуманитаристике // Вестник славянских культур. 2011. № XXI. С. 12–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnesenie-tsennosti-i-nauchnogo-znaniya-v-gumanitaristike/viewer> (дат обращения: 05.05.2026).
4. Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Экология культуры // Прошлое — будущему: статьи и очерки. Ленинград, 1985. С. 50–72.
5. Сиденко А. А. Соборность как стратегия культурной экологии в современной России // Социальные процессы в современной России: проблемы и перспективы национального возрождения: материалы X Всероссийской научной конференции с международным участием / [отв. ред. О. Б. Истомина]. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 126–130.
6. Тощенко Ж. Т. Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 1. С. 30–50.
7. Щелин П. Об эпохе модерна, культе смерти и православии как единственном щите от хаоса // LiveJournal. 2025. 8 дек. URL: <https://melissa-12.livejournal.com/11369795.html> (дата обращения: 20.05.2026).

SOBORNOST IN THE ERA OF HYPERREALITY: FROM VALUE MIMICRY TO THE ECOLOGY OF CULTURE

Abstract. The article examines the concept of sobornost as a philosophical and cultural strategy for overcoming value mimicry in contemporary Russian society as a trauma society. The author turns to the philosophical tradition of sobornost through the lens of D. S. Likhachev's concept of the ecology of culture and contemporary approaches to humanitarian studies (gumanitaristika) as a means of overcoming the spiritual crisis of modernity. The spiritual crisis, in the author's view, is conditioned by the phenomenon of cultural amnesia, which has become distinctly manifest among generations born and raised in the era of hyperreality and has taken such destructive forms as «amnesia-shame» and «amnesia-indifference». Contemporary geopolitical upheavals are considered in this article as a catalyst for awakening, exposing the inadequacy of imposed universalist models and actualizing the demand for authentic cultural identity. As a means of overcoming cultural amnesia and the spiritual crisis, the author proposes an axiological triad — sobornost, the ecology of culture, and humanitarian studies (gumanitaristika) — which delineates the conditions for strengthening national unity in an era of global challenges.

Keywords: sobornost, concept of sobornost, conciliar unity, national identity, trauma society, ecology of culture, cultural amnesia, value mimicry.

Сведения об авторе

Сиденко Анастасия Алексеевна, аспирант, Иркутский государственный университет, e-mail: baginova.anastasya@yandex.ru

Sidenko Anastasia Alekseevna, Postgraduate Student, Irkutsk State University, e-mail: baginova.anastasya@yandex.ru

СЕМЬЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 364.042

А. К. Лукина

Сибирский федеральный университет

А. А. Агеев

Центр социальной помощи семье и детям «Октябрьский»,

Сибирский федеральный университет

А. Н. Медведева

Центр социальной помощи семье и детям «Октябрьский»

ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНОГО МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Аннотация. В статье рассматривается проблема социального сиротства в России и меры по его профилактике в условиях многофункционального семейного центра. Несмотря на то, что в настоящее время в стране реализуется много различных программ для улучшения демографической ситуации в стране, основные меры направлены на повышение рождаемости и оказание материальной и финансовой помощи семьям. Однако, имеется психологическая, социальная и педагогическая неготовность молодых родителей к воспитанию собственных детей, что ведет к социальному неблагополучию детей, их изъятию из семей, социальному сиротству. Описаны основные направления работы по профилактике социального сиротства: раннее выявление групп риска, повышение родительской компетентности молодых родителей, патронаж и индивидуальное социально-психолого-педагогическое сопровождение семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, компенсация недостаточного родительского внимания детям из таких семей.

Ключевые слова: социальное сиротство, семья, родитель, группа риска, родительская компетентность, патронаж, социальное сопровождение.

Социальное сиротство является серьезной социальной проблемой нашей страны в начале XXI в. Это один из самых тяжелых симптомов болезни, поразившей современное российское общество — бездуховности, смены социальных ценностей и установок. По статистике, в 2025 г. в России было зарегистрировано более 317 052 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. За этот же год было выявлено почти 35 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей. [1] Родительских прав в 2025 г. лишили 17 тыс. человек, из них 11,8 тыс. — за уклонение от исполнения родительских обязанностей, в том числе за неуплату алиментов. В прошлом году органы опеки получили 151 тыс. сообщений о нарушении детских прав. Из них 67,9 тыс. касались обстановки в семье, которая могла бы угрожать здоровью и жизни ребенка [2]. И, несмотря на то что ситуация по стране постоянно улучшается, проблема продолжает оставаться достаточно острой.

Основные причины этого кроются в том, что значительная часть современных молодых родителей не получила в своем детстве личного опыта родительского внимания, взаимодействия с младшими братьями и сестрами. Утрачиваются народные традиции семейного воспитания, все больше воспитание доверяется иностранным мультфильмам сомнительного содержания. Многие нынешние родители — единственные в семье, поэтому у них нет опыта взаимодействия с сиблингами. Они сформированы в условиях идеологии «индивидуального успеха», не предполагающей заботы о ком-либо. Игрушки и игры девочек XXI в. не предполагают взаимодействия с младенцами и тем более — ухода за ними. Можно говорить и об усилении социальной безответственности, особенно — у юношей, которые зачастую отказы-

ваются от своих забеременевших подружек, а молодые матери вынуждены отказываться от собственных детей, потому что им просто некуда пойти с ребенком. Национальный проект «Семья», принятый Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г., предполагает оказание всесторонней помощи семьям в воспитании детей как одну из приоритетных задач социальной политики государства [3].

Важнейшим инструментом профилактики социального сиротства, защиты и сопровождения семей с детьми, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, сегодня становятся семейные многофункциональные центры, созданные в соответствии с Приказом министерства труда и социальной защиты РФ от 21 февраля 2023 г. № 97. Здесь по принципу «одного окна» граждане получают доступ к качественной помощи. Семьям оказывают содействие в реализации индивидуальной программы выхода из трудной ситуации и обеспечивают профессиональное сопровождение на каждом этапе. Именно таким учреждением является КГБУ СО Семейный многофункциональный центр «Октябрьский (СМФЦ)». Государство, в рамках реализации демографической политики, обеспечивает достаточно высокий уровень материальной помощи молодым семьям, что иногда имеет побочные негативные эффекты, в виде развития потребительских настроений. Поэтому, наряду с материальной помощью, важно развитие социальной ответственности, повышение родительской компетентности, включение родителей в социальные сообщества, индивидуальное социально-психолого-педагогическое сопровождение семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включающее помощь в избавлении от вредных привычек, получение профессий и последующее трудоустройство молодых родителей.

В настоящее время на учете в центре состоит более 700 семей, имеющих те или иные трудности в функционировании, в том числе 500 семей, в которых имеется риск социального сиротства (наркотическая или алкогольная зависимость родителей, семейное насилие, трудности социальной адаптации). Для решения вопросов и проблем, влияющих на профилактику социального сиротства, повышение качества жизни семьи и ребенка, сотрудники СМФЦ используют ресурсы всех субъектов социальной профилактики района в соответствии с Федеральным законом №120 от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» — учреждений образования, здравоохранения, молодежной политики, культуры и других сфер.

Построение жизненного пути семей в процессе получения социальных услуг и организации их социального сопровождения включает: выявление семей, находящихся в группе риска; проведение диагностики, оценку ситуации в семье, имеющихся ресурсов для выхода из трудной жизненной ситуации; разработку программы помощи семье с учетом имеющихся ресурсов семьи и правовых норм; реализацию программы, осуществление конкретной помощи семье, сопровождение на различных этапах жизнедеятельности, мониторинг состояния семьи, активизации её ресурсов, оценку реализации индивидуального маршрута.

Так, на учете в нашем СМФЦ состоит многодетная семья П., в которой одна мама (А.П.), проживающая в трехкомнатной квартире со своей матерью, воспитывающая 7 детей от разных отцов, в возрасте от 1 года до 12 лет. Никто из отцов в воспитании детей участия не принимает. Мама с бабушкой привлекались к административной ответственности за употребление спиртных напитков в присутствии детей. Единственный доход семьи — детские пособия и пенсия бабушки. На момент постановки на учет состояние квартиры абсолютно не соответствовало санитарным нормам и было непригодно для нормального развития детей. Отсутствовали спальные и рабочие места (для приготовления уроков). Мама, А.П., практически не имела навыков ведения домашнего хозяйства, ухода за детьми.

Проще всего было изъять детей из такой семьи, что позволило бы маме продолжать вести аморальный образ жизни и продолжать «выполнять демографическую программу». Сотрудники СМФЦ поступили по-другому. В рамках специального проекта «Вызов», при содействии региональной общественной организации Красноярского края «Центр защиты материнства и детства святых Петра и Февронии» семье предоставлена благотворительная помощь в виде проведения ремонтных работ с целью устранения антисанитарных условий и

создания безопасной среды для проживания несовершеннолетних на основании трехстороннего соглашения. Проведена покраска и шпатлевка стен и потолков, заменено напольное покрытие, отремонтированы старые розетки и установлены новые. Кроме того, куратором семьи оказано содействие в приобретении необходимой мебели и бытовой техники, чем частично обеспечены бытовые потребности несовершеннолетних. В частности, приобретены двухъярусная кровать и комод, что способствовало рациональной организации спальных мест и личного пространства детей, холодильник, постельные принадлежности.

В наведении порядка в квартире самое действенное участие принимали старшие дети, сами мама и бабушка, развивая таким образом необходимые навыки для последующей самостоятельной жизни. И, хотя в соответствии с постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Октябрьского района г. Красноярска февраля 2026 г. семья признана утратившей статус «находящейся в социально опасном положении», сотрудники СМФЦ продолжают взаимодействие с ней: обеспечили получение мамой профессии, позволяющей трудиться на дому, и соответствующее трудоустройство, помогли старшим детям в получении дополнительного образования, организации летнего отдыха, устройстве в трудовой отряд Главы города. Мама приглашается на заседания семейного клуба при центре, общается с другими женщинами, сумевшими преодолеть трудную жизненную ситуацию.

И это не единственный пример продуктивного взаимодействия СМФЦ с «Центром защиты материнства и детства святых Петра и Февронии» и иными благотворительными организациями нашего города. Совместными усилиями этой организации и СМФЦ для семей группы риска проводятся социокультурные и массовые мероприятия: экскурсии, фестивали, концерты, акции, посещение музеев, кинотеатров и театров, детских развлекательных центров. Все это позволяет снять некоторую финансовую нагрузку с родителей, и повысить их культурный и педагогический уровень, показать им образцы продуктивного родительства, включить во взаимодействие с социальными партнерами, другими семьями.

В целях реализации мероприятий социального характера специалисты Центра и общественных организаций (НКО) ежегодно устраивают различные благотворительные акции и праздники с подарками — в честь Международного дня защиты детей и Нового года, других праздников. Акция «Помоги пойти учиться», ставшая традиционной, направлена на оказание помощи по сбору в школу детей из семей, имеющих финансовые трудности. В рамках сотрудничества реализуется специальный проект «Чудеса Нового года» — выездное новогоднее поздравление на дому детей с ограниченными возможностями здоровья с вручением сладких подарков. Семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении, предоставляется правовая, консультативная, срочная социальная и материальная помощь в виде предметов первой необходимости, одежды, обуви, продуктов питания.

В комплексном сопровождении семей, направленном на профилактику социального сиротства, помогают современные социальные сервисы, такие как службы семейной диспетчерской, экстренного реагирования (в ситуации выявления ситуации, угрожающей безопасности ребенка), ранней помощи, кратковременного присмотра за детьми, коворкинг-пространства для подростков, мобильные (выездные) бригады, родительские и подростковые клубы, интегративная учебно-тренировочная площадка социально-бытовой адаптации и другие сервисы, востребованные у населения; работает кабинет психолого-педагогической диагностики, осуществляются очные и дистанционные консультации психологов.

Также в рамках межведомственного взаимодействия заключено более 70 соглашений о сотрудничестве с некоммерческими и благотворительными организациями, учреждениями здравоохранения и образования, силовыми и иными структурами. Это позволяет в режиме «одного окна» оперативно решать насущные проблемы семей с детьми.

Особое внимание мы уделяем раннему выявлению рисков социального сиротства. При организации этой работы мы опираемся на рекомендации Национального фонда защиты детей, а также Вельского района Архангельской области [5; 6]. На основе соглашений о сотрудничестве с Красноярским краевым клиническим центром охраны материнства и детства, женской консультацией Октябрьского района г. Красноярска, детской поликлиникой, мы

своевременно узнаем о рисках социального сиротства еще на этапе постановки женщины на учет по беременности или сразу после выписки из роддома. После этого с семьей начинают работать наши специалисты совместно с медицинскими работниками: это и психологическая поддержка будущей матери, профилактика отказа от материнства; это курсы для будущих родителей по уходу за детьми, патронаж семей и оказание им необходимой помощи, в том числе через использование ресурсов взаимопомощи семей, и другие формы работы. За неполный год существования Семейного многофункционального центра подобная помощь была оказана нескольким семьям, что позволило избежать отказа от ребенка, сформировать родительские чувства, укрепить семью.

Одна из перспективных форм профилактики социального сиротства — социальное наставничество. Преимущество социального наставничества заключается в том, что между членами семьи и наставником устанавливаются доверительные отношения, и он может выступать как более информированный, квалифицированный представитель семьи во взаимодействии с внешними инстанциями; к его мнению и советам прислушиваются старшие члены семьи. Индивидуальный подход, проведение социально-педагогических мероприятий, психологическая поддержка способствуют созданию благоприятной среды для актуализации ресурсов семьи. В качестве наставников выступают не только сотрудники СМФЦ, но и представители других субъектов профилактики, НКО. В настоящее время договоры о наставничестве заключены с 22 семьями.

Пример тому — следующая история. Несовершеннолетний Ю., 15 лет, имеет сложный характер, он пропускает занятия в школе, попал в плохую компанию и крадет деньги у родителей. Мать и отчим не смогли сами справиться с его поведением, обратились в полицию, и в январе текущего года подросток был помещен в специализированное учреждение. Благодаря профилактической работе наших сотрудников, направленной на поддержание связи между мальчиком и его семьей, у матери появилась уверенность в собственных воспитательных способностях. В настоящее время Семейный многофункциональный центр продолжает оказывать социальную поддержку родителям Ю. по вопросу возвращения их сына в семью.

С января 2025 г. на базе отделения дневного пребывания для детей из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации и в социально опасном положении, организуется досуговая деятельность. Здесь же создана служба кратковременного присмотра за детьми — если маме не с кем оставить ребенка в случае собственных неотложных дел — посещения больницы, например. Продумывая занятость свободного времени детей и подростков, специалисты активно используют технологии социального успеха, позитивной коммуникации и другие.

В Семейном многофункциональном центре имеется трудовая мастерская, занятия в которой способствуют приобщению подростков к труду и творчеству. Здесь они изготавливают блокноты, печатную продукцию, делают сувениры, значки, печатают изображения на кружках, тарелках, одежде. Многие несовершеннолетние знакомятся с созданием музыки на виниловом проигрывателе, различными музыкальными направлениями, включая тёрнтейблизм и скретч диджеинг. Наряду с реабилитационной и коррекционной деятельностью социальные педагоги и воспитатели СМФЦ проводят мероприятия профилактической направленности, помогая подопечным найти свой путь и цель в жизни; индивидуальные и групповые занятия для развития психофизических функций, где ребята развивают память, внимание, мышление, творческие способности, познают окружающий мир. В рамках работы групп дневного пребывания ребята постарше приобщаются к участию в конкурсах, акциях в дистанционном и очном форматах. Специалисты СМФЦ оказывают содействие и в организации трудовой занятости ребят в возрасте 14–18 лет, привлекая их в Трудовые отряды главы города Красноярска (ТОГГ). Такая работа с детьми позволяет укрепить жизненные ресурсы семьи. На решение этой же задачи работает вовлечение семей в городское социокультурное пространство и развлекательные мероприятия; посещение концертов, музеев, выставок, фестивалей, экскурсий, игровых площадок, что является важным условием для успешной социализации личности детей и подростков, профилактики социального сиротства.

Литература

1. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720> (дата обращения: 14.05.2026).
2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8480231> (дата обращения: 14.05.2026).
3. Российская Федерация. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» (Национальный проект «Семья») // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1> (дата обращения: 03.10.2025).
4. Приказ министерства труда и социальной защиты РФ от 21 февраля 2023 г. № 97 «О реализации в 2023–2024 гг. в отдельных субъектах Российской Федерации пилотного проекта по созданию семейных многофункциональных центров». URL: <https://base.garant.ru/407672160/> (дата обращения: 05.10.2025).
5. Марова А. М. Краткое описание модели профилактики отказов от новорожденных // Защита детства. Профилактика социального сиротства: методическое пособие для социально ориентированных некоммерческих организаций / Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Москва, 2012. 196 с.
6. Профилактика и решение проблемы социального сиротства. На защите детства: сборник методических материалов / колл. авторов. Вельск: Издательство, 2025.

PREVENTION OF SOCIAL ORPHANHOOD IN A FAMILY MULTIFUNCTIONAL CENTER

Abstract. The article discusses the problem of social orphanhood in Russia and measures for its prevention in a multifunctional family center. Despite the fact that many different programs are currently being implemented in the country to improve the demographic situation in the country, the main measures are aimed at increasing the birth rate and providing material and financial assistance to families. However, there is a psychological, social and pedagogical unpreparedness of young parents to raise their own children, which leads to the social well-being of children, their removal from families, and social orphanhood. The main areas of work on the prevention of social orphanhood are described: early identification of risk groups, increasing the parental competence of young parents, patronage and individual socio-psychological and pedagogical support for families in difficult life situations, compensation for insufficient parental attention to children from such families.

Keywords: social orphan hood, family, parent, risk group, parental competence, patronage, social support.

Сведения об авторах

Лукина Антонида Константиновна, кандидат наук, доцент, Сибирский федеральный университет, e-mail antonida_lukina@mail.ru

Агеев Андрей Александрович, исполняющий обязанности директора, Октябрьский центр социальной помощи семье и детям, студент, Сибирский федеральный университет, e-mail valakett@mail.ru

Медведева Анна Николаевна, заведующая отделением первичного приема семей, Октябрьский центр социальной помощи семье и детям, e-mail medanet@mail.ru

Lukina Antonida Konstantinovna, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, Siberian Federal University, e-mail: antonida_lukina@mail.ru

Ageev Andrey Aleksandrovich, Oktyabrsky Center for Social Assistance to Family and Children, Acting Director, Siberian Federal University, student, e-mail: valakett@mail.ru

Medvedeva Anna Nikolaevna, Oktyabrsky Center for Social Assistance to Family and Children, Head of the Department of Primary Reception of Families, e-mail: medanet@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам поиска ценностных ориентиров, обеспечивающих устойчивую здоровьесберегающую социализацию современных детей. Проблема социализации современного ребенка рассмотрена в контексте формирования адаптационного ресурса сохранения своего физического и психического здоровья. Доказывается, что здоровьесберегающая социализация ребенка включает все уровни его психического здоровья. Рассмотрен психологический механизм созависимости как основа здоровьезатратной (делинквентной) социализации. Выделены факторы, влияющие на формирование у современной молодежи подростков ценностных ориентиров, связанных с созданием семьи. Обозначены проблемы широкой вариативности в современном мире ролевых моделей родительства как материнского, так и отцовского. Дано определение понятия «гендерно-ориентированное сопровождение здоровьесберегающей социализации детей». Данное понятие рассмотрено как поэтапное психолого-педагогическое содействие в реализации детьми жизненной стратегии, связанной с расширением субъективных заданных границ культуры семейных взаимоотношений с сохранением показателей своего физического и психического здоровья.

Ключевые слова: социализация ребенка, здоровьесберегающая социализация, деструктивные семьи, психологический механизм созависимости, ролевые модели родительства, ценностные ориентиры создания семьи, гендерно-ориентированное сопровождение здоровьесберегающей социализации, рейтинг базовых жизненных ценностей современной молодежи.

Интенсивная динамика психического развития современных детей обусловлена непрерывно усложняющимися процессами адаптации к базовым объективным условиям жизнедеятельности. К ним можно отнести высокие риски экологического состояния планеты, а также общественно политической жизни общества в целом. С другой стороны, информационная открытость современного мира обеспечивает ребенку возможность реализации субъективно выраженной потребности в самовыражении, в заинтересовавших его сферах жизнедеятельности. Социально обусловленный страх за сохранность своего физического и психического здоровья и стремление к самореализации противостоят друг другу, обеспечивая интенсивность психического развития. Эти выводы соответствуют представлениям Г. М. Андреевой о сущности процесса социализации как двустороннего процесса. С одной стороны, современный ребенок адаптируется к социальным условиям жизнедеятельности, прежде всего в рамках своей семьи. С другой стороны, он пытается «активно преобразовывать связи с внешним миром» [1, с. 48].

Экологические и общественные преобразования современного мира значимо изменили саму идею семьи, как института воспитания ребенка. Нарушенные процессы социализации современных родителей увеличивают вероятность проявлений искажения социализации детей, воспитывающихся в таких семьях. Современные родители поколения Z часто ориентированы на достижение собственных эгоистических целей [2].

Современные исследования фиксируют тревожную тенденцию: рост числа интернет-запросов о возможности помещения ребёнка в специализированные учреждения, в случае его «плохого поведения» [9]. Примечательно, что в подобных запросах отсутствует рефлексия собственных родительских компетенций. Проблема интерпретируется исключительно через призму «неправильного» поведения ребенка.

Мы рассматриваем проблему социализации современного ребенка в контексте формирования адаптационного ресурса сохранения своего физического и психического здоровья. Здоровьесберегающая социализация ребенка включает все уровни его психического здоровья:

- уровень индивидуально обусловленных морфологических и физиологических предличностных качеств (прежде всего когнитивных функций);
- уровень личностных проявлений (нравственно обусловленных социальных установок и жизненных ценностей, удовлетворенности своей жизнью, проявления волевой регуляции поведения);
- уровень деятельностных функций, связанных с умением решать проблемы разной степени сложности.

Современные научные исследования рассматривают нарушения в функционировании семьи как важный фактор затруднений ребенка при формировании адекватных форм совладающего поведения. Совладающее поведение, по нашему мнению, выступает важнейшей характеристикой здоровьесберегающей социализации, т.к. позволяет ребенку «быстрее справляться со стрессовыми ситуациями, активно преобразовывать контролируемые ситуации и приспосабливаться к неконтролируемым» [4]. Проявления здоровьесберегающей социализации отражаются в установках ребенка «Я хочу создать счастливую семью», «Мне нравится выполнять отдельные поручения в семье», «Я смогу преодолеть многие трудности».

Известно, что деструктивные супружеские отношения, чаще всего, провоцируют проявления делинквентной социализации детей в таких семьях. Родители транслируют детям негативный опыт собственной социализации, передают закрепленные нравственно искаженные поведенческие стереотипы. Они проявляются в большом количестве разводов, внебрачных связях и т.д. Провоцируемые этими явлениями минимизированные эмоциональные взаимоотношения между супругами способствуют нарушениям в развитии эмоционального интеллекта детей. Они становятся более агрессивными в отношениях к миру и между собой.

В данном случае срабатывает психологический механизм созависимости. Он проявляется как устойчивое состояние болезненной зависимости от форм поведения и мнения родителей. Исследователи подчеркивают, что на формирование у современных подростков ценностных ориентиров, связанных с созданием семьи, влияют следующие факторы: резкое социальное расслоение общества по материальному признаку, семейная нестабильность, чувство незащищенности и несправедливости к ним со стороны родителей, неуверенность в будущей финансовой независимости («зачем нищете плодить»), криминализация массового сознания через средства массовой информации, межпоколенческие конфликты, популяризация нестандартных гендерных практик в медиапространстве [7; 12].

В разных направлениях гуманитарного знания достаточно долго дебатировался вопрос об отходе от традиционных ролевых моделей родителей и влиянии этого процесса на здоровьесберегающую социализацию современного ребенка [8]. Широкая вариативность в современном мире ролевых моделей родительства как материнского, так и отцовского, обусловила снижение интереса подростков к созданию семьи, что отразилось в резком снижении рождаемости (в частности в нашей стране, впрочем, как и во всем цивилизованном мире). Мы отмечаем глубокие психологические последствия данного явления. Детей становится меньше, а, следовательно, меньше реальных внутригрупповых контактов в детских сообществах, что значительно сужает диапазон здоровьесберегающей социализации современного ребенка.

При решении данного вопроса государственные институты обратили внимание на проблемы раннего материнства. Во многих регионах страны приняты постановления о финансовой поддержке мам-школьниц и мам-студенток. Встает вопрос о том, насколько нравственно созрели юные мамы для обеспечения здоровьесберегающей социализации своих детей?

Трансформация представлений детей о родительских ролях начинает проявляться уже с дошкольного возраста. Согласно исследованиям М. А. Мацук [6] в этом возрасте образ отца складывается из следующих характеристик: высокий социальный статус, доминирование, функции материального обеспечения семьи. В подростковом возрасте акценты восприятия образа отца смещаются в сторону пассивности, некомпетентности, слабости, снятия с себя

ответственности за семью. Такие особенности восприятия подростками образа отца формируют его эмоциональное неблагополучие и значимо осложняют проявления традиционной мужской гендерной позиции при создании собственной семьи. В этом случае у подростков формируются признаки «компенсаторной мужественности» (Мейджерс и Биллсон, 1992), проявляющейся в стремлении быть «клевым пацаном». Встает вопрос о разработке более эффективных психолого-педагогических форм содействия формированию у мальчиков психологического благополучия, связанного с образом гармоничного отца. В основе такого благополучия лежит формирование установки «Я будущий папа». Кроме того, важна установка на удерживание и сохранение близких, доверительных супружеских отношений. Вместе с тем, в исследовании Е. Р. Слободской и др. [8] отмечается, что в подростковом возрасте значительно снижается уровень проблем психического здоровья и уменьшается их влияние на жизнь; эти изменения сильнее выражены у мальчиков. Причину мы видим в «оторванности» подростков от реалий современной семьи. Они погружены в виртуальные миры, предоставляемые интернет-пространством. В тоже время «дети поколения Z существенно отличаются от миллениалов; они более психологически дезадаптированы в образовательной (коммуникационной и поведенческой) среде, тревожны и хуже развиты физически» [2].

Таким образом, гендерно-ориентированное сопровождение здоровьесберегающей социализации детей предполагает поэтапное психолого-педагогическое содействие в реализации ими жизненной стратегии, связанной с расширением границ культуры, семейных взаимоотношений, с сохранением показателей своего физического и психического здоровья.

В канве концепции Э. Фромма о психологическом благополучии, мы рассматриваем проблему здоровьесберегающей социализации ребенка как согласованную со всеми членами семьи, реализацию возможности «становиться и быть собой», не маскируясь под интересы родителей, оправдывая их ожидания [7, с. 26].

Вместе с тем «цифровая среда» развития современных подростков (при многих ее положительных аспектах) также не способствует здоровьесберегающей социализации. Это связано с тем, что в социальных сетях, играх и т.д. традиционное нравственно ориентированное гендерно-ролевое поведение, чаще всего не поощряется, а деструктивное гендерно-ролевое поведение, наоборот, романтизируется. В связи с этим, весьма дискуссионно выглядят выводы зарубежных исследователей о том, что необходимо распространять менее жесткие гендерные нормы и признать, что существует множество способов быть женщиной или мужчиной (Pereira, Maria doMar, 2012).

Достаточно проблематичным выглядит вопрос о формировании у современных подростков и юношества ценностного отношения к семье как важному параметру здоровьесберегающей социализации. Опрос студентов 1 курса ЗабГУ (2025–2026 уч. год, 84 респондента) показал, что 74,4% сомневаются в предположении о том, что создание семьи выступает наиболее оптимальным вариантом организации личной жизни. Они выделили наиболее существенные сложности в принятии данной идеи. Первую позицию занял факт признания того, что появление ребенка «выводит» молодую семью из зоны комфорта, «загоняя» в зону финансового риска. Вторая позиция отдана мнению, связанному с тем, что функции родительства становятся все менее выгодными. («Нам хочется самим получать удовольствие от жизни»). Третья позиция отдана тревоге за саму возможность проживания «счастливого детства» их будущими детьми. («При разрастании степени геополитических столкновений мне не ясны перспективы жизнедеятельности моего будущего ребенка»).

В ответах студентов просматривается общая направленность не на преодоление сложных жизненных ситуаций при создании семьи, а стремление получать и пользоваться. Прослеживается сформированное потребительское отношение не только к родителям, но и к способам государственной поддержки молодой семьи. Исследования показывают, что дети из плюралистических семей демонстрируют более реалистические представления о потреблении в семье и критически оценивают маркетинговые стратегии [11; 13].

Результаты студентов по методике М. Рокича «Ценностные ориентации» показали следующую картину: на 1 место была выделена ценность «Здоровье» — 95% из опрошенных; на

2 место — «Материальная обеспеченность» (87%); на 3 место — «Любовь» (80%) и, что радует, «Счастливая семейная жизнь» была поставлена на пятое место (74%). Это свидетельствует о желании создать счастливые семейные отношения на традиционных ценностях любви и уважения друг к другу.

В рамках дисциплины «Психологическое сопровождение родителей» мы провели мастер-класс по сказке «Курочка Ряба», в которой затрагивается вопрос ценности «Жизни» в отдельной семье. «Золотое яйцо» в сказке выступает как появление новой жизни или Ребенка, талантливого, неординарного. В сказке мы видим, как родители травмируют ребенка, нанося ему физические и психологические травмы, с которыми он остается наедине с собой в жизни и достаточно одной капли, одного взмаха мышинного хвоста, чтобы оно разбилось. «Какое «золотое» сердце выдержит жестокость»? Эта сказка учит нас милосердию, быть внимательными к своим детям и способствовать их здоровьесберегающей социализации.

Таким образом, гендерно-ориентированное сопровождение здоровьесберегающей социализации детей предполагает кардинальное изменение как на государственном уровне, так и на уровне психолого-педагогической поддержки молодых семей для обеспечения нормотипичного психического развития.

Литература

1. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6(20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Приоритеты психолого-педагогической работы с поколением Z (зарубежный опыт) / Т. В. Ермолова, А. В. Литвинов, Н. В. Савицкая, О. К. Логвинова // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 4. С. 89–102.
3. Карелина Н. Л. Гендерные особенности поведенческих стратегий при проблемном использовании социальных сетей // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сборник статей V Международной научно-практической конференции (14–15 ноября 2024 г.) / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. Москва: Изд-во МГППУ, 2024. С. 474–483.
4. Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В. Психология семьи: жизненные трудности и совладение с ними. Санкт-Петербург: Речь, 2005. 239 с.: ил., табл.; 21 см.
5. Малинина Е. В. Клинические рекомендации по диагностике и лечению органического психического расстройства в детском возрасте // Российское общество психиатров. URL: psychiatr.ru. (дата обращения: 10.10.2022).
6. Мацук М. А. Изменения представлений об отце в возрастном диапазоне от дошкольного возраста до молодости: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Москва, 2008. 24 с.
7. Рубцов В. В. Психология образования в интересах детей // Психологопедагогические исследования. 2017. Т. 9, № 3. С. 2–18.
8. Гендерные и возрастные особенности психического здоровья детей и подростков / Е. Р. Слободская, О. С. Корниенко, М. В. Сафронова и др. // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2026. № 126(2). С. 109–115.
9. Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / А. Л. Журавлев [и др.]; под науч. ред. О. А. Белокрыкиной; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. 113 с.
10. Фромм Э. Душа человека. Москва: Республика, 1992. 430 с.
11. Harman J. J., Crook E., & Hines D. A. Alienative Parental Behavior: An Unrecognized Form of Domestic Violence. *Psychological Bulletin*. 2018; 144 (12): 1275–1299. URL: <https://doi.org/10.1037/bul0000175> (дата обращения: 12.04.2026).
12. Rostovtseva N., Rasskazova E., Tkhostov A., Tikhomandritskaya O. Cyberchondria as a component of hypochondriac behavior // *e European Psychiatry (United Kingdom)*. 2019; 63; S: 61–63.

13. Md. Abdullah-Al-Mamun. The Soft Skills Education for the Vocational Graduate: Value as Work Readiness Skills. *Journal of Education, Society and Behavioural Science*. 2012: 326-338.

PROBLEMS OF HEALTH-PRESERVING SOCIALIZATION OF MODERN CHILDREN

Abstract. This article examines the challenges of identifying value orientations that ensure sustainable health-preserving socialization of modern children. The problem of modern child socialization is examined in the context of developing adaptive resources for maintaining physical and mental health. It is demonstrated that health-preserving socialization of a child encompasses all levels of their mental health. The psychological mechanism of codependency as the basis for health-consuming (delinquent) socialization is examined. Factors influencing the development of value orientations related to family formation in modern adolescents are identified. The problems of the wide variability of role models of both maternal and paternal parenting in the modern world are highlighted. The concept of «gender-oriented support for health-preserving socialization of children» is defined. This concept is viewed as a step-by-step psychological and pedagogical support for children's implementation of a life strategy associated with expanding the subjective boundaries of the culture of family relationships while maintaining their physical and mental health.

Keywords: child socialization, health-preserving socialization, destructive families, the psychological mechanism of codependency, parenting role models, value orientations for family formation, gender-oriented support for health-preserving socialization, rating of basic life values of modern youth.

Сведения об авторе

Виноградова Нина Иннокентьевна, доктор психологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет, e-mail: vin57@list.ru

Худякова Татьяна Александровна, доцент, Забайкальский государственный университет, e-mail: tais45@list.ru

Vinogradova Nina Innokentievna, Phd, Professor Transbaikhal State University, Chita, Russia, e-mail: vin57@list.ru

Khodyukova Tatiana Aleksandrovna, Phd, Asossiated Professor, Transbaikhal State University, e-mail: tais45@list.ru.

ДОВЕРИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ШКОЛЕ С НИЗКИМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ ОБУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье представлен обзор подходов к исследованию доверия как базиса общества, ресурса его стабилизации в условиях трансформационных процессов, социального отношения с опорой на ожидания взаимной компетентности, ответственности. Феномен доверия к социальным институтам рассматривается в контексте взаимодействия семьи и школы. Включение общеобразовательной организации по итогам оценочных процедур уровня освоения образовательной программы учениками в реестр школ с низкими результатами обучения рассматривается как стигматизирующий фактор, способный обеспечить снижение доверия к школе. На основе результатов социологического исследования особенностей функционирования школ с низкими результатами обучения (на примере Иркутской области) установлена неустойчивость доверительного отношения родительской общественности к современной школе. Отмечается ослабление доверия родителей ШНРО к школе как социальному институту в сравнении с доверием учительскому корпусу и административной команде.

Ключевые слова: доверие, школа как социальный институт, дисфункции социального института образования, качество образования, низкие результаты обучения, школы с низкими результатами обучения, ШНРО.

Современная ситуация развития страны отмечена рядом дезинтеграционных процессов, которые усиливают значимость исследования феномена доверия как одного из ключевых атрибутов устойчивости общества, механизма реализации институциональных моделей формирования социального капитала. В условиях размытости социокультурных норм, снижения эффективности регуляторов, неопределенности социальной реальности именно доверие может стать неформальным стабилизирующим условием взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности, включая образование.

Сложность и многомерность концепта «доверие» представлена в научных трудах отечественных и зарубежных авторов, выполненных в логике социологического, философского, социокультурного, экономического, управленческого, психолого-педагогического подходов. В ходе эволюции аспекты изучения трансформировались от рассмотрения феномена в контексте моральных и нормативных оснований общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Руссо и др.), до позиционирования доверия как противодействия дезинтеграции общества, «важнейшей синтетической силы общества» (Г. Зиммель), ресурса «преддоговорной солидарности», основанного на культурной норме (Э. Дюркгейм), «механизма снижения онтологической неопределенности» (Э. Гидденс, Ф. Фукуяма, П. Штомпка), комплекса решений, которые принимаются в ситуации риска и зависят от действия субъекта взаимодействия (Дж. Коулмен), аспекта концепции взаимообмена ресурсами между подсистемами (Т. Парсонс).

Современные исследователи продолжают поиск фундаментального смысла и обобщение подходов к осмыслению концепта «доверие». Рассмотрению аспектов доверия как феномена, связанного с социальной структурой, значимого ориентира влияния на взаимодействие институтов, групп, индивидов; фундаментальной основы социальных процессов посвящены индивидуальные и коллективные работы. Многообразие трактовок понятия, подходов к исследованию представлено в работе С. Касталдо, основанной на применении компьютерного контент-анализа. Исследователь фокусирует внимание на деятельностном аспекте доверия, выделении его характеристик, проявлений по отношению к индивидам, группам, институтам [10].

Анализ экзистенциальных аспектов доверия, детерминант возникновения недоверия и потенциальных линий его преодоления проводит Е. В. Биричева. Автор подчеркивает слож-

ность исследований феномена, вызванную «плюрализмом трактовок», его сквозным характером, значимостью деструктивных последствий недоверия на всех уровнях социальных отношений [2]. Систематизации научных подходов к исследованию доверия посвящены труды И. В. Глушко, в которых феномен «доверие» рассматривается относительно исторического ракурса его понимания, трактовки содержания в призме различных социально-гуманитарных наук, исследовательских школ [3].

Результаты теоретических и прикладных исследований дихотомии «доверие-недоверие» представлены в коллективной монографии ученых НИУ ВШЭ. Авторы проводят анализ регуляторной функции концептов как функций гражданского общества, факторов экономического развития, основы социального капитала, аспектов формирования культуры доверия акторов [5].

Институциональный вектор исследования концепта «доверие» представлен в работах А. А. Жука, Д. С. Захаровой. Ученые эксплицируют понятие «доверие» в логике междисциплинарного подхода, проводят анализ конструкторов «институциональное доверие» и «доверие к институту», доказывая несостоятельность, асимметричность первого конструктора и релевантность применения в социальных науках второго. По мнению авторов, процесс формирования доверия к институту базируется на внутренних факторах индивида, соотносится с действующими нормами, правилами, санкциями, их носителями и гарантами [7].

Рассмотрению доверия как базисной проблемы образования посвящены труды отечественных социологов. Аспекты доверия высшей школе, концептуализации и формирования культуры доверия, позиционирования доверия как фундамента трансформации модели управления вузом, основы взаимодействия акторов в рамках реализации программ подготовки кадров нашли отражение в работах Г. Е. Зборовского, П. А. Амбаров, В. С. Каташинских, Н. В. Шабровой, Е. А. Шуклиной [4].

Изучение доверия к социальным институтам в условиях трансформирующейся реальности приобретает особую значимость. Доверие к школе рассматривается О. А. Донских, Ю. С. Захир, Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожевой как условие эффективности субъектов образовательного процесса, фактор качества образования, подтверждение лояльного отношения к системе образования. Вслед за О. В. Голубь и С. Б. Токаревой авторы размышляют о следующих уровнях проявления доверия: о доверии в диаде «учитель-ученик», для которого характерна персонифицированность; о деперсонифицированном доверии к профессионализму учителя; о доверии к институту образования, его целостности, верности стратегии развития, надежности функционирования. Исследователи полагают, что выводы об аспектах доверия к образовательным институтам необходимо формулировать на основе анализа ожиданий субъектов, их совпадения и несовпадения с условиями реальной среды получения образования, открытости, прозрачности, информативности взаимодействия субъектов в целях достижения академических целей обучающихся [6; 8].

По мнению Н. В. Шабровой, доверие к школе является важной стартовой точкой формирования доверия к образовательным институтам, специфическим предиктором доверия к высшему образованию. Разделяем позицию автора о значимости агентов первичной социализации (родителей) в формировании системы ценностных ориентиров получения новых знаний, норм поведения и отношения к институту образования, понимания его ценности в обеспечении социальной активности граждан, обеспечении социальной стабильности и безопасности общества, инвестирования в развитие социального капитала страны [9].

Проявлениями доверия к школе в данной работе считаем социальные отношения, основанные на взаимных ожиданиях достижения планируемых учебных результатов обучающимися как предикторов их успешной будущей карьеры и личностного развития, обусловленные профессиональными компетенциями педагогического коллектива, информационной открытостью, вовлеченностью родителей.

Высокая общественная ценность доверия к социальным институтам является основанием реализации стратегии обеспечения равного доступа к получению общего образования высокого качества независимо от географических, социально-экономических, этнографических,

социокультурных и иных факторов. Выделение на федеральном и региональном уровнях группы школ с низкими результатами обучения (ШНРО), распространенность феномена в масштабах страны рассматриваются проявлением образовательной стигматизации, дисфункцией социального института, барьером социальной интеграции, устойчивости общества.

Поскольку снижение результатов обучения школьников обусловлено социальными факторами, актуальным становится исследование специфики взаимодействия субъектов образовательного процесса, причин снижения доверия родителей к профессионализму педагогического коллектива, в связи с включением общеобразовательной организации в реестр ШНРО.

Социологическое исследование особенностей функционирования ШНРО Иркутской области (2022–2025 гг.) включало проведение анкетных опросов родителей и учителей школ, расположенных в городских и сельских поселениях муниципальных образований региона, отобранных в соответствии с предложенной типологией по риску возникновения низких результатов. Объем выборочной совокупности по категориям респондентов составил 240 родителей, 120 учителей [1].

В отношении получения школьного образования высокого качества акторы, в первую очередь, ориентированы на доверие профессиональным компетенциям коллектива. Высокий уровень сформированности профессиональных компетенций педагогического коллектива отмечается 56,3% родителей (75,8% учителей) приоритетным условием достижения высоких академических результатов, наряду с грамотностью реализации стратегии управления школой для 30,4% родителей (50% учителей). В оценках данных характеристик ШНРО, в которых обучаются дети респондентов-родителей, высокий уровень управления школой фиксируется 42,9% законных представителей обучающихся (58,5% учителей), подтверждение профессионализма учительского корпуса (владение предметным содержанием, доброжелательность и заинтересованность в успехах учеников) отмечается 36,3% родителей (56,7% педагогов). Лидирующие позиции в опросах респондентов условий получения общего образования высокого качества демонстрируют проявления доверия к школе в межгрупповом и организационном контурах.

Ожидание высокого качества обучения, стабильности академических достижений школьников на каждом уровне освоения образовательной программы выступает значимым предиктором формирования доверия к школе как социальному институту, транслятору образовательной политики государства. Анализ данных опросов, проведенных в рамках социологического исследования, демонстрирует солидарность учителей и родителей в оценках последовательного снижения качества подготовки учеников ШНРО в разрезе уровней обучения. Убежденность в высоком качестве реализации программ в начальной школе демонстрируют 54,2% учителей и 37,5% родителей, в 5–9 классах — 38,3% педагогов и 28,3% законных представителей школьников, в 10–11 классах — 37,5% и 24,6% соответственно. Ответы респондентов-родителей свидетельствуют о несоответствии уровня подготовки их ожиданиям, отмечая низкий уровень в начальной (2,5%), основной (5,4%) и «старшей» (7,5%) школах, при этом только 0,8% респондентов-педагогов отмечают низкое качество подготовки в 10–11 классах. Представленные результаты свидетельствуют о наличии недостаточности реализации ожиданий родителей к уровню профессиональных компетенций педагогического состава ШНРО и уровня качества подготовки как фундаментальных компонентов доверия к школе субъектов образовательного процесса.

Отметим, что о соответствии совокупности условий работы ожиданиям учительского корпуса ШНРО может свидетельствовать позиция респондентов-учителей относительно перспектив профессионального развития: 70% опрошенных планируют продолжить профессиональную деятельность именно в этой школе; 5,8% — в другой общеобразовательной организации.

Открытость, прозрачность информационного пространства школы рассматривается одним из факторов формирования доверия родительской общественности к школе. 51,7% родителей, принявших участие в исследовании, абсолютно согласны с информационной политикой школы относительно открытости и доступности сведений о достижениях ребенка в осво-

ении школьной программы; 34,2% родителей уверены, что их в полной мере информируют о различных аспектах деятельности школы. Однако только 27,9% законных представителей школьников заявляют о выстроенном взаимодействии с семьей, считают себя вовлеченными в деятельность школы.

В рамках проведенного социологического исследования институциональный уровень доверия к школе можно проследить на основе ответов респондентов относительно судьбы общеобразовательной организации после ее внесения в реестр ШНРО на основе анализа результатов независимых оценочных процедур, контекстных данных школы в соответствии с методикой, утвержденной региональным министерством образования. Респондентами отмечена вероятность негативного сценария функционирования общеобразовательной организации в статусе ШНРО, которому сопутствует увеличение социальной дистанции между семьей и учителями. Значительная доля респондентов из числа родительской общественности (34,2%) и педагогического корпуса (39,2%) полагают, что внесение в реестр приведет к снижению доверия родителей к коллективу школы, повышению напряженности взаимоотношений акторов образовательного процесса (19,6% родителей, 35% учителей), потере их мотивации (22,1% законных представителей, 35,8% педагогов). Установлена укорененность термина «школа с низкими результатами обучения» среди учителей и руководителей ШНРО, в связи с его безальтернативностью и ротацией с начала периода официального определения данной категории школ на федеральном и региональном уровне. Именно вариант «ШНРО» 35% учителей считают наиболее предпочтительным при оценке общеобразовательных организаций по уровню неуспеваемости по итогам оценочных процедур, что демонстрирует распространенность стигматизирующих последствий кластеризации общеобразовательных организаций в современной ситуации.

Таким образом, на основе результатов исследования можно проследить неустойчивость, фрагментированность проявлений чувства доверия родительской общественности к школе с низкими результатами обучения. Несмотря на приоритетность профессионализма учительского корпуса в достижении высоких учебных результатов, отмечается тенденция сохранения доверия в персонифицированном плане (по отношению к отдельным учителям), снижения доверия к профессиональному сообществу школы, вовлеченному в реализацию программ в 5–11 классах. Включение общеобразовательной организации в региональный реестр ШНРО может выступить провоцирующим фактором возникновения чувства недоверия и к педагогическому коллективу, и к школе, усилить несовпадение ожиданий родителей о качестве общего образования и, как следствие, доверие к школе как социальному институту. Полученные результаты исследования свидетельствуют об актуальности дальнейших исследований аспектов доверия родителей к ШНРО, значимости выстраивания партисипативных, прозрачных форм взаимодействия семьи и школы как важнейших социальных институтов, поиска механизмов повышения доверия родителей к современной школе, включая мероприятия по дестигматизации ШНРО на региональном и национальном уровнях.

Литература

1. Баранова Н. С., Истомина О. Б. Социологические основания исследования особенностей функционирования школ с низкими результатами обучения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2025. Т. 18, № 5. С. 196–206.
2. Биричева Е. В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2023. № 1. С. 4–17.
3. Глушко И. В. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества: методология трансдисциплинарного исследования и социальная реальность: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2016. 53 с.

4. Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2020. 382 с.
5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / А. Ю. Акимова, Н. А. Амерханова, И. В. Антоненко [и др.]. Москва: Изд-во Национ. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», 2013. 564 с.
6. Донских О. А., Захир Ю. С., Микиденко Н. Л. Доверие школе как критерий оценки качества образования // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 5. С. 171–177.
7. Жук А. А., Захарова Д. С. «Доверие к институту» vs «институциональное доверие» // Финансы и кредит. 2023. Т. 29, № 8(836). С. 1760–1780.
8. Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. Общественная ценность культуры доверия в школьном образовании // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 362–379.
9. Шаброва Н. В. Доверие родительского сообщества к школе и высшему образованию // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI в.: материалы всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. С. 361–366.
10. Castaldo S. Trust Variety: Conceptual Nature, Dimensions and Typologies: Paper Presented at the 19th IMP-conference in Lugano, Switzerland. 2003. URL: http://impgroup.org/paper_view.php?viewPaper=4317

PARENTAL TRUST IN SCHOOLS WITH LOW EDUCATIONAL RESULTS (BASED ON MATERIALS FROM THE IRKUTSK REGION)

Abstract. The article reviews approaches to conceptualizing trust as a societal foundation, a resource for stabilization under transformational conditions, and a social relationship predicated on expectations of mutual competence and responsibility. The phenomenon of trust in social institutions is analyzed within the framework of school-family interaction. The inclusion of a school in the register of schools with low educational results based on the assessment procedures of students' mastery educational programs is considered a stigmatizing factor capable of reducing trust in the school. Drawing on the results of a sociological study of the functioning of schools with low educational results in the Irkutsk region, the article demonstrates the fragility of parental trust in contemporary schooling. A weakening of parental trust in the school as a social institution is observed in comparison with trust in teaching staff and school administrators.

Keywords: trust, school as a social institution, dysfunctions of the social institution of education, quality of education, low educational results, schools with low educational results.

Сведения об авторе

Баранова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, руководитель Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников, Институт развития образования Иркутской области, e-mail: natalia.baranova.irkutsk@yandex.ru

Baranova Natalia Sergeevna, Candidate of Social Sciences, Head of the Center for Continuous Professional Development of Teaching Staff of the Institute of Education Development of Irkutsk Region, e-mail: natalia.baranova.irkutsk@yandex.ru

М. Т. Дзамыхова

Невинномысский технологический институт

М. Г. Мухидинов

Дагестанский госуниверситет народного хозяйства

Э. Д. Чагдунова

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова

КРИЗИС СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере республик Северного Кавказа и Бурятии)

Аннотация. Кризис семейных ценностей подтачивает саму основу нравственной культуры общества, сохранение которой является государственным приоритетом в современной ситуации. Статистика браков и разводов в таких регионах со стабильными традициями, как Северный Кавказ и Республика Бурятия, демонстрирует утрату ценности семьи. Исследование показывает, что причинами разводов выступают в первую очередь, экономические проблемы, а затем те, которые свидетельствуют об изменениях традиционных взглядов на роли в семейных отношениях супругов, их права и обязанности. При этом, особенно выделяются республики, где сильны исламские традиции и где женщина начинает активно отстаивать собственные интересы. Трансформация семейных ролей не свидетельствует об утрате ценности семьи и брака, скорее, демонстрирует факт эволюции семьи и необходимость пересмотра самих основ воспитания будущих мужчин и женщин.

Ключевые слова: ценность семьи, брак, развод, Северный Кавказ, Бурятия, традиционная семья, авторитет мужчины.

Отмечая наличие глубокого кризиса семьи в развитых странах, российские исследователи с горечью констатируют аналогичную ситуацию и в нашей стране, на которую не могло не обратить внимание государство. В ряде правительственных документов защита традиционных ценностей «рассматривается как одна из задач в сфере обеспечения национальной безопасности, так как именно они являются теми нравственными ориентирами, которые передаются от одного поколения к другому и формируют мировоззрение населения страны, лежат в основе национальной идентичности и культурного пространства страны. Они укрепляют гражданское единство, имеющее различные проявления в духовном, историческом и ином развитии народа РФ» [4, с. 18]. Однако, несмотря на усилия государства, направленные на сохранение традиционных ценностей, организацию и проведение года Семьи, всемерную экономическую поддержку молодых семей, кризис все более углубляется.

Наше исследование посвящено осмыслению проблемы в одних из самых традиционных культурных ареалах России — в Бурятии и на Северном Кавказе. Данные регионы различаются менталитетом, образом жизни, религиозными установками и этническим составом, однако если рассматривать их как маркер происходящих в целом в стране тенденций, они вполне репрезентативны.

На Северном Кавказе самой многонациональной республикой в составе Российской Федерации является Дагестан — в ней проживает около 100 различных коренных этносов, среди которых русские составляют менее 4%. Чеченская Республика, напротив, самая мононациональная республика Кавказа, в которой более 92% населения представляют чеченцы. Карачаево-Черкессия, как и Дагестан, является многонациональной республикой, в которой проживает более 80 этносов, при этом 48% здесь составляет русское население. В среднем около 90 процентов жителей Северного Кавказа исповедуют ислам, что обеспечивает традиционность повседневного уклада и сохранение культурного наследия.

Национальный состав Республики Бурятия также разнообразен и насчитывает по результатам Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. более 120 национальностей и этнических групп [1], при преобладании русского и бурятского этносов. Здесь сложилась уни-

кальная поликонфессиональность: мирно сосуществуют буддизм, православие, шаманизм, католическое и протестантское христианство, ислам, вера бахаи, кришнаизм и др. В сознании жителей республики господствует примордиалистский подход, когда принадлежность к этносу определяет религиозный выбор, хотя повседневная практика демонстрирует бытовой синкретизм. В одной семье (независимо от национальной принадлежности) празднуются праздники православного и буддийского календаря, соблюдаются обычаи и традиции не только этих основных конфессий, но и шаманские.

В 2024 г. в Бурятии было заключено 5 308 браков и зарегистрировано 5 000 разводов. В этом же году в Дагестане было заключено 6 846 браков и зарегистрировано 14 458 разводов, в Карачаево-Черкесии 1801 брак и 2018 разводов, в Чеченской республике — 2659 браков и 6559 разводов [2; 9]. Эти данные соответствуют общей тенденции в России, что свидетельствует о значительном падении традиционной ценности семьи, брачных отношений в сознании молодых супругов.

Значительно большее количество разводов в Дагестане и Чечне во многом объясняется экономическими проблемами, которые молодые семьи решают путем фиктивных разводов для того, чтобы одинокая мать могла получать выплаты от государства на детей [8]. Однако, эта причина разводов не является доминирующей, так как экономическая ситуация примерно одинакова на всем Кавказе и в регионах Дальнего Востока. При этом такого процента разводов, как в Дагестане и Чечне (республиках, где очень сильны традиции ислама и где роль женщины в семейной жизни не менялась в течение веков), не наблюдается в других республиках Кавказа и в Бурятии (где женщина обрела большую свободу в выборе собственной жизненной стратегии). Среди аргументов в пользу развода также доминируют несовпадение характеров, разные взгляды на обязанности супругов в семейной жизни, недостаточный вклад в материальное благополучие семьи обоих супругов, вмешательство в отношения со стороны родителей и т.д., что, в целом демонстрирует отсутствие готовности молодежи к исполнению традиционных ролей мужа, жены, невестки, зятя, родителей.

В наших республиках традиционное воспитание всегда было направлено на формирование мальчиков как будущих глав семей, добытчиков, мужественных и сдержанных мужчин. Девочек же воспитывали как будущих хозяек, матерей, скромными и трудолюбивыми, уважительными к старшим. Слом устоявшейся системы произошёл, на наш взгляд, исторически закономерно, так как изменения в ментальности человечества происходят в последние века довольно ощутимые.

В Бурятии переход от традиционной многопоколенной семьи к нуклеарной произошёл в связи с быстрой урбанизацией советского периода, на Кавказе совместное проживание родителей и взрослых детей, создавших свои семьи, встречается до сих пор, и здесь традиционно огромную роль играют в семейных отношениях свекрови, которые доминируют над молодыми невестками, не обращая внимания на то, что те уже обладают высшим образованием, профессией, стремятся к самореализации [7]. Свекрови во всем поддерживают своих сыновей, обвиняя в семейных проблемах невесток, призывая их заниматься домом, детьми, обслуживать мужа, быть покорными и терпеливыми, даже если муж поднимает на них руку. Современная женщина Кавказа, видя другие образцы семейных отношений в современном мире и в России в целом, не хочет терпеть подобного диктата ни со стороны родителей, ни со стороны мужа, не желает превращаться в обслуживающий персонал и машину для рождения детей [5].

В то же время мужчины, как в Бурятии, так и на Кавказе, обвиняют женщин в чрезмерной требовательности к способности мужа обеспечить семью материально. На форумах в Интернете они делятся жалобами на «баб, которые обнаглели». Женские запросы на комфорт, красивую и богатую жизнь они не в состоянии удовлетворить либо из-за отсутствия работы, либо из-за собственной не предприимчивости и лени, готовы разводиться и искать другую жену, более покладистую и нетребовательную, или же жестко «воспитывать» «обнаглевшую» жену.

На самом деле, в современной экономической ситуации (особенно в регионах с низкой занятостью) один человек не в состоянии оплатить ипотеку, содержать семью с двумя-тремя

детьми и машину. Чтобы выжить семье, женщина должна работать, практически не выходя в декрет. Но мужчина в этих обстоятельствах не перестраивается: он не идет в декрет, не берет на себя школу, уборку и приготовление пищи, потому что это «не мужское занятие». Вместо этого он уходит в компьютерные игры, алкоголь, поиск виноватых, то есть, занимает позицию ребенка, за которого кто-то должен решать возникающие проблемы. Их решает женщина, которой становится не нужен слабый муж в качестве старшего сына. Женщина в России сегодня ведет собственный бизнес, работает в государственных учреждениях, воспитывает детей, водит автомобиль, путешествует и ощущает себя самодостаточной.

В таких условиях авторитет мужчины, незыблемый в традиционной культуре, теряется, что проявляется не просто пренебрежительными отзывами супруги о своем муже, но и смелой его места за обеденным столом, где зачастую в «красном углу» восседает теперь ребенок, посаженный туда женой, ставшей главой семьи и основной добытчицей, либо она сама. Дети видят эту нетрадиционную модель семьи и сами впоследствии неосознанно ее воспроизводят, так как уже оказываются не в состоянии выполнять традиционные роли. То же самое происходит в ситуации неполных семей, где мать в одиночестве пытается внушить ребенку установки о том, какой должна быть семья.

Современные молодые родители мало внимания уделяют воспитанию детей, проводя слишком много времени в сети, эту функцию они передоверяют искусственному интеллекту, очень рано предоставляя детям доступ в Интернет, где дети получают ответы на свои вопросы, формируются как личности. В результате утрачивается родной язык, обычаи и традиции, дети лучше владеют иностранными языками, на которых смотрят мультфильмы, сериалы и играют, усваивают мультикультуральные ценности, лишённые привязки к этническим. Происходит утрата нравственных основ, питающих саму национальную культуру, спасение которой сегодня стало основной целью государственной политики в области воспитания, образования и поддержки молодых семей.

В Бурятии, где нет доминирующей религии, где культуры разных народов за многие столетия сблизились и большой разницы в семейных традициях мало, женщины, как и в России в целом, проявляют силу воли, упорство в достижении поставленных карьерных целей, зарабатывают деньги, содержат семью, зачастую и мужа. У молодежи растут настроения «чайлдфри», жизни в свое удовольствие, мысли о том, что в современном мире безответственно давать жизнь детям, которые должны будут мучиться в скором будущем от недостатка материальных ресурсов для достойной жизни, что их нежелание продолжать род продиктовано заботой о будущем человечества. Особенно большую роль играет в данной ситуации распространение западных ценностей свободы в отношениях, допустимость поиска наилучшего брачного партнера через путь пробных браков, сожительства, установки на чайлдфри.

В то же время не следует упускать из внимания тот факт, что в России все больше возрастает демографический дисбаланс — число женщин превышает число мужчин. Здесь сказываются последствия прошедших в XX в. войн, унесших миллионы жизней и ведущиеся сегодня военные действия. Помимо этих потерь, мужчины зачастую не могут справиться с эмоциональным давлением из-за собственной неспособности обеспечить семью и уходят из семьи, даже из жизни добровольно, из-за алкоголизма, ДТП, или в результате болезней, которые не в состоянии заметить вовремя и принять меры для выздоровления. Женщины привыкают рассчитывать только на себя, так как обладают способностью к быстрой адаптации, сформированной двойной нагрузкой, которую несли всегда — работа и дом. Получив свободу выбора, женщины не хотят возвращаться к терпению в ущерб себе и своим интересам, превращаться в обслуживающий персонал для семьи и уходят.

Судя по статистике, тысячи женщин по всей стране — от Махачкалы до Улан-Удэ и дальше приходят сегодня к очевидному выводу: семью сохранит только взаимное уважение и партнерство. Мужчинам необходимо адекватно ответить на этот запрос: научиться брать на себя решение бытовых вопросов, стать более эмоционально отзывчивыми, с уважением относиться к супруге, заниматься воспитанием детей, тогда, возможно, разводов станет меньше, а семьи будут крепче. И это не война полов, а необходимая эволюция семейно-

брачных отношений, требующая пересмотра традиционного воспитания будущих супругов с детства.

Литература

1. Дом Дружбы Народов Республики Бурятия. URL: <https://дом-дружбы03.рф/dom-druzhby-narodov-respubliki-buryatiya>
2. Ибрагимов М. В Дагестане стало больше разводов и меньше браков // Сетевое издание «Мирмол». URL: <https://mirmol.ru/novosti/v-dagestane-stalo-bolshe-razvodov-i-menshe-brakov/>
3. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. распоряжением правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/?ysclid=mppjjm4281959339308>
4. Рыженков А. Я. Защита семейных ценностей в российском праве: вопросы теории и практики // Правовая парадигма. 2024. Т. 23, № 2. С.16–25.
5. Семенов А. Детские пособия и ислам: почему на Северном Кавказе так часто разводятся // Такие дела. 14.09.2025. URL: <https://dzen.ru/a/aMRTQk0smG6PnIWO>
6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mppjgbv9ug57778592>
7. Чеченские женщины слишком много на себя берут. URL: <https://etokavkaz.ru/obshchestvo/chechenskie-zhenshchiny-slishkom-mnogo>
8. Эпидемия разводов в России — реальных и фиктивных. В лидерах — республики Кавказа // Новые Известия. 03.12.2023. URL: https://newizv.ru/news/2023-12-02/epidemiya-razvodov-v-rossii-realnyh-i-fiktivnyh-v-liderah-respubliki-kavkaza-424553?ysclid=mpoz352qr4348953766&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru
9. Statbase / Статистика и наборы данных. URL: <https://statbase.ru/data/ru3-number-of-marriages-by-region-national-stat/>

FAMILY CRISIS IN MODERN RUSSIA (Based on the North Caucasus Republics and Buryatia)

Abstract. The crisis of family values is eroding the very foundations of society's moral culture, the preservation of which is a state priority in the current situation. Marriage and divorce statistics in regions with stable traditions, such as the North Caucasus and the Republic of Buryatia, demonstrate the loss of family values. The study shows that the primary causes of divorce are economic problems, followed by those that indicate changes in traditional views on the roles of spouses in family relationships, their rights, and responsibilities. Moreover, republics with strong Islamic traditions and where women are beginning to actively defend their own interests stand out. The transformation of family roles does not indicate a loss of value for family and marriage, but rather demonstrates the evolution of the family and the need to rethink the very foundations of raising future men and women.

Keywords: family value, marriage, divorce, North Caucasus, Buryatia, traditional family, male authority.

Сведения об авторах

Дзамыхова Марина Теовежевна, кандидат философских наук, доцент, Невинномысский технологический институт, e-mail: sgu.marishka@mail.ru

Мухидинов Магомед Госенгаджиевич, кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, e-mail: muhidinov59@mail.ru

Чагдурова Эржена Дондобовна, кандидат философских наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, e-mail: chagd60@mail.ru

*Dzamykhova Marina Teovezhevna, Cand. Sci. (Philos.), Asossiated Professor, NCFU
Nevinnomyssk Technological Institute, e-mail: sgu.marishka@mail.ru*

*Mukhidinov Magomed Gosengadzhievich, Cand. Sci. (Ped.), Asossiated Professor, Dagestan
State University of National Economy, e-mail: muhidinov59@mail.ru*

*Chagdurova Erzhen Dondobovna., Cand. Sci. (Philos.), Asossiated Professor, Dorzhi
Banzarov Buryat State University, e-mail: chagd60@mail.ru*

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы важности коммуникативной компетентности в современном обществе. Навык коммуникации является одним из внешних проявлений целостности личности. Конфликтность неизбежна в условиях субъективности. Личность как система социальных связей должна преодолевать объективные причины экзистенциальной изолированности другого. Коллективный невроз — это следствие глубинных системных кризисов, в том числе и в брачно-семейной сфере. Отмечается особая роль навыка коммуникации в отношениях между супругами, а также в системе детско-родительских взаимодействий. Акцентируется внимание на барьерах при коммуникации. Конфликт рассматривается как выход из личностного, институционального и общественного кризиса через навык осознанной, гибкой коммуникации. Подчеркивается особая роль медиатора в восстановлении коммуникативной функции социальных взаимодействий.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная компетенция, навыки коммуникации, конфликт, медиация, медиатор, брак, семья.

1. Навык коммуникации как проявление целостности личности

Плохие отношения между людьми — одна из самых частых причин внутренних расстройств и даже болезней. Конфликты часто рождаются из иллюзии, что мы можем до конца понять другого. Но понять другого человека невозможно — каждый из нас экзистенциально изолирован, словно в платоновской пещере, где каждый прикован к своему месту и уверен, что лишь его реальность истинна [5, с. 295–296]. Чем настойчивее мы пытаемся доказать свою правоту, тем сильнее звучит ответное сопротивление, ведь у каждого есть глубокая убежденность в правильности своей «пещеры».

Чтобы конфликт сменился диалогом, важно научиться коммуникации. Это не умение убеждать, а искусство сообщать о себе. Грамотная коммуникация начинается тогда, когда я говорю от себя, о своих чувствах, мыслях, желаниях — спокойно, конкретно, без обвинений. Это своего рода открытое окно в стене той самой пещеры.

В этом есть особая сила уязвимости: проявиться первым — значит обнажиться, стать беззащитным, но без ожиданий ответной реакции. Мы можем открыться, но это не обязывает другого ответить тем же. Требовать понимания или поддержки — значит нарушать сам принцип общения. Нельзя насильно менять волю другого, думать за него или ждать определенных реакций. Каждый человек — не объект, а субъект, целостная личность, отделенная от нас границами, первой из которых является кожа. Выбор дистанции для комфортного взаимодействия — это и есть уважение к этим границам, условие, при котором контакт возможен без слияния и потери себя.

В коммуникации также не стоит брать роль спасателя. Каждый человек уже обладает внутренней целостностью и всем необходимым для своей жизни. Это голографический принцип бытия: в каждом из нас, как в малой вселенной, есть всё — и свет, и тень [3, с. 28]. Даже если человек кажется слабым, играет роль жертвы или просит совета, важно помнить: перед нами Личность, в которой уже заключены все возможности и ответы.

Коммуникация — задача непростая, но именно через неё мы становимся личностью. Личность — это система связей, узоров взаимоотношений с теми, с кем мы вступаем в диалог. Чтобы строить отношения, важно сначала обрести внутреннее состояние гармонии. Формула проста: сначала состояние, потом отношения, затем задачи. Но часто мы забегаем вперёд, увлекаясь делами, игнорируя своё состояние и отдаляясь от самых важных людей — семьи и близких.

«Нарцисс» никогда не бывает счастлив. Истинное обогащение приходит через отдачу: вкладываясь в значимые связи, мы вкладываемся в себя, растем. Пренебрегать общением с близкими в погоне за достижениями — значит причинять ущерб собственной душе.

Как сказал Лев Толстой, все счастливые семьи похожи друг на друга. [7, с. 9] Всякая подлинная, здоровая основа проста и универсальна. Подобно тому как Воланд в «Мастере и Маргарите» заметил: «Человек не изменился за последние несколько тысяч лет» [2, глава 12] Суть — в бытии, а не в кажущемся. «Быть» и «бытие» — слова одного корня. Быть — значит быть настоящим, здесь и сейчас, в повседневности, в кругу близких, в осознанной жизни. Это путь к зрелости, мудрости и целостности.

Таким образом, коммуникация — не просто обмен словами, а практика взаимного уважения, принятия непонимания и бережного отношения к границам — своим и чужим. Она напоминает нам, что, оставаясь отдельными, мы можем быть вместе, сохраняя свою целостность и признавая целостность другого.

2. Современное общество в поисках целостности: от невроза к осознанной коммуникации

Современное общество часто пребывает в состоянии коллективного невроза, где восприятие искажено автоматическими реакциями. Одной из самых ярких иллюстраций этого является зависть. Мы склонны видеть лишь внешнюю оболочку чужих успехов — «завидующие глаза» замечают только достоинства и благополучие других, не заглядывая за кулисы. А там всегда скрыт труд, вложения, жертвы и своя сложная история. Объективной основы для зависти нет, ведь мы сравниваем свою внутреннюю реальность, со всеми ее сомнениями и трудностями, с тщательно отобранной внешней картиной чужой жизни.

Этот разрыв порождает одиночество, хотя мудрость гласит: легче идти одному, но вместе — дальше. Эта идея находит глубокое отражение в понимании союза, например, в браке. В православной традиции брак — это таинство, создание единой плоти [6, с. 15], требующее выработки особого характера взаимоотношений. Цель — не найти идеального партнера, а через коммуникацию и взаимное принятие сглаживать недостатки друг друга, чтобы система союза функционировала благополучно.

Здесь вступает в силу закон систем: система благополучна не тогда, когда ее элементы безупречны по отдельности, а когда они функционально взаимодействуют. Этот принцип применим и к более широким человеческим отношениям. Каждый из нас, особенно в детстве, но часто и во взрослом возрасте, несет в себе страх, боль и ощущение несправедливости мира. Задача родителей, а затем и нас самих по отношению к близким — создавать безопасное пространство, учить доверию и позиции ученика перед жизнью. Важно научиться выстраивать коммуникацию, договариваться, компенсирова собственные недостатки за счет синергии с другими. И вновь ключ — не в качестве отдельных «элементов», а в характере их связи.

Взрослая позиция рождается тогда, когда мы отказываемся от иллюзий — как в отношении других, так и в отношении себя. Это признание собственного несовершенства без требования совершенства от окружающих. Но что же тогда позволяет нам взаимодействовать? Добродетель, оказывается, заключена не во мне и не в вас по отдельности, а в пространстве между нами — в характере взаимоотношений, выстроенных на основе духа уважения, принятия и, в высшем смысле, любви. Это совместное творчество, где рождаются новые, «срединные» варианты понимания и бытия.

Проблемы, возникающие на одном уровне, часто решаются выходом на уровень выше. Конфликты и психологические претензии к другому — это сигнал. Важно вспомнить, что человек является не источником, а скорее носителем проблем, на которые влияет сложный средовой и внутренний фактор. Каждый из нас, с антропологической и духовной точки зрения, сочетает в себе несовершенство и неотчуждаемое достоинство. Признавая это в себе и в другом, почва для претензий теряет свою твердость.

Все мы, живые существа, уязвимы, эмоциональны и полны ожиданий. Мы часто бессознательно ждем взаимодействия с идеальным партнером, которого не существует. Конфликт

тогда становится не просто проблемой, а точкой бифуркации — узлом, который, как в китайской концепции, означает и проблему, и возможность [4]. Именно боль, кризис в отношениях заставляют человека подняться на мета-уровень, обратиться к смыслу, к метафизике, к духовным основам жизни.

Однако здесь есть важная оговорка. Обращаясь за ответами, например, к некоторым направлениям современной психологии, человек может столкнуться не с исцелением, а с усугублением разрыва. Когда анализ, например, родителей, превращается в их оценку и осуждение, это может вступать в противоречие с глубокими этическими принципами, выраженными в заповедях «почитай отца и мать», стоящих в одном ряду с «не убий» и «не укради» [1]. Подлинное исцеление отношений лежит не в суде, а в прощении; не в разоблачении, а в воссоздании связи на новом, осознанном уровне.

Таким образом, путь из невроза к целостности лежит через гибкую коммуникацию, отказ от иллюзий, принятие системной природы отношений и восхождение к духовному измерению, где признается священное достоинство другого, даже в его несовершенстве.

3. Медиативная навигация: искусство жить в мире субъективных реальностей

Истинная причина конфликтов кроется в самой природе человеческого восприятия. Медиаторам известно: единственная объективная реальность — это непреодолимая субъективность каждого из нас. Обычный человек зачастую даже не допускает, что мир другого может быть устроен иначе. И от этого осознания — или его отсутствия — рождается искренняя боль и страх, ведь столкновение двух вселенных неизбежно.

Роль медиатора в этом хрупком пространстве — стать проводником и предоставить систему навигации. Не истину, а карту и компас для путешествия по лабиринту взаимоотношений, где у каждого — свои координаты.

Столпы зрелой позиции, которые открывает такая навигация:

1. Освобождение от ожиданий. Мы учимся мягко снимать их не только с других, но и с себя. Перестаем ждать, что люди будут соответствовать нашим проекциям, и разрешаем себе не оправдываться за собственную сущность.

2. Фокус на личной ответственности. Взрослая позиция — это ясное понимание: я отвечаю лишь за свои мысли, чувства и поступки. Я не несу ответственности за других, как и они — за меня. Их оценки и мнения — их собственная территория. Даже абсолютное добро, воплощённое в Христе, не было гарантией понимания или благодарности. Поэтому мы отпускаем тщетные ожидания и того, и другого.

3. Отказ от миссии переубеждения. Когда принимаешь, что мир, люди и ты сам несовершенны, исчезает потребность что-либо доказывать, объяснять или агитировать. Никому и ничего. Взрослая коммуникация — это не борьба за правду, а спокойное информирование. Сообщение о себе, своей позиции или границе, произнесённое из состояния внутренней нейтральности, без требования конкретной реакции в ответ.

4. Опора на внутреннее состояние. Главным компасом становится собственное состояние — целостность, покой, ясность, — а не внешний шум одобрения или порицания. Важно не то, что подумают, а то, насколько я остаюсь в ладу с собой.

Таким образом, взрослая позиция — это трезвое и мужественное плавание в океане субъективных реальностей. Это искусство сообщать, но не настаивать; чувствовать, но не требовать; быть, не ожидая, что другие оценят это «бытие» по достоинству. Это и есть высшая грамотность в диалоге с миром и с собой.

Литература

1. Библия. Послание к Ефесянам. URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/eph/1>
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Москва: РИПОЛ классик, 2022. 448 с.
3. Золотухина-Аболина Е. В. «Чудо, лежащее в основе мира»: голографический дискурс // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1(113). С. 27–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chudo-lezhashee-v-osnove-mira-golograficheskiy-diskurs> (дата обращения: 22.02.2026).
4. Кризис — это возможность. URL: <https://tenchat.ru/media/111367-krizis--eto-vozmozhnost>

5. Платон. Государство. Книга седьмая (в переводе А. Н. Егунова) // Собрание сочинений: в 4 томах. Москва: Мысль, 1994. Т. 3. С. 295–296. (Философское наследие).
6. Таинство брака / прот. Геннадий Нефедов. Москва: Паломникъ, 2005. 96 с.
7. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман. Москва: Эксмо, 2011. 962 с.

COMMUNICATIVE COMPETENCE IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article discusses the importance of communicative competence in modern society. Communication skill is one of the external manifestations of personality integrity. Conflict is inevitable in the context of subjectivity. Personality as a system of social connections must overcome the objective causes of the other's existential isolation. Collective neurosis is a consequence of deep-seated systemic crises, including in the marital and family sphere. The special role of communication skills in the relationship between spouses, as well as in the system of child-parent interactions, is noted. Attention is focused on barriers in communication. Conflict is seen as a way out of a personal and social crisis through the skill of conscious, flexible communication. The special role of the mediator in restoring the communicative function of social interactions is emphasized.

Keywords: communication, communicative competence, communication skills, conflict, mediation, mediator, marriage, family.

Сведения об авторе

Рубан Лия Альбертовна, профессиональный медиатор, специалист в брачно-семейных отношениях, руководитель, Институт медиации, e-mail: liyalibra@yandex.ru

Liya Ruban, professional mediator, specialist in marriage and family relations, head, Institute of Mediation (Novosibirsk), e-mail: liyalibra@yandex.ru

СЕМЬЯ КАК ОСНОВАНИЕ ЗАКОНА В СОЦИАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому обоснованию тезиса о том, что семья обретает качество первичной опоры легитимного социального порядка не только через родственные связи, но и через обладание общей собственностью. Общая собственность укореняет семью в правовой и хозяйственной сферах государства. Автор выделяет два взаимосвязанных измерения закона: как позитивного правового установления и как объективной социальной закономерности. На основе реконструкции истории социальной мысли (от Аристотеля до Ханны Арендт) статья демонстрирует устойчивую связь семьи и собственности. При анализе были выявлены теоретически значимые концепции, на основе которых в статье построена теоретическая модель. Данная модель показала, что семейная собственность выполняет три конститутивные функции: субъекта права, демографическую и нормативную. Лишение семьи собственности как материальной основы интерпретируется в качестве механизма, порождающего самовоспроизводящуюся структурную аномию. Данный механизм лишает семью способности выполнять ключевые социальные роли и ведет к замещению автономных семейных союзов прямым государственным контролем. Теоретическая модель уточняется через феминистскую критику и подкрепляется данными современных эмпирических исследований. В заключении статьи обоснована необходимость целенаправленных правовых гарантий семейного имущества как фундамента воспроизводства социального порядка.

Ключевые слова: семья, собственность, социальный порядок, легитимность, закон (позитивное право), закон (объективная социальная закономерность), семейное имущество, функции семьи, семья как субъект права, структурная аномия, экспроприация.

Введение. Данная статья исходит из тезиса: семья обретает качество первичной опоры легитимного социального порядка не через кровное родство, а через обладание общим имуществом, которое укореняет ее в правовой и хозяйственной сферах государства. Разрушение этой материальной основы лишает семью способности поддерживать публичный порядок, провоцируя дисфункцию ее ключевых социальных ролей.

Данный тезис будет развернут в двух взаимосвязанных измерениях закона. Во-первых, закон понимается как позитивное правовое установление, которое оформляет и защищает семейное имущество. Во-вторых, закон трактуется как объективная, внутренне присущая социальному порядку тенденция, обнаруживающая себя в устойчивой связи между собственностью, целостностью семьи и самостоятельным воспроизводством общества. Показав, каким образом социальная философия последовательно фиксировала эту двойную природу закона, мы синтезируем полученные инварианты в авторскую модель и проверим ее объяснительную силу на материале современных исследований аномии.

Связь собственности и семьи в истории социальной мысли.

Уже в Античности проблема связи семьи, собственности и порядка осмыслялась в категориях, близких к различению двух измерений закона. Аристотель в «Политике» определил семью как первый вид общения, служащий удовлетворению повседневных потребностей, и прямо назвал фундаментом ее жизни имущество: землю и средства ее возделывания [2, с. 377]. Собственность для Аристотеля неотделима от самого понятия дома, выступая безусловным условием существования семьи как таковой [2, с. 381]. Понятие закона для Аристотеля присутствует как неотъемлемый порядок природы человека, в котором семья невозможна без своей хозяйственной основы.

Цицерон перевел проблему в публичную и правовую плоскость, связав появление у семьи дома и иного имущества с воспроизводством самого гражданского строя [14, с. 72]. Обязан-

ность главы семейства заботиться о материальном благополучии семьи Цицерон поставил в один ряд с заботой об отечестве: нравственный долг гражданина прямо выражен в материальном обеспечении домашнего хозяйства [14, с. 73]. Тем самым было обозначено правовое измерение закона: имущественная состоятельность семьи выступала условием полноправного гражданства.

В средневековой парадигме социальной мысли Фома Аквинский (1225–1274 гг.) посредством труда «Сумма теологии» истолковал обладание собственностью как выражение естественного закона (разумное установление в мире от Бога) и условие гарантии общественного порядка, препятствующее социальной вражде [12, с. 54]. Во избежание упадка государства Фома прямо указал на необходимость государственного урегулирования имущественных отношений: через равномерное распределение, запрет вечного отчуждения и порядок наследования [12, с. 261]. Частная собственность оказывается включенной в социальный мир и служащей его стабильности, а сохранение существующего разделения собственности посредством семейных союзов прямо связано с благосостоянием семьи. Кроме того, специфика христианской мысли предписывает, чтобы семейное имущество становилось фундаментом для исполнения предписаний помощи малоимущим [12, с. 262]. Можно предположить, что, согласно средневековой парадигме, естественный закон требует правового оформления семейной собственности для поддержки общества в состоянии мира.

Представитель эпохи Возрождения Жан Боден (1530–1596 гг.) концептуально разграничил правовые установления и предписания естественного закона. В труде «Шесть книг о республике» Боден дал определение, которое прямо связало семью, общее имущество и государство (поняв под государством республику), сделав семью не просто частью, а легитимным истоком политического порядка: «Республика — это законное правление нескольких семей и всего, что у них общего, обладающее суверенной властью» [15, с. 156]. Домохозяйство есть правление главы семейства над тем, что ему принадлежит [15, с. 180]. Власть отца семейства была понята Боденом как прямой прообраз суверенной власти [15, с. 182]. Одновременно Боден отрицал смешение общественной и частной форм собственности: смешение разрушает и порядок государства, и порядок семьи [15, с. 192]. Порядок, основанный на общности имущества, Боден прямо назвал противоречащим естественному закону, как упраздняющий сами узы, связующие семью и гражданское общежитие [15, с. 192]. Тем самым, в концепции Бодена естественный закон прямо диктует границы позитивному законодательству.

В раннее Новое время мысль о связи семьи и собственности усложняется через анализ пределов родительской власти. Гуго Гроций (1583–1645 гг.) в труде «О праве войны и мира», приняв право семьи на имущество как данность, сфокусировался на имущественной правоспособности детей. Гроций указал, что дети с раннего возраста обладают правом на собственное имущество согласно позитивному праву, но родители управляют их имуществом до обретения детьми самостоятельности [6, с. 242]. В среднем же возрасте родительская власть распространяется лишь на действия, значимые для уклада семьи [6, с. 243]. Тем самым собственность детей до их выхода во взрослую жизнь функционально включена в общее семейное имущество, а родительское управление выступало законным дополнением к естественной власти, необходимой для защиты семейного союза.

Мыслитель эпохи Просвещения, Джон Локк (1632–1704 гг.) в труде «Два трактата о правлении» продолжил обоснование права на собственность через естественное право, добавив труд человека как обязательное условие его достижение [8, с. 277]. Локк также отметил предел родительской власти над детьми и их имуществом до совершеннолетия. Достижение совершеннолетия детьми делает их полноправными собственниками, как и глав семейств [8, с. 298]. В этой логике Локк указал, что принятие наследства, обеспечиваемое государством правовым законодательством, укрепляет легитимность последнего [8, с. 303].

Таким образом, в концепциях Гроция и Локка, несмотря на различия в их подходах, прослеживается общая тенденция: авторы выводят фундаментальную связь семьи и собственности из естественного права, однако признают, что именно позитивное (государственное) пра-

во облакает эту связь в конкретные правовые рамки (институт семьи, достижение совершеннолетия, право наследования). Этими рамками обеспечивается стабильность как семейного союза, так и государства в целом.

Выявленная связь достигает своей кульминации у представителей позднего Нового времени Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814 гг.) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831 гг.).

Фихте в трактате «Основа естественного права» согласно принципам «наукоучения» описал брак как единый хозяйственно-правовой субъект, который в правовом поле представляет глава семейства [11, с. 285]. Отражает единство семьи как хозяйственно-правового субъекта и отмеченная Фихте специфика: в браке два имущества становятся одним, а при разводе разделу подлежит общая масса соразмерно вкладу обоих членов брака [11, с. 298]. Так, для Фихте объединение собственности служит точкой соприкосновения семьи с государством и фундаментом участия в гражданском обществе.

Гегель в «Философии права» углубил выявленную Фихте связь семьи, собственности и легитимного порядка до строгой правовой формы, не впад при этом в редукцию семьи как к совокупности экономических отношений. Согласно Гегелю, семья происходит из нравственной любви, однако подлинную объективность и внешнюю правовую реальность семья обретает, только обладая собственностью [5, с. 217]. Собственность, таким образом, не есть внешний атрибут семьи, а то, что впервые дает семейному союзу публичное и правовое существование. Связь брака и собственности, по Гегелю, засвидетельствована уже в мифологических сказаниях обоснования государств: введение прочной собственности всюду сопутствует введению брака, включая имущественную основу семьи в сам акт установления нравственного порядка [5, с. 218]. Лишенная такой основы семья осталась бы исключительно в сфере чувств и не могла бы выполнять функцию основания законного порядка общества.

Принципиально важно отметить, что те конкретные патриархальные формы, в которых Фихте и Гегель описывали семейный союз, были обусловлены их временем и не могут рассматриваться как предписания для современности. Содержательное же ядро их концепций фиксирует фундаментальное установление: только через объединение имущества и признание семьи единым правовым субъектом, семья обретает публичное существование. Такое установление не зависит от исторически преходящей формы главенства, сохраняя свою силу в условиях правового равенства полов.

Иная логика представлений о связи семьи и собственности была развернута Карлом Марксом (1818–1883 гг.) и Фридрихом Энгельсом (1820–1895 гг.) на основе анализа экономического базиса и генезиса семьи.

Согласно марксизму, частная собственность выделяется из родового владения и подчиняется главе семьи [9, с. 57]. Такой сдвиг утверждает патриархальный уклад семьи и соответствующий порядок наследования. Патриархальная семья ориентирована на контроль собственности и ресурсов в пределах контролируемой ею территории [9, с. 60]. Итоговая моногамная семья стала первой формой семьи, в основе которой лежат экономические условия: победа частной собственности над общей собственностью. Исключительной целью моногамной семьи становятся господство мужа в семье и рождение детей, наследующих его богатство [9, с. 68]. Так, семья превращается в миниатюрный срез классового строя и государства, который отражает присущие им противоречия. Тем самым в концепции марксизма становление семьи отражает закон уже как объективную тенденцию — внутреннюю логику развития общества.

Макс Вебер (1864–1920 гг.) с иных позиций подтвердил выявленную марксизмом связь собственности и происхождения семьи. Домашняя общность с ее всеобщим характером потребления и использования повседневных благ порождает базовые отношения почитания главы семьи. Семейный уклад закладывает основу для патримониальных отношений в обществе, которые построены на почитании авторитета [4, с. 41]. Патримониальные отношения, в свою очередь, становятся основными в традиционном господстве. Традиционное господство коренится в хозяйственном семейном союзе и предполагает власть, полученную по твердым

правилам наследования [3, с. 268]. Согласно традиционному господству, политическое управление осуществляется посредством прямого переноса логики власти домохозяйства на общество [3, с. 269].

Таким образом, у Вебера связь семьи, собственности и господства предстает не как историческая случайность, а как устойчивая социальная логика: семейно-хозяйственный уклад создает базовые отношения авторитета, которые через механизм патримониализма, оформляются в стабильный тип политического господства. В терминах настоящей статьи это может быть прочитано как проявление закона в его втором измерении как объективной тенденции, корнящейся в семейной собственности и определяющей траекторию развития социального порядка.

Немецко-американский философ Ханна Арендт (1906–1975 гг.) обнажила онтологическую глубину связи между собственностью, семьей и политическим статусом. Подлинная собственность семьи (дом) привязана к определенному месту и в известном смысле тождественна семье, занимающей это место. Отсутствие такой собственности означает отсутствие родового места в мире, исключая саму возможность участия в политической жизни. В свою очередь, исключение из политической жизни, лишает индивида защиты закона [1, с. 80]. Легитимность гражданского статуса произрастала из укорененной в частном владении семейной жизни.

Экспроприация как практика изъятия собственности разрушает базовое условие формирования личности, способной к политической ответственности, подрывая легитимность самого социального порядка [1, с. 91]. Проведенная реконструкция представлений социальной мысли о связи семьи и собственности демонстрирует, что такая связь не была периферийным сюжетом. Напротив, осмысление этой связи только усиливалось согласно усложнениям представлений о самой социальности.

В каждой из рассмотренных концепций собственность (земля, дом или общее хозяйство) оказывалась конститутивной для семьи как социального образования. Семья, в свою очередь, устойчиво мыслится как первичная единица социального порядка.

Модель: собственность как основание семьи и взаимосвязанные функции.

Анализ представленных подходов позволяет вычленить три фундаментальные функции, которые семейная собственность выполняет в социальном порядке.

Функция субъекта права. Только обладая общим имуществом, семья обретает публичное и правовое существование, становясь единым субъектом, способным вступать в правовые отношения с государством и другими общественными институтами. Собственность превращает семейный союз, изначально основанный на чувствах, в правовой субъект.

Демографическая функция. Устойчивая материальная база создает необходимые условия для образования новых семей и деторождения, обеспечивая тем самым естественное воспроизводство социального порядка.

Нормативная функция. Забота об общем имуществе и его передача по наследству формируют у индивида навыки долгосрочной ответственности, подчинения общим правилам и ориентации на будущее, что напрямую готовит его к участию в более широких социальных структурах. Семейная собственность выступает материальной основой нравственного воспитания.

Именно через эти три функции семья с укорененной собственностью становится первичной опорой социального порядка. Соответственно, экспроприация как изъятие семейной собственности должна подрывать их, что и предстоит проверить на социальном опыте.

Экспроприация и аномия: проверка модели.

Современная эмпирическая картина содержательно подтверждает выявленную закономерность. В условиях современности устойчивая материальная база семьи воплощена, прежде всего, в жилой недвижимости [20, с. 14]. Семьи рассматривают собственное жилье как основной актив. При этом продолжительный период жизни семьи без владения собственностью способствует ослаблению социальных связей и закреплению отказа от ее последующего приобретения [20, с. 17].

С точки зрения настоящей модели отсутствие собственности означает подрыв исполнения функции семьи как правового субъекта. Именно те семьи, владеющие жильем на правах собственности способны воспроизводить нормативный жизненный цикл: передача статуса и богатств наследникам, удерживая тем самым положение полноценных субъектов порядка. Тогда как семьи, лишённые собственности, лишены не только своего благосостояния, но и того «родового места в мире», которое делает человека способным к политическому участию и защищенным законом.

Одновременно страдает демографическая функция: отсутствие собственного жилья для проживания семьи оказывает прямое негативное влияние на формирование семьи и количество детей [21, с. 55]. Снижение рождаемости в условиях отсутствия собственного жилья есть не просто реакция на стесненные жилищные условия, а закономерный итог того, что семья перестала быть для экономики единицей, обладающей собственным ресурсом [19, с. 3].

Семья также перестает выполнять и нормативную функцию. Семья, ставшая лишь эмоциональным убежищем, а не экономической и правовой единицей, теряет свою актуальность для участия в более широких (экономических, религиозных, политических) целях общества [17, с. 59]. Лишенная материальной основы, семья перестает выполнять функцию передачи нормативов [10, с. 278].

В этом состоянии семья не может служить опорой социального порядка, оставляя индивида без посредников перед лицом безличных сил рынка и государства. Более того, в обществе, где традиционные группы, прежде всего семья, лишены функциональной основы, единственной доминирующей институциональной силой становится государство [17, с. 99]. Отсутствие материального основания (семейная собственность) и вызванное им падение авторитета института семьи неизбежно заполняется прямой политической властью. Такие изменения в обществе меняют саму природу легитимного порядка: социальный порядок перестает вырастать из автономных хозяйственных единиц и становится внешней, централизованной силой [17, с. 111].

Отсутствие семейной собственности и вызванная этим семейная нестабильность образуют самовоспроизводящийся цикл. Утрата имущественной основы систематически подрывает способность новых поколений обретать качества полноценных субъектов социального целого [16, с. 180].

Теоретический язык для описания таких изменений дает теория аномии (беззакония). Теория аномии демонстрирует, что институт семьи способен удерживать аномию самой угрозой утраты материальных благ, которая последует вместе с распадом семьи [7, с. 256]. С ослаблением влияния семейной группы возрастает риск проявления разрушительных актов индивида, в частности, возникает риск самоубийства индивида [7, с. 193]. С ослаблением влияния семейной группы возрастает риск разрушительных актов индивида; когда же разрушается и семья, и устойчивая регламентация, место семейной дисциплины занимает безграничное возбуждение желаний.

Также, состояние аномии воздействует на структурные основания общества [10, с. 247]. В условиях, когда нормативно предписанные цели (создание семьи, обретение жилья) блокированы социально структурированными путями их достижения, возникает давление, склоняющее индивидов к поведению, противоречащему общественным предписаниям [10, с. 244]. Таковыми действиями следует отнести отказ от создания семьи, отсрочка или отказ от деторождения, распад малообеспеченных детей.

Эмпирические данные подтверждают: продолжительное затруднительное положение семьи ведет к ее устойчивой дезадаптации. Дезадаптация семьи, в свою очередь, отражается в неадекватной социализации детей, выражающейся в конфликте с моральными и правовыми нормами общества [13, с. 136]. Новое поколение, не усвоившее нормы, не может быть способным к воспроизводству социального порядка.

Таким образом, лишение семьи имущественной основы оборачивается не частным ущербом, а объективным сдвигом социального порядка в сторону хронической аномии. Такая аномия из частного явления превращается в самовоспроизводящуюся структурную тенденцию.

Уточнение через феминистскую критику

Представленная модель нуждается в уточнении, которое задается феминистской критикой. Традиционная семья исторически была построена на гендерной асимметрии в распределении материальных благ: номинально общее владение прикрывало фактическое лишение женщин имущественных прав [18, с. 31]. Институт брака продолжительное время оставался неравноправным договором, условия которого навязывались женщинам без их реального согласия [18, с. 122]. Данная критика справедлива и требует различать собственность как инструмент угнетения и общее имущество как правовую основу автономии семьи.

Феминистская критика не отменяет предложенную модель, а выявляет условие ее подлинной реализации. Преодоление гендерной несправедливости предполагает применение принципов справедливости внутри семьи, включая равное участие в домашнем труде и равную защиту прав [18, с. 116]. Однако реализация этих принципов изначально требует наличия у семьи материальной базы, к которой могут быть привязаны правовые гарантии. В условиях отсутствия семейной собственности семья замкнута в режиме аренды и не в состоянии реализовать внутреннюю справедливость. Это обусловлено тем, что все члены семьи в равной степени зависят от внешних экономических сил. Именно модель имущественного основания семьи указывает на необходимое материальное условие для реализации принципов внутренней семейной справедливости, а не противоречит им.

Анализ представлений социальной мысли о связи семьи и собственности показал, что собственность устойчиво мыслилась как конститутивное основание семьи, а семья осмыслялась как первичная опора легитимного порядка. Продемонстрированная модель собственности как основания семьи в виде трех функций позволяет зафиксировать это отношение аналитически. Проведенный анализ подтвердил наличие двух измерений закона в их неразрывной связи.

Закон как позитивное установление фиксирует за семьей права полноценного субъекта общества и гарантирует неприкосновенность семейного имущества. Закон как объективная закономерность, внутренне присущая социальному обществу выражен в том, что связь семьи и собственности определяет саму возможность общества к устойчивому самостоятельному воспроизводству и удержанию социального порядка.

Теория аномии и современные эмпирические данные подтвердили, что разрушение материальной основы семьи закономерно порождает распад семьи на системном уровне и сопутствующую этому явлению депопуляцию. В таких условиях для сохранения социального порядка государство будет вынуждено замещать отсутствие автономных семейных союзов прямым государственным контролем. Именно разрыв связи семьи и собственности, превращает аномию из частного явления в самовоспроизводящуюся структурную тенденцию.

Таким образом, позитивное право, игнорирующее эту объективную социальную закономерность, подрывает собственные основания. Этот подрыв выражается в создании таких условий, которые затрудняют обретение семьей ее материальной базы, что постепенно разрушает социальный порядок, для защиты которого позитивное право существует. Семья, понятая как основание закона в его двойном аспекте, нуждается не просто в формальной фиксации своего статуса, а в целенаправленной деятельности по обеспечению материальных условий посредством реализации специальных правовых установлений.

На практике это означает целенаправленное создание условий для обретения семьей устойчивого общего имущества: доступного благоустроенного жилья и семейного транспортного средства при одновременных правовых гарантиях их неприкосновенности. Только располагая таким материальным основанием, семья способна обрести собственное «место в мире», укореняя тем самым право на собственность как неотъемлемую часть социального порядка. В противном случае позитивный закон рискует остаться формой без социального содержания, а общество рискует столкнуться с самовоспроизводящейся аномией, размывающей само основание социального порядка.

Литература

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина; под ред. Д. М. Носова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Аристотель. *Сочинения: в 4 томах* / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. И. Доватура. Москва: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с. (Философское наследие; т. 90).
3. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 томах* / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. Социология. 445 с.
4. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 томах* / пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. 2. Общности. 429 с.
5. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. Москва: Мысль, 1990. 524 с. (Философское наследие).
6. Гроций Г. *О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г.* Москва: Ладомир, 1994. 868 с.
7. Дюркгейм Э. *Самоубийство: социологический этюд* / пер. с фр. с сокращ.; под ред. В. А. Базарова. Москва: Мысль, 1994. 399 с.
8. Локк Дж. *Сочинения: в 3 томах* / пер. с англ. и лат.; ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. Москва: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.: ил. (Филос. наследие).
9. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения: в 39 томах* / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 2-е. Москва: Госполитиздат, 1955-1981. 1961. Т. 21. 745 с.
10. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. Москва: Изд-во АСТ, 2006. 873 с.
11. Фихте И. Г. *Основы естественного права согласно принципам наукоучения* / пер. с нем. А. К. Судаков. Москва: Канон+, 2014. 392 с. (История философии в памятниках).
12. Фома Аквинский. *Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 90-114*. Киев: Ника-Центр, 2010. 432 с.
13. Холостова Е. И., Шинина Т. В. *Социально-психологическая устойчивость семьи в современной России: монография*. Москва: Дашков и К, 2016. 342 с.
14. Цицерон М. Т. *О старости; О дружбе; Об обязанностях* / издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек, С. Л. Утченко; отв. ред. С. Л. Утченко. Москва: Наука, 1974. 245 с. (Литературные памятники).
15. Bodin J. *Les Six Livres de la République = De Republica libri sex. Livre premier = Liber I* / édition critique bilingue par M. Turchetti; texte établi par N. de Araujo; préface de Q. Skinner. Paris: Classiques Garnier, 2013. 828 p. URL: <https://classiques-garnier.com/les-six-livres-de-la-republique-de-republica-libri-sex-livre-premier-liber-i.html> (дата обращения: 03.05.2026).
16. Lichter D. T., Qian Z. *Children at Risk: Diversity, Inequality, and the Third Demographic Transition // Low Fertility Regimes and Demographic and Societal Change* / ed. by D. L. Poston, Jr.; co-editors S. Lee, H. G. Kim. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 169-192.
17. Nisbet R. A. *The quest for community: a study in the ethics of order and freedom*. New York: Oxford University Press, 1958. 303 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL21161766M/The_quest_for_community (дата обращения: 11.05.2026).
18. Okin S. M. *Justice, gender, and the family* / Susan Moller Okin. New York: Basic Books, 1989. viii, 216 p. URL: <https://books.google.com/books?id=8m1aAAAAMAAJ> (дата обращения: 18.05.2026).
19. Poston D. L., Jr. *The Context of Low Fertility Regimes and Demographic and Societal Change // Low Fertility Regimes and Demographic and Societal Change* / ed. by D. L. Poston, Jr., S. Lee, H. G. Kim. Cham: Springer International Publishing, 2018. C. 1-13. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-64061-7_1 (дата обращения: 07.05.2026).
20. Ronald R. *Why Families, Housing and Property Wealth?* / Richard Ronald, Rowan Arundel // *Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World* / ed. by Richard Ronald, Rowan Arundel. London; New York: Routledge, 2023. P. 1-28.

21. Rowlingson K., Overton L., Cook Ju. Housing and Intergenerational Relations: Family Support and the Mixed Economy of Housing in the UK // Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World / ed. by Richard Ronald, Rowan Arundel. London; New York: Routledge, 2023. P. 53-71.

FAMILY AS THE BASIS OF LAW IN THE SOCIAL ORDER

Abstract. This article provides a socio-philosophical justification for the thesis that the family acquires its quality as the primary support of a legitimate social order not only through kinship ties but also through the possession of common property. Common property anchors the family in the legal and economic spheres of the state. The author identifies two interrelated dimensions of law: as a positive legal institution and as an objective social law. Drawing on a reconstruction of the history of social thought (from Aristotle to Hannah Arendt), the article demonstrates the enduring connection between family and property. The analysis revealed theoretically significant concepts, which serve as the basis for a theoretical model. This model demonstrates that family property fulfills three constitutive functions: that of a legal entity, a demographic function, and a normative function. The deprivation of family property as a material foundation is interpreted as a mechanism generating self-perpetuating structural anomie. This mechanism deprives the family of the ability to fulfill key social roles and leads to the substitution of autonomous family units with direct state control. The theoretical model is refined through feminist critique and supported by contemporary empirical research. The article concludes by substantiating the need for targeted legal guarantees of family property as the foundation for the reproduction of social order.

Key words: family, property, social order, legitimacy, law (positive law), law (objective social law), family property, family functions, family as a subject of law, structural anomie, expropriation.

Сведения об авторе

Найденков Михаил Сергеевич, соискатель, Иркутский национальный исследовательский технический университет, e-mail: naydenov-1990@bk.ru

Naydenov Mikhail Sergeevich, applicant, Irkutsk National Research Technical University, e-mail: naydenov-1990@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕДАГОГИКА»

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена потребностью современного поликультурного общества в учителях, способных работать в условиях этнического разнообразия и транслировать традиционные ценности межнационального согласия обучающимся. В статье рассматривается проблема формирования этнической толерантности как значимой профессионально-личностной характеристики будущего учителя. Цель работы — теоретическое обоснование и раскрытие потенциала дисциплины «Педагогика» в процессе формирования этнической толерантности студентов. На основе анализа психолого-педагогической литературы уточнены сущность и структура понятия «этническая толерантность», определены ее критерии (когнитивный, аффективный, конативный) и уровни сформированности. Особое внимание уделено педагогическим условиям, реализуемым в рамках аудиторной и внеаудиторной работы по педагогике: применение интерактивных технологий (дискуссии, тренинги, кейс-стади), актуализация этнокультурного содержания образования, организация научно-исследовательской деятельности студентов. Представлена авторская модель поэтапного формирования исследуемого качества, включающая мотивационно-ценностный, содержательно-процессуальный и рефлексивно-оценочный этапы. Делается вывод о том, что целенаправленная работа в рамках дисциплины «Педагогика» способствует не только росту показателей этнической толерантности, но и становлению общекультурных и профессиональных компетенций будущих педагогов.

Ключевые слова: этническая толерантность, поликультурное образование, студенты педагогического вуза, профессиональная подготовка, дисциплина «Педагогика», педагогические условия, интерактивные методы обучения, этнокультурная компетентность.

Современная Россия представляет собой уникальное полиэтническое и поликонфессиональное пространство, где проживает более 190 народов. В этих условиях система образования становится ключевым институтом, обеспечивающим не только трансляцию знаний, но и формирование у подрастающего поколения способности к межкультурному диалогу, уважению к иным традициям и ценностям. Особое место в решении этой задачи отводится учителю, взаимодействующему с детьми и их семьями, принадлежащими к разным этносам. По мнению А.К. Лукиной, ключевым условием формирования толерантных взаимоотношений в школьной среде является именно специальная подготовка педагогов [3, с. 45].

Анализ научной литературы свидетельствует о росте интереса исследователей к проблеме этнической толерантности. Значительный вклад в ее разработку внесли как зарубежные (Б. Барбер, Дж. Берри), так и отечественные ученые (А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова, В. А. Лекторский, Н. М. Лебедева). Исследователи рассматривают толерантность как сложное личностное качество, включающее уважение прав и достоинства других людей, принятие культурных различий, готовность к сотрудничеству и отказ от доминирования и насилия [1, с. 12]. Применительно к образовательной среде, этническая толерантность будущего педагога выступает не просто как абстрактная ценность, а как необходимое условие его эффективной профессиональной деятельности в поликультурном классе.

Несмотря на наличие обширного теоретического базиса, проблема формирования этнической толерантности у студентов педагогических специальностей остается недостаточно разработанной. Часто этнокультурный компонент вводится в учебные планы фрагментарно, в рамках отдельных дисциплин, таких, как «Этнопедагогика» или «Культурология». Однако базовый курс «Педагогика», являясь системообразующим в структуре подготовки учителя,

обладает значительным, не в полной мере реализованным потенциалом в решении данной задачи. Цель данной статьи — выявить и обосновать педагогические условия, представить модель формирования этнической толерантности студентов педвузов в процессе освоения дисциплины «Педагогика».

Теоретико-методологическую основу исследования составляют: *личностно-ориентированный подход* (признание студента субъектом образовательного процесса, развитие его личностных качеств); *компетентностный подход* (формирование этнической толерантности как компонента общекультурной и профессиональной компетенции педагога); *культурологический подход* (рассмотрение образования как процесса приобщения личности к культурным ценностям, в том числе, этническим); *принципы поликультурного образования* (идеи диалога культур, плюрализма, учет культурных различий).

Для решения поставленных задач использовались методы исследования: анализ философской, психолого-педагогической литературы; изучение и обобщение педагогического опыта; моделирование; анализ нормативных документов высшего образования.

В современной науке этническая толерантность понимается как сложное социально-психологическое и педагогическое явление. Н. Г. Арзамасцева определяет этническую толерантность как «плюрализм этнических взглядов и позитивных этногуманистических образов, выражающих объективное отношение к человеку вне зависимости от его национальной, расовой принадлежности и индивидуальных особенностей» [10, с. 56]. Исследователь М. Н. Рамазанова выделяет в ее содержании два взаимосвязанных аспекта: с одной стороны, это развитая этническая идентичность, интерес к собственной культуре, языку, истории (что предотвращает формирование национального нигилизма); с другой — уважительное отношение и позитивное поведение по отношению к культурам других этносов, готовность к дружбе и сотрудничеству с их представителями [10, с. 57]. Анализ литературы позволяет выделить три основных компонента этнической толерантности:

1. *Когнитивный компонент*: система знаний о многообразии этнических культур, об истории и традициях народов, проживающих в регионе и стране; понимание принципов равенства; знание своих прав и прав других людей, независимо от этнической принадлежности [10, с. 58].

2. *Аффективный (эмоциональный) компонент*: эмпатия, эмоциональная отзывчивость по отношению к представителям иных этносов; интерес к их культуре; низкий уровень тревожности и враждебности в межкультурных контактах; позитивное принятие культурных различий.

3. *Конативный (поведенческий) компонент*: владение конкретными навыками и моделями поведения в ситуациях межкультурного взаимодействия; умение строить диалог, сотрудничать, разрешать конфликты конструктивными способами; стремление к совместной деятельности с людьми разных национальностей [10, с. 58].

Эти компоненты тесно взаимосвязаны. Недостаточно просто знать о существовании разных культур (*когнитивный компонент*), необходимо сформировать к ним позитивное отношение (*аффективный*) и выстраивать на этой основе продуктивное взаимодействие (*поведенческий*). Дисциплина «Педагогика» занимает центральное место в профессиональной подготовке учителя. Ее содержание не ограничивается трансляцией теоретических знаний о закономерностях обучения и воспитания. Данный курс призван формировать педагогическое мышление, ценностные ориентации будущего учителя, его готовность решать реальные профессиональные задачи. Это создает уникальную возможность для интеграции проблематики этнической толерантности в ткань профессиональной подготовки.

Потенциал дисциплины может быть реализован по нескольким направлениям:

1. *Содержательное наполнение лекционного материала*. При изучении таких тем, как «Воспитание в структуре целостного педагогического процесса», «Принципы воспитания», «Содержание образования», «Методы обучения и воспитания», необходимо акцентировать внимание на поликультурном аспекте. Студенты должны усвоить, что учет этнокультурных особенностей учащихся является неотъемлемой частью профессиональной компетентности современного учителя.

2. *Использование активных и интерактивных методов обучения.* По мнению С. С. Великановой, эффективность развития межэтнической толерантности напрямую связана с применением в учебном процессе активных дидактических форм и интерактивных методов обучения [1, с. 102]. На семинарских и практических занятиях по педагогике целесообразно использовать:

- *дискуссии и дебаты* по проблемам миграции, адаптации детей-инофонов в школе, границам толерантности, роли национальных традиций в воспитании;
- *анализ педагогических ситуаций (кейс-стади)*, в основе которых лежат конфликты на этнической почве в школьной среде. Задача студентов — проанализировать причины конфликта и предложить педагогически целесообразные пути его решения;
- *деловые и ролевые игры*, моделирующие взаимодействие учителя с полиэтническим коллективом учащихся и их родителей;
- *тренинговые упражнения*, направленные на развитие эмпатии, навыков эффективной коммуникации, преодоление стереотипов.

3. *Организация научно-исследовательской работы студентов (НИРС).* Вовлечение студентов в исследовательскую деятельность по проблемам поликультурного образования является еще одним важным педагогическим условием [1, с. 103]. Это может быть подготовка курсовых и выпускных квалификационных работ на темы, связанные с изучением уровня толерантности школьников, анализом опыта работы учителей в полиэтнических классах, разработкой сценариев внеклассных мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений.

4. *Модель формирования этнической толерантности студентов в процессе изучения педагогики.* Опираясь на работы Н. Г. Арзамасцевой, предлагающие трехуровневую модель развития этнической толерантности [5, с. 54], и дополняя ее с учетом специфики дисциплины «Педагогика», можно представить следующий поэтапный процесс:

1 этап — Мотивационно-ценностный (подготовительный), целью которого является создание положительной мотивации к изучению этнокультурного многообразия, актуализация личного опыта межэтнического общения студентов, диагностика исходного уровня толерантности. На данном этапе уместно проведение входного анкетирования, использование методик на самооценку (например, экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдаковой). В лекционном курсе акцент делается на раскрытии значимости ценностей толерантности для жизни в поликультурном обществе и для будущей профессиональной деятельности. Студентам предлагаются рефлексивные задания: «Моя этническая идентичность», «Мои впечатления от встречи с другой культурой».

2 этап — содержательно-процессуальный (практический), является основным и направлен на формирование когнитивного и поведенческого компонентов этнической толерантности. Реализуется через:

- углубленное изучение теоретического материала о поликультурности, этнопедагогике, технологиях работы в гетерогенной среде;
- активное внедрение интерактивных методов обучения на семинарах. Например, проведение Круглого стола на тему «Воспитание толерантности у школьников: проблемы и перспективы» или мастер-класса «Народные игры как средство сплочения детского коллектива»;
- выполнение исследовательских и проектных заданий: разработка фрагмента урока или внеклассного мероприятия с этнокультурным компонентом; создание мини-проекта «Мой поликультурный класс»; подбор и анализ диагностических методик для изучения межэтнических отношений в школе;
- важным условием успешности этапа является организация межличностного взаимодействия студентов разных национальностей при выполнении совместных учебных заданий [1, с. 103].

3 этап — рефлексивно-оценочный, целью которого является осмысление студентами произошедших изменений в собственных установках и поведении, формирование готовности к саморазвитию. На этом этапе используются такие формы работы, как написание эссе («Пе-

дагог в поликультурном мире», «Моя формула толерантности»), групповая рефлексия после проведенных деловых игр, защита проектов. Проводится повторная диагностика, позволяющая оценить динамику сформированности этнической толерантности. Итогом данного этапа должно стать осознание студентом необходимости целенаправленной работы над развитием собственной этнокультурной компетентности на протяжении всей профессиональной карьеры.

Эффективность предложенной модели может оцениваться с помощью критериев, соответствующих компонентам этнической толерантности:

- полнота и системность знаний (*когнитивный критерий*): знание студентом основ поликультурного образования, особенностей разных этнических культур, нормативно-правовой базы, регулирующей межэтнические отношения;

- эмоционально-оценочное отношение (*аффективный критерий*): отсутствие или низкий уровень этнических предрассудков и стереотипов, позитивное отношение к культурному многообразию, эмпатия. Данный критерий выявляется с помощью психологических опросников и шкал [1, с. 104];

- готовность и способность к взаимодействию (*конативный критерий*): владение конструктивными стратегиями поведения в ситуациях межэтнического взаимодействия, умение организовывать совместную деятельность с людьми разных культур, готовность транслировать ценности толерантности своим будущим ученикам [3, с. 44].

Результаты опытно-экспериментальной работы с участием 120 студентов, подтвердили эффективность реализации комплекса представленных педагогических условий: значительно повысился уровень межэтнической толерантности будущих педагогов [1, с. 105].

Формирование этнической толерантности студентов педагогических вузов является необходимым компонентом их профессиональной подготовки, отвечающей реалиям современного поликультурного общества. Дисциплина «Педагогика» обладает важнейшим, но не всегда в полной мере используемым потенциалом для решения этой задачи.

Интеграция этнокультурной проблематики в содержание лекционных курсов, системное применение интерактивных методов обучения (дискуссий, кейс-стади, тренингов, деловых игр), организация научно-исследовательской работы студентов, направленной на изучение межэтнических отношений в образовательной среде, составляет необходимый комплекс педагогических условий. Реализация поэтапной модели (*мотивационно-ценностный, содержательно-процессуальный и рефлексивно-оценочный этапы*) позволяет обеспечить целостность процесса и достичь устойчивых позитивных изменений в структуре личности будущего учителя.

Литература

1. Великанова С. С. Межэтническая толерантность и способы ее развития у студентов педагогических специальностей в высшем учебном заведении // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1. Психологические и педагогические науки. 2025. № 2. С. 100–108.

2. Касенова Н. Н. Формирование культуры межнационального общения у будущих педагогических работников в процессе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе: учебно-методическое пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. 109 с.

3. Лукина А. К. Формирование толерантности субъектов образовательного процесса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 1(166). С. 43–46.

4. Палиева Т. В. Подготовка будущих педагогов к реализации гражданского, патриотического и поликультурного воспитания подрастающего поколения // Сормовские чтения-2025: научно-образовательное пространство, реалии и перспективы повышения качества образования: материалы международной научно-практической конференции. Чебоксары: Среда, 2025. С. 120–125.

5. Развитие этнической толерантности студентов в процессе обучения в вузе / Н. Г. Арзамасцева [и др.] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 54–54. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12215> (дата обращения: 18.02.2026).

6. Рамазанова М. М. Формирование этнической толерантности в образовательном процессе как средство против воздействия национальному экстремизму // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: материалы всероссийской науч.-практической конференции / под ред. А. Н-З. Дибирова, М. Я. Яхьяева. Махачкала: Лотос, 2008. С. 485–487.

7. Собкин В. С. Социология образования: беседы, технологии, методы: труды по социологии образования. Москва: Изд-во Центра социологии образования РАО, 2006. Т. XI, вып. XVIII. 223 с.

8. Хотинцев В. Ю. Этническая идентичность и толерантность: учебное пособие для вузов. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 121 с.

9. Федорова С. Н. Системный подход к этнокультурологической подготовке будущих педагогов: монография. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2008. 436 с.

10. Арзамасцева Н. Г. Формирование этнической толерантности студентов в процессе обучения в вузе // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 1. С. 54–58.

FORMATION OF ETHNIC TOLERANCE AMONG STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES IN THE PROCESS OF STUDYING THE DISCIPLINE «PEDAGOGY»

Abstract. The relevance of the research is due to the need of modern multicultural society for teachers capable of working effectively in conditions of ethnic diversity and transmitting the values of interethnic harmony to the younger generation. The article examines the problem of forming ethnic tolerance as a significant professional and personal characteristic of a future teacher. The purpose of the work is to provide theoretical substantiation and reveal the methodological potential of the discipline «Pedagogy» in the process of forming students' ethnic tolerance. Based on the analysis of psychological and pedagogical literature, the essence and structure of the concept of «ethnic tolerance» are clarified, its criteria (cognitive, affective, conative) and levels of formation are determined. Special attention is paid to pedagogical conditions implemented within the framework of classroom and extracurricular work in pedagogy: the use of interactive technologies (discussions, trainings, case studies), updating the ethnocultural content of education, organizing students' research activities. The author's model of step-by-step formation of the studied quality is presented, including motivational-value, content-procedural and reflexive-evaluative stages. It is concluded that purposeful work within the discipline «Pedagogy» contributes not only to an increase in indicators of ethnic tolerance, but also to the formation of general cultural and professional competencies of future teachers.

Keywords: ethnic tolerance, multicultural education, students of pedagogical university, professional training, discipline «Pedagogy», pedagogical conditions, interactive teaching methods, ethnocultural competence.

Сведения об авторе

Сулейманова Раиса Валиабдуллаевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, e-mail: valiraya_9@mail.ru

Suleimanova Raisa Valiabdullaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy, Rasul Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, e-mail: valiraya_9@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Методология анализа трансформационных процессов	3
Смирнов А. Е. О трансформациях субъективности в эпоху позднего капитализма	8
Иванкина Л. И., Аникина Е. А. Институционализация успеха в современном обществе	15
Молчанов А. А. Гражданская активность молодежи в условиях социально-политической мобилизации: к постановке проблемы	19
Перепечай П. Э. Престиж профессий и миграционные установки молодежи Хабаровского края	24
Шапошников Г. М. Социально-экономические процессы, протекающие в хакасском аале с начала перестройки и до настоящего времени	29
Гельман В. А. Региональные аспекты развития предпринимательства в Республике Бурятия	32
Бадмаева Д. Г. Роль предпринимательства в трансформации современного общества	37
Ли Ян. Вызовы и пути развития системной социальной трансформации в Китае и России	41
Ван Хунминь. Возникновение и смягчение тревожности среди молодежи в Китае в период цифровой социальной трансформации	44
Ренкас А. Д., Марков С. М. Травмированное общество и социальные признаки его болезни: философский анализ патологий	47
Цзоу Сунмин. Маргинализация и сопротивление: проблемы пожилых людей в условиях современной социальной трансформации	52
Саклаков Р. С. Проблема субъекта власти в философских концепциях Донны Харауэй и Розы Брайдотти	56
Ян Линь. Модернизация историко-философского знания: эпистемологическая реконструкция в контексте трансформации социальных систем	60

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Головацкий Е. В. Социально-политическое взаимодействие региональных пользователей в «реальном» и сетевом полях	64
Башкеева В. В. Человек как объект манипуляции в когнитивной войне	70
Крайнов А. Л. Влияние информационного общества на жизненное пространство человека	75
Трифорова Т. Л. Философские аспекты постчеловеческого будущего: переосмысление сущности человека в эпоху искусственного интеллекта	78
Корягин В. В., Корягина И. А. Перспективы исследования закономерностей развития человека как информационного субъекта	83
Субракова Л. К. Искусственный интеллект как фактор гендерного разрыва	88
Васенкин А. В. Субъект в пространстве постинформационного общества	91
Душинина А. К. Искусственный интеллект в обучении и повышении квалификации медицинских сестер	96
Ван Хунминь. Цифровая маска, цифровая общность и идентичность: три вариации социальной коммуникации в цифровую эпоху	99
Кисель И. А. Цифровой имидж личности как способ репрезентации поколенческой идентичности в современной медиакультуре	102
Меренков А. А. PR-текст в эпоху генеративного ИИ: культурологический аспект трансформации публичной PR-коммуникации	107
Чжао Цянь. Исследование трансформации отношений между преподавателями и студентами в учреждениях среднего профессионального образования Китая в контексте цифровизации образования	112

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Захарова Е. Ю., Калинин Д. Н. Этносоциальная идентичность в системе механизмов реализации культурной политики России	117
---	-----

Истомина О. Б. Единство в многообразии как социально-философское основание национальной политики России	122
Пустовалова В. В. Федеральная инновационная площадка РАО «Инновационная межпредметная модель организации экологического образования в условиях единого образовательного пространства ФГОС ОО»: разработка сценариев экокалендаря детского сада на основе «зеленой аксиомы»	127
Жапова Н. А. Образование в эпоху кризиса ценностей: социально-философский анализ	133
Коротков Е. С. Управленческий потенциал студенческого волонтерства в системе социокультурного развития общества	137
Трифорова Г. П. Государственная политика в сфере туризма как механизм сохранения традиционных ценностей в России	140
Тун Юй. Экологическая модернизация в условиях цифровой трансформации: институты, технологии и легитимность «зеленой» повестки	144
Хандархаева В. В. Жэньвэнь, стратагемность и «мягкая сила» в системе сохранения национально-культурной идентичности Китая	148

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ

Канатъева Н. С. Трансформация религиозного поля в России и в мире	153
Коломыц Д. М., Коломыц О. Г., Трапш С. Г. Христианство и антихристианство в концепции глобализма	157
Нятин Н. В. Социально-политическая активность молодежи в «зеркале» межпоколенческого анализа	164
Фархитдинова О. М. Трансформация религиозного поля в России и в мире: идеи, стратегии, смыслы	168
Багаева К. А. Положение нетрадиционных религиозных организаций в современном российском обществе	171
Матанцев А. О. Социальная ответственность сангхи как коллективного нравственного субъекта: опыт современного российского буддизма	174
Бальчинова А. Ю. Теория религиозной адаптации — китайская модель отношений государства и религии	178

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИИ И В МИРЕ

Серебрякова З. А. Воспроизведение традиций и традиционных ценностей в литературе Бурятии	182
Бальчиндоржива О. Б. Патриотизм в системе традиционных ценностей китайского общества	186
Иванова Ю. В. Современное изобразительное искусство в условиях общественных перемен: перформативные стратегии и новые модели взаимодействия со зрителем	189
Чимитова И. З. Роль ценностей буддизма в становлении межэтнического согласия в Байкальской Азии	195
Гайдай М. К., Кузнецов А. А. Деонтологические проблемы профессиональной этики прокурорских работников	200
Макарова И. А. Ценностные ориентации выпускника колледжа	204
Марков С. М. Кока синто — мифоидеология императорской власти Японии: история и трансформация традиционных ценностей синто	207
Гордеева И. В. Ознакомление с традиционной этнокультурой малочисленных народов Урала (на примере манси) как одно из направлений развития регионального туризма	212
Ыпышова Н. У., Ташиева Н. С., Дуйшобаева Ж. А., Зулумбекова М. О. Лингвокультурные маркеры счастья и любви через эвфемизмы и табу в кыргызском и английском языках	217
Ван Лу. Представление традиционных китайских ценностей в произведениях Тан Дуня на примере «Водной музыки: страсть» и «сострадания»	221
Дашиинимаев Г. Ю. Север как месторазвитие: к реконструкции понятия в евразийской философии пространства	225

Петрова Н. В. Диалектика межкультурного взаимодействия и сохранения традиций на примере Республики Бурятия	228
Окладников Н. А. Этническая идентичность как ресурс арт-туризма: трансформация декоративно-прикладного искусства Забайкалья в условиях глобализации	232
Чжан Сяо. Сравнительное исследование отражения традиционных ценностей и культурной самобытности в изображениях на официальных выставках Китая и России	236
Кривогорницына А. В. Традиционные ценности как основа формирования патриотической позиции младших подростков	242
Чжан Шань. Отражение традиционных русских ценностей в музыке эмигрантов	247
Сиденко А. А. Соборность в эпоху гиперреальности: от ценностной мимикрии к экологии культуры	251

СЕМЬЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Лукина А. К., Агеев А. А., Медведева А. Н. Профилактика социального сиротства в условиях семейного многофункционального центра	255
Виноградова Н. И., Ходюкова Т. А. Проблемы здоровьесберегающей социализации современных детей	260
Баранова Н. С. Доверие родителей к школе с низкими результатами обучения (на материалах Иркутской области)	265
Дзамыхова М. Т., Мухидинов М. Г., Чагдурова Э. Д. Кризис семьи в современной России (на примере республик Северного Кавказа и Бурятии)	270
Рубан Л. А. Коммуникативная компетенция в современном обществе	275
Найденов М. С. Семья как основание закона в социальном порядке	279
Сулейманова Р. В. Формирование этнической толерантности студентов педагогических вузов в процессе изучения дисциплины «Педагогика»	287

Научное издание

ОБЩЕСТВО В ФОКУСЕ ПЕРЕМЕН: СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Материалы всероссийской научной конференции

(Улан-Удэ, 1–3 июля 2026 г.)

Редактор О. Б. Бальчиндоржиева
Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 30.06.2026. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 34,18. Уч.-изд. л. 24,52. Заказ 101.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
rio@bsu.ru